

КОРИЧНЕВЫЕ ТЕНИ В ПОЛЕСЬЕ

Белоруссия 1941–1945

XX военные
тайны
века

О.В. РОМАНЬКО

XX *военные
тайны
века*

О.В. Романько

КОРИЧНЕВЫЕ
ТЕНИ
В ПОЛЕСЬЕ.
БЕЛОРУССИЯ
1941—1945

Москва
«Вече»
2008

ББК 63.3(2)622

Р69

Романько О.В.

Р69 Коричневые тени в Полесье. Белоруссия 1941—1945 /
О.В. Романько. — М. : Вече, 2008. — 432 с. : ил. — (Воен-
ные тайны XX века).

ISBN 978-5-9533-1909-6

Подготовка белорусских коллаборационистов Третьим рейхом началась во второй половине 1930-х годов, когда при Министерстве внутренних дел Германии было создано Белорусское представительство. Вместе с наступающими частями немецкой армии в Белоруссию прибыли основные деятели белорусского националистического движения из эмиграции. В первый период войны деятельность коллаборационистов сводилась в основном к работе неполитических структур. Только 23 февраля 1944 года был издан приказ о создании Белорусской краевой обороны — военного формирования, которое к марту 1944 года уже имело в своем составе 45 батальонов.

В книге впервые, с привлечением обширного архивного материала, излагается история белорусского коллаборационизма, подробно рассказывается о его руководителях и вдохновителях, активно сотрудничавших с немецкими оккупационными властями.

ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-9533-1909-6

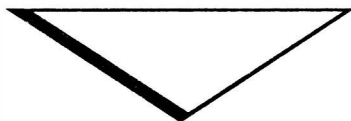
© Романько О.В., 2008

© ООО «Издательский дом «Вече», 2008

...Я клянусь, что скорее отдам свою жизнь, чем допущу, чтобы моя жена и дети, родители и сестры и весь белорусский народ снова терпели большевистские издевательства и неволю...

*Из присяги солдат Белорусской
краевой обороны*

ОТ АВТОРА

«Партизанская республика»... Если спросить любого человека, который получил школьное образование в Советском Союзе, о чем идет речь, то он, вне всякого сомнения, ответит, что речь идет о Белоруссии. Да, именно так это, независимое ныне государство, еще недавно определялось во всех работах, посвященных Великой Отечественной войне. В этом названии отразилось все: и прекрасные условия для «малой войны», и количество партизанских отрядов, и героизм «народных мстителей» в их борьбе против немецких оккупантов. Однако, и внимательный читатель не мог этого не понимать, дело было не только в партизанах. Давая Белоруссии такое название, историки и публицисты как бы подразумевали, что всё, без исключения, население этой республики либо было «народными мстителями», либо сочувствовало им. Без сомнения, фактически так оно и было. Но, и это сейчас уже не является секретом, были и те, кто вполне искренне мог произносить слова, взятые эпиграфом данной работы, то есть идти на сотрудничество с врагом во имя каких-то своих целей.

В научной литературе деятельность этих лиц определяется одним словом — коллаборационизм. Надо ли говорить об актуальности этой проблемы? На наш взгляд, она несомненна. И не только с чисто академической точки зрения. Многие общественно-политические «вызовы» современности, на которые вынуждено

«отвечать» все наше постсоветское общество, уходят своими корнями именно в годы Второй мировой войны и связаны именно с проблемой коллаборационизма. Более того, эти «вызовы» не просто связаны с ней, а являются прямым следствием тех неоднозначных и трагических событий, когда более миллиона советских граждан разных национальностей встали в ряды германской армии и сражались против своих соотечественников до самых последних залпов войны.

Советская историография трактовала выбор коллаборационистов однозначно отрицательно. Что ж, такая позиция, конечно, не давала возможности даже приблизиться к объективному пониманию этой проблемы. Тем не менее, как это ни парадоксально, на то были свои причины. Как сейчас известно, большинство коллаборационистских проявлений было густо замешано на проявлениях национализма и русофобии. И это другая сторона проблемы сотрудничества советских граждан с военно-политическими структурами Третьего рейха. Кто-то делал это, исходя из социальных и антикоммунистических мотивов, а кто-то — руководствуясь мифами своей националистической идеологии.

Сейчас трудно сказать, что в тех условиях было лучше: замалчивать или всесторонне обсуждать эту болезненную тему? Фактом остается только то, и все мы тому свидетели, что в непростых социально-политических условиях, сложившихся после распада Советского Союза, националистическая подоплека коллаборационизма проявилась полностью. Во многом это было связано с так называемым национальным возрождением в бывших советских республиках. Зачастую этот процесс сводился к пересалке на постсоветскую почву тех идей, которые духовные предшественники нынешнего поколения националистов выработали до Второй мировой войны, а уже развили и попытались реализовать при содействии нацистов. И как бы дико это ни прозвучало, по целому ряду причин, главными из которых были «борьба с коммунизмом и русским империализмом», большинство коллаборационистов были объявлены национальными героями. Так, например, произошло во всех республиках Прибалтики. Кое-где, как, например, на Украине, вопрос об их признании таковыми был поставлен на повестку дня, но благодаря

сопротивлению большинства населения так и не сдвинулся с «мертвой точки». Чем все это можно объяснить? Скорее всего, короткой историей государственности этих народов, когда в ее «актив» записывается любое событие, даже самого сомнительного характера. С подобной точкой зрения можно соглашаться или нет, однако и не замечать ее тоже не стоит. И события так называемой «оранжевой революции», которая не так давно произошла на родине автора, яркое тому подтверждение.

В целом все сказанное касается и белорусских коллаборационистов. Нельзя сказать, что эта проблема была «обойдена вниманием» исследователей и не нашла своего отражения в историографии Второй мировой войны. И хотя интерес к ней значительно уступает интересу, например, к украинскому национализму и коллаборационизму, вопросы, связанные с их белорусской разновидностью, затрагивали в своих работах и советские, и зарубежные, и эмигрантские авторы. Однако, пытаясь в меру своих возможностей и взглядов быть объективными, все они не смогли избежать одной и той же, но разнонаправленной тенденции: либо принизить роль белорусских коллаборационистов, низведя их до уровня обычных предателей, либо поднять эту роль до таких высот, какой она не мыслилась даже этим коллаборационистам. Как обычно, истина лежит где-то посередине.

Разумеется, ни автор, ни его исследование не претендуют на эту истину. Как ни парадоксально прозвучит, но, даже опираясь на самые редчайшие и достоверные документы, трудно быть объективистом. «Чем же тогда является эта книга?» — спросит читатель. Скорее, это своего рода приглашение к дальнейшему конструктивному обсуждению поставленных вопросов, к дискуссии, какой бы острой она ни была. Тем не менее автор надеется, что его книга станет еще одним, пусть небольшим, но шагом к пониманию такой болезненной, сложной и многогранной проблемы, какой и по сей день еще является проблема коллаборационизма.

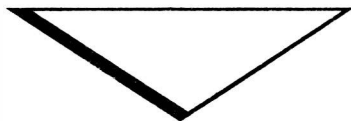
Автор выражает глубокую признательность всем тем, кто любезно согласился предоставить свои материалы и помощь для подготовки данной работы. Прежде всего мне хотелось бы по-

благодарить Антонио Муньоса (Нью-Йорк, США), без всесторонней поддержки которого этот проект был бы вряд ли осуществим. Кроме него большая помощь была оказана со стороны следующих лиц: Эдгар Бюттнер (Фрайбург, Германия), Джордж Нэйфziger (Уэст-Честер, Огайо, США), Самуэль Митчем (Монро, Луизиана, США) и, к сожалению, ныне покойный доктор Иоахим Хоффманн (Эбринген, Германия).

Отдельную большую благодарность автор выражает всем сотрудникам Государственного архива Автономной Республики Крым (Симферополь, Украина), Национального архива Республики Беларусь (Минск, Беларусь), Белорусского Государственного архива кино-, фото- и фонодокументов (Дзержинск, Беларусь) и Федерального военного архива ФРГ (Фрайбург, Германия), которые оказали неоценимую помощь в подборе документов и материалов для этой книги.

*Романько О.В., кандидат исторических наук,
Симферополь, Крым, сентябрь, 2007 года*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ: КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМ И ПОЛИТИКА ГЕРМАНСКОГО РУКОВОДСТВА В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Осмысление такого сложного общественно-политического явления Второй мировой войны, как коллаборационизм, невозможно без понимания того, какую роль в своей политике отводило ему германское руководство.

Классик немецкой военной мысли Карл фон Клаузевиц писал: «Война в человеческом обществе... есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, проведение их другими средствами»¹.

Следовательно, военные события являются производными и зависят от событий политических. Это нельзя не учитывать и при рассмотрении вопроса о создании и использовании белорусских добровольческих формирований в составе германских вооруженных сил.

Процесс создания и использования любых иностранных добровольческих формирований напрямую зависел от внешней и оккупационной политики нацистской Германии. Они же, в свою очередь, находились под непосредственным воздействием тех изменений в германской национальной политике, которые происходили под влиянием на нее тех или иных органов власти нацистского государства. При этом наиболее тесная зависимость прослеживалась по линии «оккупационная политика — национальная политика», то есть изучать первую и все ее аспекты без учета второй попросту не представляется возможным. Внешняя же политика играла подчиненную роль, так как основным контингентом иностранных добровольцев были граждане именно оккупированных территорий и государств. В целом немецкая оккупационная политика зависела от следующих факторов:

- национального состава населения оккупированной территории;
- того, какие немецкие органы осуществляли оккупационную политику на данной территории;
- изменений на фронтах войны.

Как только менялся один из этих факторов, изменялась обычно и вся оккупационная политика, а ее руководители должны были пересматривать свои методы.

Главной задачей проведения любой оккупационной политики является обеспечение лояльности населения оккупированной территории. Этого можно добиться разными методами, одним из которых является привлечение его к сотрудничеству. В исторической литературе² эта политика нацистов получила название коллаборационизма, который не был однозначным явлением, а состоял из политической, экономической и военной модификаций³.

Военный коллаборационизм в данном случае — это и есть участие иностранных граждан в войне на стороне Германии в составе добровольческих формирований. Эта категория коллаборационизма была тесно связана и зависела от развития коллаборационизма политического, который заключался в сотрудничестве с оккупантами посредством участия в работе органов самоуправления при оккупационной администрации или в различных «национальных правительствах», «советах» и «комитетах», как на оккупированной территории, так и в самой Германии.

Исходя из методов и средств, использовавшихся немецкими оккупационными властями, а также согласно степени применения ими различных модификаций коллаборационизма, немецкую оккупационную политику на территории СССР можно разделить на два этапа.

Проводя оккупационную политику на первом этапе (июнь 1941 — декабрь 1942 года) немцы в качестве основного ее метода использовали террор и принуждение: пока вермахт одерживал на фронтах победы, а в тылу еще не развернулось мощное партизанское движение, союзники среди местного населения Гитлеру нужны не были. «Даже если в конкретных обстоятельствах окажется проще обратиться за военной помощью к каким-нибудь завоеван-

ным народам, — заявил он на одном из совещаний, — это будет ошибкой. Рано или поздно они обратят оружие против нас...»⁴.

Поэтому, привлечение населения к сотрудничеству было ограничено в целом следующими моментами: разрешением на очень урезанное самоуправление и культурную деятельность; использованием «хиви» (объяснение этого термина смотри ниже) или набором добровольцев в части вспомогательной полиции и некоторыми послаблениями в сфере торговли и землепользования.

Точка зрения Гитлера была доминирующей и отражала реальные воззрения большинства членов нацистской партии на проведение «восточной» политики⁵. С ней, разумеется, соглашались почти все, во всяком случае внешне. Однако, несмотря на всю тоталитарность немецкой идеологической машины, существовало, как минимум, еще четыре точки зрения, отличных от мнения Гитлера. В целом за основу был взят общий тезис: население оккупированных восточных областей надо активнее привлекать к сотрудничеству. Вся же разница этих точек зрения заключалась только в методах, средствах, масштабах и акцентах предполагаемого сотрудничества.

Первую из них назвать политически или идеологически обоснованной позицией довольно трудно. Скорее, эта точка зрения была вызвана к жизни сиюминутным стечением обстоятельств. Тем не менее не упомянуть ее нельзя, так как на низовом административном уровне роль свою она, безусловно, сыграла. Так, некоторые чиновники и офицеры военной оккупационной зоны полагали, что советские граждане станут лояльнее, если относиться к ним «по-джентльменски». Как правило, это были далекие от политики люди, убеждения которых базировались на опыте Первой мировой войны⁶.

Следующая точка зрения на «восточную» политику получила в историографии наименование «утилитаризма». От первой позиции она отличалась уже тем, что ее носителем была вполне обособленная (хотя и далеко не единая) группа лиц (как убежденных гитлеровцев, так и не принадлежащих к нацистской партии), которая предполагала действовать по определенной программе. Как

уже понятно из самого названия этой группы, идеологии и политики в ее действиях было чуть больше, чем у предыдущей. Главной же целью сторонников политики «утилитаризма» была максимальная польза, которую могла извлечь Германия из сотрудничества с местным населением. Интересно, что негласным лидером нацистского крыла «утилитаристов» являлся такой хитрый политик, как министр пропаганды и народного просвещения Третьего рейха доктор Йозеф Геббельс. В частности, он считал, что прежде всего надо усилить пропагандистскую обработку «восточных» народов, изъяв из нее все упоминания об их неполноценности, колониальном характере войны Германии против СССР и т.п. На место этих тезисов должны были быть поставлены туманные обещания свободы и независимости, но только в будущем, после окончания войны. Такие, например, указания содержатся в одном из документов его министерства, озаглавленном «О пропагандистской обработке европейских народов» и разосланном 15 февраля 1943 года всем высшим функционерам нацистской партии и местным руководителям пропаганды. В нем, в частности говорилось: «Нельзя называть восточные народы, ожидающие от нас освобождения, скотами, варварами и т.д. и в этом случае ждать от них заинтересованности в германской победе»⁷.

«Утилитаризм» доктора Геббельса был больше связан с психологической войной и не шел дальше обычных пропагандистских лозунгов. Тем более было неясно, как скоро такая политика принесет желаемые плоды. Однако у этой позиции было еще одно крыло — военное, адепты которого обращали внимание исключительно на практическую сторону сотрудничества с населением оккупированных советских территорий и советскими гражданами вообще. Прежде всего, ими были высшие офицеры германского вермахта, заинтересованные в как можно большей эффективности этого сотрудничества, причем в кратчайшие сроки. Так, наиболее масштабной акцией данной группы лиц стало привлечение советских военнопленных в ряды так называемых «добровольных помощников», или «хиви». Вот в целом и все их достижения. Остается добавить, что наиболее выдающимся выразителем этой точки зрения являлся генерал-квартирмейстер Генштаба сухопутных войск генерал-майор Эдуард Вагнер⁸.

И сторонники отношения к советскому населению «по-дженгльменски», и «утилитаристы» сыграли, конечно, свою определенную роль в возникновении и развитии коллаборационизма. Однако их значение не стоит преувеличивать. Во-первых, обе эти позиции были всего лишь модификациями (пусть и несколько неожиданными) гитлеровской политики и поэтому уже *априори* не рассматривали «восточные» народы как равноправных партнеров. Во-вторых, несмотря на то, что носителями этих точек зрения были весьма влиятельные и близкие к Гитлеру люди, их идеи так и остались на периферии «восточной» политики (скорее всего, именно из-за этой фатальной близости). В лучшем случае они выступали продолжением или составной частью двух следующих позиций, борьба между которыми и являлась определяющим моментом в сотрудничестве германского военно-политического руководства с советскими гражданами.

Носителями еще одной точки зрения был ряд офицеров вермахта среднего звена и немецкие политики и дипломаты «старой школы», которые считали, что «восточные» народы надо использовать самым активным образом, привлекая их как к военной, так и политической борьбе против большевизма. Они также считали, что с гражданами оккупированных советских территорий надо обходиться по-человечески, но дать им какую-нибудь реальную перспективу надо уже сейчас. Следует сказать, что многие из этих офицеров оказались замешанными в неудавшемся заговоре против Гитлера 20 июля 1944 года. Одним из проектов этой группы было так называемое власовское движение и Русская освободительная армия (РОА), в которых они видели не только инструменты в войне против СССР, но и будущих союзников ненацистской Германии.

Главным отличием этой группы от двух предыдущих было то, что особое внимание они уделяли национальному вопросу в «восточной» политике. Так, один из ее лидеров граф Клаус фон Штауффенберг считал, что прежде всего надо завоевать симпатии русского народа. Другие же народы СССР он считал полностью подчиненными русскому, а их национальные движения — слабыми и незначительными. По его мнению, они вряд ли могли бы стать серьезными союзниками Германии, а «все заигрывания с

ними могли только помешать союзу с русским народом, который очень болезненно относится к территориальной целостности своего государства»⁹.

Во многом благодаря усилиям этой группы, которая пользовалась определенной поддержкой в Верховном командовании вермахта (ОКВ), 6 июня 1941 года был составлен документ «Указания по применению пропаганды по варианту “Барбаросса”». Интересно, что в этом, сугубо специальном документе, наряду с тем, что «противниками Германии являются не народы Советского Союза, а исключительно еврейско-большевистское советское правительство», было подчеркнуто, что «пока не следует вести пропаганды, направленной на расчленение СССР на отдельные государства»¹⁰.

Главный теоретик нацизма и эксперт по внешнеполитическим вопросам *рейхслайтер* Альфред Розенберг так не считал. Как и все предыдущие, он имел свою точку зрения на «восточную» политику. В принципе, она не отличалась от мнения Гитлера, который полагал, что восточные территории являются жизненным пространством германской нации. Поэтому перед ней стоят только три задачи: захватить, управлять и эксплуатировать их. Розенберг соглашался с этой генеральной линией, но считал, что достигнуть этой цели можно только при условии тесного сотрудничества с населением. В его взглядах причудливо переплетались тезисы предыдущих групп. Он также считал, что с местным населением надо обращаться «по-джентльменски», много ему обещать и привлекать его к активной политической и вооруженной борьбе. Однако главное отличие его точки зрения заключалось в том, что все эти блага должны были распространяться только на нерусские народы СССР (особенно на украинцев). То есть, в отличие от оппозиционно настроенных офицеров вермахта, он считал, что опираться надо именно на национальные движения, которые традиционно не любят русских и коммунистическую власть, как продолжение русского империализма. В теории все выглядело довольно привлекательно, так как выполнялась главная цель «восточной» политики — уничтожить СССР путем использования внутренних противоречий. Однако главной бедой Розенберга было то, что он не имел серьезного политического веса

в глазах лидеров нацистской партии. Более того, его зачастую не слушали даже его подчиненные. И сторонников проведения своей точки зрения Розенберг имел значительно меньше, чем антигитлеровские оппозиционеры. Тем не менее его теории вполне успешно конкурировали с идеями фон Штауффенберга, поскольку даже среди откровенных противников рейхсляйтера было достаточно русофобов¹¹.

Как видно, германское военно-политическое руководство не имело единой точки зрения на «восточную» политику вообще и на коллаборационизм, как один из методов ее проведения, в частности. Представители каждой из указанных групп считали себя ее главными творцами и проводниками, а свою точку зрения — единственно верной. Не было у них и какой-либо единой концепции национальной политики. Это соперничество сохранится до конца войны и, естественно, наложит свой отпечаток на процесс создания и использования «восточных» добровольческих формирований. Позднее к ним присоединится еще один человек, претендующий на монополию в этом вопросе, — рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер. Однако это будет гораздо позже. Пока же, после краха надежд на молниеносную войну, необходимо было предпринять какие-нибудь шаги для выработки общей концепции, хотя бы временной.

18 декабря 1942 года, накануне Сталинградской катастрофы, в Берлине состоялась конференция представителей нацистского военно-политического руководства, отвечавших за проведение «восточной» политики. Основной темой конференции был вопрос о возможности более широкого привлечения советского населения к сотрудничеству с немцами. Целым рядом мер предполагалось обеспечить вермахт пополнением, увеличить отряды по борьбе с партизанами и решить вопрос с нехваткой рабочей силы в самой Германии. Вывод, сделанный на конференции, — пишет английский историк Аллан Буллок, — «был выражен двумя предложениями: сложность создавшегося положения делает настоящим позитивное сотрудничество населения. Россия может быть сокрушена только русскими»¹².

В данном случае под русскими подразумевались все народы Советского Союза.

Исходя из этих установок, нацисты были вынуждены провести некоторые «реформы» в своей оккупационной политике на территории СССР. В целом они были сведены к следующим моментам:

- населению оккупированных территорий давалась какая-нибудь «политическая цель» (иногда вплоть до обещания независимости) и делались определенные уступки в обращении с ним. Обычно эта цель заключалась в разрешении на ограниченное участие в решении управленческих и административных вопросов¹³;

- политическим лидерам того или иного национального движения, которые считали себя союзниками Германии, обещалось создание собственных вооруженных сил. Первое время они должны были находиться под немецким контролем, а со временем, перейти под национальное командование¹⁴;

- в качестве действенного стимула при создании подобных «вооруженных сил» всем, вступившим в них, обещались всяческие льготы и привилегии экономического характера: начиная от денежного вознаграждения и заканчивая наделением земельными участками семей добровольцев¹⁵.

Обещание создать «национальные вооруженные силы» было одним из ключевых моментов на втором этапе проведения немецкой оккупационной политики. И если немцы преследовали здесь уже чисто военные цели, лишь слегка прикрывая их политическими, то лидеры национальных движений имели иную точку зрения:

- думая, что Германия выйдет ослабленной из войны, они надеялись использовать свои вооруженные силы как инструмент давления на нее и

- если Германия в конце концов уйдет с территории их государств, использовать их как орудие борьбы со своими политическими противниками.

Планируя создание подобных вооруженных сил, немцы обещали лидерам национальных движений включить в них все добровольческие формирования, укомплектованные представителями данного народа. Однако в военно-политической обстановке тех дней это было не так легко сделать.

Следует отметить, что соперничество различных группировок в немецком военно-политическом руководстве за влияние на национальные движения наложило свой отпечаток и на взаимоотношения их лидеров. Например, те, кого поддерживал Розенберг, отказывались сотрудничать с теми, за кем стоял Гиммлер. Наиболее отчетливо это проявилось в истории с созданием Комитета освобождения народов России (КОНР). Националы попросту отказались сотрудничать с его лидером генералом Андреем Власовым¹⁶ на том основании, что это «очередная русская затея». Эта борьба продолжалась вплоть до капитуляции Германии и явилась причиной того, что немцы так и не смогли создать «единый антибольшевистский фронт народов»¹⁷.

Иностранные добровольческие формирования, несмотря на, своего рода уникальность, не были, как таковые, отдельной категорией германских вооруженных сил. В целом процесс их создания зависел от тех же причин, что и процесс проведения оккупационной политики, и в нем также можно выделить два этапа. Однако такая характеристика иностранных добровольческих формирований является несколько абстрактной и нуждается в дальнейшем разьяснении.

В нормативных документах германского военного командования и полицейского руководства по использованию «местных вспомогательных сил на Востоке» все контингенты добровольцев из числа советских граждан строго различались. В целом выделялись следующие категории:

- «добровольные помощники», или «хиви» (*Hilfswillige/ Hiwi*);
- вспомогательная полиция по поддержанию порядка в тыловых районах (*Hilfspolizei*). В зависимости от того, какой инстанции — военной или гражданской — она подчинялась, ее принято разделять на: вспомогательную полицию в тыловых районах действующих армий (*Sicherungsverbände*) или групп армий (*Schutzmannschaften*) и вспомогательную полицию порядка (*Schutzmannschaft der Ordnungspolizei* или «*Schuma*») в районах деятельности гражданской оккупационной администрации;

• боевые части добровольческих формирований (*Kampfverbände*)¹⁸.

Что касается первой категории — «хиви», то это были лица, завербованные командованием немецких частей и соединений, стремившихся таким образом покрыть недостаток в живой силе. Первоначально они использовались в тыловых службах в качестве шоферов, конюхов, рабочих по кухне, разнорабочих, а в боевых подразделениях — в качестве подносчиков патронов и саперов. Со временем их стали использовать и в боевых операциях наравне с немецкими солдатами. Следует сказать, что численность «хиви» постоянно увеличивалась при фактическом уменьшении штатов немецкой пехотной дивизии. Так, штаты пехотной дивизии, установленные со 2 октября 1943 года, предусматривали наличие 2005 добровольцев на 10 708 человек немецкого персонала, что составляло около 15% от ее общей численности. В танковых и моторизованных дивизиях численность «хиви» должна была составлять соответственно 970 и 776 человек, что тоже равнялось 15%. К концу войны эта категория «восточных» добровольцев насчитывала 665—675 тыс. человек и являлась самой многочисленной¹⁹.

Появление второй категории добровольческих формирований — попытка оккупационных властей решить проблему нехватки охранных частей. То есть подразделения вспомогательной полиции создавались в целях поддержания общественного порядка на оккупированных территориях и борьбы с партизанским движением. Первой начала создаваться вспомогательная полиция в зоне ответственности военной администрации. Главной особенностью этой полиции было то, что ее подразделения были абсолютно не унифицированными во всех смыслах и создавались без всякой системы. И хотя в тыловых районах групп армий «Север», «Центр» и «Юг» ее формирования назывались соответственно «местные боевые соединения» (*Einwohnerkampfverbände*), «служба порядка» (*Ordnungsdienst*) и «вспомогательные охранные части» (*Hilfswachmannschaften*), на местах все зависело от вкуса начальника немецкой администрации или фантазии руководителя самоуправления, при котором они создавались. Так, на территории Белоруссии и Западной России эта полиция могла

называться: «местная милиция» (*Ortsmilitz*), «служба порядка» (*Ordnungsdienst*), «гражданское ополчение» (*Bürgerwehr*), «местное ополчение» (*Heimwehr*) или «самооборона» (*Selbst-schutz*)²⁰.

6 ноября 1941 года рейхсфюрер СС Гиммлер издал приказ, согласно которому все «местные полицейские вспомогательные силы», действовавшие на территории, перешедшей под юрисдикцию гражданской оккупационной администрации, были реорганизованы в части «вспомогательной полиции порядка». Цели и задачи новой полиции ничем не отличались от целей и задач формирований, созданных для охраны тыла армий и групп армий. Единственным отличием в данном случае было то, что они подчинялись не военным, а полицейским властям (зачастую происходило обычное переподчинение частей «милиции», «самообороны» или «ополчения» от местного армейского коменданта местному полицейскому чиновнику — соответствующему фюреру СС и полиции). В зависимости от их назначения принято выделять следующие категории «вспомогательной полиции порядка»:

- полиция индивидуальной службы в городах и сельской местности (*Schutzmannschaft-Einzeldienst*);
- батальоны «вспомогательной полиции порядка» (*Schutzmannschaft-Bataillone*);
- вспомогательная пожарная полиция (*Feuerschutzmannschaft*);
- вспомогательная охранная полиция (*Hilfsschutzmannschaft*)²¹.

Всего же к концу войны эта категория «восточных» добровольцев насчитывала 390—400 тыс. человек²².

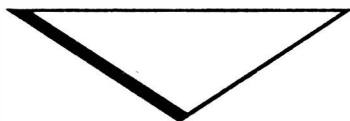
Последней категорией «восточных» добровольческих формирований являлись их боевые части. Это были либо отдельные соединения (дивизии и корпуса, что было крайне редко), либо полки и подразделения (батальоны и роты) в составе вермахта и войск СС. Они создавались с целью их применения на фронте, однако зачастую могли использоваться и как формирования предыдущих категорий, главным образом в качестве охранных частей. Наиболее значительными из них следует признать Вооруженные силы КОНР, 15-й Казачий кавалерийский корпус, 162-ю Тюркскую пехотную дивизию, а также шесть национальных дивизий войск СС. К концу войны в них проходили службу 470—475 тыс. «восточных» добровольцев²³.

Следует сказать, что кроме этих, основных, категорий добровольческих подразделений, имевших массовый характер, своих добровольцев также имели и немецкие спецслужбы. В вермахте их привлекали в подразделения абвера, тайной полевой полиции и полевой жандармерии, а в полицейских структурах — в части СД.

Таким образом, с уверенностью можно сказать, что в течение второй мировой войны в германских вооруженных силах прошли службу 1,3—1,5 млн советских граждан — большинство добровольно, остальные же — в результате различной степени призывных компаний²⁴.

Процесс создания и использования белорусских добровольческих формирований был в целом похож и имел в своей основе те же политические и военные причины, которые сыграли роль в создании подобных формирований из других народов СССР. Однако он имел и свои отличия, зависевшие от предвоенного развития Белоруссии и особенностей немецкого оккупационного режима в этой республике.

ГЛАВА 1. БЕЛОРУССИЯ В ГОДЫ НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИИ (1941—1944): ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ПРОБЛЕМУ

ГЕРМАНСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ

«Германия в три руки творила свое преступление над русским народом, — писал эмигрантский мемуарист Александр Казанцев, — армия, Восточное министерство и СС. Все три они были подчинены одной воле Гитлера, но каждая имела свои специфические особенности»²⁵. Таким образом, в аллегорической форме, подчеркивалось, что проведение оккупационной политики на территории СССР было возложено на соответствующие органы германского государства, вермахта и аппарата СС.

Рассмотрим каждую из указанных форм оккупационной администрации.

Пожалуй, будущее устройство гражданского управления на оккупированных территориях СССР вызвало наибольшее количество споров среди нацистского военно-политического руководства. Дело в том, что, если военное управление могло носить только временный характер, а аппарат СС, в принципе, не имел права вмешиваться в вопросы администрирования, ограничиваясь выполнением исключительно полицейских функций, гражданская администрация, напротив, должна была стать переходной формой на пути к будущему политическому устройству все-

го «восточного пространства». Каким оно будет после победы Германии? На этот вопрос надо было ответить уже сейчас, и с как можно большей политической ясностью.

Не вызывает сомнения, что устройство будущей гражданской оккупационной администрации напрямую зависело от тех концепций национальной политики, которые имели хождение среди различных группировок немецкого военно-политического руководства. Выше уже было достаточно сказано о них. Здесь же необходимо подчеркнуть, что не все они приняли участие в разработке политической линии будущей оккупационной политики. Фактически, к этому делу был допущен только Альфред Розенберг, который считался признанным экспертом по внешнеполитическим и национальным вопросам. Его же основным оппонентом, как это не покажется странным, стал... сам Гитлер, который также имел свой взгляд на «восточную политику». Ее основные тезисы будущий фюрер германской нации сформулировал еще в 20-х годах прошлого века, когда писал в «Майн кампф»: «Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке... Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены»²⁶. В целом, это была только генеральная линия. Хоть и ясно сформулированная, она тем не менее страдала одним недостатком: не было понятно, как ее проводить.

Взгляды Розенберга на национальный вопрос в Советском Союзе и его будущее политическое устройство хорошо известны. Его идеалом была слабая аграрная Московия, окруженная со всех сторон санитарным кордоном из зависимых от Германии государств — бывших республик СССР. Мнение Гитлера по этому поводу менее известно. Многие исследователи обычно приводят вышеуказанную цитату и пишут, что фюрер был сторон-

ником полного подчинения указанных территорий и противником любой национальной политической администрации на них. Отчасти это справедливо. Но нужно сказать, что это мнение стало таким только перед самым нападением на СССР и продолжало оставаться неизменным на протяжении всей войны²⁷. После же написания «Майн кампф» и до самой разработки плана «Барбаросса» взгляды Гитлера на «восточную политику» претерпели значительную эволюцию.

Следует сказать, что, по словам американского исследователя Александра Даллина, «фюрер слабо разбирался в нюансах национальных концепций его окружения». Тем не менее сразу же после прихода нацистов к власти он считал, что целью германской политики на Востоке должен быть «альянс с Украиной, Поволжьем, Грузией и т.п. Но не альянс равных партнеров, а союз вассальных государств без отдельной армии, политики и экономики»²⁸.

События 1938—1940 годов показали, что такой ход событий вполне возможен. Именно в эти годы были созданы протекторат Чехии и Моравии, генерал-губернаторство в Польше и марионеточные правительства в Словакии и Норвегии. Поэтому, когда 22 июля 1940 года на совещании в Генштабе сухопутных войск обсуждался вопрос о будущей войне против СССР, Гитлер поставил перед своими генералами следующие политические задачи: «Украинское государство, Федерация Балтийских государств, Белоруссия...»²⁹.

Поначалу это заявление можно было понимать как угодно, вплоть до того, что Гитлер планировал создание этих независимых государств. Однако уже неделю спустя он дал более ясно понять, что он подразумевает под «независимостью» для этих регионов. Начальник Генштаба сухопутных войск генерал-полковник Франц Гальдер так передавал слова фюрера: «Окончательно Украина, Белоруссия, Прибалтика — нам...»³⁰. То есть подразумевалось, что после победы эти территории будут присоединены к Рейху. В период же войны там вполне допускалась какая-нибудь администрация. Следует сказать, что здесь Гитлер зашел наиболее далеко в своем планировании будущего устройства «восточных территорий». Последующие события пока-

зали, что он значительно охладел к идее альянса вассальных государств на территории СССР.

Вопрос о будущем политическом устройстве Советского Союза был вновь поднят только в марте 1941 года, когда приготовления к войне против него были уже на завершающей стадии. В этот период Гитлер был настроен уже более радикально. Он не отказался окончательно от идеи административного деления «восточного пространства». Однако теперь фюрер считал, что это не должны быть, пусть и вассальные Германии, но независимые государства (даже если их независимость будет только фикцией). Вся оккупированная территория СССР должна быть поделана на административные единицы, которые напрямую и полностью будут подчиняться Германии. То есть предполагалось создать, что-то вроде древневосточных сатрапий, но на новый лад. По мнению Александра Даллина, такая эволюция во взглядах Гитлера произошла из-за изменений политической и военной обстановки, имевшей место в течение этого года. Если в 1939 и начале 1940 года он мог вполне искренне говорить о создании независимых Украины, Белоруссии и Прибалтики, чтобы, таким образом, воздействовать на английскую, французскую и советскую дипломатию, а также оказывать контрвоздействие на политику польского эмигрантского правительства, то теперь такие игры Гитлеру нужны не были. Как известно, с лета 1940 года нацистская Германия была хозяином всего европейского континента³¹.

Цели в войне против СССР были окончательно определены 30 марта 1941 года на совещании Гитлера и германского военно-политического руководства. С военной точки зрения они должны были заключаться в достижении линии «Архангельск — Астрахань», а с политической — необходимо было сделать так, чтобы «никакая организованная сила не могла противостоять немцам по эту сторону Урала». В заключение своего выступления Гитлер выразился более конкретно: «Наши задачи в отношении России — разгромить ее вооруженные силы, уничтожить государство». Для управления же захваченными советскими территориями фюрер предлагал создать «протектораты»: в Прибалтике, на Украине и в Белоруссии³². Слово «протекторат» здесь взято в кавычки намеренно. Конечно, это не должны были быть

протектораты как в Чехии и Моравии. Скорее, это была только политическая ширма.

Это мартовское совещание знаменательно еще и тем, что на нем все вопросы будущего административно-политического планирования на «восточных» территориях были переданы в ведомство Розенберга. Теперь только он и его подчиненные могли заниматься этим. Уже 2 апреля 1941 года рейхсляйтер представил первый меморандум, в котором полностью отразил свои политические взгляды и концепцию решения национального вопроса в СССР. В целом Розенберг предлагал разделить его на семь регионов:

- Великороссия с центром в Москве;
- Белоруссия с Минском или Смоленском в качестве столицы;
- «Балтенланд» (Эстония, Латвия и Литва);
- Украина и Крым с центром в Киеве;
- Донская область с Ростовом-на-Дону в качестве столицы;
- Кавказский регион;
- Туркестан (российская Центральная Азия).

Согласно концепции, изложенной в этом документе, Россия (или, вернее, то, что от нее оставалось) должна была быть отрезана от остального мира кольцом нерусских государств. Однако это было еще не все: по замыслу Розенберга она еще и теряла целый ряд территорий с русским населением. Так, Смоленск должен был отойти к Белоруссии, Курск, Воронеж и Крым — к Украине, а Ростов-на-Дону и нижняя Волга — к Донской области. В будущей России «полностью уничтожалась еврейско-большевистская администрация», а сама она «должна была быть подвергнута интенсивной экономической эксплуатации» со стороны Германии. Кроме того, это территориальное образование получало статус гораздо ниже, чем даже у окружавших его «государств», чтобы служить своего рода «приемником» для всех «нежелательных элементов с их территорий»³³.

Этот план вызвал существенные замечания Гитлера, который считал, что деление будущей оккупированной территории не должно быть таким дробным, а создаваемые административные единицы — искусственными. Например, организация отдельной

Донской области не была, на его взгляд, обусловлена ни политически, ни экономически, ни даже с точки зрения национальной политики. Это же касалось и Белоруссии. Фюрер считал, что она должна быть объединена с Прибалтикой — так будет удобно с административной точки зрения. И такие замечания были высказаны практически по всем пунктам меморандума Розенберга. Однако следует признать, что его генеральной линии они почти не затронули. Гитлер ничего не имел против таких пассажей, в которых шла речь о «дальнейшей дифференциации среди населения оккупированных территорий», «украинском народе и его свободе», «освобождении народов Кавказа» и «спасении эстонской, латышской и литовской наций». Что же касается «России или русских территорий, то о каких-либо изменениях в их судьбе не могло быть и речи»³⁴.

20 июня 1941 года в Берлине состоялось совещание высшего военно-политического руководства Германии, на котором Розенберг представил Гитлеру новый план будущего административно-политического устройства того, что должно было остаться от СССР. Согласно этому плану предполагалось создать пять административных единиц — рейхскомиссариатов (*Reichskommissariat*):

- «Московия» (центральные области России),
- «Остланд» (Прибалтика и Белоруссия),
- «Украина» (большая часть Украины и Крым),
- «Кавказ» (Северный Кавказ, Закавказье и Калмыкия) и
- «Туркестан» (Средняя Азия, Казахстан, Поволжье и Башкирия).

Эти административные единицы планировалось создавать по мере продвижения линии фронта на Восток и после военно-политического умиротворения указанных регионов³⁵.

В целом Гитлер согласился с таким решением проблемы, и уже 17 июля 1941 года подписал приказ о введении гражданского управления на оккупированных советских территориях. Согласно этому приказу было создано Министерство оккупированных восточных областей (*Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete*) — главный руководящий орган для указанных административных единиц. Возглавил министерство Альфред Розенберг³⁶.

Однако, вследствие провала планов «молниеносной войны» против СССР, удалось создать только два рейхскомиссариата — «Остланд» и «Украина». Они начали функционировать 1 сентября 1941 года. В своем же окончательном виде их территории оформились только к декабрю 1941 года³⁷.

Раздел оккупированной Белоруссии был в основном завершен к середине осени 1941 года. Ее территорию по линии Полоцк — Борисов на востоке, Старые Дороги — озеро Червонное на юге, по реке Зельвянка и восточной кромке Беловежской пуши на западе выделили в генеральный округ «Белоруссия» (*Generalbezirk Weissruthenien*). Площадь округа составляла лишь $\frac{1}{4}$ часть территории довоенной Белоруссии и равнялась 53 660 км² с населением 2 411 333 человека (по состоянию на 4 декабря 1941 года). Генеральный округ «Белоруссия» являлся составной частью рейхскомиссариата «Остланд» (*Reichskommissariat Ostland*)³⁸. Помимо него в этот рейхскомиссариат также входили генеральные округа «Литва», «Латвия» и «Эстония». Южные районы Белоруссии, а также часть Брестской области вошли в рейхскомиссариат «Украина». Белостокская область была выделена в отдельную административную единицу и присоединена к Восточной Пруссии. И, наконец, к генеральному округу «Литва» были присоединены некоторые районы северо-западной Белоруссии³⁹.

Высшим органом гражданской оккупационной администрации в генеральном округе «Белоруссия» являлся генеральный комиссариат. Возглавлял комиссариат СС-группенфюрер Вильгельм Кубе. А после его убийства советскими партизанами 23 сентября 1943 года исполняющим обязанности генерального комиссара являлся фюрер СС и полиции «Россия-Центр и Белоруссия» СС-группенфюрер Курт фон Готтберг⁴⁰.

Структура центрального аппарата генерального комиссариата была следующей. Непосредственно генеральному комиссару подчинялись: его заместитель, референт, адъютант, начальник информационной службы и начальник личной канцелярии. К аппарату были прикомандированы фюрер СС и полиции, офицер связи с командованием вермахта (об этих ветвях оккупационной

администрации речь пойдет ниже), уполномоченные МИДа, почты и железных дорог. Организация аппарата генерального комиссара повторяла в целом структуру рейхскомиссариата «Остланд» и министерства Розенберга и состояла из четырех главных управлений — центрального, политического, хозяйственного и технического:

- Центральное управление состояло из 9 отделов (личного состава, хозяйственного, бухгалтерии, заготовок и снабжения, архивного, учетного, жилищного, питания, главного бюро) и занималось административной работой в генеральном комиссариате;

- Политическое управление включало 14 отделов: общий, поселенческой политики, культуры, хозяйственной, рабочей и социальной политики, молодежи, женский, общей пропаганды, труда, медицинский, ветеринарный, юридический, финансовый, науки и искусства, общего руководства. Это управление занималось внедрением политических принципов и директив по администрированию;

- Хозяйственное и техническое управления решали вопросы обеспечения, организации производства и использования промышленной и сельскохозяйственной продукции в генеральном округе и имели не менее разветвленную структуру.

Подавляющее большинство отделов главных управлений включало в себя многочисленные подотделы. Например:

- отдел продовольствия и сельского хозяйства: земельно-правовой и земельной политики, государственных имений, рыночный и сельскохозяйственных поселений;

- отдел науки и искусства: школьный, высшей школы, книжный, сценического и изобразительного искусства;

- отдел общей пропаганды: пропаганды, радио, прессы, кино, международных связей, хозяйственной вербовки, выставочный, обслуживания войск⁴¹.

Территория генерального округа была разделена на 10 округов (*Kreisgebiet*), в каждом из которых был создан окружной комиссариат. Центры окружных комиссариатов находились в следующих городах: Барановичи, Борисов, Вилейка, Ганцевичи, Глубокое, Лида, Минск, Новогрудок, Слоним и Слуцк. В городах и районах были созданы, соответственно, городские и рай-

онные комиссариаты (*Stadt- und Gebietkommissariat*). Минск, как центр генерального и обычного округов, находился на особом положении. Здесь был создан городской комиссариат, руководитель которого Вильгельм Янецке (в конце 1943 года его сменил Й. Беккер) пользовался правами окружного комиссара. Руководителями других округов являлись следующие лица:

- Барановичи — Рудольф Вернер;
- Борисов — Бауер (затем Бухман и д-р Ханс Кайзер);
- Вилейка — Шмидт (затем Густав Магасс);
- Ганцевичи — Вильгельм Мюллер (затем Вальтер Хёрдт);
- Глубокое — Пауль Гахманн;
- Лида — фон Ханвег (затем Артур Хенниг);
- Минск (округ) — д-р Ханс Кайзер (затем д-р Людвиг Эренляйтер и Вильгельм Шольманн);
- Новогрудок — Вильгельм Трауб (затем д-р Альфред Гилле);
- Слоним — Герхард Эррен;
- Слуцк — Генрих Карл⁴².

Структура окружных, районных и городских комиссариатов предусматривала в своем аппарате управления и отделы, одноименные генеральному комиссариату.

Все эти административные единицы подчинялись друг другу непосредственно снизу вверх. Однако были и свои нюансы. В основном они касались кадровых назначений на руководящие должности. Так, рейхскомиссары и генеральные комиссары назначались и сменялись исключительно Гитлером, окружные, городские и районные — Розенбергом⁴³.

25 февраля 1944 года указом Гитлера из состава рейхскомиссариата «Украина» были выделены Брестский, Кобринский, Пинский и Петриковский районы и присоединены к генеральному округу «Белоруссия». Сюда же была включена и часть генерального округа «Литва» вместе с городом Вильнюс⁴⁴. 1 апреля 1944 года другим указом Гитлера генеральный округ «Белоруссия» был выделен из рейхскомиссариата «Остланд» в самостоятельный комиссариат и передан в непосредственное подчинение Розенберга⁴⁵. Мотивируя это, рейхскомиссар «Остланда» Лозе писал, что Белоруссия, будучи районом напряженных боевых действий, не может больше «рассматриваться как тыловой район», что «уси-

ленная деятельность партизан осложняет политическое управление и мешает организационной работе»⁴⁶.

В отличие от западных и центральных областей, восточная часть Белоруссии⁴⁷ на протяжении всего периода войны являлась тыловым районом группы армий «Центр». Здесь организация оккупационного аппарата по форме несколько отличалась от районов, где действовала гражданская администрация.

Структура сферы военной оккупации была принципиально установлена «Особыми указаниями по обеспечению, часть Ц» от 3 апреля 1941 года. В соответствии с ними все советские области, находившиеся под управлением военной администрации и обозначавшиеся как оперативная область сухопутных войск, были разделены на три зоны:

- непосредственный район боевых действий, где командиры дивизий и корпусов и подчиненные им войска фактически сами являлись исполнительной властью по отношению к гражданскому населению;

- находившийся за ним на глубине примерно от 20 до 50 км тыловой армейский район, в котором для каждой армии назначался специальный комендант (*Kommandeur der Rückwartigen Armeegebiet*);

- тыловой район групп армий, начальником которого назначался один из командиров корпусов (*Befehlshaber der Rückwartigen Heeresgebiet*)⁴⁸.

Во главе аппарата военной администрации на территории восточной Белоруссии (а также западной России) стоял командующий тыловым районом и охраняемыми войсками группы армий «Центр» (*Befehlshaber der Rückwartigen Heeresgebiet Mitte*)⁴⁹, который одновременно подчинялся командующему группы армий «Центр» и начальнику тыла Главного командования сухопутных войск (ОКХ). С июня 1941 по июль 1943 года на этой должности находился генерал пехоты Макс фон Шенкендорф, которого сменил генерал горно-егерских войск Людвиг Кюблер. Однако последний пробыл на этой должности недолго. Уже 10 октября 1943 года его сменил генерал-лейтенант граф Эдвин фон Рот-

кирх-унд-Трах, должность которого стала называться теперь следующим образом: командующий тыловым районом «Белоруссия» (*Befehlshaber im Heeresgebiet Weißbruthenien*). Такое изменение в номенклатуре было вызвано тем, что в тылу группы армий «Центр» на тот момент осталась только Белоруссия, а западные области России были уже потеряны⁵⁰.

С целью осуществления всецельно необходимых полномочий при должности командующего тыловым районом был создан штаб. Организационно этот штаб состоял из нескольких отделов, главными из которых в данном случае были оперативный (I), разведывательный (II) и административный (VII). Через первый отдел шло управление охранными войсками данного тылового района. Через второй — подразделениями абвера — немецкой военной разведки.

Начальник седьмого отдела руководил военно-административными органами, которые состояли из полевых (*Feldkommandantur; FK*) и местных комендатур (*Ortskommandantur; OK*), наделенных всей полнотой власти в зоне своего действия. Полевые комендатуры создавались обычно в пределах области. Им подчинялись местные комендатуры, создаваемые в городах, районных центрах, крупных узлах железных и шоссейных дорог и местах дислокации военных гарнизонов. Все комендатуры должны были выполнять две задачи: охранную и управленческую. К первой относилось «обеспечение покоя» в оккупированных районах и охрана тылов действующей армии. Ко второй — создание, руководство и контроль над органами местного самоуправления, а также «мобилизация резервов» для ведения войны. В целом это сводилось к следующим основным функциям:

- борьба с партизанами;
- охрана коммуникаций, военных объектов и лагерей военнопленных;
- разведывательная и контрразведывательная деятельность;
- ведение пропаганды.

Для выполнения указанных функций к каждому типу комендатур прикомандировывались подразделения армейской службы порядка. На территории тылового района группы армий «Центр» они были представлены тайной полевой полицией и полевой жандармерией, выполнявшими в зоне юрисдикции военной ад-

министрации соответственно следственные и карательные мероприятия⁵¹.

Всего же за период с 1941 по 1944 год на территории восточной Белоруссии функционировало 11 полевых и 23 местных комендатур (в целом же на территории всей Белоруссии это соотношение было таким: 18:48)⁵².

После передачи большей части Украины, Белоруссии и республик Прибалтики под гражданское управление, органы военной администрации, как имевшие временный характер, были постепенно свернуты. Однако это произошло не окончательно. Согласно директиве начальника Верховного командования вермахта (ОКВ) генерала-фельдмаршала Вильгельма Кейтеля от 13 марта 1941 года, влияние структур вермахта должно было распространиться и на области, находившиеся под юрисдикцией гражданской оккупационной администрации. Для этих целей в обоих рейхскомиссариатах были введены должности командующих войсками вермахта с соответствующими контингентами войск и далеко идущими полномочиями. Так, в рейхскомиссариате «Остланд» такая должность была учреждена 24 июня 1941 года. В этот день командующим войсками вермахта на территории этой административной единицы (*Wehrmachtbefehlshaber Ostland*) был назначен генерал-лейтенант (с 1 сентября 1942 года — генерал кавалерии) Вальтер Брэмер. Следует сказать, что первоначально в его распоряжении не было никаких войск. Из своей штаб-квартиры в Риге Брэмер руководил деятельностью только трех главных полевых комендатур (*Oberfeldkommandantur; OFK*):

- главная полевая комендатура № 392 (Минск), или «охраняемый район Белоруссия»;
- главная полевая комендатура № 394 (Рига), или «охраняемый район Латвия»;
- главная полевая комендатура № 396 (Каунас), или «охраняемый район Литва»⁵³.

Командующий войсками вермахта подчинялся непосредственно ОКВ и имел право отдавать распоряжения по всем вопросам, которые он считал необходимыми для обеспечения оккупационного режима. Зачастую решение этих вопросов происходило без учета мнения генерального комиссара. Тем не менее они,

однако, ни в коем случае не были ограничены решением только лишь военных задач. Упомянутые указания Кейтеля, напротив, настоятельно требовали:

1. Тесного сотрудничества с рейхскомиссарами для оказания им помощи в выполнении политических задач.

2. Использования оккупированной территории для военных целей и обеспечения ее экономическими ресурсами нужд германской экономики.

3. Эксплуатация оккупированной территории для снабжения германских вооруженных сил в соответствии с требованиями ОКВ⁵⁴.

Выше уже говорилось, что фактически с февраля 1944 года генеральный округ «Белоруссия» стал самостоятельной административной единицей в системе Министерства по делам оккупированных восточных областей. В связи с этим на его территории было решено учредить самостоятельную структуру командующего войсками вермахта, который по вертикали должен был подчиняться генералу кавалерии Брэмеру. В результате командующим войсками вермахта в Белоруссии (*Wehrmachtbefehlshaber Weißruthenien*) был назначен генерал кавалерии граф Эдвин фон Роткирх-унд-Трах. Это произошло 19 апреля 1944 года, через две недели после того, как Белоруссия (уже юридически) стала самостоятельным округом в системе гражданской оккупационной администрации. Одновременно этот генерал являлся командующим тыловым районом группы армий «Центр» и комендантом главной полевой комендатуры №392 (*Oberfeldkommandantur 392*), которая находилась в Минске. По вертикали ему подчинялись полевые комендатуры в Минске (*FK 812*) и Барановичах (*FK 400*) и местные комендатуры в Минске (*OK 650*), Молодечно (*OK 812*), Слуцке (*OK 343*), Глубоком (*OK 339*), Барановичах (*OK 264*), Лиде (*OK 355*) и Ганцевичах (*OK 352*), контролировавшие территории всех окружных комиссариатов⁵⁵.

Наконец, согласно приказу Гитлера от 17 июля 1941 года, на рейхсфюрера СС и шефа германской полиции Генриха Гиммлера было возложено «полицейское обеспечение восточных терри-

торий». Последний назначал главных фюреров СС и полиции (*Höhere SS- und Polizeiführer; HSSPf*), которые являлись высшими полицейскими чиновниками в рейхскомиссариатах или, по согласованию с военной администрацией, в тыловых районах групп армий. Хотя фюреры СС и полиции формально подчинялись рейхскомиссарам или находились в оперативном подчинении у командующих тыловыми районами групп армий, реальную власть над ними имел только Гиммлер. Этот последний факт означал, что полицейская администрация действовала параллельно, и на равных правах, с гражданской и военной администрацией⁵⁶.

С 29 июня (фактически с сентября) 1941 года главным фюрером СС и полиции на территории рейхскомиссариата «Остланд» и в тыловом районе группы армий «Север» (*HSSPf Russland-Nord*) являлся СС-группенфюрер и генерал полиции Ханс-Адольф Прютцманн, которого уже 1 ноября сменил СС-обергруппенфюрер и генерал полиции Фридрих Еккельн. В генеральных округах, входивших в состав рейхскомиссариата, ему подчинялись местные фюреры СС и полиции. Так, в генеральном округе «Белоруссия» эту должность, со штаб-квартирой в Минске, занимал СС-группенфюрер Якоб Шпорренберг, который исполнял эту должность с 21 июля по 14 августа 1941 года. Как известно, Белоруссия в отношении соблюдения общественного порядка была очень беспокойным районом. Поэтому главные полицейские чиновники на ее территории менялись довольно часто. В целом, их перечень после Шпорренберга выглядел следующим образом:

- СС-бригадефюрер и генерал-майор полиции Карл Ценнер — 14 августа 1941—22 мая 1942 года;
- СС-оберфюрер Карл Шэфер — 22 мая — 21 июля 1942 года;
- СС-бригадефюрер и генерал-майор полиции Курт фон Готтберг — 21 июля — 22 сентября 1942 года;
- СС-оберфюрер и полковник охранной полиции Вальтер Шимана — 21 июля 1942—15 июля 1943 года (этот чиновник являлся только исполняющим обязанности);
- СС-штанартенфюрер Эрих Эрлинггер — 6 сентября 1943—1 апреля 1944 года⁵⁷.

Аппарат каждого фюрера СС и полиции, в целом, копировал полицейские структуры Германии. Не был, в данном случае, исключением и аппарат фюрера СС и полиции генерального округа «Белоруссия» (*SSPf Weissruthenien*)⁵⁸. Организационно ему подчинялись:

- начальник полиции безопасности и СД генерального округа «Белоруссия» (*Kommandeur der Sicherheitspolizei und SD Weissruthenien*). Этому чиновнику, в свою очередь, подчинялись: местные начальники гестапо, СД и криминальной полиции. С июля 1941 года эту должность последовательно занимали: СС-оберштурмбаннфюрер Вальтер Блюм (до января 1942 года), СС-оберштурмбаннфюрер Эдуард Штраух (до июня 1943 года);

- начальник полиции порядка генерального округа «Белоруссия» (*Kommandeur der Ordnungspolizei Weissruthenien*). Ему в свою очередь, подчинялись местные начальники охранной полиции, жандармерии, железнодорожной охраны, а позднее и вспомогательной полиции порядка, набранной из местных добровольцев. С декабря 1941 года и по самый конец оккупации Белоруссии эту должность занимал СС-оберштурмбаннфюрер Эберхард Герф. Столь позднее создание этого поста по сравнению с предыдущим объясняется тем, что до указанного периода функции полиции порядка выполняли здесь соответствующие структуры военной оккупационной администрации⁵⁹.

В округах и районах генерального округа «Белоруссия» находились структурные подразделения аппарата фюрера СС и полиции, которые возглавляли, соответственно, окружные и районные фюреры. Всего было шесть полицейских округов, которые были несколько крупнее, чем округа гражданской администрации: Барановичи — Ганцевичи, Вилейка, Глубокое, Лида — Новогрудок, Минск — Слуцк и Слоним. Управления охранной полиции и полиции порядка были представлены в этих округах соответствующими отделами.

Следует сказать, что каждое из двух управлений полиции генерального округа «Белоруссия» имело двойное подчинение. С одной стороны, оно подчинялось своему фюреру СС и полиции, а через него — главному фюреру СС и полиции «Остланда». С другой — оно подчинялось соответствующему главному управле-

нию СС в Берлине. Однако в данном случае это не играло существенной роли, так как единственным начальником всех управлений СС был Гиммлер.

Другой особенностью полицейского аппарата на оккупированной советской территории было то, что он не был все-таки таким структурированным, как в Германии. Сказывался недостаток профессиональных кадров. В связи с этим оккупанты были вынуждены создавать комбинированные полицейские органы. То есть сотрудники полиции безопасности и СД выполняли одновременно функции и гестапо, и криминальной полиции. Аналогично обстояло дело и в сфере компетенции полиции порядка⁶⁰.

Как уже говорилось выше, кроме территории генерального округа «Белоруссия», разветвленный полицейский аппарат, который также подчинялся Гиммлеру, имелся и в тыловом районе группы армий «Центр». По договоренности с ОКВ его сотрудники должны были выполнять те же функции, что и на территории гражданской юрисдикции.

Так, в июне (фактически 1 мая) 1941 года, в целях «полицейского обеспечения» указанного тылового района, был учрежден специальный пост главного фюрера СС и полиции «Россия-Центр» (*HSSPf Russland-Mitte*). До 21 июня 1944 года его занимал СС-группенфюрер и генерал-лейтенант полиции Эрих фон дем Бах-Зелевски⁶¹.

Штаб главного фюрера СС и полиции «Россия-Центр» располагался в Могилеве (с 1943 года — в Минске) и в целом копировал аппарат главного фюрера СС и полиции «Россия-Север». Так, ему подчинялись местные (гарнизонные) фюреры СС и полиции (*SS- und Polizei Standartführer*) в следующих населенных пунктах: Барановичи, Смоленск, Могилев, Витебск и в так называемом районе «Припять» — отошедших к рейхскомиссариату «Украина» южных областях Белоруссии с центром в Пинске⁶².

1 апреля 1943 года полицейский аппарат в Белоруссии, западных областях России и в целом в рейхскомиссариате «Остланд» подвергся значительной и многоступенчатой реорганизации. В этот день фюрер СС и полиции генерального округа «Белоруссия» был выведен из подчинения главного фюрера СС и поли-

ции области «Россия-Север» и был переподчинен Эриху фон дем Бах-Зелевскому. В свою очередь, его должность стала теперь называться, главный фюрер СС и полиции «Россия-Центр и Белоруссия» (*HSSPf Russland-Mitte und Weissruthenien*). Произошло это, скорее всего, по нескольким причинам. Во-первых, чтобы подчинить единому полицейскому командованию всю территорию Белоруссии, которая к тому времени уже стала ближним тылом группы армий «Центр». А во-вторых, это был один из признаков того, что вскоре Белоруссия станет самостоятельным генеральным округом. Наконец, 21 июня 1944 года эту объединенную должность занял СС-группенфюрер и генерал-лейтенант полиции Курт фон Готтберг. Таким образом, этот чиновник сосредоточил в своих руках всю полноту полицейской и гражданской власти на территории Белоруссии, получив фактически диктаторские полномочия⁶³.

Со временем, каждая из ветвей немецкой оккупационной администрации стала так или иначе привлекать к сотрудничеству население оккупированной Белоруссии. В политической сфере это было первоначально выражено в создании и функционировании органов так называемого местного самоуправления — сельских, районных и городских управлений. Их, соответственно, возглавляли: старосты, начальники районных и городских управлений. Эти органы создавались сразу же по установлению на данной территории немецкой военной или гражданской администрации. В политическом отношении эти органы самоуправления были абсолютно пассивны и бесправны, а их руководители были полностью подчинены соответствующим немецким чиновникам: окружным, районным или городским комиссарам. Если же такие органы самоуправления создавались в зоне действия военной администрации, то их руководители подчинялись шефам полевых или местных комендатур.

В руках начальника районного управления находилось общее руководство районом. Он нес политическую ответственность за все подчиненные ему местные учреждения, хозяйство и управления, должен был обеспечивать «покой и порядок» на подведомственной территории, бороться с проявлениями саботажа, диверсиями, неподчинением оккупационным властям, организовыв-

вать «изъятие» продукции для нужд Германии и удовлетворять потребности подразделений вермахта, которые были расквартированы на территории его района.

Руководитель района назначался и увольнялся с должности по предложению полевой комендатуры, командующего тыловым районом армии или группы армий, а в генеральном комиссариате — коменданта местной комендатуры или районного комиссара. Структура районного управления предусматривала такие основные отделы: общего управления, вспомогательной полиции порядка, школ и культурных учреждений, охраны здоровья, ветеринарный, финансовый, строительства, промышленности, снабжения и обеспечения рабочей силой. Со временем появился еще один отдел — пропаганды. Их руководители назначались обычно начальником районного управления по согласованию с местным военным или гражданским немецким начальником⁶⁴.

Следующей по значению фигурой органов местного самоуправления был бургомистр. В данном случае этот термин имел два значения:

- руководитель общинного управления (обычно, бывший советский сельский совет, состоявший из нескольких сел) и
- руководитель городского управления, которые подчинялись начальнику соответствующего районного управления.

Для своей территории задачи бургомистра были абсолютно те же, что и у начальника районного управления для района. Таким же был порядок назначения и увольнения с занимаемой должности. Аппарат бургомистра состоял из тех же отделов, что и районное управление⁶⁵.

Нижней инстанцией местного самоуправления было сельское управление, во главе которого стоял староста. Последнего, как правило, назначал бургомистр общины. Практическая работа сельских управлений сводилась иногда к обычной бухгалтерской рутине. Однако в большинстве случаев, и это характерно для Белоруссии, вследствие трудностей со связью, протяженностью территории и, главное, активным сопротивлением населения оккупационной политике работа в селах часто выходила за рамки предусмотренного объема. Дела сельского управления требовали зачастую приложения таких усилий, что в большинстве районов

немцам пришлось выплачивать старостам зарплату. Сначала же они работали на общественных началах.

Староста со своим помощником, бухгалтером и подчиненными управлению полицейскими должен был проводить в жизнь все распоряжения немецкой администрации, бургомистра и начальника районного управления. Например, в их задачи входило: регистрировать прибывших, вести учет местного населения, собирать налоги, обеспечивать поставки для частей вермахта, предоставлять рабочую силу, гужевого транспорт, квартиры для воинских частей и т.п.⁶⁶.

Как правило, на должности начальников местного самоуправления всех уровней назначались люди, которые уже зарекомендовали себя «политически благонадежными» и активными пособниками оккупантов. При назначении на должность они должны были пройти проверку СД (в гражданской зоне) или тайной полевой полиции (в военной зоне). Однако и в дальнейшем все эти люди продолжали находиться под наблюдением тех или иных немецких органов. Что же касается комплектования исполнительного аппарата управлений (отделы), то немцы старались набрать в них сотрудников, которые были уже знакомы с работой таких органов. Поэтому нет ничего удивительного, что в этих отделах осталось работать много бывших советских служащих, которые продолжали сочувствовать прежней власти (и иногда даже из аппарата НКВД).

Другой особенностью кадровой политики при укомплектовании местного самоуправления было то, что на эти должности очень активно старались пробиться представители различных белорусских националистических организаций. Их главной целью было «белорусифицировать» эти органы и тем самым заставить их работать не на немцев, а на белорусскую национальную идею. В целом ряде случаев это было сделать не так просто. Во-первых, немцы поначалу не очень-то жаловали проявления любых видов национализма. Во-вторых, у белорусских активистов появились конкуренты, которые также и с такими же целями боролись за места в местном самоуправлении. В Западной Белоруссии это были поляки, а в восточной — русские. Часто дело доходило до такого, что они писали друг на друга доносы, обви-

ния своих оппонентов в скрытом коммунизме. И немцы часто верили таким доносам. Иногда доносы на националистов писали скрытые сторонники советской власти или те, кто работал в самоуправлении по заданию советских спецслужб или партизан, убирая их, таким образом, немецкими руками. Естественно, что все это не способствовало плодотворной работе⁶⁷.

Изучая немецкий оккупационный режим на территории Белоруссии, может сложиться впечатление, что он был чересчур громоздким и излишне усложненным таким обилием пересекающихся структур власти. Однако следует подчеркнуть, что между тремя его основными ветвями — гражданской, военной и полицейской — не было никакой принципиальной разницы, а имелись лишь некоторые, чисто функциональные различия. В действительности же эти ветви представляли собой неразрывно связанные части одного оккупационного аппарата.

СИЛОВЫЕ СТРУКТУРЫ ОККУПАЦИОННОГО РЕЖИМА

Вооруженной опорой созданного нацистами на территории Белоруссии режима являлись силы по поддержанию общественного порядка. Под этим общим названием подразумеваются силовые структуры, которые находились в подчинении каждой из указанных форм оккупационной администрации. Это прежде всего армейские части, расквартированные в зоне военной администрации, и полицейские формирования, действовавшие и в гражданской, и в военной зоне.

Оккупационные части вермахта, находившиеся в подчинении командующего тыловым районом и охранными войсками группы армий «Центр», состояли из следующих структур:

- собственно части и соединения вермахта (охранные дивизии и другие, более мелкие формирования);
- подразделения военной разведки — абвера;
- подразделения тайной полевой полиции;
- подразделения полевой жандармерии.

Охранные дивизии вермахта (*Sicherungs Division*) представляли собой главную силу по поддержанию общественного порядка в зоне ответственности военной администрации. Создание этих дивизий началось в январе 1941 года Генштабом сухопутных войск, а их существование как специальных соединений вермахта было узаконено приказом командующего Армией резерва генерал-полковником Фридрихом Фроммом от 3 марта 1941 года. На основании этого приказа были расформированы 3 пехотные дивизии, офицерские и унтер-офицерские кадры которых пошли на укомплектование 9 охранных дивизий. После этого каждый из тыловых районов групп армий получил по 3 дивизии. На долю группы армий «Центр» достались 213, 286 и 403-я охранные дивизии⁶⁸.

Новые дивизии значительно отличались от обычной пехотной дивизии вермахта: они уступали ей как по организации, так и по вооружению. Например, 286-я охранный дивизия (командир — генерал-лейтенант Курт Мюллер) имела следующую структуру:

- 354-й пехотный полк (*Infanterie Regiment Nr. 354*) — состоял из трех пехотных батальонов;
- 61-й охранный полк (*Landeschützen Regiment Nr. 61*);
- 213-й артиллерийский полк (*Artillerie Regiment Nr. 213*) — фактически, только его 2-й дивизион (*II. Abteilung*), состоявший из трех батарей;
- 704-й охранный (караульный) батальон (*Wach Bataillon Nr. 704*);
- 354-я саперная рота (*Pionier Kompanie Nr. 354*)⁶⁹.

Остальные охранные дивизии находились, в принципе, в таком же положении. Естественно, что таких сил было явно недостаточно, чтобы поддерживать порядок на такой огромной территории. Поэтому число охранных дивизий вскоре пришлось увеличить. Всего за время войны в занятых советских областях действовало 15 таких дивизий⁷⁰. На территории же собственно Белоруссии уже к декабрю 1941 года их было четыре:

- 201-я охранный дивизия (штаб в Лепеле);
- 203-я охранный дивизия (штаб в Бобруйске);
- 221-я охранный дивизия (штаб в Гомеле);
- 286-я охранный дивизия (штаб в Витебске).

Помимо охранных дивизий из частей и подразделений вермахта, которые несли службу по охране порядка в тыловом районе группы армий «Центр», следует также назвать 229 отдельных пехотных рот, 12 противотанковых рот, 9 рот тяжелого оружия и 11 артиллерийских батарей⁷¹.

Выше шла речь о соединениях вермахта, которые находились в ведении исключительно военной администрации на территории восточной Белоруссии. 19 апреля 1944 года территория генерального округа «Белоруссия» была выделена в специальный тыловой район, где для управления находящимися здесь охранными частями вермахта была создана специальная должность. Ее с апреля по июнь 1944 года занимал генерал кавалерии граф Эдвин фон Роткирх-унд-Трах, которому подчинялись следующие соединения:

- на 15 апреля 1944 года — 221-я охранная дивизия и 8-й венгерский армейский корпус в составе 24-й смешанной и 23-й резервной дивизий;
- на 15 мая 1944 года — 52-я охранная дивизия особого назначения, 221-я охранная и 391-я пехотная дивизии;
- на 15 июня 1944 года — 221-я охранная и 391-я пехотная дивизии⁷².

Еще одной структурой вермахта была военная разведка — абвер (*Abwehr*), которая на территории генерального округа «Белоруссия» была представлена специальной резидентурой, действовавшей в Минске с марта 1942 по июнь 1944 года⁷³. До середины 1942 года этот орган возглавлял подполковник Кребитц, позднее, досередины 1943 года — майор Кесснер, которого сменил подполковник Ойлер. Главной задачей резидентуры являлась организация борьбы с разведкой Красной Армии, парашютистами, радистами и подпольщиками в городах и других населенных пунктах. Для этого она имела три специальных представительства на местах (*aussenstelle*). Эти органы располагались при местных комендатурах в Глубоком, Молодечно и Вильнюсе и имели в целом такие же задачи⁷⁴.

Весной 1941 года, почти перед самым нападением на СССР, каждой группе армий вермахта были приданы абверкоманды

(*Abwehrkommando*), а армиям — подчиненные этим командам абвергруппы (*Abwehrgruppe*). Согласно своим функциональным обязанностям, каждая из абверкоманд (и абвергрупп) должна была заниматься разведывательной, диверсионной или контрразведывательной деятельностью. Поэтому в своей номенклатуре они имели, соответственно, цифру «1», «2» или «3», которые обозначали номер отдела в Главном управлении разведки и контрразведки (абвера). Именно эти подразделения и подчиненные им спецшколы являлись основными органами разведки и контрразведки на всем протяжении Восточного фронта. Из них на территории Белоруссии с 1941 по 1944 год действовали следующие (имеется в виду только территория военной администрации):

- в распоряжении штаба группы армий «Центр» — 103, 203 и 303-я абверкоманды;
- в распоряжении штаба 2-й полевой армии — 105, 205 и 207-я абвергруппы;
- в распоряжении штаба 4-й полевой армии — 108, 208, 308 и 316-я абвергруппы;
- в распоряжении штаба 9-й полевой армии — 209, 307 и 309-я абвергруппы;
- в распоряжении штаба 2-й танковой группы (затем армии) — 107 (вскоре передана в 9-ю полевую армию) и 109-я абвергруппы;
- в распоряжении штаба 3-й танковой группы (затем армии) — 101, 113, 210, 310 и 318-я абвергруппы;
- в распоряжении различных комендатур — 215, 315, 325-я и так называемая Люфтвагруппа (*Luftgruppe*)⁷⁵.

Особую роль в системе оккупационного аппарата восточной Белоруссии исполняла тайная полевая полиция (*Geheime Feldpolizei; GFP*). Будучи составной частью вермахта, она осуществляла военно-полицейские функции⁷⁶. В ее задачи входило:

- организация контрразведывательных мероприятий по охране штабов и личная охрана высшего командного состава;
- наблюдение за военной корреспонденцией, контроль за почтовой, телеграфной и телефонной связью гражданского населения;

- содействие в охране почтовых сообщений;
- розыск оставшихся на оккупированной территории военнослужащих армий противника;
- проведение дознания и надзор за подозрительными лицами в зоне военных действий.

Подразделения тайной полевой полиции были представлены группами (*Gruppe*) при штабах групп армий, армий и полевых комендатурах и комиссариатами (*Kommissariate*) — при штабах корпусов, дивизий и некоторых местных комендатурах. Группы и комиссариаты подчинялись шефу тайной полевой полиции соответствующей группы армий и офицеру абвера (согласно штабной номенклатуре эта должность называлась *Ic*) соответствующих штабов и или комендатур⁷⁷. Каждая группа имела в своем составе от 2 до 5 комиссариатов, которые в свою очередь делились на внешние команды (*Aussenkommando*). Численность групп была разной. Если в 1939—1940 годах она состояла из 50 человек (руководитель, 32 сотрудника среднего звена и 17 человек вспомогательного персонала — шоферы, стенографисты, охрана), то во время войны против СССР их численность увеличилась до 95 человек (руководитель, 54 сотрудника среднего звена и 40 сотрудников вспомогательного персонала). Кроме того, при подразделениях этой полиции были группы штатных агентов и небольшие воинские формирования для карательных операций против партизан, проведения облав, охраны и конвоирования арестованных. Все группы были полностью моторизованы. Главным руководящим органом для всех частей тайной полевой полиции была специальная группа отдела военной администрации генерал-квартирмейстера Генштаба сухопутных войск. До самого конца войны ее возглавлял СС-оберфюрер и полковник охранной полиции Вильгельм Кирхбаум⁷⁸.

С 1941 по 1943 год группы тайной полевой полиции располагались в следующих населенных пунктах восточной Белоруссии: Бобруйск, Борисов, Витебск, Лепель, Могилев, Орша, Старые Дороги и Полоцк. В данном случае руководящими органами для них были штабы таких воинских формирований:

- 580-я группа — в распоряжении штаба 9-й полевой армии;
- 703-я группа — в распоряжении штаба 3-й танковой группы;

- 639 и 612-я группы — в распоряжении штаба 2-й танковой группы;
- 570-я группа — в распоряжении штаба 4-й полевой армии⁷⁹.

* * *

На всей оккупированной территории восточной Белоруссии также действовали подразделения полевой жандармерии (*Feldgendarmerie*), которая осуществляла функции полиции порядка в войсках и в зоне ответственности военной администрации. Обычно в ее задачи входило:

- борьба с партизанами в районе дислокации;
- регулировка движения войск на марше;
- установка контрольно-пропускных пунктов, проверка документов, конвоирование военнопленных;
- охрана портов и аэродромов;
- приведение в исполнение приговоров военно-полевых судов.

Кроме того, двигаясь непосредственно за регулярными войсками, полевая жандармерия руководила созданием на захваченных территориях местных органов власти, проводила поиск дезертиров, собирала беженцев и военнопленных, охраняла военные трофеи от разграбления и контролировала сдачу местным населением оружия.

При группах армий и армиях состояли батальоны жандармерии, находившиеся в подчинении командующего соответствующим тыловым районом, а при штабах корпусов и дивизий — отряды (*Truppe*). Каждый батальон состоял организационно из трех рот. Рота делилась на три взвода, в каждом из которых было 4 офицера, 90 унтер-офицеров и 22 рядовых. Все подразделения полевой жандармерии были полностью моторизованы. Старший по званию офицер всей жандармерии находился в подчинении генерал-квартирмейстера Генштаба сухопутных войск⁸⁰.

На территории восточной Белоруссии полевая жандармерия действовала при соответствующих воинских формированиях и административных структурах: в областных центрах функционировали жандармские управления, в районных центрах — жандармские посты, а в сельской местности за порядком следили служащие опорных пунктов. Например, в 1941—1943 годах в

тыловом районе группы армий «Центр» имелись следующие батальоны полевой жандармерии:

- 690-й батальон — в распоряжении командующего охранными войсками и тыловым районом группы армий «Центр»;
- 531-й батальон — в распоряжении штаба 9-й полевой армии;
- 551, 694 и 695-й батальоны — в распоряжении штаба 3-й танковой группы;
- 591-й батальон — в распоряжении штаба 2-й танковой группы;
- 581-й батальон — в распоряжении штаба 2-й полевой армии;
- 695, 696 и 697-й батальоны — в распоряжении штаба 4-й полевой армии⁸¹.

Гражданская и полицейская оккупационная администрации также имели свои вооруженные силы, которые состояли из следующих структур:

- части и подразделения войск СС;
- части и подразделения немецкой военизированной полиции;
- подразделения так называемых оперативных групп СД.

Основой группировки войск СС на территории тылового района группы армий «Центр» послужили части и подразделения при так называемом Командном штабе рейхсфюрера СС (*Kommando-stab Reichsführer-SS*). Этот орган был создан в апреле 1941 года как составная часть Личного штаба рейхсфюрера СС. По сути, это была полевая ставка Гимmlера, в обязанности которой входило общее руководство войсками СС, а также координация их деятельности с усилиями полиции и вермахта на оккупированных территориях. Однако помимо чисто административных структур в распоряжении этого штаба находился также целый ряд частей войск СС, которые 27 июня 1941 года были переданы в распоряжение главного фюрера СС и полиции «Россия-Центр» СС-группенфюрера Эриха фон дем Бах-Зелевски. Это:

- 1-я пехотная (моторизованная) бригада СС (*1. SS-Infanterie-Brigade (mot.)*);
- 2-я пехотная (моторизованная) бригада СС (*1. SS-Infanterie-Brigade (mot.)*) — передана в распоряжение главного фюрера СС и полиции «Россия-Север»;

• 1-й и 2-й кавалерийские полки СС (*SS-Kavallerie-Regiment Nr. 1 und 2*) — в августе 1941 года оба полка были сведены в 1-ю кавалерийскую бригаду СС (*1. SS-Kavallerie-Brigade*);

• Добровольческий штандарт СС «Гамбург» (*SS-Freiwilligen-Standarte Hamburg*) — передана в распоряжение главного фюрера СС и полиции «Россия-Север»;

• батальон сопровождения *рейхсфюрера СС* (*SS-Begleit-Bataillon Reichsführer-SS*);

• 1-й батальон противовоздушной обороны Командного штаба *рейхсфюрера СС* (*SS-Flak-Bataillon Kommandostab Reichsführer-SS I*) — сформирован в 1942 году;

• 2-й батальон противовоздушной обороны Командного штаба *рейхсфюрера СС* (*SS-Flak-Bataillon Kommandostab Reichsführer-SS II*) — сформирован в 1943 году;

• дивизион противовоздушной обороны СС «Восток» (*SS-Flak-Abteilung Ost*);

• батальон специального назначения войск СС (*Bataillon der Waffen-SS z.b.V.*);

• 10-я полицейская рота связи (*Polizei-Nachrichten-Kompanie Nr. 10*);

• Специальная команда СС «Дирлевангер» (*SS-Sonderkommando Dirlewanger*) — прибыла на территорию Белоруссии в январе 1942 года⁸².

28 апреля 1941 года генерал-квартирмейстер Генштаба сухопутных войск генерал-майор Эдуард Вагнер достиг соглашения с *рейхсфюрером СС* Гиммлером относительно дополнительного использования частей полиции и войск СС в тыловых районах всех трех групп армий. В соответствии с этой договоренностью каждый тыловой район получал моторизованный полицейский полк, а каждая охранная дивизия — моторизованный полицейский (охранный или караульный) батальон. Согласно той же договоренности, все эти части должны были находиться в оперативном подчинении соответствующих начальников сухопутных войск. Например, в тыловом районе группы армий «Центр» они были распределены следующим образом:

- 213-я охранная дивизия — 703-й охранный батальон (*Wach Bataillon Nr. 703*);
- 286-я охранная дивизия — 704-й охранный батальон (*Wach Bataillon Nr. 704*);
- 403-я охранная дивизия — 705-й охранный батальон (*Wach Bataillon Nr. 705*)⁸³.

Однако помимо них в прифронтовой полосе действовал еще целый ряд формирований СС и полиции, которые являлись силовыми структурами аппарата главного фюрера СС и полиции соответствующего тылового района. В данном случае речь идет о главном фюрере СС и полиции «Россия-Центр», который обладал в зоне своей ответственности всей полнотой полицейской власти (армейские начальники могли отдавать его частям приказы только при «срочной необходимости боевого применения», обычно же он слушался только Гимmlера).

В июле 1941 года в его распоряжении находились:

- полицейский полк «Центр» (*Polizei-Regiment Mitte*);
- 32, 131, 307, 308, 309, 316, 317, 322 и 323-й полицейские батальоны;
- 31-я полицейская рота связи (*Polizei-Nachrichten-Kompanie Nr. 31*)⁸⁴.

В апреле — мае 1943 года в связи с усилением партизанского движения силы полиции в восточной Белоруссии были значительно увеличены. Теперь их группировка выглядела следующим образом:

- полицейский полк «Центр» (*Polizei-Regiment Mitte*);
- 2, 8, 13, 14, 22, 24, 26, 31 и 36-й полицейские полки;
- 6, 11, 32, 51, 85, 91, 111, 122, 131, 134, 301, 307, 308, 313 и 316-й полицейские батальоны⁸⁵.

13 марта 1941 года состоялось совещание между начальником Главного управления имперской безопасности (РСХА) СС-группенфюрером Райнхардом Гейдрихом и генерал-квартирмейстером Генштаба сухопутных войск генерал-майором Эдуардом Вагнером. Результатом этих переговоров стало создание так называемых оперативных групп (*Einsatzgruppe*) Службы безопас-

ности (СД), которые должны были действовать в тыловых районах групп армий и выполнять следующие функции:

- обеспечивать сохранность документов, архивов, картотек подозрительных лиц, организаций и групп;
- задерживать лидеров эмиграции, саботажников, террористов;
- обнаруживать и уничтожать враждебные элементы (обычно, под это определение подпадали евреи, коммунисты, цыгане и др.) и предотвращать враждебную деятельность со стороны местного населения;
- информировать армейское командование о политическом положении на оккупированной территории.

Всего было создано четыре оперативные группы: «А», «Б», «Ц» и «Д», каждая из которых была придана соответствующей группе армий⁸⁶. В тыловом районе группы армий «Центр» действовала оперативная группа «Б» (*Einsatzgruppe B*), штаб которой располагался сначала в Белостоке, затем в Минске и Смоленске, а с августа 1943 года — вновь в Минске. Основной зоной деятельности этой группы были районы Минска и Смоленска. Ее первым начальником стал СС-бригадфюрер и генерал-майор полиции Артур Небе, который находился на этой должности с 1 июня по 16 ноября 1941 года.

Обычно состав оперативной группы насчитывал от 550 до 1200 человек, в число которых входили: сотрудники СД, гестапо, криминальной полиции, полиции порядка, военнослужащие войск СС и вспомогательный персонал (радисты, мотоциклисты и т.п.). С августа 1941 года в такие группы стали также принимать и местных добровольцев (в качестве переводчиков и исполнителей «грязной работы»)⁸⁷.

Каждая из оперативных групп состояла из нескольких подразделений. Например, оперативная группа «Б» включала в себя:

- оперативную команду 8 (*Einsatzkommando 8*)
- оперативную команду 9 (*Einsatzkommando 9*)
- специальную команду 7-а (*Sonderkommando 7a*)
- специальную команду 7-б (*Sonderkommando 7b*)
- передовую команду «Москва» (*Vorkommando Moskau*), с января 1942 года — специальная команда 7-ц (*Sonderkommando 7c*).

Каждое из указанных подразделений действовало вполне самостоятельно, так как даже подчинялось разным инстанциям. Так, оперативные команды 8 и 9 и специальные команды 7-б и 7-ц находились в оперативном подчинении начальника полиции безопасности и СД военной зоны оккупации, а оперативная команда 7-а — в распоряжении того же чиновника, но в генеральном округе «Белоруссия».

Результатом деятельности оперативной группы «Б» на территории Белоруссии и западной России стало уничтожение более 134 тыс. мирных жителей. После освобождения территории Белоруссии надобность в использовании этой группы отпала, и 29 августа 1944 года она была расформирована.

Говоря о деятельности оперативных групп полиции безопасности и СД, нельзя пройти мимо еще одной обязанности, возложенной на их командиров. По договоренности с гражданской и военной администрацией, они занимались формированием органов полиции безопасности и СД на оккупированных территориях, предоставив для них свои организационные структуры и кадровый персонал. Например, подразделения оперативной группы Артура Небе — штаб, специальные команды 7-б и 7-а — стали, со временем, соответственно:

- штабом главного начальника полиции безопасности и СД «Россия-Центр»;
- аппаратом главного начальника полиции безопасности и СД «Россия-Центр» и
- аппаратом начальника полиции безопасности и СД «Белоруссия»⁸⁸.

Силловые структуры фюрера СС и полиции в зоне гражданской администрации начали создаваться несколько позднее — в сентябре 1941 года. В отличие от полицейского аппарата фюрера военной зоны, они были первоначально незначительными и состояли в основном из подразделений жандармерии, которые находились в распоряжении начальника управления полиции порядка в Белоруссии. Так, в апреле 1943 года ему подчинялись следующие подразделения:

- 6, 7, 11, 12, 13, 17, 18, 19, 21, 49 и 50-й моторизованные взводы жандармерии;

- комендантская рота при штабе начальника полиции порядка (*Stab Kompanie / Kommandeur der Ordnungspolizei Weissruthenien*)⁸⁹.

Следует подчеркнуть, что развитие сил по поддержанию порядка на территории генерального округа «Белоруссия» пошло несколько иначе, чем в зоне военной администрации. Здесь немцы сделали ставку на использование местных и пришлых коллаборационистских формирований.

Местные коллаборационистские формирования начали создаваться почти сразу же после первых дней оккупации. Но более подробно об их истории, организации, структуре, боевом применении мы поговорим в следующих главах. Здесь же более уместным будет сказать несколько слов о тех «восточных» частях и подразделениях, которые в силу разных обстоятельств оказались на территории Белоруссии⁹⁰.

В силу того, что Белоруссия занимала ключевое положение для тыла всего Восточного фронта, ее умиротворению немцы придавали первостепенное значение. Однако, как было показано выше, собственных сил для этого у них не было. Поэтому для охраны коммуникаций и территории немецкое военное командование и полицейское руководство стало привлекать добровольческие формирования из различных народов СССР, которые стали создаваться ими с августа 1941 года. Со временем эти и местные добровольческие формирования стали, фактически, костяком всей охраны общественного порядка. С августа 1941 по июль 1944 года их на территории Белоруссии перебивало значительное количество, которое условно можно классифицировать по следующим показателям:

- национальный признак;
- на территории какой оккупационной администрации они действовали и, соответственно, какой власти подчинялись;
- были ли они сформированы на территории Белоруссии, прибыли сюда в качестве усиления местного полицейского аппарата или отступили вместе с немецкими войсками.

Национальный признак является наиболее существенным и охватывает оба последующих показателя. Согласно ему, можно выделить следующие части и соединения «восточных» добровольцев (в этом списке приведены все добровольческие формирования, за исключением белорусских):

- русские национальные формирования — это Русская национальная народная армия (РННА), 1-я Русская национальная бригада СС («Дружина») и Русская освободительная народная армия (РОНА, или «Бригада Каминского»);

- так называемые восточные батальоны (*Ostbataillone*)⁹¹, фактически, те же русские формирования, но без выраженного национального характера — это 201, 203, 221, 286, 427, 432, 439, 601—603, 605, 610, 627, 633—635, 637, 642-й восточные батальоны и 1-й Восточный добровольческий полк;

- казачьи формирования — это 600, 622—625-й казачьи дивизионы, 4-й и 5-й казачьи полки и так называемый Казачий Стан, в составе 10 пехотных полков;

- украинские формирования — это 53, 54, 55, 56, 57, 62, 63, 115, 118, 201-й батальоны «*Schuma*»;

- литовские формирования — это 3, 12, 15, 255-й батальоны «*Schuma*»;

- латышские формирования — это 18, 24, 26, 271, 274-й батальоны «*Schuma*»;

- эстонские формирования — это 36-й и 45-й батальоны «*Schuma*»;

- части и подразделения так называемых Восточных легионов (*Ostlegionen*) — это 1-й Восточно-мусульманский полк СС, 786-й туркестанский, 807-й азербайджанский и 825-й волжско-татарский пехотные батальоны.

К «восточным» добровольческим формированиям также можно отнести уже упоминавшуюся так называемую Специальную команду СС «Дирлевангер». Первоначально эта часть была исключительно немецкой, однако после нескольких месяцев антипартизанской войны на территории Белоруссии в ее состав были включены несколько подразделений, укомплектованных исключительно «восточными» добровольцами (русскими, украинцами, белорусами и др.).

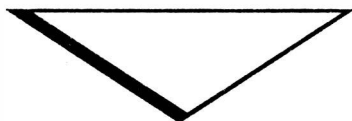
Добровольческие формирования несли охрану общественного порядка по всей территории Белоруссии, находясь в распоряжении всех ветвей оккупационной администрации. В целом это выглядело так (хотя были и исключения):

- в подчинении командующего тыловым районом и охранными войсками группы армий «Центр» действовали в основном все русские формирования, восточные батальоны, казачьи части и подразделения Восточных легионов;

- все батальоны «*Schuma*» были распределены между соответствующими структурами главного фюрера СС и полиции «Россия-Центр» и фюрером СС и полиции генерального округа «Белоруссия» (в подчинении последнего также находился и 1-й Восточно-мусульманский полк СС)⁹².

Проанализировав систему по поддержанию общественного порядка и ее вооруженные силы на территории Белоруссии, можно сказать, что за весь период оккупации наблюдался их неуклонный рост. Так, если в 1941—1942 годах их численность составляла примерно 160 тыс. человек, то весной 1944 года она возросла более чем вдвое.

ГЛАВА 2. БЕЛОРУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ И ЕГО РОЛЬ В ПРОЦЕССЕ СОЗДАНИЯ БЕЛОРУССКИХ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ

БЕЛОРУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ: РЕТРОСПЕКТИВА

Создание «восточных» добровольческих формирований в составе германских вооруженных сил проходило обычно при содействии или активном участии националистических организаций, которые связывали с этим процессом какие-то свои определенные цели. Одной из таких целей было желание получить в свои руки некую вооруженную силу, которая могла быть использована как инструмент давления на немцев или в борьбе за власть со своими политическими оппонентами, а в дальнейшей перспективе — как основа будущей национальной армии. Однако не стоит думать, что эти идеи зародились в головах лидеров национальных организаций только накануне Второй мировой войны. Их истоки следует искать в доктринах того или иного национального движения, многие из которых своими корнями уходят во вторую половину позапрошлого века. Поэтому, чтобы понять причины сотрудничества националистов из числа народов СССР с германским военно-политическим руководством вообще и логику процесса создания «восточных» добровольческих формирований, в частности, необходимо обратиться к истории того или иного национального движения. И белорусский национализм в этом смысле не исключение.

По словам многих исследователей, белорусское национальное движение относилось (да и сейчас относится) к числу наиболее неразвитых как в идейном, так и в организационном плане. Даже, несмотря на поддержку тех или иных внешних сил, белорусским националистам до сих пор не удается окончательно убедить «мировую общественность» и, что более актуально, свой народ, что в этническом смысле он является отличным от русского народа. Тем не менее белорусские националисты продолжают утверждать, что их притязания на государственную независимость имеют исторические корни и основания. В целом все основные вехи развития белорусской национальной идеи можно свести к следующим моментам.

Так, по их утверждениям, белорусским государством было Великое княжество Литовское (XIV—XVIII века), утерьявшее свою независимость «только в результате империалистической политики Москвы». В этот период, как считают они, были заложены основы белорусской государственной и национальной идеи.

Возникновение же белорусского национализма как такового относится его идеологами ко времени Польского восстания 1863 года. Как известно, польский народ не смирился с потерей своей независимости и повел борьбу за ее восстановление. При этом поляки стремились не только к собственному освобождению, но мечтали также и о восстановлении своего государства в границах Речи Посполитой, то есть желали получить украинские и белорусские земли, которые до падения Польши были, в сущности, ее колонией. Поэтому польская борьба получила свое отражение и в западной части Белоруссии, где помещики, шляхта, а отчасти и городское население были уже польскими. Основная же масса населения — крестьяне — были белорусами.

Чем же, помимовсего прочего, знаменито восстание 1863 года? Дело в том, что в ходе его поляки впервые предприняли попытку восстановить против русских властей белорусское крестьянство. Этим делом занимался «диктатор Литвы» Константин Калиновский, написавший и выпустивший несколько листовок на белорусском народном языке. Разумеется, никакого успеха эти листовки иметь не могли, так как белорусский крестьянин, бывший до недавнего времени крепостным (тогда говорили «под пры-

гоном»), не имел никакого основания для поддержки своих недавних господ. И деятельность Калиновского, в связи с его листовками, не заслуживала бы упоминания, если бы не то обстоятельство, что белорусские националисты возвели его в ранг борца за независимость и отца белорусской печати, хотя в листовках Калиновского нет никакого упоминания о белорусском вопросе. По происхождению представитель католической шляхты, Калиновский был чистой воды нигилистом, этаким «бесом» из одноименного романа Достоевского, о чем свидетельствует его бурная молодость⁹³. Будучи еще студентом Петербургского университета, он принимал активное участие в деятельности революционных подпольных кружков. И двигала им ненависть к существующему режиму, а не какая-то «любовь» к белорусскому народу⁹⁴.

Как отмечал эмигрантский историк Иван Коринкевич, «белорусские националисты вообще часто пытались присвоить и приписать себе то, что не имело к ним никакого отношения». Подобно тому, как они отзываются о Калиновском, они пишут и об Игнатии Гриневицком, убийце императора Александра II. Они вполне серьезно рассматривают последнего, как «сознательного белоруса», который действовал, исходя из белорусской национальной идеи⁹⁵. Тогда, как известно, что это был убежденный член «Народной воли», для которого не существовало ни наций, ни народов, а только угнетенные и угнетатели.

Очередные польские попытки посеять смуту в умах белорусского населения и восстановить его против власти произошли незадолго до первой русской революции. В 1891 году польскими революционными организациями была издана в Кракове (тогда Австро-Венгерская империя) книжка антирусских стихов Франтишека Богушевича под названием «Дудка белорусская», а в 1894 году в Познани (тогда Германская империя) — «Смычек белорусский» того же автора. О «польском следе» в этом деле свидетельствует тот факт, что в 1903 году обе эти книжки были переизданы в Лондоне на средства Польской социалистической партии, одним из лидеров которой был Юзеф Пилсудский — будущий «начальник Польского государства»⁹⁶.

Изучая ранние этапы истории белорусского национализма, нельзя не отметить, что он изначально поддерживался внешни-

ми силами. И первой такой силой было польское национально-освободительное движение, лидеры которого считали, что такое политическое течение будет меньшим для них злом, чем принадлежность Белоруссии к единому Российскому государству. А кроме того, как это уже было в случае с Константином Калиновским, все средства были хороши, если они вели к ослаблению России. Следует отметить, что одновременно подобные действия проводились и на «украинском направлении». Фактически, старт двум национальным идеям — украинской и белорусской — был дан одновременно и до определенного момента они развивались параллельно.

Все вышесказанное имеет, конечно, существенное значение для понимания истории возникновения и развития белорусского национализма. Однако, фактически, все эти события можно считать не больше, чем мифами, без которых не может обойтись ни одно национальное движение. Зарождение же белорусского национализма в его современной форме можно отнести только ко времени первой русской революции, перед которой национальной вопрос в Российской империи обострился как никогда до этого. Нельзя сказать, что в советской исторической литературе этому событию не было уделено достаточно внимания. Наоборот, почти все его аспекты подробно и скрупулезно описаны. Но, как правило, большинство работ советских историков касаются только социальной стороны этих событий, тогда как национальная сторона этой революции стыдливо умалчивалась. Коммунистам было как-то неудобно писать, что для подрыва основ империи они активно сотрудничали со всякого рода сепаратистскими организациями, часто вооружая их на иностранные деньги (например, на Кавказе).

Что же касается белорусского национального движения, то оно развивалось следующим образом. В декабре 1902 года на минском съезде представителей студенческих и ученических организаций Вильно⁹⁷, Минска и Петербурга была создана первая белорусская политическая партия — Белорусская революционная громада, которая позднее была переименована в Белорусскую социалистическую громаду (*Беларуская сацыялістычная грамада; БСГ*). Ближайшей своей целью БСГ ставила свержение «царс-

кого самодержавия» и утверждение демократических свобод в совместной борьбе с другими народами империи, после чего планировалось построение социализма. Что касается национального вопроса, то первая программа партии предусматривала создание независимой Белорусской демократической республики, а вторая (1906) — государственную автономию края в составе демократической федеративной России. При этом даже националистические историки не отрицают того, что практически вся первая программа партии была скопирована с программы Польской социалистической партии⁹⁸.

Тогда же, в 1905 году, была основана первая газета на белорусском языке — «Наша доля» («*Наша доля*»). Вскоре эта газета приняла новое название «Наша нива» («*Наша ніва*»), и в таком виде просуществовала до лета 1915 года. Руководящую роль в этой газете играли члены БСГ братья Иван и Антон Луцкевичи, через которых также шли средства на существование этой газеты. Следует отметить, что второй из братьев — Антон Луцкевич — сотрудничал также в польской и левой русской прессе. Помимо них в работе газеты принимали участие Вацлав Ластовский, Иван Луцевич (Янка Купала), Константин Мицкевич (Якуб Колос) и несколько других менее значительных сотрудников. Газета выходила в Вильно, раз в неделю, двумя изданиями (русским и латинским шрифтом), и, по словам Ивана Коринкевича, «носила глубоко провинциальный характер». Никакого влияния эта газета и стоявшая за ней группа не оказывали ни на местную интеллигенцию, ни на прочее население, не без основания видевшее в том деле польскую интригу. И тем не менее «Наша нива» была тем местом, где получили обработку и откуда вышли главнейшие деятели белорусского национализма⁹⁹.

Если первая русская революция и предшествующие ей события пробудили всевозможные национальные движения, то первая мировая война принесла с собой неслыханные возможности для сепаратистов всех мастей, которые направляли свою деятельность на расчленение России. И белорусский сепаратизм не был в данном случае, исключением. Понятно, что наибольший интерес к нему проявили немцы, которые могли использовать его с

большой пользой, чем, например, поляки. Поэтому вскоре после занятия Вильно (1915) тут появился представитель «немецких частных кругов» профессор Абихт, начавший широкое сотрудничество с Антоном Луцкевичем и Вацлавом Ластовским. Последние же, поменяв польских покровителей на немецких, создали при их поддержке первую в истории белорусскую сепаратистскую организацию — Белорусский национальный комитет, позже переименованный в Белорусский совет (*Беларуская рада*). Этим советом были приняты меры по созданию других белорусских организаций, например Общества помощи жертвам войны. Кроме того, была проделана определенная работа по развертыванию сети белорусских школ. Немаловажная роль отводилась и антирусской пропаганде. Так, для этой и других целей на немецкие деньги издавалась еженедельная газета «Клич» («*Гоман*»). Следует отметить, что именно в этой газете Ластовский «открыл» Константина Калиновского как белорусского политического деятеля, а также приписал польскому восстанию 1863 год белорусский характер (во всяком случае, на территории Белоруссии).

К этому же периоду относится выход белорусского национализма на международную арену. В 1916 году Ластовский едет из оккупированного Вильно в Швецию на организованный немцами съезд представителей нерусских народов России, где была основана лига этих народов. Позже он побывал на подобной конференции в Лозанне (Швейцария). Соратник Ластовского Антон Луцкевич также получил немецкий заграничный паспорт и совершил ряд поездок, в которых выполнял ряд немецких поручений, в основном пропагандистского характера.

В целом все усилия Ластовского и Луцкевича, направленные на развитие белорусского национализма в условиях немецкой оккупации, успеха не имели. Во-первых, у них не было кадров, а во-вторых, их деятельность носила характер явной государственной измены по отношению к России, подданными которой они являлись, и поэтому мало кто соглашался с ними сотрудничать. С другой же стороны, ими были установлены определенные контакты, которые пригодились белорусским националистам в дальнейшем¹⁰⁰.

Февральская революция в Российской империи и последовавший за ней большевистский переворот позволили белорусскому национализму оформиться окончательно и начать развиваться на собственно белорусских территориях. Надо сказать, что к февралю 1917 года, несмотря на все усилия националистов, он находился здесь еще в зачаточном состоянии. Так, по словам американских историков Михаила Геллера и Александра Некрича: «Белорусские крестьяне не проявляли чувства этнической самостоятельности по отношению к русским», а «политическая жизнь в Белоруссии развивалась в русских и еврейских политических организациях»¹⁰¹. Тем не менее после свержения царской власти происходит оживление политической жизни и здесь.

Уже упоминавшийся историк Коринкевич нарисовал следующую картину, предшествующую революции и гражданской войне на территории Белоруссии: «По всей России происходили в то время разнообразные съезды, производились национальные формирования, образовывались реальные и дутые правительства и представительства. Все, у кого были хоть малейшие к тому основания, начинают митинговую борьбу за свои цели и идеалы»¹⁰².

В начале апреля 1917 года в Минске прошел съезд белорусских национальных организаций, которые были созданы за период с 1914 по 1917 год. На этом съезде было решено добиваться автономии Белоруссии в рамках будущей Российской федерации. Для этого съездом был сформирован Белорусский национальный комитет. Однако Временное правительство в Петрограде отказалось признать за белорусами право на автономию. В скором времени это привело к тому, что все национальные силы стали ориентироваться на Германию, считая реальным получить независимость из рук немецкого имперского правительства¹⁰³.

В середине июля 1917 года в Минске состоялся съезд белорусских национальных организаций и партий. На нем депутаты избрали Центральный совет (*Цэнтральная рада*) белорусских организаций, которому было поручено создание национального банка, формирование армии и открытие университета. Переименованный в Великий белорусский совет, этот орган созвал в Минске в 18 декабря 1917 года 1-й Всебелорусский конгресс¹⁰⁴,

который, по идее его организаторов, должен был сплотить все национальные политические силы. На конгресс явилось 1872 делегата, из них 716 были военными. Вся группа белорусских сепаратистов из зоны немецкой оккупации сравнительно легко сумела заручиться депутатскими полномочиями и явилась на конгресс в количестве 70—80 человек. Никакого влияния на деятельность и решения конгресса эта незначительная группа иметь не могла. Предложить резолюцию о провозглашении независимости Белоруссии она не решилась, так как такое выступление не отвечало реалиям того времени и было бы попросту поднято на смех. Вообще же основная борьба на конгрессе развернулась между большевиками и социалистами, выступавшими за федерацию с Россией. В результате первой и единственной резолюцией, принятой конгрессом, была резолюция о желательности федеративного устройства Российского государства¹⁰⁵. Принятие именно такого решения получило у националистов следующее «горестное объяснение»: «Массы еще далеко не доросли и не созрели для понимания идеи национальной независимости. Поэтому пришлось обратиться к поискам компромисса, приемлемого и для националистов, и для несознательных еще народных масс. Такой компромисс был найден в принципе федерализма»¹⁰⁶.

Никаких других резолюций и постановлений конгресс вообще не успел принять, так как был разогнан большевиками, настаивавшими на установлении советской власти. После этих событий 71 участник конгресса (в основном, из националистических групп) собрались в своем кругу и провозгласили незаконный характер узурпации власти большевиками. Затем они постановили, что «выделяют» из своего состава так называемый Белорусский совет (*Беларуская рада*), который должен был представлять волю разогнанного конгресса. В дальнейшем вокруг этого конгресса был создан миф, который лег в основу всех остальных националистических построений. Конгресс стал представляться, как нечто похожее на Белорусское учредительное собрание, которое стремилось провозгласить независимость Белоруссии, но не успело этого сделать, будучи разогнанным большевиками¹⁰⁷.

До конца февраля 1918 года созданный националистами Белорусский совет находился в подполье и никоим образом не заявлял о своем существовании. Однако срыв мирных переговоров в Брест-Литовске и оккупация территории Белоруссии немецкими войсками создали новое положение вещей. Изгнание большевиков вновь дало возможность националистическим силам добиваться независимости Белоруссии. Вскоре в этом направлении были предприняты конкретные шаги. Так, уже 9 марта 1918 года было провозглашено создание Белорусской народной республики (*Беларуская народная рэспубліка; БНР*). Вскоре после этого, а именно 25 марта 1918 года, совет, с разрешения немецких властей, провозглашает независимость Белоруссии. Одновременно совет совершает второй акт, пожалуй, не меньшей исторической важности, — посылает от имени белорусского народа верноподданническую телеграмму кайзеру Вильгельму II и просит его принять Белоруссию под свое покровительство¹⁰⁸.

После этого Белорусский совет был конституцирован в Совет Белорусской народной республики (*Рада БНР*). Одновременно был создан кабинет министров (народный секретариат) во главе с президентом Петром Кречевским, который одновременно возглавлял и Совет БНР. Но руководить белорусскому правительству не пришлось. Несмотря на все декларации, германское командование рассматривало Белоруссию как оккупированную часть России. Деятельность Совета БНР, а также временного правительства Белоруссии — народного секретариата — была не то чтобы запрещена, но и не очень приветствовалась. Только через три месяца, в мае 1918 года, командующий немецкими оккупационными войсками генерал пехоты Эрих фон Фалькенхайн принял представителей Совета БНР и дал свое согласие на создание при местных оккупационных структурах института советников. В итоге под немецкой оккупацией БНР существовала только на бумаге, а вся реальная деятельность ее Совета свелась к культурно-просветительским мероприятиям. Такое положение продолжалось вплоть до краха Германии в ноябре 1918 года, когда, ввиду приближения большевиков, белорусские министры были вынуждены бежать вместе с отступающими немецкими войсками и оказались, кто в Польше, кто в Литве, а кто

в Германии или Чехословакии (например, президент Кречевский остался на территории последней)¹⁰⁹.

В результате развала немецкого Восточного фронта и образования политического и военного вакуума на территории Белоруссии ее территория во второй раз была захвачена Советской Россией. Так закончилась первая попытка белорусских националистов добиться независимости своей родины при помощи немцев. Белоруссия же на целых два года (1919—1920) становится театром военных действий между большевиками и поляками. Последние, кстати, также рассматривались белорусскими националистами в качестве союзников. Однако возродившееся Польское государство было не сильно заинтересовано в реальном создании такого альянса. Самое большее, что «начальник Польши» Юзеф Пилсудский мог обещать националистам, так это очень урезанную автономию, да и то только после окончания войны. Теперь уже ясно, что в этих заявлениях было больше пропаганды, чем правды, так как даже в начале XX века поляки не могли отказаться от идеи «Великой Польши от моря до моря» с Украиной и Белоруссией в качестве колоний. В результате все попытки националистов создать в оккупированной поляками Белоруссии свое самоуправление и вооруженные силы были блокированы. Эти события привели к первому серьезному расколу в стане националистов. От них отошли белорусские социалисты-революционеры, которые теперь стали считать, что союз с большевиками вполне возможен, при условии признания ими автономии Белоруссии¹¹⁰.

Здесь следует остановиться и сказать несколько слов еще об одном ключевом и крайне популярном мифе белорусских националистов. Речь идет о так называемом «Слуцком восстании» — событии, которое имело место на заключительном этапе советско-польской войны. Выше уже неоднократно говорилось, что первый главный миф — миф о Всебелорусском конгрессе — носит прежде всего политический характер. С его помощью националисты пытались и пытаются доказать, что именно тогда была провозглашена «независимая Белоруссия». Второй же миф свя-

зан с сознательной вооруженной борьбой белорусского народа за эту независимость. Вот как, например, история со «Слуцким восстанием» выглядит в изложении авторов белорусского эмигрантского еженедельника «Родина» («Бацькаўшчына»): «... Когда Совет Белорусской народной республики объявил 25 марта 1918 года в Минске Белоруссию свободным и независимым государством, на Случчине сразу стали создаваться исполнительные органы БНР, которые сделались местной властью, подчиненные центральным верховным органам в Минске. В Слуцке возникает Белорусский национальный комитет (БНК) во главе с Павлом Жавридом, который разворачивает широкую административную деятельность. Большевики, которые в то время продвигались на Запад (ноябрь 1918 года), разгоняют БНК, а его председателя Жаврида арестовывают. Через два года, в связи с польско-советской войной и продвижением поляков на Восток, Случчина переходит под польскую оккупацию. Перед самым большевистским отступлением Жавриду удается бежать из тюрьмы, а БНК возобновляет свою деятельность... В конце ноября 1920 года большевики без всякого предупреждения снова ворвались на Случчину. Главное белорусское командование приказало уже сформированным белорусским воинским частям и милиции оставить Слуцк и собраться в местечке Семежеве, где и собралось до 10 тыс. повстанцев. Сформированная 1-я белорусская дивизия 27 ноября пошла в кровавый бой за родную Белоруссию... Славный Слуцкий фронт БНР в продолжение месяца сдерживал наступление русско-монгольской орды». И так далее, в том же духе, с нажимом на то, что такая «массовая борьба белорусского народа может быть объяснена только его национальной зрелостью, его враждебным отношением к российскому империализму, его ненавистью к русскому оккупанту, его совершенно правильным отождествлением большевизма с расейщиной»¹¹¹.

Что тут можно сказать?! Конечно, в приведенных выше выдержках правда очень сильно перемешана с ложью. Так, например, ни Главного белорусского командования, ни 10-тысячной 1-й белорусской дивизии, которая более месяца держала 100-километровый фронт, вообще в природе не существовало. Не было никакого и Павла Жаврида. Вернее, он был, но не там. Судя по доку-

ментам, после окончания гражданской войны в Вильнюсе действительно проживал беженец из Слуцка, некто Павел Жаврод, который в 1923 году вместе с семьей вернулся в БССР.

А что же было на самом деле? Как известно, на основе договора о перемирии польские войска должны были отойти за демаркационную линию, а Красная Армия — войти в Слуцкий уезд. Однако 15—16 ноября 1920 года в еще занятом польскими войсками Слуцке по инициативе судьи Прокулевича был созван съезд представителей местных властей уезда, на который прибыло 127 человек. Съезд избрал Слуцкий белорусский совет в составе 17 человек и поручил ему организовать национальную армию. Кроме того, слущкие представители выразили протест против вступления в границы уезда Красной Армии и призвал всех к борьбе за «независимую Беларусь в ее этнографических границах». Затем в течение трех дней из числа военнообязанных была сформирована бригада в составе двух полков (Слуцкого и Грозовского), в которые было зачислено около 4000 человек. Командиром этого соединения был назначен капитан Петр Чайка. Когда же 22 ноября 1920 года Красная Армия, согласно условиям договора о перемирии, начала приближаться к Слуцку, командование бригады приняло решение отступить на запад, вслед за польскими войсками. В этот момент «слущких повстанцев» покинул их командир капитан Чайка. Новый командир бригады штабс-капитан Антон Сокол-Кутыловский смог успокоить вверенных ему людей и отвел их за реку Морочь, чтобы не столкнуться с наступающей Красной Армией. На правом берегу этой реки была уже польская территория. Здесь бригада сложила оружие и была интернирована. Такой взгляд на эту историю является официальной версией современной белорусской историографии. Выглядит он, конечно, более правдоподобно, чем националистические сказки, хотя и их влияния на эту версию тоже нельзя не заметить¹¹².

После Рижского мира между Польшей и Советской Россией (март 1921 года) большая часть Белоруссии осталась в составе СССР, где была создана Белорусская Советская Социалистичес-

кая Республика (БССР) со столицей в Минске. К Польше же отошла ее западная часть с городами Гродно, Барановичи, Белосток, Брест и Пинск. Помимо этого, небольшая часть белорусских земель была присоединена ко вновь образованным Литовской и Латвийской республикам. В дальнейшем этот территориальный (и, что не менее важно, религиозный) раскол сыграл роковую роль в развитии белорусского национализма в годы Второй мировой войны. Кроме того, на территории Центральной и Восточной Европы осела послереволюционная белорусская диаспора. Хотя по своим размерам она и не была такой значительной, как, например, русская или украинская (еще меньше там было «сознательных белорусов»), ее роль в дальнейшем развитии белорусского национализма также важна. К слову, в изгнании оказалось почти все правительство БНР, которое осело в Чехословакии. Еще одним значительным местом проживания белорусской диаспоры была Германия.

Естественно, что настоящая белорусская политическая жизнь развивалась только на белорусских землях. Менее активной она была в Литве и Латвии, хотя на территории последней и оказался бывший «военный министр» БНР и известный публицист Константин Езовитов. Наиболее же активный характер эта жизнь приобрела в СССР и Польше. Развивалась она здесь в совершенно противоположных направлениях, но, как это ни парадоксально, пришла к единому знаменателю — усилению белорусского национализма.

Несмотря на то что большевики провозгласили своей целью нивелировку всех наций, по меткому выражению историка Ивана Коринкевича, «их роль в разведении и насаждении разных национализмов хорошо известна». В конце концов, это и привело к краху СССР. В 20-е же годы прошлого века эта деятельность получила свое выражение в политике так называемой «коренизации». В чем она заключалась? Прежде всего во внедрении языка того или иного народа во все сферы общественной и культурной жизни данной национальной республики. Дело доходило до того, что из учреждений увольнялись люди, которые не могли выучить этот язык. Белорусская разновидность этой политики получила название «белорусизация». В кратчайшие сроки и в принудительном порядке белорусский язык был введен во всех

партийных и советских учреждениях, и даже в армейских частях, расквартированных на территории республики. И советские историки, и даже националисты признают, что в Белоруссии не хватало грамотных кадров, которые бы говорили на... белорусском языке. Невероятно, но факт: почти вся белорусская интеллигенция того времени говорила по-русски и не желала переходить на белорусский язык. И недостаток специалистов по белорусскому языку был восполнен отсюда, откуда меньше всего этого было можно ожидать. После объявления амнистии и провозглашения политики «белорусизации» в БССР вернулись многие бывшие деятели БНР (например, В. Игнатовский, Я. Лёсик, А. Смолич, В. Ластовский и другие), которые почти сразу же включились в проведение этой политики. Так, созданная после окончания гражданской войны Белорусская академия наук почти полностью попала в их руки. Именно эти деятели определили советский вариант истории Белоруссии, основной тенденцией которого явилось выпячивание и подчеркивание самых незначительных проявлений сепаратизма в дореволюционное время и упор на те мифы, которые сложились после 1917 года. Невероятно, но факт, этот вариант, правда, в несколько измененном виде, просуществовал до 1991 года, и, по сути, даже сейчас является базой для всех дальнейших научных (и ненаучных) изысканий в области истории Белоруссии¹¹³.

В конце 1920-х годов, после свертывания Новой экономической политики большевиков и всех сопутствующих ей экспериментов в политической и духовной сферах, пришел конец и «коренизации». Большинство вернувшихся белорусских националистов и выращенная ими новая белорусская интеллигенция разделили трагическую участь интеллигенции других народов СССР. Однако посеянные ими зерна белорусской национальной идеи и сепаратизма все-таки дали свои всходы. И произошло это в период Второй мировой войны.

Если политика партии большевиков в решении белорусского вопроса была поначалу лояльной по отношению к националистам, то в Польше все было наоборот. Официальная Варшава не

считала белорусов каким-то отдельным народом, а только национальным меньшинством, которое необходимо ассимилировать¹¹⁴. В результате вся история Западной Белоруссии 20-х — 30-х годов прошлого века была наполнена борьбой за свое национальное выживание. Не удивительно, что многие из них с надеждой смотрели на СССР, где, как им казалось (или, как им говорили некоторые националисты), белорусская нация активно развивается и строит свое национальное государство в виде БССР.

Следует сказать, что польские власти формально не запрещали белорусские политические партии и организации. Однако они делали все для того, чтобы расколоть их и уничтожить. Сейчас принято утверждать, что польский парламентаризм и режим «санации» был либеральнее сталинского режима: он допускал существование белорусских политических партий и т.п. Но, как это ни парадоксально, белорусы бежали из Польши в СССР, а не наоборот (хотя многие потом и жалели об этом).

В целом политика Польши по отношению к белорусскому национальному движению привела к тому, что накануне Второй мировой войны оно оказалось расколото на несколько течений. Из них наиболее значительными были следующие:

Так называемое *«незалежницькое»* течение. Это было довольно пестрое политическое направление, в котором на почве белорусской независимости сосуществовали организации от христианских демократов до национал-социалистов. Историк Иван Коринкевич отмечал, что «христианских демократов можно считать единственной в настоящем смысле этого слова белорусской партией за все время существования белорусского сепаратизма»¹¹⁵. Возглавлял ее членов, преимущественно белорусов-католиков, ксендз Адам Станкевич, по словам современников — человек порядочный, способный и лояльный по отношению к инакомыслящим. Вокруг него группировалось некоторое число белорусских ксендзов, наиболее выдающимся из которых был Винцент Годлевский, настоятель в селе Жолишки. Белорусское католическое духовенство, безусловно, влияло на своих прихожан, что, конечно, не нравилось польским властям. Поэтому вскоре последовала и расправа. В 1925 году ксендз Годлевский был арестован и приговорен к двум годам тюремного

заклучения за антиправительственную деятельность. После этого католические духовные власти постепенно перевели большинство священников-белорусов на приходы во внутренней Польше, в результате чего деятельность христианских демократов замерла сама собой (хотя формально партия и продолжала существовать до 1940 года). Со временем из этой партии выросли некоторые другие организации, наиболее значительной из которых был «Белорусский фронт» («*Беларускі фронт*») вышедшего к этому времени из заключения Винцента Годлевского. Эта организация была создана в 1936 году, но, несмотря на столь позднее возникновение, сыграла, наверное, самую значительную роль в истории белорусского национализма. Ее сторонники выступали и против коммунизма, и против полонизации, и против германского нацизма. Их целью было возрождение белорусского народа и его духа на основе исторических традиций.

На правом фланге белорусского «незалежницкого» течения находилась Белорусская национал-социалистическая партия (*Беларуская нацыянал-сацыялістычна партыя; БНСП*) Фабиана Акинчица. Эта организация была создана в конце 1933 года на волне общеевропейского увлечения идеями фашизма. Акинчиц и его сторонники считали, что все национальные и социальные проблемы белорусского народа можно решить только путем окончательного отказа от иллюзии демократического строя. А воссоединение разорванных Рижским договором белорусских земель возможно только в результате войны. Нет необходимости говорить, что в последнем пункте своей программы партия ориентировалась на возможную поддержку со стороны пришедших незадолго до этого к власти в Германии нацистов¹¹⁶.

Другое течение, очень небольшое и невлиятельное, составляли так называемые «*полонофилы*», которые пытались разрешить белорусский вопрос, сотрудничая с польскими властями. К этому течению примыкал Радослав Островский, который в годы войны стал одним из лидеров белорусских коллаборационистов. Однако оно не было таким влиятельным, как два первых. Его представителям народ не верил. Да и как можно было верить, если, по словам одного из белорусских националистов Иосифа Малецкого, «польское правительство цинично пророчило, что

через 50 лет на территории Польской республики не будет и следа белорусов»¹¹⁷.

Наконец, третье течение составляли члены нелегальной *Коммунистической партии Западной Белоруссии* и их беспартийные сторонники. Естественно, что эта группировка крайне отрицательно относилась к первому и второму течению и всячески боролась против них, так как считала, что идея независимости Белоруссии только « дезориентирует народные массы ». Есть факты, что в своей борьбе против белорусских националистов коммунисты вполне сознательно шли на сотрудничество с польской политической полицией. Скорее всего, об этом знал и Сталин, так как после присоединения Западной Белоруссии к БССР все местные коммунисты были либо уничтожены, либо высланы в Сибирь¹¹⁸.

К коммунистам идейно примыкала *Белорусская крестьянско-рабочая громада (Беларуская сялянско-рабочая грамада)*, которую возглавляли Бронислав Тарашкевич, Семен Рак-Михайловский, Игнат Дворчанин и другие. Интересно, что в Громаду некоторое время входили и уже упоминавшиеся «полонофил» Радослав Островский и национал-социалист Фабиан Акинчиц, что впоследствии, в годы войны, не помешало им стать крайними коллаборационистами. Эта «шумная организация» канализировала все недовольство белорусского общества, которое накопилось в результате социального неустройства и национальных притеснений. В 1926 году движение Громады, в которое включились явные и тайные коммунисты, приняло характер лавины. В короткий срок ее активистами были созданы сотни сельских комитетов — так называемых «гуртков». Но в конце концов польские власти спохватились, и в начале 1927 года Громаде был нанесен сокрушительный удар. Наиболее активные руководители и члены движения были арестованы, а сама организация была распущена и объявлена запрещенной. Позже многие осужденные по делу Громады были отправлены, по их желанию, в СССР, в обмен на арестованных советскими властями поляков¹¹⁹. Несмотря на то что эта организация прекратила свое существование довольно быстро, ее идеи дали свои всходы. Например, в годы немецкой оккупации Белоруссии ее члены попытаются организовать альтернативное коммунистам партизанское движение.

Такой в целом была картина развития белорусского национализма в период между двумя мировыми войнами. И картина, скажем, не впечатляющая. Ни Польша, ни СССР не были заинтересованы в создании самостоятельного белорусского государства, а западные демократии не проявляли никакого интереса к белорусскому вопросу, и прежде всего из-за слабости национального движения. К этому следует добавить, что в 1925 году правительство БНР в изгнании самораспустилось, а большинство его членов вернулось в СССР. Поэтому нельзя не согласиться с мнением целого ряда исследователей, что к концу 30-х годов прошлого века белорусский национализм и сепаратизм как таковые исчезли бы вообще, если бы не приход к власти нацистов и развязанная ими Вторая мировая война¹²⁰.

Дело в том, что гитлеровские декларации о переделе мира и о «Новой Европе», в которой найдут свое место все обездоленные народы, вселили в лидеров белорусских националистов надежды на скорое решение белорусского вопроса. Безусловно, большинство белорусских политиков, которые считали себя демократами, сначала очень критически относились к заявлениям Гитлера и пропаганде фашизма. Однако, когда в конце 1930-х годов стало ясно, что Германия взяла открытый курс на передел мира и войны не избежать, даже орган польской Белорусской христианско-демократической партии «Христианская мысль» (*«Хрысціянская думка»*) писала в статье «Немецкие намерения и белорусы»: «Последнее время Германия очень интересуется Восточной Европой — СССР, где расположены Украина и Белоруссия... Не потому, что хочет помочь украинцам и белорусам построить свое государство, а потому, что надеется этим развалить СССР, открыть для своей промышленности большой рынок сбыта и добраться до хлебного богатства Украины и лесного богатства Белоруссии... Это, однако, не значит, что белорусы должны уже теперь бояться немецких планов и уже теперь бороться с ними. Нет! Надо только знать, что никому не будет бескорыстной помощи, и что самая полезная только собственная сила...»¹²¹.

Это же касается и «Белорусского фронта» («*Беларускі фронт*»), периодического издания одноименной организации ксендза Винцента Годлевского. Если в его первых номерах (1937—1938) журналисты врагами Белоруссии считали как коммунизм, так и нацизм, то, начиная с конца 1938 года, в газете ясно прослеживается тенденция ориентации на Германию не только как гаранта передела мира, но и как государство — образец нового порядка.

Что же касается интересов Германии в отношении Белоруссии, то в будущей войне ее руководство в целом не рассчитывало на использование белорусского фактора, поскольку, как было сказано выше, белорусские националистические силы были крайне слабы. По образному выражению польского историка Юрия Туронека, «руководствуясь прагматизмом, берлинские власти не собирались выступать в роли акушера белорусского национализма, так как считали белорусский народ очень пассивным даже в деле решения своей собственной судьбы»¹²².

Как таковым, белорусским вопросом в Польше и СССР интересовались только некоторые партийные инстанции и военная разведка. Ими и был установлен контакт с белорусскими националистическими организациями (прежде всего, в Польше). Приоритет в этом деле принадлежал Внешнеполитическому бюро нацистской партии (*Aussenpolitisches Amt NSDAP*; АПА) и его руководителю рейхсляйтеру Альфреду Розенбергу. Взаимоотношения этого бюро с белорусскими организациями не приобрели широкого размаха, однако оказали заметное влияние на немецкое отношение к белорусской проблеме. Еще летом 1933 года АПА установило контакт с Фабианом Акинчицем — идеологом и лидером небольшой группы белорусских национал-социалистов. В ноябре 1933 года эта группа при поддержке и на деньги АПА приступила в Вильно к изданию газеты «Новый путь» («*Новы шлях*»). Почти одновременно, благодаря стараниям Акинчица, в Берлине был создан Союз белорусских студентов. Тем не менее эти усилия не принесли желаемого результата. Союз студентов так и остался малочисленной организацией, а газета «Новый путь» не пользовалась у населения популярностью. К тому же этот печатный орган имел весьма жалкий вид: он выходил не более чем один раз в два месяца, небольшим форматом на 8 стра-

ницах, а его разовый тираж не превышал 500 экземпляров. Последний факт — лишнее свидетельство тому, что немцы не особенно спонсировали деньгами белорусских идеологических союзников. Скорее всего, их поддержка была больше моральной.

Потерпели неудачу и попытки Акинчица добиться популярности для своей партии — БНСП. Это произошло по нескольким причинам. Во-первых, для создания такой организации на западно-белорусских землях не было необходимой социальной базы, увлеченной идеями нацизма. Во-вторых, создание подобной партии было встречено польскими властями без особого энтузиазма: они, и вполне справедливо, полагали, что это будет не политическая партия, отстаивающая права белорусского населения, а обычная организация гитлеровской агентуры. В результате в октябре 1936 года, почти сразу же после создания БНСП, Акинчиц не получил разрешения польских властей на проведение съезда партии, а уже осенью следующего года ее деятельность была фактически запрещена. Одновременно газета «Новый путь» также попала под запрет польских властей. Из-за политических преследований ее редакция была перенесена из Вильно в Лиду, где 25 ноября 1937 года вышел последний номер газеты. Часть членов партии выехала в Германию. Некоторые же во главе с главным редактором партийного органа Владиславом Козловским остались в Вильно и продолжали работать нелегально, вплоть до прихода туда советских войск (1940). Сам же Акинчиц объявил себя больным, вернулся в свое родное село Акинчицы (Минская область) и «стал ждать взрыва, который должен был уничтожить созданное в Версале и Риге политическое положение в Европе». В целом деятельность этой партии не представляет особого интереса, так как ни к каким серьезным последствиям она не привела. Единственным позитивным моментом работы Розенберга с группой Акинчица стало приобретение им (и немецкими инстанциями вообще) ценного опыта по сотрудничеству с белорусскими националистами¹²³.

До начала Второй мировой войны германские власти не имели проблем с белорусской эмиграцией. Однако в результате молниеносной Польской компании (сентябрь 1939 года) на терри-

тории Третьего рейха оказалось около 70 тыс. белорусов — военнопленных Польской армии. Кроме того, на оккупированных немцами территориях, главным образом в Варшаве, Лодзи и Праге, еще с 20-х годов прошлого века существовала значительная белорусская диаспора. К концу осени 1939 года стало ясно, что всю эту массу людей необходимо как-то организовать, а по возможности и использовать. Поэтому в ноябре 1939 года для объединения эмигрантов и военнопленных, установления над ними опеки и помощи при устройстве на работу, в Берлине было создано так называемое Белорусское представительство (*Weissruthenische Vertrauensstelle*), с филиалами в других немецких городах. Руководителем представительства был назначен Акинчиц, которого почти сразу же сменил Анатолий Шкутка. Однако эта организация не могла удовлетворить национальных потребностей белорусов, так как ее единственной обязанностью была работа с военнопленными. С этой же целью, а также для пропаганды среди них, 3 декабря 1939 года при Белорусском предствительстве была открыта газета «Утро» («*Raniца*»). Ее основателем и первым редактором стал Фабиан Акинчиц¹²⁴.

Летом 1940 года лидеры белорусской диаспоры в Берлине получили разрешение немецких властей на создание Белорусского комитета самопомощи. Председателем этого комитета стал бывший консул БНР в Берлине Андрей Боровский. Одновременно были открыты филиалы этой организации в Познани, Лодзи, Торуне (Польша) и Праге (Чехия). В декабре 1939 — январе 1940 года независимо от берлинского комитета был создан Белорусский комитет в Генерал-губернаторстве (Польша). Штаб-квартира этой организации располагалась в Варшаве, а два ее филиала — в Бялой Подляске и Кракове. Согласно уставам этих организаций, которых в конце концов, было создано более десятка, их члены имели право заниматься только общественной и культурно-просветительской деятельностью. Так, например, они заботились об открытии общественных столовых для белорусского населения и создании для него библиотек¹²⁵.

Все эти комитеты имели статус общественных и вспомогательных организаций, поэтому им было запрещено заниматься политикой. Тем не менее на базе этих комитетов возникло не-

сколько политических групп националистов, каждая из которых видела себя единственным выразителем воли белорусского народа. В целом все они стремились к достижению независимости Белоруссии. Отличало их только то, под каким углом зрения они смотрели на сотрудничество с немцами, и то, на какие немецкие инстанции они делали ставку: партию, правительство, СС или армию. Для достижения своей главной стратегической цели каждая из этих групп ставила перед собой ряд тактических задач. У каждой из них они были разными. Однако одна была общей — получение политического влияния в Белоруссии после ее оккупации немецкими войсками в будущей войне с СССР. Поэтому почти сразу между этими группами развернулась острая конкуренция за немецкую благосклонность.

Первым приступил к делу Иван Ермаченко — один из лидеров белорусской диаспоры в Праге. С целью придать своей миссии характер исторической и политической легитимности, он заручился поддержкой Василия Захарко — президента Совета БНР в эмиграции. Почти сразу же после оккупации Чехии немцами, 20 апреля 1939 года, Ермаченко подготовил на имя Гитлера меморандум, лейтмотивом которого была просьба решить белорусский вопрос путем расчленения СССР. Известно, что этот меморандум не остался без внимания, о чем свидетельствует приглашение Ермаченко и Захарко (который только подписал этот документ) на конференцию в МИД Германии (Берлин, 3 августа 1939 года). В ходе этой конференции оба деятеля белорусской эмиграции получили обнадеживающие заверения, что Германия «выступает против концепции единой и неделимой России»¹²⁶. В дальнейшем эти контакты очень сильно повлияли на карьеру Ермаченко в немецкой оккупационной администрации на территории Белоруссии.

Фабиан Акинчиц, наоборот, делал ставку на ведомство Розенберга, так как полагал, что многолетние отношения с этим политиком дают ему основания надеяться на получение руководящей роли среди белорусских эмигрантских организаций Германии и оккупированных ею территорий. Однако шансы Акинчица постепенно уменьшались. Неудачная попытка создания Белорусской национал-социалистической партии сослужила ему плохую служ-

бу. В определенных немецких кругах его стали считать авантюристом, со всеми вытекающими из этого последствиями. На такое мнение также влияло то, что, несмотря на все заявления, Акинчиц имел очень мало сторонников. В конце концов это привело к тому, что он был снят с должности председателя берлинского Белорусского представительства почти сразу же после назначения. Более того, когда в начале 1940 года Акинчиц отправился в Варшаву, чтобы под видом Белорусского комитета самопомощи создать там легальную опору для возобновления деятельности своей нацистской партии, он застал там уже готовый комитет, созданный его идеологическими оппонентами. Началась борьба за власть, которую Акинчиц, несмотря на первоначальный успех, все-таки проиграл и во второй половине 1940 года был вынужден вернуться в Берлин. Вернее, его туда попросту выслали. Дело в том, что варшавских активистов поддерживала СД, поэтому у Акинчица не было никаких шансов, даже при благожелательном отношении Розенберга¹²⁷.

Конец 1940 года застал Акинчица в Берлине, где он продолжал борьбу за лидерство в белорусской эмиграции. К этому же времени относятся и его меморандумы Розенбергу (1 ноября 1940 и 10 января 1941 года), в которых он предложил подробный проект совместной деятельности белорусских национал-социалистов и немецкого руководства. В целом этот проект предусматривал следующие мероприятия:

- организация курсов с целью подготовки политических, административных и хозяйственных деятелей для будущей оккупационной администрации в Белоруссии;
- военная переподготовка белорусских военнопленных;
- организация курсов с целью подготовки разведывательных и диверсионных кадров для их будущей засылки на территорию СССР;
- подготовка пропагандистов из числа военнопленных белорусской национальности.

Тем не менее это было не все. По мнению Акинчица, такие политические задачи могли выполнить только его единомышленники (т.е. белорусские нацисты), в связи с чем им должна быть отведена руководящая роль. «Другая политическая группа, —

писал он, — настроена демократически. Ее отношение к коммунистам не вызывает сомнений, они тайно симпатизируют евреям, склонны к панславизму и относятся к Германии со скрытым недоверием. Эта группа не верит в победу Германии и, судя по ее политической позиции, стремится не скомпрометировать себя ни перед поляками, ни перед коммунистами, или считает, что после поражения Германии коммунисты, а вместе с ними поляки и евреи будут господствовать в Европе. Эта группа относится к нашей организации очень враждебно, постоянно старается ее уничтожить и ни в коем случае не допустить, чтобы немецкие учреждения считались с ее взглядами». После такой характеристики независимых от Акинчица группировок шли его доносы на их лидеров — реальных и мнимых конкурентов белорусских нацистов. Главным образом, это были все те, кто лишил его власти в комитетах Берлина, Варшавы и Лодзи — все они должны были быть заменены его единомышленниками. Досталось и группе Ермаченко в Праге. Ее членов автор меморандумов-доносов считал настроенными демократично и с левыми взглядами¹²⁸.

Однако и на этот раз Акинчиц потерпел поражение. Дело в том, что в Германии действовал строгий запрет на деятельность каких-либо политических партий, кроме нацистской. Этот запрет касался как Третьего рейха, так и оккупированных им территорий. Поэтому все проекты на юридическое оформление партии белорусских нацистов так и остались проектами, а ее возможные члены должны были выполнять поручения различных немецких властей только в индивидуальном порядке. Например, многие из них вступили в разведывательно-диверсионные группы, которые немцы забрасывали на территорию СССР с декабря 1940 по июнь 1941 года.

Не был допущен Акинчиц и к официальной пропагандистской деятельности. Скорее всего, на это решение немецких властей повлияла его бескомпромиссная антикоммунистическая позиция, которая в свете советско-немецкого пакта о ненападении являлась слишком провокационной. По этой причине Акинчиц, как уже говорилось выше, покинул редакцию «Утра», но своей пропагандистской активности он не прекратил. Так, в первой половине 1941 года его сторонники выпустили в Берлине две

брошюры — «Как создать нашу силу» и «Дорогой борьбы Белоруссии с Москвой». Брошюры были напечатаны при помощи ротаторной техники и внешне выглядели как нелегальные публикации.

Период вынужденного бездействия Акинчица закончился в сентябре 1941 года. В этом месяце он был назначен руководителем школы пропагандистов (или «идеологических руководителей»), которая была расположена в местности Вустрау (под Берлином). Как руководитель школы Акинчица был наделен очень широкими полномочиями, вплоть до возможности вести вербовку необходимых ему людей среди белорусских военнопленных и рабочих. Это была серьезная победа Акинчица: со временем эти молодые люди должны были войти в будущую немецкую оккупационную администрацию Белоруссии и стать, таким образом, проводниками его влияния¹²⁹.

Лидером третьей группы белорусских националистов был молодой врач Николай Щорс, активный деятель виленского Белорусского студенческого союза, который идеологически был связан с Белорусским фронтом ксендза Винцента Годлевского. В отличие от двух предыдущих, это была очень влиятельная и разветвленная группа, которая имела своих представителей в Варшаве, Лодзи и Берлине. Со временем членам этой группы удалось занять все ключевые места в белорусских общественных организациях, о которых говорилось выше, и даже оттеснить людей Акинчица от руководства редакционной политики газеты «Утро». К слову, их он, главным образом, и считал своими основными оппонентами. Именно Щорс и его сторонники были перечислены в меморандумах Акинчица как «тайные враги Германии и друзья коммунистов, поляков и евреев»¹³⁰.

19 июня 1941 года представители этой группы создали в Берлине Белорусский национальный центр, который формально мог претендовать на роль организации, занимающейся руководством, планированием и координацией деятельности белорусской эмиграции в Германии и генерал-губернаторстве. Председателем центра стал Щорс, а его членами: Чеслав Ханявка, Анатолий Шкутка и Витольд Тумаш. Нельзя не отметить, что сам факт создания центра за три дня до нападения на СССР указы-

вал на то, что целью его создателей была отнюдь не работа среди эмиграции. Прежде всего он должен был координировать все усилия националистов в ходе немецкой оккупации Белоруссии. В дальнейшем, при благоприятных обстоятельствах, этот орган должен был провозгласить себя временным белорусским правительством¹³¹.

В отличие от Ермаченко и Акинчица, группа Щорса ориентировалась на военные круги (главным образом, на абвер) и СД. Его сотрудничество с этими организациями было начато во второй половине 1940 года и было направлено на вербовку и подготовку агентов с целью их дальнейшей засылки в СССР. Центром такой подготовки должна была стать школа абвера в местечке Ламсдорф (Германия). А главным вербовочным бюро — филиал варшавского Белорусского комитета в Бялой Подляске. Не позднее весны 1941 года группа Щорса начала набор добровольцев для диверсионных подразделений абвера среди военнопленных-белорусов бывшей Польской армии. Первой была сформирована группа в количестве 52 человек (командир — хорунжий Владимир Кочан), которая прошла специальную подготовку и была перебросена через советскую границу. Переброска происходила в два этапа: 15 июня и в ночь с 21 на 22 июня 1941 года. Перед личным составом обеих групп была поставлена сходная задача: совершение диверсий на железной дороге в районе Столбцы — Барановичи и западнее Минска. Инициатором этой акции был ксендз Годлевский, который видел в этой группе ядро будущих белорусских вооруженных сил. В связи с этим в белорусской эмигрантской литературе это подразделение получило название «1-й Белорусский штурмовой взвод» («*1-шы Беларускі штурмовы зв'яз*»). Помимо этого варшавский Белорусский комитет сформировал при помощи СД несколько групп (по 20—30 человек в каждой), которые должны были стать основой аппарата будущей оккупационной администрации. Из них наибольшую известность получила группа бывшего капитана Польской армии Юрия Вежана, которая в июне 1941 года была высажена в районе Сувалок с целью проведения диверсий¹³².

Наконец, абсолютно особняком (и без сторонников) стоял еще один известный белорусский деятель — Радослав Островский —

на тот момент руководитель лодзинского филиала Берлинского комитета самопомощи. Официально он не примыкал ни к одной из перечисленных групп и не искал собственных немецких покровителей. Фактически, Островский занимал выжидательную позицию, полагая, что только нападение Германии на СССР может прояснить ситуацию.

БЕЛОРУССКИЕ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ИХ СОТРУДНИЧЕСТВО С ГЕРМАНСКИМ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИМ РУКОВОДСТВОМ (1941—1945)

Основные вехи истории белорусского национализма первой половины XX века показали, в целом, что его лидеры были подготовлены к активному сотрудничеству с любой силой, которая помогла бы им установить свою власть в Белоруссии. В 30-е годы прошлого века большинству из них такой силой представлялась нацистская Германия. Поэтому, не зная всей сути национал-социалистического учения о славянских народах и всех перипетий той борьбы, которая шла между различными группировками в немецком военно-политическом руководстве, они решили поддержать Германию в ее походе против СССР. Взамен лидеры националистов надеялись получить политическую власть в Белоруссии. Кто-то сразу, а кто-то — постепенно «врастая» в немецкий оккупационный аппарат. Однако, как уже отмечалось выше, до 1943 года у нацистского военно-политического руководства были свои взгляды на использование националистов. Несмотря на их активное участие в поддержке оккупационного режима и создании органов местного самоуправления, нацисты не собирались делить с ними власть в Белоруссии. В 1941—1942 годах политическая и военная ситуации складывались так, что о создании здесь каких-либо серьезных политических организаций не могло быть и речи. И тем более никто не собирался передавать националистам бразды правления в местных органах власти. Наконец, по мнению Розенберга, «большевистское мировоззрение настолько сильно укоренилось в сознании белорусского

населения, что для создания коллаборационистской администрации не осталось никаких предпосылок»¹³³.

Кто из белорусских националистов не понимал текущего момента немецкой политики, были уничтожены почти сразу. Те же, кто был умнее, перешли к политике малых шагов. И здесь они нашли горячую поддержку генерального комиссара «Белоруссии» Вильгельма Кубе, который имел точку зрения на «восточную политику», отличную от мнения своего начальства.

Первым шагом Кубе в сторону реализации своей политики явилось разрешение на создание Белорусской народной самопомощи (*Беларуская народная самапомач; БНС*), о чем 22 октября 1941 года был издан соответствующий указ. В уставе БНС говорилось, что она «является добровольной народной организацией, призванной бороться за возрождение белорусской культуры, готовить национальные кадры, оказывать помощь белорусам, пострадавшим от военных действий, преследований большевиков и поляков, и восстанавливать разрушенный чужаками белорусский край».

Согласно уставу, деятельность БНС охватывала очень широкий спектр жизни белорусского общества. С разрешения Кубе она могла заниматься школьными вопросами, созданием домов культуры, читален и библиотек, организацией всевозможных курсов. Кроме того, ей разрешалось курировать народное здравоохранение и издание прессы на белорусском языке.

План Кубе предусматривал, что со временем БНС должна была «врасти» в местную оккупационную администрацию — от районных комиссариатов до комиссариата генерального. Поэтому завершением организации БНС должно было стать создание ее центрального руководящего органа. 26 января 1942 года такой орган был создан. Некоторое время он функционировал только на бумаге, однако уже 29 июня 1942 года Кубе своим указом придал ему «конституционные формы». Тем же указом руководящему органу БНС было разрешено называться Центральным советом (*Централь*).

Центральный совет располагался в Минске, а в округах, районах и волостях генерального округа «Белоруссия» создавались окружные, районные и волостные отделы БНС. Руководителем

БНС — председателем ее Центрального совета — был назначен уже упоминавшийся бывший полковник белой русской армии Иван Ермаченко, который до войны проживал в Праге (Чехия). Наряду со своими основными обязанностями Ермаченко также должен был выполнять функции советника по белорусским вопросам при генеральном комиссаре Кубе. Такие же функции «мужей доверия» должны были выполнять и окружные руководители БНС (при окружных комиссарах соответственно)¹³⁴.

В течение двух-трех недель после указа Кубе все руководящие органы БНС — от центрального до низовых — были окончательно сформированы. В результате в июле 1942 года эта организация выглядела следующим образом:

- Центральный совет (состоял из 12 членов во главе с Иваном Ермаченко и следующих отделов):

- Отдел политики — Иван Ермаченко;
- Отдел образования — д-р Ефим Скурат;
- Отдел культуры — Иван Косяк;
- Отдел прессы и пропаганды — Антон Адамович;
- Отдел молодежи — Надежда Абрамова;

- Окружные руководители БНС (каждый из них стоял во главе Окружного совета, который в целом дублировал функции Централы):

- Минский округ — Юлиан Сакович;
- Барановичский округ — Юрий Соболевский;
- Новогрудский округ — Борис Рогуля;
- Лидский округ — Григорий Зыбайло;
- Слонимский округ — Александр Сивец;
- Ганцевичский округ — Антон Сокол-Кутыловский;
- Вилейский округ — Александр Колодка;
- Борисовский округ — Станислав Станкевич;
- в Глубокском и Слуцком округах руководители БНС не известны¹³⁵.

Несмотря на то что БНС не была «правительством государственного организма», ее руководство, наряду с благотворительной и культурно-просветительской деятельностью, пыталось влиять и на политическую ситуацию. Так, в конце июля 1942 года в Минске прошел четырехдневный съезд окружных и районных

руководителей Самопомощи. Помимо всего прочего, делегаты съезда пришли к выводу, что БНС уже проделал значительную эволюцию. За относительно короткий период первоначально скромная и маловлиятельная организация стала общеполитической структурой, отвечающей за просвещение, культурную деятельность, пропаганду, политику и самооборону против партизан. Кроме того, руководство БНС активно влияет на хозяйственную жизнь и восстановление разоренного войной края. «Из этого следует, — гласил отчет съезда, — что БНС является центром начинаний во всех сферах белорусской жизни, его руководящим штабом». В связи с этим съезд постановил: необходимо обратиться к немецким властям, чтобы они изменили статус Самопомощи, признав ее главным органом местного самоуправления. В своей заключительной речи Ермаченко сформулировал мотивы такого обращения: «Своим воодушевлением и энтузиазмом народ белорусский продемонстрировал свою волю к самостоятельной жизни и полному возрождению страны, а равно и то, что способен уничтожить всех врагов, которые стоят на его пути к реализации этой цели»¹³⁶.

По свидетельствам очевидцев, съезд проходил в атмосфере эйфории от обещаний Кубе. После окончания съезда она только усилилась. В результате чего, руководство БНС пошло в своих требованиях еще дальше и начало требовать от оккупационных властей выполнения следующих обязательств:

- предоставление Белоруссии полной автономии, а после окончательного разгрома большевиков — независимости;
- создание самостоятельного белорусского правительства;
- организация Белорусской национальной армии.

Последнее требование было наиболее важным в условиях войны, поэтому руководство БНС особенно на нем настаивало. Кубе в принципе, был не против этого. Более того, организация вооруженных формирований при БНС также входила в его планы, как одни из инструментов борьбы с партизанами. Результатом этого стало создание Корпуса белорусской самообороны, речь о котором пойдет ниже.

Естественно, что всякие требования об автономии, и тем более о независимости, не могли в тех условиях понравиться немец-

ким властям. Тем более что не все их представители разделяли точку зрения Кубе на использование белорусских националистов. В результате минское СД завело на Ермаченко и весь Центральный совет БНС уголовное дело о государственной измене, старясь найти в некоторых их действиях злой умысел. Однако вместо этого по ходу расследования всплыли крупные финансовые нарушения, после чего в апреле 1943 года Ермаченко был вынужден оставить свой пост и вернуться в Прагу. А уже в июне 1943 года БНС была реорганизована в Белорусскую самопомощь (*Беларуская самапомач; БСП*) с еще более урезанными правами. Председателем ее Центрального совета был назначен Юрий Соболевский¹³⁷.

После катастрофы под Сталинградом немцы сделали попытку реформировать свою «восточную политику», внося в нее ряд изменений. Одним из них должно было стать широкое привлечение к сотрудничеству деятелей национальных движений и создание из них более авторитетных политических организаций.

27 июня 1943 года в газетах появилось сообщение об учреждении так называемого Белорусского совета доверия (*Беларуская рада даверу; БРД*) — совещательного органа при генеральном комиссаре Вильгельме Кубе. Как утверждалось в ряде публикаций, БРД был создан «для выполнения административных задач большого значения». В этот совет был введен ряд представителей белорусской общественности, целью которых были сбор и обработка предложений и пожеланий, адресованных оккупационным властям, а также участие, с правом совещательного голоса, в заседаниях высшего аппарата генерального комиссариата «Белоруссия». Президентом БРД был назначен глава городского управления Минска Вацлав Ивановский. Помимо него в состав совета входили: Юрий Соболевский (вице-президент), начальник центрального бюро профсоюзов Константин Рабушко, руководители Союза белорусской молодежи — Михаил Ганько и Надежда Абрамова и представитель белорусской интеллигенции Евгений Колубович. Эти пять человек должны были представлять все слои населения Белоруссии. Однако помимо них в

совет было включено еще девять членов. Эти последние были специально отобраны в каждом из округов, как представители местной общественности. Нет нужды говорить, что это были проверенные люди, отбором которых занимались окружные комиссары и в лояльности которых они были уверены¹³⁸.

Выступая по случаю создания новой организации, Кубе повторил все свои тезисы о том, что «немцы являются врагами большевизма, а не белорусов, для которых они являются освободителями», и призвал членов БРД так организовать белорусский народ, «чтобы он стал одним из народов Новой Европы». В этой же речи он поставил перед членами совета три основных задания:

- развитие народного образования и воспитание молодежи,
- возрождение народного хозяйства и
- борьба с партизанами.

При этом он сказал, что все три задания тесно взаимосвязаны, так как «собственность на землю — это только клочок бумаги, если нет возможности защитить ее от бандитов»¹³⁹.

21 декабря 1943 года указом нового генерального комиссара «Белоруссии» СС-группенфюрера Курта фон Готтберга БРД был преобразован в Белорусский центральный совет (*Беларуская цэнтральная рада; БЦР*). По его замыслу, БЦР должен был «объединить в себе самых достойных, заслуженных и деловых представителей белорусского народа»¹⁴⁰.

Этим же указом утверждался и устав БЦР, из которого видны цели и задачи этой новой организации:

1. БЦР является представительством белорусского народа, созданным в рамках данного ему самоуправления.

2. БЦР должен мобилизовать все силы белорусского народа для уничтожения большевизма и руководствоваться этим до окончательного освобождения белорусского народа из-под ига кровавого большевистского господства.

3. БЦР имеет право и обязанность делать для этого немецкому руководству все необходимые и соответствующие предложения. В рамках поставленных ему задач он будет самостоятельно решать и проводить все необходимые мероприятия в сферах со-

циального, культурного и школьного обеспечения. Он имеет право давать указания всем белорусским организациям.

4. Во главе БЦР стоит президент, который назначается и снимается генеральным комиссаром. Других членов БЦР назначает генеральный комиссар по предложению президента.

5. Устав БЦР имеет силу с момента его провозглашения¹⁴¹.

22 января 1944 года, на первом, так называемом «конституционном заседании» БЦР был обнародован ее состав, в который вошли: президент, 2 вице-президента и 12 членов. Президентом БЦР был назначен уже упоминавшийся Радослав Островский, который после смерти Кубе смог вернуться в генеральный округ. Его непосредственными помощниками и заместителями являлись первый и второй вице-президенты, посты которых, соответственно, занимали Николай Шкелёнок и Юрий Соболевский.

24 января 1944 года для руководства различными сферами общественной и культурной жизни белорусов при БЦР были созданы 12 отделов, среди которых необходимо назвать следующие: образования, науки, культуры, пропаганды и прессы, молодежи, вероисповеданий и социального обеспечения. Позднее к ним прибавился еще и военный отдел. Руководителем каждого из этих отделов был назначен один из двенадцати членов совета. Содержаться БЦР должен был на средства генерального комиссариата. По своему статусу БЦР являлся «центральной инстанцией белорусской администрации», для руководства которой в каждом округе «Белоруссии» имелись его представительства — наместничества. Каждое представительство возглавлял назначенный президентом чиновник — наместник. В целом же к февралю 1944 года персональный состав центрального руководства БЦР и его органов на местах выглядели следующим образом:

• Центральное руководство БЦР:

- Президент БЦР — профессор Радослав Островский;
- 1-й вице-президент (также руководитель отдела прессы и пропаганды) — Николай Шкелёнок;
- 2-й вице-президент (также руководитель отдела социальной опеки, самопомощи и контроля) — Юрий Соболевский;
- Отдел финансов — Семен Кандыбович;
- Отдел культуры — Евгений Калубович;

- Отдел образования — д-р Ефим Скурат;
- Военный отдел — Франц Кушель;
- Юридический и религиозный отдел — Павел Свирид;
- Отдел лесного хозяйства — инженер С. Калядка;
- Профсоюзный отдел — инженер С. Стаськевич;
- Союз белорусской молодежи (юноши) — Михаил Ганько;
- Союз белорусской молодежи (девушки) — д-р Надежда Абрамова;
- Отдел сельского хозяйства — инженер Петр Орса;
- Окружные руководители БЦР (каждый из них стоял во главе Окружного совета, который в целом дублировал функции центрального руководства):
 - Минское окружное представительство — Николай Будзилович (затем инженер Жук);
 - Минское городское представительство — А. Комар;
 - Барановичское представительство — доктор философии Станислав Станкевич;
 - Брестское представительство — Михаил Василевский;
 - Вилейское представительство — доктор медицины Иосиф Малецкий;
 - Ганцевичское представительство — Антон Сокол-Кутыловский;
 - Глубокское представительство — инженер Иван Косяк;
 - Лидское представительство — инженер А. Климович;
 - Новогрудское представительство — Борис Рогуля;
 - Слонимское представительство — Александр Авдей;
 - Слуцкое представительство — Иван Гинько (затем Иван Хихлуша).

Помимо представительств в округах президенту БЦР подчинялись и некоторые, созданные ранее, белорусские организации. Среди них следует назвать БСП, Белорусское научное общество, Белорусскую культурную организацию, молодежные организации и т.д.¹⁴².

Сотрудничая с немцами, руководство БЦР отстаивало перед ними и свои политические цели, главными из которых можно назвать следующие:

1. Освобождение белорусского народа от власти большевиков (а, со временем, и немцев);

2. Создание белорусских национальных вооруженных сил;
3. Создание белорусского суверенного государства¹⁴³.

Подтвердить эти цели, а также получить для них поддержку белорусской общественности должен был 2-й Всебелорусский конгресс. Фактически, его созыв был самым главным достижением БЦР (и дальше мы увидим почему). Хотя одновременно и самым неоднозначным моментом в истории белорусского национализма (по крайней мере, в годы Второй мировой войны). Известно, что немцы до последнего тянули с открытием этого съезда. И только под конец весны 1944 года, когда уже стало доподлинно ясно, что Красная Армия готовится к широкомасштабному наступлению, Курт фон Готтберг, по словам белорусского историка Олега Гордиенко, «в очередной раз решил сыграть с белорусами в независимость»¹⁴⁴. В результате недолгих консультаций разрешение на проведение конгресса было дано. Был назначен и день его открытия — 27 июня 1944 года — день, когда «Багратион», советская операция по освобождению Белоруссии, была уже в самом разгаре. Однако белорусских националистов это волновало несильно. На конгресс съехалось 1039 делегатов (проверить эту цифру не представляется возможным, по крайней мере столько человек зарегистрировалось в мандатной комиссии). Доподлинно известно, что выборов на конгресс никто не проводил. Делегатами обычно становились представители белорусской общественности, работники белорусской администрации, школьные учителя, интеллигенция, а также участники белорусских добровольческих формирований. Естественно, что все эти кандидатуры проходили строгий отбор и согласовывались с соответствующими немецкими административными и полицейскими органами¹⁴⁵.

Больше всего делегатов было от Минска и Минского округа (201-го и 115-го соответственно). В этом нет ничего удивительного. В условиях полного паралича транспортной системы генерального округа «Белоруссия» и тотального господства партизан им было проще всех добраться до места назначения. Тем не менее делегаты были из всех округов. Кроме того, были делегаты-белорусы даже от Орловщины, Смоленщины, Брянщины, Черниговщины — все эти русские и украинские области националисты считали этнографически белорусскими территория-

ми, — а также представители белорусских диаспор Литвы, Латвии, Польши, Австрии и Германии. Нет нужды говорить, что наибольшее количество делегатов было из внутренних территорий генерального округа. Из зоны военной администрации их было по несколько человек, из вышеперечисленных западнорусских областей — по одному, а представителей европейской белорусской диаспоры было всего 16 человек. Интересна социальная статистика участников конгресса. Из них с высшим образованием было 217, со средним — 496, а с низшим и начальным — 326 человек. По профессиональной принадлежности делегаты распределялись следующим образом: 276 учителей, 245 крестьян, 142 рабочих, 234 служащих, 20 врачей, 31 инженер, 25 юристов, 14 журналистов, 13 агрономов и 34 представителя остальных профессий. По вероисповеданию: 903 православных, 125 католиков, 4 евангелиста, 1 лютеранин, 5 староверов и 1 мусульманин¹⁴⁶.

Конгресс открылся в 8 часов 10 минут утра в здании Минского городского театра. Там, где, вероятнее всего, проходил 1-й Всебелорусский конгресс. Данный факт должен был символизировать преемственность современного этапа национально-освободительной борьбы от ее революционного периода.

Итак, в 8:10 на трибуну поднялся президент БЦР Радослав Островский, который обратился к присутствующим со следующими словами: «Граждане! Второй Всебелорусский конгресс объявляется открытым. Поздравляю вас, делегаты и делегатки, как представителей белорусского народа, который собрался тут, в столице Белоруссии, для решения важных проблем будущего нашего народа и Родины»¹⁴⁷.

Президентом конгресса был избран ученый и общественный деятель Ефим Кипель — многолетний узник сталинских лагерей, который с 1942 года работал в Школьном инспекторате генерального комиссариата «Белоруссия». Его заместителями — Иван Косяк, представитель президента БЦР в Глубокском округе, и Василий Рогуля, бывший сенатор польского парламента. Первым взял слово президент конгресса Ефим Кипель. В своей речи он сказал следующее: «Мы собрались в чрезвычайно важный исторический момент: во всем мире идет война, решается судьба народов на долгие годы. Белоруссия теперь не может ос-

таваться бездеятельной. Мы должны сами взяться за строительство своего будущего. От нашего имени позволяют себе говорить кремлевские заправилы, которые назначают опекунов, которые уже готовят виселицы нашему народу. На наши земли претендуют польские паны. И вот поэтому в этот момент мы должны сказать всему миру: кто мы, и чего мы хотим». Характерно, что ни одного слова против немцев Кипель не сказал¹⁴⁸.

Следующим выступающим был Радослав Островский, который проинформировал конгресс о достижениях БЦР за полгода ее работы. Главным образом, в его отчете шла речь о социальном обеспечении населения, о белорусских школах и возрождении национальной культуры. Тем не менее наибольшим достижением БЦР (при всех минусах этого мероприятия) его президент назвал создание прообраза белорусской национальной армии — Белорусской краевой обороны. В заключение своего выступления Островский торжественно сложил с себя полномочия президента БЦР и передал дальнейшее рассмотрение своей судьбы в руки конгресса. Для чего он так поступил? Дело в том, что, как уже было сказано выше, Островского очень беспокоила его полная зависимость от немцев. На его взгляд, такую легитимность мог дать ему только белорусский народ. В данном случае — в лице специально отобранных делегатов конгресса. Они его и не подвели. В целом конгресс решил, что БЦР и его президент вполне справились со своими обязанностями, и предложили переизбрать руководство этого органа на второй срок¹⁴⁹. Забегая вперед, следует сказать, что такого, полностью подконтрольного немцам «народного волеизъявления», Островскому хватило с лихвой даже после окончания войны.

После прений по отчету Островского были зачитаны поздравления участникам конгресса: от Белорусской краевой обороны, от Кенигсбергского отдела БНС, от солдат «службы порядка» Восточного фронта, от Союза белорусской молодежи, от белорусских крестьян, рабочих и интеллигенции, от белорусского православного и католического духовенства. Однако первым по списку (и, добавим, по значению) было поздравление генерального комиссара «Белоруссии» Курта фон Готтберга. В своей телеграмме он, в частности, сказал: «Поздравляю 2-й Всебелорусский конг-

ресс и верю, что белорусский народ решительно, вместе с немецким народом, будет сражаться против большевистской опасности за освобождение Европы и что он отдаст для этой цели все свои силы. Тогда эта тяжелая борьба закончится победой, которая принесет счастливое будущее и белорусскому народу»¹⁵⁰. Фактически, это было окончательное, но слишком позднее признание белорусских националистов равноправными партнерами Третьего рейха.

После перерыва были заслушаны доклады некоторых участников конгресса. В результате на основе двух докладов Николая Шкелёнка и Евгения Калубовича делегаты приняли общую резолюцию. Вот ее основные пункты:

1. Признать правильным и снова подтвердить историческое постановление Совета БНР, который, имея полномочия 1-го Всебелорусского конгресса 1917 года, на своем заседании 25 марта 1918 года торжественной 3-й Уставной грамотой постановил об окончательном разрыве Белоруссии с большевистской Москвой и российским государством во всех его формах.

2. Подтвердить, что белорусский народ никогда не признавал, не признает и теперь и никогда не признает в будущем формой своей белорусской государственности, навязанные ему московскими захватчиками формы БССР.

3. Уведомить все правительства и народы мира, что голос Москвы и СССР в белорусских делах не имеет никакой правовой силы, а все созданные Москвой якобы белорусские правительства не имеют никакой правовой компетенции, так как не признаются белорусским народом. Поэтому все условия или односторонние постановления правительств СССР, бывшей Польши, современного так называемого эмигрантского правительства Польши, которые касаются территории Белоруссии и белорусского народа и которые были сделаны раньше или будут сделаны в будущем, 2-й Всебелорусский конгресс объявляет не имеющими никакой правовой силы. Как не будут иметь силы и всякие другие возможные попытки раздела Белоруссии со стороны других государств и народов.

4. Единственным полномочным представителем белорусского народа и его территории сегодня является БЦР во главе с президентом Радославом Островским¹⁵¹.

После своего торжественного оглашения резолюция была поставлена на голосование и единогласно принята. Этот документ был последним и единственным решением конгресса (если не считать поздравительной телеграммы Гитлеру, которой, собственно, это мероприятие и закончилось¹⁵²). В тот же день, через час после принятия резолюции, он был объявлен закрытым. А его делегаты стали срочно разъезжаться по домам. Наконец, тремя днями позднее, 30 июня 1944 года БЦР, оставшиеся делегаты конгресса и другие белорусские коллаборационисты были вынуждены срочно эвакуироваться из Минска, так как Красная Армия стояла уже на подступах к городу.

История белорусских коллаборационистских организаций периода оккупации не является такой однозначной, как может показаться на первый взгляд. И ее необходимо рассматривать прежде всего, в контексте борьбы тех сил, которые претендовали на главную роль в определении «восточной политики» вообще и этой политики в Белоруссии — в частности.

Выше уже было много сказано о том, что немцы не имели единого взгляда на национальный вопрос в оккупированных ими областях СССР. Кто-то считал, что такого вопроса вообще нет. Кто-то полагал, что такой вопрос есть, но заключается он только в привлечении к сотрудничеству русского народа, как наиболее многочисленного и сильного, тогда как с другими нациями и народностями Советского Союза сотрудничать не имеет смысла. А кто-то думал наоборот. Первый генеральный комиссар «Белоруссии» Вильгельм Кубе относился именно к последним. Он вполне искренне полагал, что белорусов надо привлекать к сотрудничеству, в том числе к политическому. Однако на этой почве у него появилось сразу несколько оппонентов. Его непосредственный начальник Альфред Розенберг также был за сотрудничество с «восточными» народами. А его общеизвестная точка зрения на сотрудничество с нерусскими народами вполне совпадала с мнением Кубе. Тем не менее он считал, что это надо делать только с украинцами — их национальное движение представлялось ему наиболее сильным и сформировавшимся. Белорусский же национализм он до

второй половины 1944 года, образно говоря, «в упор не видел». И все-таки эти расхождения во мнениях не были такими глобальными, хотя и мешали выработке некоей общей линии. Гораздо более глубокий конфликт у Кубе возник с руководством СС и полиции рейхскомиссариата «Остланд» и непосредственно с его представительством на территории Белоруссии. В отличие от Кубе полицейские власти считали, что все заигрывания с националистами в политической сфере могут плохо закончиться: осенью 1941 года у всех в памяти еще была жива авантюра, связанная с провозглашением Организацией украинских националистов (ОУН) «независимой Украины». В дальнейшем разногласия с Розенбергом отошли на задний план. Конфликт же «Кубе — СС» продолжался с переменным успехом до самой смерти генерального комиссара. Этот конфликт отразился на всех сторонах жизни оккупированной Белоруссии, в том числе на процессе создания и использования коллаборационистских формирований из местного населения.

Естественно, Кубе не был альтруистом и большим другом белорусского народа. Во всем и везде он руководствовался исключительно интересами Германии. Так, в одном из своих выступлений в апреле 1943 года Кубе подчеркивал, что белорусский национализм очень слабый, им легко руководить, и поэтому он не представляет никакой опасности для немцев. «Белорусов нельзя сравнивать ни с одним из народов “Остланда”, которые всем ходом своей истории были настроены против немцев. Белорусы, — говорил он, — единственный народ, который не занимался политическими интригами против Германии. Литовцы ненавидят нас... латыши и эстонцы приветливо встречали нас не потому, что это были немецкие войска, а потому, что эти войска освободили их от большевиков — все они готовы променять нас на англичан»¹⁵³.

Из этих положений он и исходил, когда разрешал националистам создавать БНС, БРД, Союз белорусской молодежи, открывать школы и библиотеки, и, в конечном итоге, даже организовывать некое подобие вооруженных сил.

В связи со сказанным нельзя не подчеркнуть: одной из причин (может и не самой главной, но не менее существенной) этого

конфликта было то, что каждая из ветвей немецкой оккупационной власти имела «своих» белорусских националистов, которые постоянно враждовали между собой. Например, общеизвестен конфликт между Иваном Ермаченко и Радославом Островским, вследствие которого последний был вынужден уехать из Белоруссии в Западную Россию и не появляться в генеральном комиссариате до самой смерти Кубе.

Другой пример. Всем группам более или менее пронемецки настроенных белорусских националистов не давала покоя деятельность Вацлава Ивановского, который был настроен больше прозападно и пропольски¹⁵⁴. Доносы на Ивановского посыпались сразу же после его приезда в Минск в ноябре 1941 года. Однако, по неизвестной причине, Кубе не трогал его и даже сделал бургомистром Минска и членом БРД. Развязка наступила в начале декабря 1943 года, когда Ивановский был убит неизвестными прямо на улице. По официальной версии, это сделали советские агенты. Тем не менее, многие до сих пор убеждены, что это было сделано по приказу нового генерального комиссара фон Готтберга, который, тем самым обезглавил белорусское националистическое подполье и расчистил дорогу своему ставленнику Островскому¹⁵⁵.

Наконец, еще один белорусский общественно-политический деятель — небезызвестный Фабиан Акинчиц — вообще ненавидел всех: и тайных антинацистов, и откровенных коллаборационистов. Многих из числа последних он, например, считал недостаточно пронемецки настроенными и поэтому недостойными возглавлять местную администрацию на территории генерального округа «Белоруссия». Выше уже говорилось, что осенью 1941 года в Минске была создана БНС, возглавил которую доктор Иван Ермаченко, специально посланный для этого в Белоруссию Розенбергом. Не секрет, что Ермаченко пользовался полным доверием Кубе, который одобрял все его действия, направленные на превращение БНС в полноценное национальное правительство. Такой ход событий не во многом отличался от взглядов Акинчица. Правда, было только одно «но». По меткому выражению польского историка Юрия Туронека, «он сам хотел быть строителем белорусского государства». И вот теперь, пос-

ле ухода с политической сцены Щорса и Островского, главным противником Акинчица стал Ермаченко. Тем не менее сражаться с ним было не просто: оба политика были служащими ведомства Розенберга, и апеллировать о посредничестве пока было не к кому. Нужно было менять тактику. Поэтому Акинчиц сосредоточил всю свою деятельность на так называемом «движении молодых активистов». Этих бывших советских военнопленных — выпускников его пропагандистского лагеря в Вустрау — он смог во множестве пристроить на ответственные посты в оккупационной администрации генерального округа. По замыслам Акинчица, молодежь должна была активно участвовать в борьбе с врагами нового строя, создать свои отряды СС, а в перспективе стать основой общебелорусской национальной организации — надежной опоры немецкого руководства. Забегая вперед, следует сказать, что, несмотря на все попытки Кубе приписать создание такой организации исключительно себе, она была создана летом 1943 года именно по «лекалам» Акинчица и из подготовленных им в Вустрау людей¹⁵⁶.

В результате такой деятельности Акинчица на территории генерального округа «Белоруссия» оформилась оппозиционная к официальному руководству БНС группа. Эти в основном молодые люди руководствовались идеями Акинчица, которые он в целом сформулировал в своей программной статье «Своевременные мысли». Статья эта была довольно объемная. Однако ее основная мысль заключалась в следующем: «Есть у нас “политики”, — писал Акинчиц, которые призывают “ни в коем случае не отвлекать наше внимание от своих белорусских проблем”, и напоминают, что “значимость” современных событий не должна закрывать “незначительность” нашего дела и мешать в строительстве завтра, в собирании и укреплении наших белорусских сил». Таким «политикам» следует напомнить, что судьба белорусского дела зависит исключительно от судьбы антибольшевистского фронта. Было бы большим несчастьем для белорусов, если бы в этот момент, когда страна выбита из колеи нормальной жизни, к власти над ней дорвалась бы некая группа лиц, которые ничего за собой не имеют, кроме болезненных амбиций и жажды власти». Не секрет, что под вышеука-

занными «политиками» подразумевались все, кто был не согласен с линией Акинчица¹⁵⁷.

Однако Кубе, который по-своему разыгрывал карту белорусского национализма, игнорировал требования лидера белорусских нацистов и не позволял газетам размещать его критику БНС и Ермаченко. Зато к этой критике более внимательно стало относиться центральное полицейское руководство Третьего рейха и его минские органы. Гиммлер уже давно крайне негативно относился к политике Кубе. На его взгляд, генеральный комиссар «Белоруссии» являлся проводником идей, полностью противоречащих интересам Германии. Вскоре немецкая служба безопасности повела активное наступление на Кубе, фактическим подспорьем чего стали рапорты Акинчица и его группы. Таким образом, они оказали существенное влияние на сфабрикованное в декабре 1941 — январе 1943 года дело Ермаченко, который был обвинен в государственной измене. Как известно, руководитель БНС смог избежать смерти. Однако в атмосфере развернувшегося затем немецкого террора были репрессированы многие белорусские активисты в Минске и на местах. В том числе был арестован и убит ксендз Винцент Годлевский. Если верить послевоенным белорусским мемуаристам, его смерть — также на совети Акинчица¹⁵⁸.

В начале 1943 года позиции Кубе и БНС были значительно ослаблены, и Акинчиц уже праздновал скорую победу. А в том, что он, наконец, достигнет своей цели, сомневаться не приходилось: все немецкие карательные органы в Германии и Белоруссии были на его стороне. Однако довести задуманное до конца ему так и не удалось. 5 марта 1943 года Акинчиц был застрелен на минской квартире своего давнего соратника Владислава Козловского. Это убийство приписывают якобы советскому агенту Александру Матусевичу. Тем не менее в этом деле до сих пор много неясного. Все донесения советских агентов, которые находились на тот момент в Минске и его окрестностях, свидетельствуют о том, что это покушение стало для них неожиданностью. Поэтому большинство современных белорусских историков склонны считать, что устранение Акинчица было мстью сторонников Годлевского. А Матусевич был использован, что называ-

ется, «втемную». Наконец, не исключено и участие Кубе в этой акции. Так, отдел прессы генерального комиссариата запретил газетам публиковать известие о покушении и смерти Акинчица. Скорее всего, оккупационным властям было просто невыгодно даже обычное упоминание об этом деле, не говоря уже о его причинах¹⁵⁹.

Естественно, что вся эта грызня и конфликты националистических группировок не создавали здоровой обстановки. Нередко это давало повод некоторым немецким представителям утверждать, что с белорусскими националистами вообще нельзя сотрудничать, так как они не могут договориться даже между собой. Конфликт между группой Акинчица и БНС в лице Ермаченко был наиболее острым за весь период оккупации. Однако он интересен не столько сам по себе. В нем, как в капле воды, отразился другой, более масштабный конфликт, исход которого очень сильно повлиял на всю историю взаимоотношений нацистского военно-политического руководства и белорусских националистов. Речь идет о конфликте «Кубе — СС», остановиться на котором следует поподробнее.

Конфликт между генеральным комиссаром и руководством СС делится в целом на два этапа. Первый из них имел место весной 1943 года и был связан с деятельностью БНС и созданием Корпуса белорусской самообороны (КБС), подробнее о котором будет рассказано в соответствующем разделе. Эта часть конфликта протекала в острой форме и закончилась поражением генерального комиссара: роль БНС была низведена до уровня обычной благотворительной организации, ее президент Ермаченко, как мы уже убедились, только чудом избежал отправки в концлагерь, а КБС был расформирован.

Второй этап (лето 1943 года) проходил более мирно и был связан с созданием БРД, Союза белорусской молодежи и прочих мероприятий. В принципе, если бы не смерть Кубе, он мог бы закончиться полной победой его линии: генеральный комиссар стал действовать более осторожно, и к тому же общая военная обстановка была таковой, что уже многие представители немец-

кого военно-политического руководства начали склоняться к мысли о более тесном сотрудничестве с «восточными» народами. Убийство Кубе советскими агентами только несколько затормозило этот процесс, однако, не смогло его остановить¹⁶⁰.

Справедливости ради надо сказать, что преемник Кубе на посту генерального комиссара Курт фон Готтберг не был сторонником сотрудничества с белорусскими националистами. Более того, долгое время он был одним из оппонентов Кубе в упомянутом конфликте, так как не верил белорусам вообще и в возможности белорусского национализма в частности. Став генеральным комиссаром, он поначалу придерживался своей старой точки зрения: например, он убежденно ее отстаивал на конференции, которая проходила в Министерстве по делам оккупированных восточных областей 22—23 ноября 1943 года. Однако, войдя в курс дел генерального комиссариата, он был вынужден сменить свою точку зрения, результатом чего и стало создание БЦР. Здесь необходимо подчеркнуть, фон Готтберг не стал в одночасье другом белорусского народа. Просто он пришел к тем же выводам, что и Кубе, когда оказался на его месте: если белорусские националисты работают под присмотром в одной организации, то их очень легко использовать¹⁶¹.

Фактически, фон Готтберг только разрешил создание БЦР, как и позволил существовать такому «детису» Кубе, как Союз белорусской молодежи. Настоящим же инициатором создания совета стал его будущий президент Радослав Островский, который при этом преследовал свои цели: как полагает польский историк Юрий Туронек, он был сторонником тактики «малых шагов» и считал, что добиваться уступок у немцев надо постепенно.

В исторической и мемуарной литературе до сих пор идут споры о том, как к этим организациям относились обычные белорусы — те, ради блага которых, как каждый раз декларировалось, они создавались. Советские историки отвечали на него традиционно однозначно: народ ко всем затеям немцев и националистов относился отрицательно.

Казалось, что западные историки должны были придерживаться противоположной точки зрения. Однако многие из них, в

принципе, разделяют мнение советских историков. Так, несмотря на то, что, например, БНС должна была отстаивать права белорусов и защищать их интересы, она, по словам американского историка Александра Даллина, «не нашла поддержки у широких масс населения», так как последнее видело в нем «обычных немецких прислужников»¹⁶².

Но и среди авторов из числа белорусских националистов нет единого мнения. Как известно, после создания БЦР немецкая пропаганда объявила о новом «белорусском конституционном правительстве». Однако это было не так. По воспоминаниям представителя БЦР в Вилейском округе Иосифа Малецкого, «из содержания устава не следовало, что уже были признаны некоторые формы белорусской государственности, так как окончательная законодательная и исполнительная власть и далее оставалась в немецких руках»¹⁶³. С ним соглашается Константин Акула. Например, он пишет в своих воспоминаниях: «Мало кто из белорусов считал БЦР правительством. Таким он и не был. Скорее считали его представительством оккупантов. Это же относится и к так называемому 2-му Всебелорусскому конгрессу»¹⁶⁴.

С этими утверждениями нельзя не согласиться. В целом и БНС, и БРД, и БЦР были обычными коллаборационистскими организациями, так как являлись послушным орудием в руках немцев. Кубе мог сколько угодно (и вполне искренне) говорить о том, что Белоруссия является не оккупированной территорией, а «местом государственной жизни белорусского народа», который является «народом европейским» и т.д. и т.п. Однако зверства полицейского аппарата убеждали простого белоруса в обратном. Для населения все немцы были одинаковы, и оно не видело разницы между Кубе и фон Готтбергом и уж тем более не понимало различия их концепций.

Многие авторы из числа белорусских националистов утверждают, что народ ненавидел немцев, но хорошо относился к активистам из белорусских организаций. Отчасти это правда, и тому есть много свидетельств. Например, члены БРД очень активно осуждали зверства немцев против мирного белорусского населения. Один из них, Евгений Колубович, справедливо подчеркивал, что такой садизм играет на руку только партизанам и

не способствует взаимопониманию населения и новой власти. Однако в большинстве своем простые белорусы считали всех, кто сотрудничал с немцами, такими же врагами, и советская пропаганда во многом этому способствовала. И даже такое мероприятие, как 2-й Всебелорусский конгресс, не сильно повлияло на настроения населения. На нем было заявлено, что он представляет все слои белорусского народа и будет продолжать политику «белорусской национальной революции 1917 года». Тем не менее, несмотря на это, все знали, что делегаты на конгресс были отобраны немцами, а доклады всех выступающих утверждены в СД. К слову, в ходе этого мероприятия об оккупантах говорили только хорошие слова¹⁶⁵.

В целом, нельзя не согласиться с выводом польского историка Юрия Туронка, который пишет, что история белорусских националистических организаций, в частности и деятельность белорусских националистов в период оккупации вообще, не является однозначной. С одной стороны, такие организации, как БЦР, все-таки повлияли на рост национального самосознания белорусов, хотя и не в такой мере, как это представляется националистами. С другой же стороны, все, что они рассказывают о «белорусском государстве, его армии, учреждениях и конгрессе, которые якобы существовали при немцах, является обычным мифом»¹⁶⁶.

5 июля 1944 года БЦР прибыл в Кенигсберг, а уже в августе переехал в Берлин. Здесь начался новый этап истории белорусских коллаборационистских организаций. Этот этап не был таким длинным, как предыдущий. Однако по своей насыщенности он мало уступает ему. Белорусские националисты, хотя и начали работать в совершенно новых для них условиях, столкнулись здесь с проблемами, которые своими корнями уходили в оккупационный период. И опять национальная политика нацистов играла здесь не последнюю роль.

Еще до прибытия БЦР в Берлин Розенберг признал его «единственным политическим представительством белорусского народа». На этот шаг Министерство по делам оккупированных вос-

точных областей не могло решиться с декабря 1943 года. В условиях же конца лета 1944 года это свидетельствовало о том, что Розенберг задумал использовать БЦР как одну из фигур в своей политической игре. Делать это было очень выгодно, так как даже с пропагандистской точки зрения эта организация имела гораздо более высокую ценность, чем другие, подобные ей организации «восточных» народов. Во-первых, в отличие от них, БЦР был создан на своей территории, а не в эмиграции. Во-вторых, главным источником его «легитимности» был не какой-нибудь указ оккупантов, а «воля делегатов 2-го Всебелорусского конгресса». И в-третьих, функционирование совета в эмиграции можно было представить как результат прерванного Красной Армией процесса создания белорусского государства под немецкой оккупацией.

Через некоторое время после признания БЦР Розенбергом, 20 августа 1944 года, Островский обнародовал протест, адресованный «всем правительствам и народам мира» и направленный против «оккупации Белоруссии советскими войсками». «БЦР рассматривает этот акт большевистской Москвы, — говорилось в документе, — как очередное циничное нарушение международного права. БЦР рассматривает очередную оккупацию Белоруссии большевиками как временную военную оккупацию и призывает весь белорусский народ, как на оккупированной территории, так и за ее границами, для наискорейшего освобождения своей родины»¹⁶⁷.

Таким образом, после прибытия в Германию, БЦР целиком перешел под юрисдикцию Министерства по делам оккупированных восточных областей и стал выполнять только его указания. Для этого в структуре последнего было создано специальное Белорусское бюро (*Weissruthenische Leitstelle*), которое и должно было руководить всей политической и общественной жизнью белорусской эмиграции. Начальником бюро был назначен доктор Люббе¹⁶⁸.

Сфера компетенции и направления деятельности БЦР были строго ограничены инструкциями Белорусского бюро и заключались в следующем:

1. Борьба с большевизмом посредством:

— участия в создании белорусских добровольческих формирований;

- участие в создании партизанских отрядов за линией Восточного фронта;
- активной пропагандистской деятельности среди белорусских рабочих.

2. Объединение всех белорусов в Союзе освобождения Белоруссии, который планировалось создать при помощи БЦР.

3. Культурная, социальная и правовая опека над всеми белорусами на территории Германии и оккупированных ею стран.

4. Работа среди молодежи (главным образом, среди членов Союза белорусской молодежи и добровольных помощников Люфтваффе).

5. Работа среди женщин.

Общественной базой для деятельности БЦР должны были стать белорусы, которые находились на территории Германии и на оккупированных территориях Польши и Чехии. В основной своей массе это были белорусские «восточные рабочие» — «остарбайтеры» (*Ostarbeiter*), которых немцы принудительно вывезли в Германию (около 378 тыс. человек всех возрастов). Кроме того, лидеры белорусских националистов могли рассчитывать на некоторое количество молодежи и белорусскую эмиграцию, которая проживала на этих территориях еще до начала Второй мировой войны (еще около 22 тыс. человек). Всего, таким образом, около 400 тыс. человек на июнь 1944 года. В июле это количество возросло за счет беженцев, в результате чего численность белорусов в Германии и на оккупированных ею территориях составила примерно 500 тыс. человек.

Все свои вопросы по культурной и социальной опеке БЦР решал через берлинское Белорусское представительство и Комитет самопомощи, который имел свои филиалы во всех главных местах пребывания белорусов. В связи с этим обе указанные организации были подчинены БЦР.

Начиная с сентября 1944 года БЦР активно занимался организацией школ для белорусских детей, культурной работой среди белорусов (например, им была организована театральная труппа «Да здравствует Беларусь», которая в ноябре и декабре дала 46 представлений в разных местах скопления белорусской эмиграции), распространением печатной продукции и радиопропа-

гандой. Однако основной задачей совета по-прежнему оставалось участие в обороне Германии. По мнению его немецких кровителей, это был единственный момент, который мог оправдать существование БЦР и все его другие начинания¹⁶⁹.

Рассматривая вопрос участия белорусских националистов в процессе создания «восточных» добровольческих формирований на территории Германии, нельзя пройти мимо их взаимоотношений с другими национальными организациями и, прежде всего, так называемым власовским движением.

Известно, что до осени 1944 года находившиеся в Германии антикоммунистические национальные организации фактически не сотрудничали между собой. Толчком же к началу более интенсивных отношений послужило провозглашение так называемого Комитета освобождения народов России (КОНР). Эта организация была создана на основе власовского движения и явилась, по сути, победой «прорусской» линии в немецкой национальной политике, которую поддержал рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер — один из самых влиятельных политиков Германии на тот момент, за спиной которого к тому же стояла реальная военная сила. Здесь, однако, следует оговориться, что Гиммлер отважился на такой шаг не из-за какой-то любви к русским. Просто до него на последнем году войны дошло то, что оппозиционеры в вермахте поняли еще в 1941 году: только объединение всех «восточных народов» в общей антикоммунистической организации может изменить ход войны в пользу Германии. Кстати, свой взгляд на «восточную» политику рейхсфюрер аргументировал следующим образом: «Когда некий белорус или украинец создает свою армию, то, несмотря на это, он все равно остается русским. Представьте себе, что приходит ко мне некто, например некий немецкий эмигрант из Баварии или Бадена, и говорит, что он не немец, а только баварец или баденец, и борется за свободу Баварии или Бадена. Это же бессмысленно. Такого вот понатворил нам этот дурак Розенберг»¹⁷⁰. Хотя и грубо, но в целом лучше сказать трудно.

16 сентября 1944 года Гиммлер встретился с бывшим генерал-лейтенантом Красной Армии Андреем Власовым — лидером од-

ноименногдвижения. В ходе беседы Власов поставил перед рейхсфюрером три основных условия, без выполнения которых он считал невозможным нормальное функционирование КОНР. Это: роспуск всех национальных организаций и включение их членов в будущий комитет, создание Вооруженных сил КОНР, в которые должны были войти все «восточные» добровольческие формирования германских вооруженных сил, улучшение положения «восточных рабочих» и передача опеки над ними в соответствующие структуры комитета. Отдельно был поднят вопрос о прекращении всяческой антирусской пропаганды, которой занималось ведомство Розенберга. В конце встречи Гиммлер принял все доводы Власова и дал свое окончательное согласие на создание КОНР¹⁷¹.

Переговоры Власова и Гиммлера показали, что, несмотря на военные условия, национальный вопрос являлся одним из ключевых для будущего руководителя КОНР. Выступая публично и в частных беседах, бывший советский генерал не уставал подчеркивать следующий тезис: «Народы России прекрасно сознают, что судьба каждого из них зависит от общих усилий... Разве им есть из-за чего ссориться сейчас, когда большевизм отнял у них все... Только общими усилиями они свергнут большевистский строй и лишь после этого в мирном сожителстве разрешат все вопросы своего национального бытия»¹⁷². Более того, по свидетельству близких к Власову лиц, он намеревался объединить все народы СССР, а после войны созвать Учредительное собрание. Только на нем и только после победы над большевизмом, по его мнению, народы могут решить: оставаться в союзе с русским народом или выделиться в самостоятельное государство¹⁷³.

Наконец, 14 ноября 1944 года на торжественном заседании в Праге было провозглашено создание КОНР. По замыслу Власова, эта организация должна была представлять собой «широкий антисталинский фронт», объединяющий в своих рядах различные слои советского общества и все национальности СССР. Фактически, комитет должен был выполнять функции «российское правительство в изгнании». В случае же поражения большевиков он должен был стать «временным правительством новой России». Чтобы придать комитету действительно общерос-

сийский характер, в состав его президиума было предложено войти лидерам всех национальных организаций, которые к тому времени находились на территории Германии. Как было сказано выше, это было одним из условий, которые обещал выполнить Гиммлер. Однако, несмотря на его поддержку, процесс создания многонационального антисталинского фронта неожиданно зашел в тупик. Дело в том, что лидеры большинства национальных организаций усмотрели уже в самой идее КОНР всего лишь «очередную русскую затею». Следует сказать, что эти события приняли такой оборот не без участия Альфреда Розенберга, который на правах министра по делам оккупированных восточных областей курировал большинство национальных представительств. Как известно, краеугольным камнем всех его теорий и действий на этом посту было стремление уничтожить многонациональную Россию (не важно, коммунистическую или буржуазную) путем ее расчленения на отдельные государственно-национальные образования. Поэтому в результате интриг Розенберга большинство лидеров национальных организаций посчитали, что основной принцип Пражского манифеста КОНР, согласно которому устанавливалось «равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную самостоятельность», является всего лишь тактическим ходом и при первом же удобном случае будет забыт¹⁷⁴.

На этом основании многие из действительно влиятельных национальных лидеров отказались от своей кооптации в КОНР еще на стадии переговоров с Власовым. В итоге уже 18 ноября 1944 года в Берлине состоялось заседание так называемых «представителей порабожденных Россией народов». В этом, полностью срежиссированном Розенбергом, мероприятии приняли участие следующие лица и организации:

- председатель Боевого союза волжских татар «Идель-Урал» Абдурахман Шафаев,
- председатели Армянского, Азербайджанского, Грузинского и Северо-Кавказского комитетов Вардан Саркисян, Али Фаталибейли, Михаил Кедия и Али-хан Кантемир,
- председатель Крымско-татарского национального центра Эдиге Кырымал,

- президент Туркестанского национального комитета Вели Каюм-хан,
- лидеры ряда украинских политических групп (например, один из лидеров небезызвестной ОУН Андрей Мельник),
- президент БЦР Радослав Островский.

Целью этого заседания было: продемонстрировать единую волю лидеров всех национальных организаций «к борьбе за свободу своих народов и своей земли от русской оккупации и возрождению своих национальных государств». В ходе заседания все руководители комитетов и групп подписали соглашение, по которому обязались совместно работать над вопросами освобождения своих народов и взаимно поддерживать друг друга в этом деле. Заседание избрало комиссию, задачи которой заключались в практическом решении указанных вопросов¹⁷⁵.

В тот же день все участники заседания обратились с меморандумом к Розенбергу, в котором заявили «самым решительным образом», что «не могут взять на себя ответственность за последствия, которые могут произойти в результате действий генерала Власова, если его притязания на возглавление наших народов не будут отвергнуты с достаточной ясностью»¹⁷⁶.

Таким образом, общая тенденция была ясна: противопоставить все нерусские организации даже не русскому, а общероссийскому антикоммунистическому движению, с целью ослабить будущую небольшевистскую Россию, окружив ее кольцом враждебных государств.

Однако следует сказать, что не все национальные группы, находившиеся в то время на оккупированных Германией территориях, поддержали лидеров своих организаций. Наиболее известным в данном случае является протест казаков, большинство из которых воспротивилось своему искусственному обособлению от русского народа. Менее известным является конфликт, возникший между руководством белорусского национального движения и рядом офицеров белорусских добровольческих формирований.

Выше уже говорилось, что одним из участников заседания «представителей поработанных Россией народов» был президент БЦР Радослав Островский. Не будет преувеличением, если ска-

зять, что это был один из самых непримиримых национальных лидеров. Непримиримых по отношению к идее сотрудничества с Русским освободительным движением. По свидетельству эмигрантского мемуариста Александра Казанцева, Островский отказался войти в КОНР, так как «обещанный Розенбергом пост президента будущей Белорусской республики закрыл ему... все горизонты»¹⁷⁷. Это только отчасти является правдой. Наряду с личными амбициями Островского следует также признать, что это был убежденный антикоммунист и одновременно сторонник идеи полной независимости Белоруссии. Эту идею он отстаивал даже в ущерб созданию единого антисталинского фронта. Во многом это и подвигло его принять участие в аванюре, предпринятой Розенбергом.

О том, что «заседание порабоженных народов» было именно авантурой, свидетельствует то, что, заключив политическое соглашение, лидеры национальных организаций оставили в стороне вопросы военного сотрудничества и строительства своих вооруженных сил, тогда как ясно, что в условиях войны они были главными. В результате 9 декабря 1944 года командир Специального белорусского десантного батальона «Дальвиц» (более подробно об этом батальоне смотри в следующих разделах) майор Всеволод Радько и группа его офицеров поставили перед руководством БЦР вопрос о присоединении своего подразделения и прочих белорусских частей к движению генерала Власова. По его мнению, КОНР «выдвинулся на передовую линию антибольшевистского фронта» и тесное сотрудничество с ним является возможностью увеличить собственную силу белорусов. Это сотрудничество должно было осуществляться как по политической, так и по военной линии. Например, результатом военного сотрудничества должно было стать оперативное подчинение всех белорусских частей штабу генерала Власова. При этом главным аргументом офицеров батальона было то, что в ближайшее время нет и не предвидится возможности создания крупных белорусских воинских формирований. Главной особенностью этого обращения к руководству БЦР было то, что оно заканчивалось ультиматумом: если их условия не будут выполнены, то офицеры «Дальвица» сами, без согласия с Островским, начнут решать эти вопросы¹⁷⁸.

Здесь следует сказать, что Радько и все руководство «Дальвица» являлись сторонниками стратегии, которая предполагала развертывание партизанского движения против советских войск и через это организацию народного восстания в Белоруссии. Генерал Власов также считал, что одним из направлений антикоммунистической борьбы должна быть партизанская война на территории СССР. Поэтому Радько и его группа увидели в этом положительный момент для себя: если против большевиков поднимутся все народы СССР, считали они, белорусским партизанам будет значительно легче.

Дальше мы увидим, почему офицеры «Дальвица» так думали и в чем были истинные причины их демарша. Однако в той ситуации практически все руководство БЦР крайне отрицательно относилось к идее сотрудничества с генералом Власовым и КОНР. В ответе, подготовленном для офицеров «Дальвица» «военным министром» БЦР генерал-майором Константином Езовитовым, было заявлено, что белорусы не могут войти в созданную Власовым организацию. По его мнению, главной причиной этого было то, что в данный момент вхождение в КОНР осуществляется не на партнерской и союзнической основе, а путем «полного подчинения, связанного даже с ликвидацией всех организаций отдельных национальностей». Поэтому было заявлено прибывшему в резиденцию БЦР Радько, что «все разговоры о присоединении к движению генерала Власова, являются преждевременными». К тому же усилению позиции БЦР в этом споре способствовало то, что одновременно с этими событиями между ней и Главным управлением СС была достигнута договоренность об организации 30-й гренадерской дивизии войск СС — крупного белорусского воинского формирования, создания которого так добивались офицеры «Дальвица»¹⁷⁹.

Интересно, что вопрос о присоединении к КОНР был только верхней точкой конфликта между сторонниками Радько и БЦР. Фактически, он возник еще в июле 1944 года, когда члены Белорусской независимой партии начали обвинять Островского в срыве эвакуации из Белоруссии, в результате чего были потеряны почти все батальоны Белорусской краевой обороны. Кроме того, они считали, что БЦР является обыкновен-

ной немецкой марионеткой, и только присоединение к КОНР может реабилитировать его в глазах белорусской общественности. Так что декабрьские события были только логическим продолжением, но не завершением этого конфликта. Ответ генерала Езовитова не успокоил Радько и его мятежных офицеров, а только еще больше усилил противоречия между ними и советом. В результате в январе 1945 года Радько отказался от дальнейшего сотрудничества с Островским и выразил сожаление, что делал это раньше¹⁸⁰.

Указанная дискуссия была, фактически, позицией только двух групп белорусских националистов. Однако была еще одна небольшая группа, члены которой все-таки присоединились к власовскому движению, войдя в КОНР. Их взгляды в целом отличались и от взглядов Островского, и от взглядов Радько. Поэтому для полноты общей картины белорусского национализма на истории этой группы следует остановиться подробнее. Фактически, она оформилась еще до издания Пражского манифеста — летом-осенью 1944 года. Интересно, что, как и в предыдущем сюжете, инициаторами сотрудничества с власовским движением стали военные. В конце лета — начале осени 1944 года в Берлине образовалась провласовская группа — Белорусский руководящий комитет. Эта группа состояла из бывших советских офицеров-белорусов, наиболее активными из которых были подполковник М. Подлазник, капитан К. Вишневский и лейтенант Ю. Левкович. Несколько позже к ним присоединился капитан Михаил Пугачев, фигура в белорусских коллаборационистских кругах довольно известная: с февраля по июнь 1944 года он являлся уполномоченным Штаба Белорусской краевой обороны в Минском округе. Убежденный антисталинист, но, скорее всего, этнический русский, этот бывший советский офицер вскоре понял, на кого работают лидеры БЦР, и уже в эмиграции порвал с Островским. Однако прежде, чем начать переговоры с власовцами, эти офицеры постарались перетянуть на свою сторону ряд видных националистических деятелей. В результате к комитету присоединились Николай Будзилович (вскоре стал его председателем), Николай Демченко, Владимир Гутько и ряд других, более или менее известных

политиков. Тем не менее главной удачей «комитетчиков» стал переход на их сторону Ефима Кипеля — бывшего председателя 2-го Всебелорусского конгресса¹⁸¹.

В октябре 1944 года в предместье Берлина Далендорфе состоялась встреча «белорусской организационной группы» с генералом Власовым и его ближайшими сотрудниками: Василием Малышкиным, Георгием Жиленковым и Дмитрием Закутным. По воспоминаниям Кипеля, целью этой встречи было «высказать свой, белорусский, взгляд» на готовящийся Пражский манифест. К слову, он остался недоволен результатами переговоров. И опять-таки из-за позиции власовцев решать национальный вопрос только после победы над большевизмом. На совещании же доминировала точка зрения Будзиловича, явного русофила и сторонника безоговорочного подчинения Власову. Поэтому уже после встречи в Далендорфе Кипель созвал на совещание тех сотрудников комитета, которых считал преданными «белорусскому делу». Здесь он поставил только один вопрос: сотрудничать или не сотрудничать с Власовым. При этом Кипель подчеркнул, что, если они откажутся от такого сотрудничества (весьма, на его взгляд, перспективного), Власов найдет себе «других белорусов». И поможет ему в этом Будзилович. Понятно, что последний на это совещание приглашен не был. Те же, кто присутствовал на совещании, решили сотрудничать с будущим КОНР.

Как уже было сказано выше, 14 ноября 1944 года на заседании в Праге КОНР был торжественно провозглашен. От белорусов в его президиум был избран Будзилович. В свою очередь, белорусский офицер лейтенант Владимир Дубовец (бывший до этого военнопленным) подписал Пражский манифест этой организации. Показательно, что уже после войны Кипель называл этот документ «шагом вперед», и именно потому, что там был параграф о самоопределении народов — как мы помним, главный объект недоверия лидеров других национальных организаций. Но это все-таки была далекая перспектива. Для решения же текущих национальных вопросов и обеспечения представительства народов России в руководящем центре антисталинского фронта были созданы соответствующие органы — национальные

советы и комитеты. И среди них — Белорусский национальный комитет (БНК / КОНР), во главе которого был поставлен Николай Будзилович (кроме него в комитет входило еще 8 человек). Это произошло 17 декабря 1944 года на втором заседании КОНР. Нет необходимости говорить, что под этим названием скрывался уже официально признанный власовцами Белорусский руководящий комитет, речь о котором шла выше. В целом его работа шла по следующим направлениям:

- организация воинских частей (капитан Михаил Пугачев и подполковник М. Подлазник);
- вербовка белорусов в Вооруженные силы КОНР (Николай Демченко);
- осуществление пропаганды (Владимир Дудицкий);
- военные вопросы общего характера (подполковник М. Подлазник).

Первоначально «комитетчики» хотели издавать отдельную газету для белорусов, которые находились во власовских частях. Однако из этой затеи ничего не вышло. Более успешно шли дела у капитана Пугачева. Он провел целый ряд встреч с белорусскими офицерами, на которых из их числа были назначены ответственные за формирование белорусских частей Вооруженных сил КОНР. Кроме того, Пугачев лично разработал знаки различия будущей белорусской униформы. Другой сотрудник комитета, Демченко, очень активно посещал лагеря «остарбайтеров», где призывал их присоединиться к власовской армии. Наконец, была подготовлена (но так и не опубликована) брошюра о «большевистских злодеяниях в Белоруссии».

Интересно, но противоречиво складывались отношения комитета с Власовым и его генералами. Несмотря на то что Кипель в целом положительно оценил Пражский манифест КОНР, он считал его «национальный пункт» совершенно неважным и бессодержательным для «русского руководства комитета». В этом позиция Кипеля несколько сходна с позициями тех националистов, которые вообще отказались от кооптации в КОНР. Тем не менее он там оставался, хотя и считал положение белорусов очень далеким от политической самостоятельности. Дошло до того, что на одном из заседаний комитета Кипель и его сторонники поста-

вили перед Власовым вопрос о признании полной независимости Белоруссии. Естественно, это требование не было выполнено. Более того, против своего комитета выступил даже его председатель — Николай Будзилович. К слову, между ним и Кипелем уже давно зрел конфликт. Последний был признанным, хотя и негласным, лидером, КОНРовских белорусов, Будзилович же пользовался поддержкой только одного из членов комитета — Демченко. Поэтому последующий ход событий был вполне предсказуемым: председатель был исключен из рядов белорусской секции КОНР и остался просто членом его президиума. Этот шаг не понравился Власову, однако никаких репрессивных мер против белорусов принято не было, так как обе стороны очень нуждались друг в друге (сыграло свою роль и положительное отношение Кипеля к бывшему советскому генералу). В принципе, Власов даже пошел на уступки. По словам Кипеля, он обещал рассмотреть их требования.

В целом, в тех условиях удалось провести только несколько полноценных заседаний белорусского комитета (как до, так и после выезда из Берлина). Известно, что на одном из них — 25 февраля 1945 года — было принято постановление о переименовании БНК в Белорусский национальный совет (БНС / КОНР). Это было последнее заседание комитета в Берлине. В начале марта 1945 года весь КОНР в полном составе переехал в чешский город Карлсбад (сейчас — Карловы Вары). Здесь прошло еще несколько (не больше двух) заседаний белорусского совета, на которых был принят целый ряд решений. Так, отныне личный состав всех белорусских батальонов Вооруженных сил КОНР должен был носить свои национальные знаки различия, а вся пропаганда, направленная на «остарбайтеров» и советскую Белоруссию, должна была вестись исключительно на белорусском языке. Кроме того, неугомонный Пугачев представил на рассмотрение совета проект «Белорусского военного устава», который он готовил к переизданию¹⁸².

Общая эвакуация КОНР в апреле 1945 года захватила и его белорусских членов. В результате они оказались на швейцарской границе, у Боденского озера, где и встретили капитуляцию Германии¹⁸³.

События осени 1944 — весны 1945 года показательны сразу в нескольких отношениях. Во-первых, из всей истории с КОНР становится ясно, что немцы за долгие четыре года войны с Советским Союзом так ничему и не научились. Многие из них прекрасно понимали, что национальный вопрос является одним из ключевых в отношениях с «восточными» народами, и делали из этого правильные выводы. Однако когда доходило до реальных действий, они так и не могли решить для себя, что важнее: сильная и союзная им Россия или слабая и окруженная санитарным кордоном Московия. В ноябре 1944 года и Розенберг, и Гиммлер решали этот национальный вопрос на уровне лета 1941 года. Но времена уже были не те — Красная Армия стояла на Висле. Лишенный доверия Гитлера, министр без реальных полномочий Альфред Розенберг по-прежнему продолжал верить, что можно объединить национальные движения и противопоставить их русскому народу. Гиммлер не был философом и теоретиком нацизма, однако даже он понимал, что без помощи русских СССР победить нельзя. Вот почему он и сделал ставку на Власова. Но и тут его немецкая спесь и презрение к «славянским недочеловекам» помешали пойти ему до конца. Многочисленные воспоминания тех лет свидетельствуют о том, что ни одно из обещаний Гиммлера, данных им на встрече с Власовым, так и не были выполнены до конца. Какие-то — по его вине, какие-то — по вине его ближайших сотрудников, также мнивших себя вершителями судеб «восточного пространства». В результате время было упущено. И это касается не только русско-белорусских взаимоотношений. Такая же картина наблюдалась и с другими национальными движениями.

Во-вторых, протест офицеров «Дальвица» и позиция членов Белорусского национального совета КОНР показали, что не все из них разделяли узко-националистические взгляды политических лидеров БЦР. Многие из них понимали, что независимости для Белоруссии они смогут добиться только в совместной борьбе со всеми народами СССР. В принципе, большинство из этих активистов не отделяли себя от русского народа. И это в очередной раз показало, что белорусский национализм являлся на тот момент только фикцией.

Наконец, в-третьих, эти события являются ключом к пониманию политики Островского вплоть до самой капитуляции Германии. После войны о президенте БЦР было написано достаточно: как его сторонниками, так и противниками. Первые, естественно, хвалили его, говоря, что именно такой лидер и нужен был белорусскому народу в условиях войны. Вторые, наоборот, называли его обыкновенным приспособленцем, немецким прислужником и одним из тех, на чьей совести лежит провал организации белорусских добровольческих частей на территории Германии. Последнее обвинение является наиболее серьезным и в целом заключается в следующем:

- Островский всячески тормозил создание действительно боеспособных белорусских формирований, стараясь угодить это дело в бумажной волоките и не препятствуя это делать немцам;
- в январе 1945 года он уволил «военного министра» БЦР Константина Езовитова, который был горячим сторонником создания белорусских частей в Германии, и заменил его русским полковником Шуваловым, человеком, совершенно равнодушным к белорусской национальной идее;
- наконец, отказ присоединиться к движению генерала Власова также является причиной таких обвинений¹⁸⁴.

Выше уже было сказано, что Островский был большим патриотом Белоруссии, поэтому заподозрить его в намеренном предательстве белорусского дела никак нельзя. Нет сомнений, что он был очень амбициозным и властным человеком. На этой почве у него и произошел конфликт с Езовитовым, который также претендовал на лидерство в национальном движении. Однако целый ряд фактов свидетельствует о том, что президент БЦР был очень расчетливым и трезвым политиком, который вел свою игру, непонятную ни немцам, ни даже своим ближайшим соратникам. По мнению польского историка Юрия Туронека, она началась еще в период оккупации Белоруссии, когда Островский пытался наладить тайные контакты с польским эмигрантским правительством. Цель же игры на ее последнем этапе заключалась в том, чтобы не скомпрометировать БЦР в глазах западных союзников и дать ему возможность существовать и действовать после капитуляции Германии. На тот момент именно активная борь-

ба на ее стороне до последнего дня могла скомпрометировать любое национальное движение. Тем более если эта борьба была вооруженной¹⁸⁵.

Косвенным свидетельством приготовлений Островского действовать в новых условиях являются изменения в уставе БЦР, принятые в январе 1945 года. Согласно этим изменениям, было решено отойти от «принципа фюрерства», которым руководствовался совет, начиная со дня своего создания, и перейти на принципы западной демократии с разделением властей, выборностью и тому подобными атрибутами¹⁸⁶.

Следует признать, что Островский достиг своей цели почти по максимуму. Ему и большинству его ближайших соратников удалось остаться на Западе, даже вопреки всем требованиям советских властей об их выдаче. Правда, сразу же после капитуляции Германии пришлось заявить о формальном роспуске БЦР. Некоторое время он действовал под другим названием, пока вновь не возродился в 1954 году. Однако это уже другая история, которая выходит за рамки нашего повествования.

ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ: БОРЬБА ЗА НАЦИОНАЛЬНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ИЛИ ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА¹⁸⁷

Один из немецких офицеров писал после войны в своих воспоминаниях: «Партизанское движение не было, конечно, просто проявлением беспорядка в тыловых областях, как сначала думали немцы. Напротив, это было политическое движение Сопротивления, которое невозможно было взять под контроль лишь силами полиции»¹⁸⁸.

В Белоруссии же эта проблема приобрела для немецкого командования и оккупационных властей особенную актуальность, по причине того, что все районы действия партизан находились в непосредственной близости от населенных пунктов и коммуникаций, важных с оперативной и стратегической точек зрения.

Партизанское движение было одной из самых ярких и героических страниц истории Второй мировой войны и одновременно самым изучаемым эпизодом советской исторической науки. Казалось, что уж о нем и его основных действующих лицах мы знаем все. Однако как выяснилось после распада СССР, история партизанского движения обросла многочисленными мифами (и здесь «заслуга» не только советских историков, но и зарубежных) и таит в себе «белых пятен» не меньше, чем проблема коллаборационизма. В связи с этим очень трудно не согласиться с немецким историком Берндтом Бонвечем, который утверждал, что «вопрос о поддержке партизан населением по сугидела является обратной стороной вопроса о готовности к коллаборационизму»¹⁸⁹.

Долгое время было принято считать, что антинацистское партизанское движение в годы Второй мировой войны было исключительно коммунистическим. Во всяком случае, на оккупированных советских территориях. Действительно, нельзя отрицать тот факт, что оно было самым мощным и многочисленным, к тому же за спиной советских партизан стояла такая сила, как государство. Тем не менее это и есть миф номер один.

Многие западные исследователи эпохи «холодной войны» утверждали, что коммунистическое партизанское движение на территории СССР было создано искусственно и по приказу из Москвы. В отрядах, которые стали возникать с осени 1941 года, сражались, якобы исключительно сброшенные на парашютах сотрудники НКВД, местные партийные и комсомольские функционеры, а также солдаты-окопники. Местное население поначалу не шло в эти отряды, так как в основной своей массе ненавидело советскую власть и было, в лучшем случае, нейтральным по отношению к немцам. В худшем случае, оно сражалось против партизан в добровольческих формированиях. Если же простой крестьянин и попадал в партизанский отряд, то делал это не по доброй воле и исключительно под угрозой репрессий. Это — правда только отчасти, и такая ситуация действительно имела место, но только где-то до середины 1942 года. После этого рубежа партизанское движение, в силу разных причин, становится по-настоящему массовым и всенародным. Советские же историки, наоборот, утверждали, что оно было массовым с самого

начала, и приводили доказательства в основном идеологического характера. Все сказанное и послужило основой второго мифа.

Наконец, те же советские историки всегда утверждали, что любые «буржуазные националисты» не являлись самостоятельной силой в годы войны, а были только «немецкими марионетками». Все националистические движения уже по определению не могли быть враждебными немцам, и уже тем более воевать против них, как писала западная историография. Если же наличие иного, некоммунистического подполья и признавалось, то оно объявлялось полностью зависимым от оккупантов и «далеким от народа». Хотя ситуация в целом ряде случаев, была много сложнее, чем ее представляли советские (да и западные) историки, эти утверждения послужили основой еще одного, третьего мифа, который до конца не развенчан и сейчас.

В принципе, все вышесказанное, это даже и не мифы, а целые их комплексы, которые, взаимно переплетаясь, касаются почти всех сторон истории партизанского движения в годы Второй мировой войны: его целей и причин, действующих сил, масштабов, эффективности, взаимоотношения партизан с местным населением и многих других. С другой же стороны, нельзя не отметить, что движение Сопротивления, одной из форм которого является партизанская война, — это, по сути, антипод и зеркальное отражение коллаборационизма. Поэтому без анализа истории первого мы вряд ли поймем историю второго. И события, происходившие в годы войны на территории Белоруссии, здесь — не исключение.

Непременным фактом сейчас является то, что в годы Второй мировой войны существовало два направления в движении Сопротивления. В принципе, их можно условно назвать коммунистическим и националистическим. Это касается практически всех оккупированных нацистами стран Европы. С многочисленными оговорками этот факт признавала даже советская историография. Однако советские исследователи наотрез отказывались видеть некоммунистическое движение Сопротивления на оккупированных территориях СССР.

В литературе о Великой Отечественной войне за Белоруссией прочно закрепилось название — «партизанская республика». Ра-

зумеется, здесь имелись в виду только советские партизаны. Тем не менее следует признать, что с 1941 по 1944 год на территории этой республики действовал целый ряд партизанских отрядов, члены которых уж никак не считали себя адептами коммунистической идеологии и сторонниками советского государства, а зачастую числили их своими врагами наряду с гитлеровцами. Так, наряду с общепризнанным прокоммунистическим партизанским движением можно выделить:

- польское националистическое партизанское движение в лице так называемой Армии Крайовой (АК) — подпольных вооруженных сил под общим руководством польского эмигрантского правительства в Лондоне;
- украинское националистическое партизанское движение в лице так называемой Украинской повстанческой армии (УПА) — подпольных вооруженных сил различных организаций украинских националистов;
- белорусское националистическое партизанское движение¹⁹⁰.

* * *

Безусловно, советское партизанское движение и в целом, и по регионам было самым масштабным, массовым и наиболее эффективным. Другое дело, что за ним стояло огромное государство, которое, хоть и вело тяжелую войну, тем не менее снабжало (по мере сил) своих партизан вооружением, амуницией, продовольствием и, что самое главное, обученными кадрами. Кроме того, несмотря на свой массовый характер (его, кстати, не отрицает даже большинство западных исследователей), советское движение Соппротивления не было в целом стихийным процессом, а являлось организованным и централизованным. Во всех директивах правительства и коммунистической партии о «развертывании борьбы в тылу германских войск» (например, от 29 июня и 18 июля 1941 года) указывалось, что население должно само создавать партизанские отряды и подпольные группы. Правда, при этом делалось замечание, что руководящая роль в этом процессе должна принадлежать местным партийным органам (чтобы не допускать анархии и т.п. явлений). В советском военнополитическом руководстве долгое время (практически до лета

1942 года) шла дискуссия о том, должно ли партизанское движение на оккупированных территориях быть «всенародным» или стать «заботой профессионалов». В первом случае подразумевалось, что в отряды надо было привлекать, по возможности, всех. Во втором имелось в виду, что это движение должно было быть той же Красной Армией, только в тылу, и в нем следовало иметь поменьше «любителей». Первую точку зрения отстаивал Пантелеймон Кузьмич Пономаренко, бывший до войны партийным лидером Белоруссии, вторую — Лаврентий Павлович Берия¹⁹¹.

В сущности, их концепции отражали общий взгляд на ведение войны. Как известно, долета 1942 года Сталин, в эйфории от битвы под Москвой, считал, что войну можно будет закончить еще до конца зимы. Поэтому многочисленные партизанские отряды, на его взгляд, были не нужны. Однако после Харьковской и Крымской катастроф его точка зрения изменилась. Он понял, что война принимает затяжной характер, и одним из факторов, который может способствовать победе, должна стать дезорганизация немецкого тыла путем создания массового партизанского движения, носящего оперативно-стратегический характер. Но и это движение должно было быть строго организованным, находиться под контролем партии и органов безопасности и, что самое главное, управляться из Москвы. С этой целью 30 мая 1942 года при Ставке Верховного Главнокомандования был создан Центральный штаб партизанского движения (ЦШПД), начальником которого стал выразитель идеи «народной войны» Пантелеймон Пономаренко¹⁹². Штаб действовал (с небольшим перерывом) до 13 января 1944 года, выполняя следующие функции:

- установление связи с партизанскими формированиями;
- направление и координирование их деятельности;
- обобщение и распространение опыта партизанской борьбы;
- снабжение партизан оружием, боеприпасами, медикаментами;
- подготовка кадров и осуществление взаимодействия партизанских формирований с Красной Армией.

Всю работу на местах ЦШПД осуществлял через подчиненные ему республиканские и областные штабы партизанского движения, а также через соответствующие органы при штабах

фронтов. О масштабах их деятельности свидетельствуют, например, следующие цифры. За период с 1941 по 1944 год на оккупированных территориях СССР действовало более 6000 партизанских отрядов различной численности, в которых сражалось свыше 1 млн 150 тыс. человек. По данным советских историков, партизаны уничтожили, ранили и захватили в плен более 1 млн немецких солдат, их союзников и коллаборационистов, уничтожили свыше 4 тыс. танков и бронемашин, 65 тыс. автомашин, 1100 самолетов, разрушили и повредили 1600 железнодорожных мостов, пустили под откос свыше 20 тыс. железнодорожных эшелонов¹⁹³.

Партизанское движение на территории Белоруссии развернулось, фактически, с первых же дней оккупации. Однако до января 1942 года им руководили не профессионалы, а оставшиеся в подполье деятели Коммунистической партии. Поэтому в целях укрепления руководства народной войной Центральный комитет КП(б)Б образовал две оперативные группы: Северо-Западную (при Калининском фронте) и Западную (при Брянском фронте). Эти группы должны были устанавливать и поддерживать связь с подпольными партийными органами и действующими партизанскими отрядами. После этих мероприятий партизанское движение заметно активизировалось, начался рост и укрупнение партизанских отрядов. Наконец, в июне — сентябре 1942 года обе группы были ликвидированы, а на их месте 9 сентября был создан Белорусский штаб партизанского движения (начальник — Петр Захарович Калинин).

В целом результаты деятельности белорусских партизан были весьма успешными и эффективными. Об этом можно узнать из целого ряда фактов. Так, к концу оккупации Белоруссии силы коммунистического Сопротивления контролировали более 60% довоенной территории республики, образуя здесь 20 так называемых «партизанских зон» и «краев». К слову, один из таких краев функционировал на стыке территорий БССР, России и Латвии и охватывал 14 районов площадью 10 тыс. км² и с более чем 200 тыс. человек населения.

Общая динамика численности белорусских партизан была следующей: более 12 тыс. (август 1941 года), около 50 тыс. (но-

ябрь 1942 года), более 75 тыс. (май 1943 года), более 153 тыс. (декабрь 1943 года) и более 270 тыс. (июнь 1944 года). Всего же за период с 1941 по 1944 год через партизанские отряды на территории Белоруссии прошло свыше 440 тыс. человек. По количественным показателям — это второй результат (после Украины).

Далее. Если верить официальным советским источникам, то за период с июня 1941 по июнь 1944 года белорусскими «народными мстителями» было убито, ранено и взято в плен более 500 тыс. оккупантов и коллаборационистов, подорвано 11 128 вражеских эшелонов, выведено из строя 18 700 автомашин, 1355 танков и бронетранспортеров, уничтожено 305 самолетов и т.д.¹⁹⁴

Даже, если эти цифры несколько преувеличены, они не оставляют сомнения в том, что советское партизанское движение стало на определенном этапе действительно массовым и всенародным. А в период с лета 1943 по лето 1944 года оно и вовсе приобрело стратегический характер (всем, например, известны названия таких масштабных партизанских операций, как «Рельсовая война» и «Концерт», которые проводились практически на всех оккупированных советских территориях). К слову, роль, которую сыграли партизаны в ходе освобождения Белоруссии (операция «Багратион»), переоценить довольно сложно.

Естественно, что у других течений движения Сопротивления не было таких возможностей, как у советских партизан. Поэтому и их масштабы на территории Белоруссии были менее значительными. Тем не менее и Армия Крайова (АК), и вооруженные формирования украинских националистов долгое время были серьезными конкурентами коммунистических «народных мстителей». История их создания вкратце такова.

После сентябрьских событий 1939 года за границей было создано польское эмигрантское правительство во главе с генералом Владиславом Сикорским, который, помимо всего прочего, должен был осуществлять руководство деятельностью подпольных военных формирований на территории бывшего Польского государства (в том числе в Западной Белоруссии, Западной Украине и южной Литве). После падения Варшавы генерал Миха-

ил Карашевич-Токаржевский получил приказ Сикорского о переходе на нелегальное положение. 27 сентября 1939 года генерал собрал вокруг себя несколько десятков польских офицеров и создал из них организацию, получившую название «Служба за победу Польши». Эта организация просуществовала относительно недолго. Уже 17 ноября Сикорский отдал приказ о создании «Союза вооруженной борьбы», фактически, координационного центра, который должен был объединить все подпольные формирования. Дело в том, что к этому времени на территории бывшей Польши возникло значительное количество партизанских и подпольных организаций, руководство которых хоть и поддерживало лондонское правительство, тем не менее придерживалось определенной политической ориентации. Например, с осени 1939 по зиму 1942 года были созданы вооруженные формирования правого крыла Польской социалистической партии, так называемые «батальоны хлопские» Крестьянской партии и еще целый ряд других подпольных организаций. Ситуация, когда эти отряды действовали просто под надзором «Союза», но вполне самостоятельно, просуществовала до 14 февраля 1942 года. В этот день некоторые из них были объединены в Армию Крайову. АК провозглашалась надпартийным формированием и в отличие от партийного вооруженного подполья имела общегосударственный характер и была единственной силой, которая могла формально претендовать на продолжение традиций бывшей Польской армии¹⁹⁵.

АК подчинялась Верховному командованию и польскому эмигрантскому правительству, которое с июля 1941 года находилось в Лондоне. Все вопросы оперативно-тактического уровня решались в Варшаве, где находился подпольный Главный комендант АК. За период с 14 февраля 1942 по 19 января 1945 года (дата формального расформирования АК) функции Главного коменданта выполняли: генерал Стефан Ровецкий (до 30 июня 1943 года), генерал Тадеуш Бур-Комаровский (до 2 октября 1944 года) и генерал Леопольд Окулицкий (до расформирования АК)¹⁹⁶.

Главный комендант АК имел в своем распоряжении штаб, который состоял из более чем 30 отделов: диверсий, информации и пропаганды, разведки, контрразведки, связи и других. Органи-

зационно-территориальная структура АК состояла из нескольких регионов, во главе с командующим — «делегатом правительства». Каждый «делегат правительства» создавал «делегатуру», в которую приглашали всех местных политических лидеров, поддерживающих политику польского лондонского правительства. Все районы, в свою очередь, делились на округа, «районные инспектораты», «обводы» и отделения. К примеру, на территории Белоруссии были организованы следующие территориальные структуры АК: два округа — «Новогрудок» и «Полесье» (Брест) и инспекторат «Гродно», который подчинялся региону «Белосток»¹⁹⁷.

Украинскую повстанческую армию (УПА) — наиболее значительную силу некоммунистического движения Сопротивления на Украине — принято обычно связывать только с бандеровским крылом Организации украинских националистов (ОУН). На самом же деле первым это название стал употреблять петлюровский атаман Тарас Бульба-Боровец, который таким образом именовал свои вооруженные формирования. Его так называемая «Полесская сечь УПА» была создана в 1940 году на территории украинского Полесья (Волынь) на основе подпольных структур антисоветской организации «Украинское национальное возрождение». После нападения Германии на СССР УПА выходит из подполья и начинает вооруженную борьбу с отступающими советскими войсками. Осенью 1941 года, после обострения отношений с немецкими оккупационными властями, Боровец принял решение о переходе организационных структур своей армии в подполье. В результате 15 ноября 1942 года УПА была ликвидирована, оружие спрятано, а личный состав распущен по домам. Весной 1942 года деятельность «Полесской сечи УПА» была возобновлена, а сама она была реорганизована. Кроме того, была принята новая тактика, согласно которой УПА отказывалась от подготовки всеобщего восстания против немцев, а переходила к партизанской борьбе против оккупационных властей и советского движения Сопротивления посредством так называемых «летучих бригад» (весной 1942 года было создано пять таких бри-

гад). В целом отряды Боровца действовали только на Волыни и в Восточном Полесье, так и не выйдя за пределы этих регионов. Однако и здесь им вскоре пришлось столкнуться с еще одной конкурирующей организацией. Речь в данном случае идет о вооруженных формированиях ОУН¹⁹⁸.

Атаман Боровец не разделял взглядов лидеров ОУН, так как подчинялся исключительно «правительству Украинской народной республики (УНР) в изгнании» и все свои действия согласовывал только с его военными органами. Поэтому неудивительно, что уже весной 1943 года ему пришлось начать борьбу с бандеровцами, которые претендовали на лидерство во всем украинском движении Сопrotивления. Начало формирования вооруженных отрядов этой организации относится к октябрю 1942 года. Первоначально они были созданы на Волыни, а к 1944 году распространили свое влияние на всю Западную и большую часть центральной Украины. Как это ни парадоксально, свою военную подпольную организацию бандеровцы также называли УПА. По всей видимости, их не особенно тревожило, что параллельно с ними существует структура, которая носит такое же название. Как показали дальнейшие события, лидеры ОУН планировали включить в свою УПА все другие партизанские организации. В феврале-марте 1943 года им удалось это сделать с отрядами другого крыла ОУН — мельниковцами. В апреле настал черед бульбовцев. Мирные переговоры закончились безрезультатно, поэтому бандеровцы начали решать вопрос вооруженным путем. Фактически, к июлю 1943 года им удалось подчинить себе большую часть бульбовской УПА. Чудом же избежавший физического уничтожения атаман Боровец остался с меньшинством, которое он переименовал в Украинскую народно-революционную армию (УНРА). По целому ряду свидетельств, ее деятельность продолжалась до зимы 1943—1944 годов, когда на территорию Украины вступила Красная Армия. Однако уже после ареста Боровца немцами (1 декабря 1943 года) части УНРА фактически прекратили активную деятельность. Таким образом, к началу 1944 года единственной силой украинского некоммунистического движения Сопrotивления осталась бандеровская УПА¹⁹⁹.

Деятельность украинских политических организаций и партизанских формирований в Белоруссии была обусловлена территориальными претензиями (разной степени активности) на ее земли. Согласно их концепциям, здесь проживал украинский народ. Поэтому украинские формирования считали своей прямой обязанностью защищать его как от оккупационного террора, так и от советских и от польских партизан. В целом сфера интересов УПА простиралась только на южные районы Белоруссии (Полесье), которые в ходе оккупации оказались присоединенными к рейхскомиссариату «Украина» (Брест, Пинск, Мозырь). Раньше всех (летом 1941 года) здесь появились отряды атамана Гараса Бульбы-Боровца. Бандеровцы начали действовать в Белоруссии несколько позднее — с лета-осени 1942 года. Первоначально они только «копили силы» — проводили боевую подготовку членов своей организации. Наконец, в октябре 1942 года в районе Кобрин был создан первый отряд бандеровской УПА (командир — Сергей Качинский). В результате борьбы за влияние, которая длилась в 1942—1943 годах, на Полесье победила ОУН, а Боровец был полностью вытеснен с белорусской территории.

Весной 1943 года УПА подверглась значительной реорганизации. Цель: превратить разрозненные партизанские отряды бандеровской ОУН в хорошо организованную подпольную армию со всеукраинским и надпартийным принципом деятельности. Последний момент, конечно, был очень желательным, однако «руководящая и направляющая» роль ОУН сохранялась в УПА практически до самого конца этой организации. Не удалось бандеровцам стать и всеукраинской силой. Фактически, их армия так и осталась западно-украинским региональным формированием, которое не пользовалось влиянием в других частях Украины.

В результате после реорганизации УПА представляла собой жесткую военную структуру, построенную по территориальному принципу. Во главе армии стоял Главнокомандующий со своим штабом. До конца 1943 года на этой должности находился полковник Дмитрий Клячковский, на смену которому пришел генерал-хорунжий Роман Шухевич — самый известный командир этой подпольной организации. Главнокомандующему подчинялись командиры четырех генеральных военных округов — «Се-

вер», «Запад», «Юг» и «Восток», каждый из которых руководил деятельностью просто военных округов. Генеральный округ «УПА-Север» («УПА-Північ») во главе с полковником Романом Клячковским (однофамилец главнокомандующего УПА) был создан одним из первых. Его территориальными единицами были следующие военные округа: «Волынь-Юг» («Волинь-Південь»), «Туров» («Турів») и «Зарево» («Заграва»). Два последних частично располагались на территории Белоруссии. Командирам военных округов подчинялись, в свою очередь, так называемые «загины» и «курины», которые соответствовали, примерно, советской партизанской бригаде и отряду. УПА в целом «пережила» немецкую оккупацию и в дальнейшем воевала уже против советской власти. На территории БССР эта война продолжалась до начала 1952 года²⁰⁰.

И все-таки подчеркнем: внешняя помощь, разумеется, играет не последнее, но и не самое главное значение. В данном случае гораздо важнее поддержка местного населения, в среде которого находятся партизаны. Помощь извне не всегда может прийти вовремя. Так, например, и было в случае с советскими партизанами, когда в 1941—1942 годах государству было явно не до них. Местное же население для партизан является и источником снабжения продовольствием, и резервом людских ресурсов, и в какой-то степени «окном» во внешний мир, их «глазами и ушами». Но все это происходит именно так, если население настроено дружелюбно (или хотя бы нейтрально) по отношению к партизанам. В противном случае их отряды обречены на бездействие (что зачастую вело к превращению в обычную банду), уничтожение или уход из этой местности.

Таким образом, внешний фактор в сочетании с отношением местного населения и обусловил те направления, которые сформировались в движении Сопротивления на территории Белоруссии, а также и их масштабы. С точки зрения внешней поддержки, коммунистическое партизанское движение было наиболее организованным и имевшим в своей основе твердую идеологическую почву. Польское и украинское движения уступали ему в плане

внешней поддержки, организованности, но не уступали идеологически. Бойцы АК, например, были уверены, что борются за освобождение Польши, как от нацистов, так и от коммунистов, а повстанцы УПА знали, что сражаются за создание «соборной и независимой Украины». Однако в плане поддержки населения «красным» партизанам они явно проигрывали. И было это не из-за слабости их идеологии, как таковой, а из-за обыкновенного неприятия многих ее положений белорусским населением.

Например, главной целью борьбы АК на территории Белоруссии было восстановление Польши в границах до 1 сентября 1939 года (т.е. с Западной Украиной, Западной Белоруссией и южной Литвой). Как мы увидим ниже, такого финала могла, теоретически, желать только небольшая группа белорусской интеллигенции, простой народ же относился к этому крайне отрицательно. Поэтому поляки и были вынуждены опираться исключительно на польское население Западной Белоруссии (или белорусов-католиков), которое хоть и было довольно многочисленным, но явно недостаточным, чтобы обеспечить им массовое партизанское движение. К тому же еще и не все белорусские поляки поддерживали идеи своего бывшего правительства: сторонников коммунистов среди них было тоже достаточно. Еще больше, чем общая чуждость лозунгов, на отношения АК и местного населения влияло то, что зачастую польские партизаны сознательно уничтожали белорусских активистов (главным образом, из числа националистов, хотя к середине 1943 года дело дойдет и до сторонников советской власти), считая их предателями Польши. В результате из общего количества бойцов АК в 350 тыс. человек на территории Белоруссии действовало только 14 тыс.²⁰¹.

Еще менее понятной для белорусов (причем всех слоев населения) была идеология украинских националистов. Поэтому и массовой поддержки на территории Полесья УПА не имела. В целом за период с 1941 по 1944 год в указанных районах действовало не более 12 тыс. человек из разных украинских формирований (как бульбовцев, так и бандеровцев), которые к тому же еще и враждовали между собой. Нет нужды говорить, что этнических белорусов в этих отрядах практически не было. Для сравнения:

на территории Западной Украины, где украинские националисты действительно имели влияние на население, силы УПА доходили до 150 тыс. (по другим данным — до 500 тыс.) человек²⁰².

Как видно, за поддержку местного населения боролись не только советские партизаны. Вообще же история партизанского движения в Белоруссии — это отражение всей ее истории. Истории страны, которая долгое время была предметом спора между окружающими ее соседями. Однако в период Второй мировой войны на территории Белоруссии появилась еще одна сила, которая стала претендовать на власть здесь. Эта сила — белорусские националисты. Выше уже было сказано, что нападение Германии на Советский Союз вселило в них новую надежду. Многие из них безоговорочно поддержали все начинания нацистов. Тем не менее были и такие, кто претендовал на роль так называемой «третьей силы»: они собирались накопить резервы, а потом выступить и против нацистов, и против коммунистов. В ходе войны почти в каждом оккупированном немцами государстве имелась такая группа, которая с большим или меньшим успехом пыталась стать такой силой. В Белоруссии таких групп было целых три.

Возникновение первой из этих групп относится к 1939—1940 годам. Следует признать, что она являлась исключением на фоне преобладающих в кругах белорусской эмиграции надежд на Германию. В этом, по сути, и была вся ее оппозиционность. Дело в том, что лидеры группы — Ян Станкевич и будущий минский бургомистр Вацлав Ивановский — скептически оценивали шансы нацистов победить в войне и тем более решить белорусский вопрос. Оккупацию Белоруссии немцами они считали временным явлением и в своей деятельности полагались на западных союзников (Англию и Францию), которые, как они думали, будут играть решающую роль после победы над нацизмом. В своих расчетах поднять белорусский вопрос на послевоенном международном форуме Станкевич и Ивановский надеялись на помощь польского эмигрантского правительства. Поэтому своим главным союзником в предстоящей

войне Германии и СССР они видели польское национально-освободительное движение.

Важным пунктом политической концепции этой группы было желание использовать немецкую оккупацию для увеличения сил белорусского национализма, занятия господствующего положения в оккупационной администрации и создания национальных вооруженных сил. Однако даже такое сотрудничество с немцами ставило под вопрос шансы польско-белорусского диалога. Поэтому Ивановский и Станкевич распределили роли: первый должен был сотрудничать с немцами согласно политической концепции своей группы, а второй — искать контакты с польским подпольем.

В июне 1940 года Станкевич прибыл в Варшаву и через несколько месяцев создал подпольную организацию под названием «Партия белорусских националистов» (*Партыя беларускіх нацыяналістаў; ПБН*). В эту организацию вошли некоторые члены местного Белорусского комитета. Летом 1941 года ПБН перенесла свою деятельность на территорию Западной Белоруссии, где попыталась вступить в переговоры с польским движением Сопротивления на условиях сотрудничества, «польско-белорусской федерации» и даже создания белорусско-польских партизанских отрядов. Однако контакты с польским подпольем не дали никаких результатов. На это, прежде всего, повлияло недоверие к Станкевичу и его партии, а также нежелание поляков вести какие-либо дискуссии о судьбе западно-белорусских земель. Они считали их однозначно польскими. Только в ноябре 1941 года, когда Ивановский стал бургомистром Минска, поляки увидели, что сотрудничество с группой Станкевича может дать определенные военно-политические преференции. Начались переговоры, которые, правда, так и не дали никакого результата. Что же вообще известно об этой партии? Так, согласно рапорту Армии Крайовой своему лондонскому руководству в июле 1942 года, ПБН насчитывала 500 человек. Центральный комитет партии состоял из 12 человек (8 уроженцев Западной Белоруссии и 4 — восточной), под общим руководством Станкевича. На низовом организационном уровне партия строилась из так называемых «пятерок», которые находились в большинстве рай-

онов генерального округа «Белоруссия». Как мы увидим ниже, значительной политической и тем более военной роли эта организация не играла²⁰³.

Следующей организацией белорусского некоммунистического Сопротивления была так называемая *Белорусская народная громада* (*Беларуская народная грамада*), или просто *Громада*. Она была создана осенью 1941 года по инициативе начальника белорусской полиции Минского округа Юлиана Саковича и объединяла в своих рядах бывших членов Белорусской крестьянско-рабочей громады — очень активной прокоммунистической организации, которая была разгромлена польскими властями еще в середине 1920-х годов. Создание организации происходило в обстановке строгой секретности на совещании местных руководителей БНС, которое было использовано как прикрытие. На этом минском совещании присутствовало всего 9 человек (сам Сакович, Сергей Хмара, Василий Лукашик, Иван Гелда, Василий Вир, Юрий Стасевич и другие). В результате было принято решение создать организацию, но ее деятельность строго законспирировать. Организационно Громада должна была состоять из полноправных членов, объединенных в «тройки» и не посвященных в ее цели «сторонников». Следует признать, что почти сразу же возник вопрос об отношении к сотрудничеству с немецкой гражданской администрацией. В результате было принято компромиссное решение: до следующего совещания оставить этот вопрос открытым и на личное усмотрение каждого из членов Громады. Со временем организация создала довольно разветвленное подполье, связные которого находились почти в каждом округе Западной Белоруссии (например, в Минске, Пинске, Бресте, Белостоке и даже в Вильнюсе). Однако за весь период оккупации количество ее полноправных членов не превышало 50 человек. Всей подпольной работой руководила так называемая «Исполнительная пятерка», которая состояла из Саковича, Хмары, Вира, а также двух партизанских атаманов — Якова Харевского и Иосифа Товпеки²⁰⁴.

Обе предыдущие организации белорусского националистического подполья сыграли, конечно, свою определенную роль в истории оккупированной Белоруссии. Тем не менее наибольшую

известность приобрела третья группа антинацистски настроенных националистов — так называемая Белорусская независимая партия (*Беларуская незалежніцкая партыя; БНП*), которая действовала здесь с 1942 по 1946 год. История этой организации началась в Минске в июле 1942 года. Хотя, фактически, она была основана в Варшаве и на два года раньше. Скорее всего, именно в 1940 году главный идеолог этого течения белорусских националистов ксендз Винцент Годлевский написал программу и устав будущей новой партии. В уставе этого прообраза БНП ее главной целью было указано «завоевание и сохранение в будущем Независимой Белоруссии». И прийти к ней следовало «через боевой порыв народных масс к вооруженной борьбе».

После нападения Германии на СССР БНП переносит свою деятельность на территорию Белоруссии. Начинается партийное строительство на Родине. Пока только в виде небольших ячеек в некоторых округах. В конце августа 1941 года в Варшаве происходит совещание руководства партии, на котором Годлевский предложил партийному активу проект программы подпольной деятельности в новых условиях. Эта программа была принята, фактически, целиком. Варшавское совещание БНП интересно еще и тем, что на нем было принято решение искать связи с западными союзниками²⁰⁵.

Конец 1941 — начало 1942 года прошли под знаком реорганизации белорусского движения Сопротивления. На пост лидера БНП был выдвинут 22-летний Всеволод Радько, который тем не менее оставался под идеологическим влиянием Годлевского. Сам же ксендз приступил к созданию нелегального Белорусского центрального (народного) фронта — массовой организации, которая бы «объединяла широкие круги белорусской интеллигенции и путем устной пропаганды разъясняла бы народу весь вред немецкой политики». Теперь известно, что это «детище» Годлевского пользовалось определенным влиянием и стояло за большинством мероприятий легальных белорусских организаций. Так, например, именно по его инициативе на уже упоминавшемся съезде руководителей БНС (июль 1942 года) перед немцами был поставлен вопрос об объединении всех белорусских этнографических земель и о признании государственной независимости

Белоруссии. О том, что это была именно инициатива группы Годлевского, свидетельствует следующий факт: их демарш явился полной неожиданностью не только для генерального комиссара Кубе, но и для лидера БНС Ермаченко. В целом к осени 1942 года Годлевскому почти удалось создать руководящий центр националистического движения Сопrotивления, основой которого должна была стать БНП. Однако пойти дальше ему помешала смерть²⁰⁶.

Тем временем летом 1942 года в Минске прошел съезд БНП. Многие его участники восприняли этот съезд как учредительный (именно так, по заданию Годлевского, представил его Радько). В реальности на этом мероприятии было организационно оформлено только то, что уже существовало идейно. Окончательное же оформление БНП произошло к осени 1942 года. С самого начала она строилась как настоящая политическая партия со всеми необходимыми атрибутами и отделениями на местах. Ее главным руководящим органом был Центральный комитет (ЦК), который избирался общим съездом окружных руководителей партии. Нет нужды говорить, что первым председателем ЦК БНП был избран Радько. Базовой (и самой маленькой) партийной ячейкой было звено со звеньевым руководителем во главе. Были также созданы районные и окружные (всего пять) комитеты партии. Раз в два года должен был собираться общепартийный съезд, а также (более регулярно) партийные конференции. Для проведения пропагандистской работы был создан партийный печатный орган — *«Бюлетэнь БНП»*, который издавался с 1942 по 1946 год (правда, за это время вышло всего 6 номеров).

Кроме территории собственно генерального округа структуры БНП были организованы в Брянской и Смоленской области, которые националисты считали «исконно белорусскими». С целью партийного строительства туда были посланы члены ЦК партии Михаил Витушка и Дмитрий Космович. Их деятельность на этих территориях продолжалась до осени 1943 года²⁰⁷.

Претендуя, по сути, на роль белорусского варианта Организации украинских националистов (ОУН), члены БНП тем не менее не отказывались полностью от сотрудничества с оккупантами (как, впрочем, и обе предыдущие партии). Наоборот, они

избрали тактику «врастания» в немецкую администрацию, стратегической целью которой была ее полная «белорусификация». Это же касалось и белорусских добровольческих формирований, куда члены БНП шли особенно охотно, чтобы приобрести боевой опыт и сделать белорусскими как можно больше полицейских и других частей. Так, известно, что глава партии Всеволод Радько весь период немецкой оккупации очень активно сотрудничал с немецкой военной разведкой — абвером. Скорее всего, именно за этот факт его деятельности и «ухватились» советские историки, утверждая, что якобы вся БНП инспирирована этой немецкой организацией. Однако это обвинение пока не подтверждается серьезными фактами. Один из членов партии, некто Сокольский, вспоминал позднее в эмиграции, что «перед абвером Радько не выступал руководителем БНП, а представлял себя исключительно как командир специальной группы, направленной на борьбу с советским врагом»²⁰⁸. Скорее всего, уже в 1943 году Радько, при помощи абвера, начал диверсионные группы из числа членов БНП. Основной целью этих групп была антибольшевистская борьба. Хотя при определенных обстоятельствах не исключалась и борьба против немецких покровителей. Пик этого сотрудничества выпадает на зиму-весну 1944 года. Однако вряд ли количество полученного от немцев оружия и боеприпасов было значительным²⁰⁹.

Забегая вперед, следует сказать, что в белорусских коллаборационистских частях служили такие активные члены БНП, как Борис Рогуля, Иосиф Сажич, Виктор Чеботаревич, Григорий Зыбайло и другие более или менее значительные лица.

«Белорусификация» оккупационного аппарата была только одним из направлений деятельности националистического подполья. Другим, не менее важным, направлением стало создание Белорусского народного партизанского движения (*Беларуская народная партызанка*).

Скорее всего, первым партизанским отрядом, который создали белорусские националисты, была так называемая «акция» Владимира Шавеля. В прошлом сотрудник абвера, начальник

белорусской полиции Минского округа, член Централы БНС, Шавель весьма успешно сражался против коммунистических партизан. Однако в начале 1942 года он неожиданно собрал своих людей и увел их в лес к востоку от Борисова. До сих пор неизвестно, была ли эта акция результатом решения ЦК БНП, или Шавель проявил личную инициативу. Как бы то ни было, зимой-весной 1942 года был создан первый партизанский отряд именно националистической направленности. Вскоре к Шавелю присоединился бургомистр города Березина Анатолий Соколов. Вместе они приступили к вербовке добровольцев и начали издавать на ротаторе подпольную газету. Вскоре на деятельность белорусов обратили внимание советские партизаны и предложили Шавелю встретиться с их командиром. Встреча закончилась трагически: и он, и его помощники были уничтожены коммунистами (в дальнейшем, как мы убедимся, это станет единственным решением подобных вопросов). Спаситься удалось только Соколову. Рядовые же члены националистического отряда пополнили ряды советских партизан²¹⁰.

Этот инцидент так подействовал на руководство БНП, что к созданию своих партизанских отрядов оно смогло вернуться только ближе к 1944 году. Вся же инициатива по организации вооруженного крыла движения Сопротивления перешла к Громаде. Еще весной 1942 года ее лидеры наладили связь с многочисленными партизанскими отрядами, которые действовали в Западной Белоруссии и никому не подчинялись. Дело в том, что отдельные небольшие отряды некоммунистической направленности начали создаваться сразу же после начала немецкой оккупации Белоруссии (главным образом, в западной ее части). Зачастую они выполняли функции местной самообороны, очищая свои районы и населенные пункты от остатков частей Красной Армии. Иногда они действовали при новой власти вполне легально, становясь частями и местной вспомогательной полиции, а иногда, если немцы требовали разойтись по домам или сдать оружие, уходили в лес. При этом ни немцев, ни советских партизан, которых в Западной Белоруссии было еще очень мало, они поначалу не трогали, занимая выжидательную позицию. Трудно однозначно сказать, были ли «атаманы» этих

отрядов действительно убежденными белорусскими националистами. Скорее, они были просто антикоммунистами, придерживаясь, по выражению современного белорусского историка Сергея Ерша, «более-менее основных положений белорусского политического направления»²¹¹. Вот этот их антикоммунистический потенциал и решили использовать руководители Громады, постаравшись объединить, по возможности, большую часть таких отрядов.

С этой целью в начале июня 1942 года недалеко от Ивацевичей (Брестская область) прошло первое совещание командиров таких партизанских отрядов. По одним сведениям присутствовало 12 партизанских командиров, по другим — 8. Тем не менее на тот момент они представляли значительные силы — до 3000 человек (повторимся, ни советских, ни польских партизан в тех местах еще почти не было). Главным результатом этого совещания было создание так называемого «Совета атаманов», который должен был стать координационным центром партизан, но собираться не регулярно, а по мере необходимости.

«Совет атаманов» одобрил позицию Громады, согласно которой партизанские отряды должны были придерживаться тактики выжидания соответствующего момента для вооруженного выступления. Принял свою политическую платформу — Акт 25 марта 1918 года, и определил основные тактические и стратегические направления деятельности партизан:

1. Целью белорусского партизанского движения объявлялось сохранение боеспособной вооруженной силы в как можно наибольшей целостности и сохранности до того момента, когда при общем ослаблении немцев и их противников (т.е. СССР), придется защищать белорусский народ и его независимость от попыток захвата Белоруссии другими оккупантами.

2. Поэтому беречь, по возможности, белорусских партизан от втягивания в боевые действия с оккупантами, что может привести к ненужным людским потерям и уничтожению отдельных вооруженных групп.

3. Вооруженное сопротивление предпринимать только тогда, когда оккупанты нападут на партизанский отряд или на деревню, связанную с этим отрядом.

4. Взаимоотношения с советскими партизанскими отрядами: нейтралитет. Вооруженное сопротивление только тогда, когда они, несмотря на запрет, войдут в район дислокации отряда. Вооруженная расправа с мародерами (после предупреждения) только тогда, когда они грабят деревни или подводят их своими провокационными действиями под немецкую расправу.

По одной версии, уже на этом первом совещании было создано Белорусское народное партизанское движение — объединение партизанских отрядов во главе с полковником Иваном Шанько (бывший лейтенант Красной Армии, повышенный в звании «Советом атаманов»), который возглавил Главный штаб партизанского движения, и его заместителями — членами Громады — Яковом Харевским и Василием Лукашиком. По другой версии, на первом совещании был сформирован только «Совет атаманов», а централизованное управление Белорусским народным партизанским движением было создано на втором совещании, которое состоялось в ноябре 1942 года²¹².

Как мы видим, почти с самого дня своего основания так называемое белорусское партизанское движение пребывало в полном бездействии. И такая ситуация оставалась, по сути, неизменной до мая 1943 года, когда в западные области Белоруссии из восточной части республики, а также с территории Украины начали перебрасываться крупные советские партизанские силы. Всего до зимы 1944 года сюда передислоцировалось 16 соединений (около 8000 опытных и хорошо вооруженных бойцов, командиров и политработников). Эта акция имела несколько задач: распространить коммунистическое партизанское движение на эти районы Белоруссии и, по возможности, уничтожить здесь все проявления так называемой «партизанщины». Многие современные белорусские историки из националистического лагеря пишут, что главной целью этой операции «было любыми способами уничтожить независимое белорусское партизанское движение и подчинить его обезглавленные отряды себе»²¹³. Однако, как это ни парадоксально, советское военно-политическое руководство не видело в лице белорусских националистов и подчиненных им отрядах серьезных идеологических конкурентов. Скорее всего, Москва и националистами-то их не считала! На ее взгляд,

создание и деятельность таких отрядов было обычной «атаманщиной» в худшем смысле этого слова: то есть неконтролируемая вооруженная сила, которая неизвестно чем занимается и неизвестно кому служит. Таких отрядов было достаточно не только в Белоруссии.

Советские партизаны могли действовать по всем законам военного времени и не церемониться с белорусскими националистами. Однако сначала было принято решение путем переговоров склонить их к переходу на советскую сторону. И в мае 1943 года такие переговоры состоялись. От националистов в них принимал участие Иван Шанько, а от коммунистов — полковник Григорий Матвеевич Линьков — специальный представитель Пантелеймона Пономаренко. Шанько было предложено присоединить свои отряды к советским партизанам, за что ему был обещан пост заместителя командира всех партизанских сил Полесья. Неизвестно, какой оборот принял разговор, но в ходе него Шанько был застрелен Линьковым. Националисты настаивают, что за отказ подчиниться коммунистам. После этого судьба самостоятельного белорусского партизанского движения была решена. Оно, фактически, распалось: часть партизан разошлись по домам, большая часть влилась в советские партизанские отряды (члены более чем 10 отрядов), некоторые, например отряды атаманов Харевского и Товпеки, продолжали действовать дальше (по сведениям ряда историков, почти до 1948 года)²¹⁴.

Подчеркнем, что более-менее значительное националистическое партизанское движение возникло только в Западной Белоруссии. Однако есть целый ряд свидетельств, что его пытались организовать и в центральной части республики. Тем не менее значительной роли оно здесь не играло, и почти сразу же было уничтожено коммунистами. Почти неизвестны и подробности истории местных белорусских партизан. Так, по данным современного историка Сергея Ерша, в районе Бегомля (Минский округ) действовал отряд атамана Иванова, который был расстрелян по приказу известного советского партизанского командира Станислава Ваупшасова. Официальная версия гласит, что «за отказ подчиняться». Как было на самом деле, мы не знаем и сейчас. К слову, вместе с атаманом были расстреляны и все его под-

чиненные. В живых осталось только два молодых партизана, которые «раскалялись»²¹⁵.

В целом такая же участь ожидала и политические организации белорусского Сопrotивления. Узнав, что члены БНП ведут свою игру, немцы стали преследовать их наряду с коммунистами. Так, в декабре 1942 года был арестован и замучен в тюрьме ксендз Годлевский, а многие его сторонники были брошены в концлагеря. Партия, и так находившаяся на нелегальном положении, была вынуждена и вовсе уйти в глубокое подполье. В этот период Всеволод Радько принял решение приостановить антинемешкую деятельность и занялся поиском союзников на будущее, которое предполагало дальнейшую борьбу как против Германии, так и против СССР.

В 1941—1942 годах БНП активно сотрудничала с украинскими националистами атамана Тараса Бульбы-Боровца. Однако к 1943 году его организация была полностью подчинена бандеровской ОУН. В связи с этим Радько пришлось налаживать новые связи. Вскоре представился и удобный случай. 21—22 ноября 1943 года в Житомирских лесах (Украина) состоялась нелегальная 1-я Конференция угнетенных народов Восточной Европы и Азии. Это мероприятие было организовано по инициативе ОУН и проводилось на территории, подконтрольной Украинской повстанческой армии (УПА). Нет нужды говорить, что под «угнетателем» подразумевалась «большевистская Москва». Помимо хозяев встречи — украинцев, в конференции участвовало еще 12 делегаций, представлявших, как было заявлено, различные «национально-революционные организации». Всего прибыло 39 делегатов, и, как правило, это были члены входивших в УПА национальных формирований, полностью зависящие от организаторов мероприятия. Белорусская делегация являлась исключением из этого правила. Оба ее члена — капитан В. Ермакович и старший лейтенант Г. Малиновский — на самом деле представляли «национальную организацию» — БНП. Конференция приняла несколько политико-организационных постановлений и одобрила обращение «Ко всем народам Восточной Европы и Азии».

В последнем, программном документе всего мероприятия разъяснялось положение этих народов, задачи, стоящие перед ними и перспективы совместной борьбы. Обращение подписали представители всех делегаций, в том числе белорусский капитан В. Ермакович. Справедливости ради стоит сказать, что за этими красивыми фразами ничего не стояло. Наметившийся союз «ОУН — БНП» так и остался на уровне деклараций²¹⁶.

Еще одной важной инициативой БНП следует признать попытку созыва в Вильнюсе легального «Белорусского съезда». Проведение этого мероприятия было намечено с целью «обсуждения сложившейся ситуации и обдумывания дальнейшего направления действий». Интересно, что съезд должен был проходить с молчаливого согласия абвера, с которым, как мы видели выше, активно сотрудничал Всеволод Радько. Для немецкой военной разведки у него существовала следующая версия проведения съезда: совещание белорусского актива о методах, средствах и направлениях будущей антисоветской борьбы. Более того, приглашения на съезд рассылались через немецкую военную почту. Обычно в них стояла стандартная фраза: «такое-то лицо едет в Вильнюс по приказу и с разрешения немецкого командования». Тем не менее, даже несмотря на такую поддержку, съезд не состоялся. По доносу или случайно, СД узнала об этой акции БНП. В результате у большинства делегатов были отобраны пропуска, а их самих предупредили, что если кто-либо все-таки решится поехать в Вильнюс, то будет немедленно арестован. В целом значительных репрессий не последовало, однак ряд лиц были вызваны в СД, где их допросили о характере планируемого съезда и о его руководстве²¹⁷.

Неудавшийся «Белорусский съезд» интересен не только тем, что в ходе его подготовки еще раз проявился конфликт между армейскими структурами Германии и руководством СС. Другим немаловажным моментом было то, что, готовясь к съезду, Радько разослал приглашения членам всех мало-мальски значительных организаций белорусского Сопrotивления, планируя их объединение. До этого они почти не контактировали между собой. Например, ксендз Годлевский крайне отрицательно относился к сотрудничеству с Громадой. На его взгляд, все ее члены

были коммунистами или их «попутчиками» и «белорусское дело» понимали неправильно. В связи с этим не выглядит странным и его прохладное отношение к партизанским отрядам Громады. После смерти Годлевского БНП была вынуждена изменить тактику. Как было отмечено выше, ее основным направлением стал поиск союзников как за пределами Белоруссии, так и среди других националистических организаций. Каков же был их потенциал на конец 1943 года и что они могли предложить Радько?

После уничтожения белорусских партизанских отрядов Громада уже не могла являться серьезной силой. Принцип элитарности, положенный в основу ее структуры, сыграл с этой партией злую шутку. Кроме того, 13 июня 1943 года в селе Васишики (Лидский округ) польскими партизанами был убит лидер Громады Юлиан Сакович (поговаривали, что это было сделано с молчаливого согласия немецких властей). В результате быть достойными конкурентами БНП «громадовцы» уже не могли²¹⁸.

Необходимо сказать несколько слов и деятельности ПБН. Летом 1943 года было создано Белорусское национально-демократическое объединение (*Беларускае Нацыянальна-Дэмакратычнае Аб'яднаньне; БНДА*), в которое вошли ПБН и другие, еще более мелкие, группы. Причиной создания этой организации, как это ни парадоксально, было не дальнейшее объединение сил белорусского националистического подполья, а попытка еще раз вступить в переговоры с поляками. По мнению Яна Станкевича, БНДА должно было выглядеть в глазах последних более значительной организацией, чем ПБН. В конце 1943 года в Вильнюсе состоялся очередной раунд белорусско-польских переговоров. Однако, как и в 1941—1942 годах, они закончились безрезультатно. Затем в декабре 1943 года был убит Вацлав Ивановский, а вскоре и сам Станкевич должен был выехать из Минска в Прагу. Таким образом, пропольская полтика этой группы закончилась полным крахом. А иначе и быть не могло. Переговоры с АК не дали ничего, так как ни за ПБН, ни за БНДА не было реальной силы. По мнению современного белорусского историка Сергея Ерша, «надо было быть очень наивным, надеясь, что кто-то подарит белорусам независимость или какую-нибудь федерацию. Нельзя забывать и тот факт, что

пока шли переговоры, от польского террора гибли белорусские активисты»²¹⁹.

Таковой, вкратце, была позиция каждой из трех белорусских организаций националистического Сопротивления. Неудивительно, что Радько и его партия претендовали на лидерство в нем. Вот только объединяться уже было, фактически, не с кем.

Последний наиболее значительный эпизод из истории белорусского периода БНП — это подготовка антинемецкого восстания в конце июня 1944 года. В Минске в эти дни проходил 2-й Всебелорусский конгресс, многие делегаты которого были членами или сторонниками БНП. По замыслам ЦК партии, надо было воспользоваться таким случаем и попытаться провозгласить независимость Белоруссии. А чтобы немцы не смогли помешать, этот демарш предполагалось подкрепить вооруженной силой, стянув в Минск как можно больше белорусских добровольческих формирований. Однако быстрое наступление советских войск остановило этот план еще на уровне разработки²²⁰.

В эмиграции руководство БНП сделало ставку на организацию подпольного и повстанческого движения на территории Белоруссии. С этой целью некоторые его члены (например, Всеволод Радько и Иван Гелда) приняли участие в подготовке специальных разведывательно-диверсионных групп, которая осуществлялась при поддержке абвера (смотри об этом подробнее в следующих разделах). К чести и дальновидности многих членов БНП следует сказать, что они поддерживали идею сотрудничества белорусских националистов с движением генерала Андрея Власова. Они считали, что только так можно будет поднять всеобщее восстание народов Советского Союза против коммунистического режима. На этой почве у Радько, как говорилось выше, даже произошел конфликт с президентом БЦР Островским.

Продолжала БНП и подпольную антинемецкую деятельность. Так, один из ее членов — Владислав Рыжий-Рыский — готовил по заданию партии восстание в 30-й гренадерской дивизии войск СС, личный состав которой состоял в основном из

белорусов. Целью восстания был переход на сторону западных союзников. Известно, что Гестапо вышло на след этого подпольщика и попыталось его арестовать. Однако Радько смог спасти своего агента. При помощи офицеров абвера он сделал ему фальшивые документы и дал новое задание: еще раз попытаться выйти на связь с западными союзниками, чтобы рассказать им о принципах деятельности БНП и ее антинемецкой позиции²²¹.

В эмиграции оказались и некоторые члены Громады. В конце 1944 года они попытались возобновить деятельность своей организации, создав в Берлине подпольную группу «Двупогоня»²²² во главе с Сергеем Хмарой. Хотя бывшие «громадовцы» и называли себя подпольщиками, занимались они в основном легальными коллаборационистскими делами. Известно, что они, фактически, примкнули к БЦР и Островскому, который поручил им заниматься белорусской прессой. К концу 1944 года люди Хмары заняли все ведущие посты в Белорусском информационном бюро при БЦР и уже оттуда руководили всей коллаборационистской периодической печатью. В марте 1945 года «Двупогоня» выступила инициатором реорганизации БЦР, однако чем этот демарш закончился, неизвестно²²³.

В конце 1944 — начале 1945 года у большинства пронемецких националистических организаций появилось еще одно направление деятельности. Их лидеры начали активный поиск контактов с западными союзниками. Этим вопросом был озабочен даже такой крайний коллаборационист, как Радослав Островский. Выше уже говорилось, какие он предпринял шаги, чтобы не выглядеть в глазах США и Великобритании немецким прислужником. Однако все это было уже почти перед самой капитуляцией Германии. Первыми же, кто попытался наладить такие контакты, были именно члены белорусского националистического Сопротивления и их сторонники в эмиграции. По словам современного белорусского историка Владимира Дубновского, их очень беспокоил тот факт, что обо всех событиях в Белоруссии западная общественность судит только по информации, поступающей из официальных советских источников. В последних же явно прослеживалась тенденция представить всех белорусских националистов пособниками немецких оккупантов.

С этой целью в 1943 году на тайном совещании в Берлине было принято решение послать в Швецию инженера Альберта Асовского, который должен был организовать там Белорусский национальный комитет. По замыслам участников совещания, этот орган «должен был свободно отстаивать белорусское дело перед западными союзниками и информировать свободный мир об истинном положении белорусского народа и о его требованиях». Заброс Асовского в Швецию удался. Однако никакого комитета он там не организовал²²⁴.

Следующая попытка создания подобного органа относится к концу 1944 года. На этот раз инициатива исходила от «Двууго-ни». В отличие от своих предшественников члены этой группы решили действовать легально. Они установили близкий контакт с представителем немецких антигитлеровских кругов — бароном Таненфельдом — «бывшим офицером германской армии, космополитом, романтиком и поэтом». Почему для такого дела был избран именно этот человек? Дело в том, что барон уже имел дело с белорусскими националистами: в 1918—1920 годах он сражался на их стороне против Красной Армии. Даже уже выйдя в отставку, барон продолжал считаться экспертом по белорусским делам. Его опыт был настолько ценным, что доктор Геббельс взял Таненфельда экспертом в свое Министерство пропаганды.

Нет необходимости говорить, что барон полностью поддержал идею «Двуугони» о создании белорусского комитета в Швеции. Поэтому уже во второй половине сентября 1944 года в адрес Министерства пропаганды был направлен меморандум от имени Белорусского информационного бюро БЦР, в котором предлагалось перебросить в Швецию ряд белорусских активистов. Эти активисты и должны были создать там комитет, главной целью которого было бы противодействие большевистской пропаганде. Конечно, лидеры «Двуугони» отдавали себе отчет, как мало шансов, что немцы согласятся на создание такой организации, и тем более в нейтральной стране. Оказавшись в Швеции, белорусы вряд ли бы стали придерживаться инструкций Геббельса, а повели бы свою игру. В связи с этим авторы меморандума предлагали послать с белорусами одного немца, который бы и исполнил роль советника и присматривал бы за комитетом от имени

Геббельса. Не трудно догадаться, что на этот пост была предложена кандидатура Таненфельда как человека, «владеющего белорусским языком». Меморандум пролежал в Министерстве пропаганды несколько недель. Наконец, к началу декабря 1944 года Белорусское информационное бюро получило на него категорический отказ. Что интересно, за этим отказом не последовало никаких репрессий: ни один белорус не пострадал. Фактически, был наказан только барон Таненфельд. Его, как давшего положительную оценку этому документу, попросту уволили с работы. Как выяснилось позднее, Геббельс был не против переброски белорусов в Швецию. Однако такая акция вызвала крайнее недовольство со стороны ведомств Розенберга и Гиммлера. Естественно, что после вмешательства этих лиц она была обречена на неудачу²²⁵.

В начале марта 1945 года в Берлине состоялась нелегальная конференция БНП. Показательно, что, кроме партийного актива, в основном, из числа военнослужащих, на ней присутствовали руководители «Двупогони». Цель мероприятия: наметить пути дальнейшей антибольшевистской борьбы в новых условиях. Руководство БНП в лице Всеволода Радько планировало перебросить в Белоруссию как можно больше разведывательно-диверсионных отрядов, которые должны были усилить местное антисоветское партизанское движение. Против этого активно выступил лидер «Двупогони» Сергей Хмара. В частности, он сказал, что, согласно оценкам его организации, война между СССР и западными союзниками, на которую так надеялся Радько, быстро не начнется. Ссылаясь на опыт антипольской подпольной борьбы между двумя мировыми войнами, Хмара заверил всех присутствующих, что планируемое партизанское движение не просуществует и пяти лет. Более того, без связи с политическим центром оно превратится в обыкновенный бандитизм. Поэтому Хмара предложил не тратить попусту драгоценные кадры и, не теряя времени, перекинуть их на Запад²²⁶.

Конференция, однако, постановила инициировать антисоветское партизанское движение в Белоруссии, но, как компромисс, ограничить его деятельность пятью годами. Если же до этого срока не начнется советско-американский конфликт, партизанское движение предполагалось свернуть. Еще одной уступкой предста-

водителю «Двупогони» было решение принять тактику, которую использовала «белорусская народная партизанка» в 1941—1943 годах. А именно: «объединение рассредоточенных и разбросанных вооруженных групп в рамках партизанских национальных сил, а не вооруженные, ненужные выступления, которые бы уничтожили эти силы преждевременно». Для политического руководства будущим партизанским движением была создана Белорусская военная организация. Однако ее дальнейшая судьба до сих пор остается неизвестной, как и судьба решений этой конференции. В условиях надвигающегося краха нацистской Германии их выполнение становилось попросту неактуальным²²⁷.

Из всего сказанного видно, что белорусские националисты, претендуя на роль выразителей интересов всего белорусского народа, так и не смогли создать ни влиятельной политической организации, ни значительных по масштабу партизанских сил (даже по сравнению с такой родственной организацией, как ОУН). Да и те, которые якобы подчинялись им, вряд ли следует считать именно белорусскими в националистическом понимании этого слова.

Анализируя историю Сопrotивления на территории Белоруссии вообще и партизанского движения — в частности, следует признать, что наиболее масштабным и эффективным оно было у сторонников советской власти. Причин этому много, поэтому назовем только основные из них:

- поддержка со стороны государства и его военной машины;
- выступление под лозунгами, в принципе, близкими и понятными всем слоям населения (как с политической, социальной, идеологической, так и с национальной точки зрения);
- поддержка местного населения.

Почти всего этого были лишены другие течения движения Сопrotивления, что и делало их ограниченными либо политически, либо национально, либо территориально. А проигрыш в тех условиях хотя бы по одному из этих показателей неминуемо приводил к общему поражению.

Еще одной немаловажной причиной, вследствие которой советское партизанское движение получило такой массовый раз-

мах, была немецкая оккупационная политика. Именно благодаря всем ее «прелестям» белорусское население поняло, что немцы — никакие не «освободители», а обыкновенные захватчики и оккупанты. И изменить это целиком сложившееся к началу 1943 года мнение уже не могли никакие «благородные» поступки отдельных немецких чиновников.

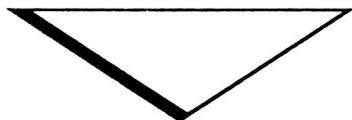
Вообще при рассмотрении истории партизанского движения, позиция населения представляется наиболее неоднозначным фактором. Теперь не секрет, что не везде это население относилось к советским партизанам лояльно или даже нейтрально. Были и случаи откровенной вражды. Например, такая ситуация сложилась на вновь присоединенных территориях (Прибалтика, Западная Украина и Западная Белоруссия) или на территориях, где нерусское население было либо преобладающим, либо равным по численности русскому (Крым и Кавказ). Именно здесь коллаборационизм принял свои наиболее крайние формы, а советское партизанское движение насчитывало по несколько тысяч человек (и местных среди них было ничтожно мало). Хотя нельзя сбрасывать со счетов и такого факта, что в ряде случаев советские партизаны вели себя не лучше немцев, если полагали, что население поддерживает оккупантов или коллаборационистов. Естественно, что население отвечало им тем же.

Советские партизаны во время войны, а советские историки в послевоенное время часто обвиняли представителей других партизанских движений в том, что они сотрудничали с немцами или что немцы принимали участие в создании этих движений, в их вооружении и снаряжении. Этот вопрос намного сложнее, чем кажется. И сербские четники, и греческие партизаны-роялисты, и украинские националисты, в основной своей массе, считали нацистов врагами. Однако еще большими своими врагами они считали коммунистических партизан (хотя поначалу и пытались сотрудничать с ними). Поэтому вся логика развития этих движений неминуемо толкала их к союзу (пусть даже временному и тактическому) с оккупантами, которые на тот момент были главной, как казалось их лидерам, антикоммунистической силой. И в условиях войны эта борьба была крайне жестокой, принимая, зачастую, характер открытого гражданского противостояния.

Если же эта борьба имела под собой не только идеологические и социальные, но еще и религиозно-национальные и исторические противоречия, она выливалась в чудовищную резню, как это было, например, в Югославии.

Нечто подобное имело место и в Белоруссии, некоторые события времен оккупации которой можно по праву назвать гражданской войной, так как количество советских партизан и численность «восточных» добровольцев и некоммунистических партизан на ее территории было примерно равным²²⁸. Имелись в Белоруссии и свои исторические, национальные и религиозные противоречия. Поэтому партизанская война вылилась здесь на каком-то этапе в войну всех против всех. Советские партизаны воевали против немцев, польских и украинских националистов и белорусских коллаборационистов. Поляки воевали против немцев, белорусских и украинских националистов, а позднее и против советских партизан. Немцы воевали против советских партизан, часто используя поляков, украинцев и белорусов. Эта борьба еще больше усложняла и без того сложную политическую ситуацию на территории Белоруссии и накладывала свой отпечаток на процесс создания и использования местных коллаборационистских формирований.

ГЛАВА 3. БЕЛОРУССКИЕ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ (1941—1944): ОРГАНИЗАЦИЯ И БОЕВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

ЧАСТИ ОХРАНЫ ПРАВОПОРЯДКА: ОТ САМООБОРОНЫ ДО БЕЛОРУССКОЙ ПОЛИЦИИ

«Служба порядка» и «вспомогательная полиция порядка» индивидуальной службы. Первые подразделения местной полиции и самообороны начали создаваться в Белоруссии еще до организации на ее территории генерального округа. Как правило, подобная инициатива исходила от соответствующих органов вермахта, заинтересованных в увеличении охранных войск в тыловом районе группы армий «Центр». В результате к осени 1941 года на территории Белоруссии было создано несколько десятков мобильных и стационарных подразделений, получивших в целом название «службы порядка», или «оди» (*Ordnungsdienst; Odi*). Эти подразделения представляли собой кавалерийские или пехотные отряды, командирами которых назначались советские офицеры, специально освобожденные для этого из лагерей военнопленных. Численность каждого из них колебалась в пределах 100—150 человек. Обычно, для привлечения местного населения в эти отряды применялся целый комплекс мер: от принуждения до освобождения от повинностей, налогов и реквизиций. Тем не менее идеологический (антисоветский) момент в этом процессе так же нельзя отбрасывать. К слову, главными организаторами белорусской «службы порядка», например на востоке республики, были

такие известные белорусские националисты, как Михаил Витушка и Дмитрий Космович²²⁹.

Следует сказать, что в некоторых случаях отряды «службы порядка» без помощи немцев очищали целые районы от советского присутствия. Например, так было на Полесье (юго-западная Белоруссия), где в августе 1941 года белорусская самооборона и отряды украинского атамана Тараса Бульбы-Боровца («Полесская сечь») провели настоящую войсковую операцию против остатков советских войск, большевистских партизан и отрядов НКВД. В своем роде это была уникальная в тех условиях акция, так как немцы в ней вообще не участвовали, а только наблюдали за ходом событий. Поскольку эта операция имела очень большое значение для становления местных добровольческих формирований, остановимся на ней подробнее. Современный белорусский историк Петр Казак (Сергей Ёрш) пишет, что «где-то в начале августа 1941 года на белорусском Полесье состоялась совместная конференция представителей атамана Боровца и самообороны». Делегацию украинцев возглавлял хорунжий Петр Довмагюк-Наливайко, который ехал на конференцию, чтобы «установить с белорусами самый тесный контакт теперь и на будущее». С белорусской стороны в ней участвовали Василий Вир — бывший премьер-министр правительства Западно-Белорусской республики в сентябре 1939 года и командиры некоторых отрядов «службы порядка» — Яков Хоревский, Всеволод Радько и Михаил Витушка. На переговорах белорусы полностью согласились с предложенным украинской стороной планом по очищению «всех полесских земель от русско-большевистского террора». Василий Вир позднее вспоминал, что результатом конференции стало соглашение «о совместных действиях» против оставшихся в Полесской котловине советских частей, против местных коммунистов и поляков, которые начали создавать свои партизанские отряды. Фактически, главной целью будущей операции было не дать сторонникам советской власти закрепиться на этой территории для дальнейшего разветвления вооруженной борьбы²³⁰.

Конкретный план совместных действий был разработан уже после конференции. Так, все районы на восток от линии Слуцк — Лунинец в направлении Мозыря должна была освободить бе-

лорусская «служба порядка». На долю «Полесской сечи» приходился район Столин — Сарны — Олевск — Овруч. Операция началась 20 августа 1941 года. В ходе нее 10 тыс. украинцев и 5 тыс. белорусов, разбитые на так называемые «летучие бригады», вытеснили остатки советских войск (примерно 15 тыс. человек) с территории Полесья и соединились в районе Мозыря²³¹.

Следует сказать, что белорусы преследовали не только военные цели. В каждом освобожденном от советских властей районе они создавали свою администрацию, издавали газеты и делили землю. Все же воинские формирования стали играть роль местной полиции. Часто эта полиция действовала независимо от немцев, которые появились на Полесье только в октябре 1941 года. Интересно отметить, что в этот период формирования белорусской полиции уже имели собственную униформу. По воспоминаниям Василя Вира, это были пошитые из советских, песочного цвета шинелей, френчи и шапки-кепи (по образцу австрийских периода первой мировой войны) с «*Ярыловским*» крестом. Также имелись советские каски с таким же крестом, нарисованным желтой или синей краской²³².

В сентябре 1941 года на территориях Западной и Центральной Белоруссии был создан генеральный округ. Соответственно, сразу же была проведена унификация местных частей охраны правопорядка. В результате уже к концу осени 1941 года вся «милиция» и самооборона были реорганизованы в формирования «вспомогательной полиции порядка»²³³. Первыми были созданы подразделения индивидуальной службы в городах и сельской местности — аналоги немецкой охранной полиции и жандармерии. Следует сказать, что их не создавали заново. Фактически, они были организованы на базе уже имевшихся частей «оди», которые действовали при всех местных городских, районных или сельских управлениях. В принципе, в них остались те же кадры и тот же персонал и при тех же обязанностях. Основные же изменения произошли в системе управления этими частями, хотя, по сути, ничего нового придумано не было. Как и прежде, эта система оставалась двухуровневой. Формально ими продолжал руково-

дить начальник полиции городского и районного управления или староста, если речь шла о сельском управлении. На деле же реальная власть продолжала оставаться в немецких руках. Однако, если раньше шефом начальника полиции был соответствующий армейский комендант, то теперь в городах он подчинялся начальнику охранной полиции (*Schutzpolizei*), а в сельской местности — начальнику жандармерии (*Gendarmerie*). Обычно численность полицейских индивидуальной службы колебалась от 3 до 15 человек при сельском управлении и от 40 до 50 человек в небольших городах и районных центрах. Общее же количество полицейских в каждом районе было разным и находилось в зависимости от площади района и плотности населения в нем (в среднем, это соотношение не должно было превышать такую пропорцию: 1 полицейский на 100 жителей).

Выше уже говорилось, что части «службы порядка» и местной «милиции» были одеты либо в гражданскую одежду, либо в трофейную униформу советского образца. На их принадлежность к добровольческим формированиям указывала только нарукавная повязка или разнообразные самодельные знаки различия (как на Полесье). С начала организации «*Schuma*» ситуация несколько изменилась. Зимой-весной 1942 года немцы постарались как можно скорее привести всю униформу к одному стандарту: полицейским стали выдавать новые комплекты, перешившие из черной униформы так называемых общих СС (*Allgemeine-SS*). Надо сказать, что где-то это удалось сделать быстро, где-то, в основном в сельской местности, большинство полицейских еще осенью 1942 года продолжали ходить в гражданской одежде, но уже со специально разработанными знаками различия. Зачастую такие знаки были единственным признаком, по которому можно было отличить полицейского, если он был одет в гражданскую одежду. Летом 1942 — в начале 1943 года это были специальные нарукавные нашивки — так называемые «полоски» и «уголки», обозначавшие воинское звание и занимаемую должность. Всего воинских званий в «*Schuma*» было пять. Последнее из них, соответствовавшее, примерно, старшине Красной Армии, являлось наивысшим для этой ветви вспомогательной полиции. Офицерские же звания для ее персонала предусмотрены не были²³⁴.

Однако ни городская, ни сельская полиция не могли самостоятельно бороться с растущим партизанским движением, ни тем более уничтожить его, и только зря несли потери. Один из белорусских националистов Степан Шнек вспоминал, что только в Слуцком округе с 1941 по 1944 год погибло 418 полицейских. Поэтому оккупационные власти делали все, чтобы создать более крупные, мобильные и лучше подготовленные формирования, которые могли бы обеспечить порядок, хотя бы в пределах своего района.

В связи с этим 2 декабря 1941 года ОКХ издало директиву «Особые указания для борьбы с партизанами». В этом документе, в частности, говорилось: «... Использование местных отрядов в борьбе с партизанами вполне себя оправдывает. Знание местности, климата и языка страны делает возможным в боях с партизанами применять их же методы действия»²³⁵.

В Белоруссии эти мероприятия приобрели характер создания сил самообороны.

* * *

Корпус белорусской самообороны. Следует сказать, что на протяжении всего периода оккупации Белоруссии на ее территории существовали сельские отряды самообороны, созданные местными жителями для защиты от советских и польских партизан, а иногда и немцев. Создание таких отрядов облегчалось наличием большого количества оружия, оставленного Красной Армией, а также тем, что в центральных и западных районах Белоруссии осталось очень много мужчин призывного возраста. Это объясняется тем, что коммунисты не успели провести здесь мобилизацию, а немцы, в свою очередь, всех военнопленных белорусской национальности отпускали из лагерей по домам²³⁶.

До середины 1942 года создание отрядов самообороны носило неорганизованный характер и зависело от инициативы на местах. Однако в результате развития партизанского движения, бурный рост которого был вызван садистской политикой оккупантов в Белоруссии, ситуация коренным образом изменилась.

29 июня 1942 года генеральный комиссар «Белоруссии» Вильгельм Кубе опубликовал проект указа о Корпусе белорусской самообороны (*Корпус беларускай самааховы; КБС*). Разработка пла-

нов по его созданию была поручена Центральному совету БНС, а создание отдельных формирований — органам местного самоуправления²³⁷.

В начале июля 1942 года офицер связи фюрера СС и полиции «Белоруссии» с белорусскими полицейскими формированиями бывший капитан польской армии Франц Кушель разработал план, по которому следовало в дальнейшем разворачивать КБС. Согласно этому плану предполагалось иметь следующую структуру корпуса:

- Штаб корпуса должен был располагаться в Минске;
- 1-я дивизия (дислокация в Минске; оперативный район — Минский и Слуцкий округа);
- 2-я дивизия (дислокация в Барановичах; оперативный район — Барановичский, Новогрудский и Слонимский округа);
- 3-я дивизия (дислокация в Вилейке; оперативный район — Вилейский, Лидский и Глубокский округа);
- вспомогательные службы²³⁸.

Находясь формально в распоряжении Центрального совета БНС, корпус должен был подчиняться фюреру СС и полиции на правах вспомогательного формирования.

15 июля 1942 года фюрер СС и полиции генерального округа «Белоруссия» СС-бригадефюрер Карл Ценнер ознакомился с планом создания КБС и внес свои изменения. Согласно поправкам Ценнера, вместо развертывания трех дивизий предполагалось создать сеть антипартизанских подразделений по всему генеральному округу. Поэтому в каждом районе должны были быть организованы добровольческие формирования КБС силой от роты до батальона, которые бы подчинялись местным руководителям немецкой полиции в оперативном отношении и сфере подготовки. Франц Кушель позднее вспоминал, что «эти поправки оказали на нас очень удручающее впечатление. Из них следовало, что роль доктора Ермаченко и лиц, облеченных его доверием, сводилась только к тому, чтобы призвать людей, одеть их, расквартировать и накормить, остальное же передавалось в компетенцию немцев»²³⁹. Тем не менее руководство БНС было вынуждено согласиться с мнением Ценнера, после чего уже 16 июля 1942 года был отдан окончательный приказ о формировании КБС.

Чтобы создать видимость того, что корпус находится под белорусским руководством, немцы на все высшие командные должности в нем разрешили назначить белорусов. В результате к апрелю 1943 года, верховное командование КБС выглядело следующим образом:

- Шеф (главный комендант) КБС — руководитель Центрального совета БНС Иван Ермаченко.

- Начальник штаба БНС — подполковник Иосиф Гутько.

- Главный референт («военный министр») БНС и начальник ее военного отдела — капитан Франц Кушель. В его подчинении в каждом округе Белоруссии находились специальные окружные референты, которые должны были отвечать за формирование местных батальонов самообороны²⁴⁰.

Согласно приказу Ценнера, мобилизация в КБС должна была проводиться на добровольной основе, однако часто местные немецкие власти не придерживались этого обязательства. В связи с этим все, что касается численности личного состава корпуса, до сих пор является спорным моментом в его истории. Советские источники утверждают, что добровольцев не было вообще, поэтому оккупанты начали принудительную мобилизацию. Однако из-за противодействия партизан и нежелания населения служить в этом формировании и она не дала ожидаемых результатов. Этого не подтверждают белорусские источники. Так, Кушель писал позднее, что извещение о создании КБС вызвало среди населения «небывалый энтузиазм» и убеждение, что корпус справится, наконец, с партизанами и станет основой будущей белорусской армии. Наплыв же добровольцев был так велик, что немецкие и белорусские власти просто не знали, что с ними делать. Из-за явной тенденциозности источников обе эти точки зрения следует воспринимать очень осторожно. Как правило, коммунисты всегда значительно преуменьшали численность подобных формирований, а националисты, наоборот, преувеличивали. Истина обычно лежит где-то посередине. Согласно отчету Кубе, по состоянию на октябрь 1942 года в КБС было завербовано около 15 тыс. человек. Из него также следует, что действительно не все из них были добровольцами. Например, принудительная мобилизация была проведена в Ганцевичском округе. Однако и отри-

цать «народный энтузиазм» также не стоит. Так, в Белостокском округе, который вообще не относился к генеральному округу «Белоруссия», в КБС захотело вступить действительно значительное количество добровольцев²⁴¹.

Призыв в корпус проходил в течение двух месяцев, в результате чего Кушель смог сформировать около 20 батальонов и несколько более мелких частей. Обычно каждый батальон самообороны состоял из трех пехотных рот и одного эскадрона кавалерии. В каждой роте было по 100—120 человек, а в эскадроне — около 100. Каждый батальон имел двойное подчинение: белорусское и немецкое. Как правило, батальоном командовал белорусский офицер, а немец исполнял при нем обязанности советника и офицера связи с местным немецким полицейским начальником.

Солдаты белорусской самообороны не имели единой униформы и вооружения. Так, в Слонимском батальоне была как литовская, так и польская униформа. В качестве головного убора бойцы носили пилотки с кокардой в виде «*Погони*»²⁴². На вооружении личного состава батальона были бельгийские винтовки²⁴³. Ситуация в Слонимском батальоне была еще не самой плохой, так как в большинстве частей КБС вопросы обмундирования и вооружения вообще не были решены. Одной из причин этого было то недоверие, которое немецкие полицейские власти испытывали к белорусским добровольцам, поэтому они и не спешили снабжать их всем необходимым. В результате командиры и бойцы большинства батальонов ходили в своей домашней одежде, часто даже в лаптях, «иногда, мало чем отличаясь от партизан». Подписывая соглашение с Ермаченко, немецкая сторона обязалась предоставить необходимое вооружение всем батальонам КБС. Однако только после многомесячного выжидания, к концу 1942 года, немцы выдали их личному составу небольшое количество винтовок устаревших образцов. Это, естественно, не решило проблемы вооружения, но, как это ни парадоксально, не обескуражило белорусских солдат. Они начали обеспечивать себя оружием самостоятельно, собирая его в лесах, покупая и выменивая у немецких солдат. Как вспоминал Кушель, таким способом вооружил себя личный состав одного из батальонов Минского округа. Описывая ситуацию в Слонимском округе, один из очевидцев даже

приводит цены, по которым осуществлялись эти сделки. Так, автоматическая винтовка стоила 5 кг солонины и 5 л самогона. Иногда винтовки покупались даже... у советских партизан — по две бутылки водки за каждую²⁴⁴.

Одной из главных проблем при организации КБС было отсутствие необходимого количества белорусских офицеров и унтер-офицеров. Дело доходило до того, что даже ротами командовали немецкие унтер-офицеры. Так, например, было в уже упоминавшемся Слонимском батальоне. Те же офицеры и унтер-офицеры, которые изъявили желание служить в КБС, имели неодинаковую подготовку и были очень далеки от понимания целей белорусского национализма. И здесь нет ничего удивительного, так как в корпусе служили бывшие военнослужащие трех армий: Русской императорской, Польской и Красной. Поэтому их переподготовка для ведения войны в современных условиях была признана командованием КБС одной из первоочередных задач.

1 июля 1942 года в Минске в торжественной обстановке были открыты курсы командного состава КБС, на которых стали обучаться 120 офицеров. Начальником курсов был назначен капитан Франц Кушель, а его заместителем — капитан Виталий Микула. Переподготовка продолжалась месяц. 1 августа начался второй курс, также в составе 120 человек, а 1 сентября — третий, в составе 60. Значение этих курсов в той ситуации было трудно переоценить. Во-первых, благодаря их проведению был учтен весь кадровый состав белорусских офицеров, командование КБС получило представление об уровне их военных знаний и на основе этого постаралось дать им одинаковую военную доктрину и привить, по возможности, базовые понятия белорусского национализма²⁴⁵.

Во-вторых, только около трети слушателей минских курсов стали командирами рот или батальонов КБС. Дело в том, что после их окончания большинство офицеров были распределены инструкторами в школы унтер-офицеров, которые были открыты в местах создания батальонов КБС. До конца 1942 года такие школы успели открыть в Барановичах, Новогрудке, Вилейке, Глубоком, Браสลаве и Поставах. Здесь прибывшие из Минска офицеры должны были, в свою очередь, подготовить необходи-

мое количество унтер-офицеров, чтобы заменить ими, со временем, немецкий персонал в частях КБС. Следует подчеркнуть, что эти курсы явились настоящим питомником, из которого вышли именно белорусские унтер-офицеры и офицеры, какими их представляли националисты. Многие из них составили кадровый костяк почти всех белорусских добровольческих частей, которые позднее были сформированы немцами²⁴⁶.

В целом акция по созданию КБС не принесла ее немецким инициаторам желаемого результата. Анализируя причины провала его использования, начальник полиции порядка генерального округа «Белоруссия» СС-штандартенфюрер Клепш писал в апреле 1943 года: «Во-первых, несмотря на многочисленные просьбы, вермахт не предоставил необходимое количество оружия. Во-вторых, как только стало известно о создании КБС, белорусские бойцы самообороны вместе со своими семьями начали подвергаться постоянному террору со стороны бандитов (советских партизан). В-третьих, за редчайшим исключением, эти люди были абсолютно ненадежны и легко поддавались воздействию пропаганды противника. Имели место случаи, когда крупные патрули КБС, вооруженные винтовками и автоматическим оружием, добровольно переходили на сторону бандитов»²⁴⁷. Формально, эти причины послужили поводом для расформирования КБС. Однако в истории его создания не все было так просто.

Целый ряд фактов свидетельствует о том, что КБС был в основном именно немецкой инициативой, а председатель единственной на то время легальной белорусской организации — БНС — Иван Ермаченко не проявлял особого интереса к созданию белорусских вооруженных сил. На соглашение с немцами он пошел только «под давлением белорусской общественности», и только после того, как Кубе сам предложил ему это. Роль же последнего в деле создания КБС несомненна. По сути, создание этого корпуса было одним из пунктов реализации политической позиции генерального комиссара, еще одним ходом в партии против руководства СС. Польский историк Юрий Туронек утверждает, что приказ Кубе о создании КБС был издан даже без

формального согласия Розенберга и Гиммлера, а рейхскомиссар «Остланда» Генрих Лозе был извещен о нем постфактум.

Руководство СС, конечно, не было против того, чтобы белорусская самооборона выполняла антипартизанские функции. Однако оно не хотело того, чтобы наличие собственных вооруженных частей усиливало позицию Ермаченко, а через него — Кубе. Поэтому даже такой, урезанный Ценнером, проект КБС не мог не вызвать противодействия Гиммлера. Согласно его указаниям, полицейские власти «Остланда» избрали политику постепенного уничтожения КБС. В конце июля 1942 года лояльного к политике Кубе Ценнера сменил СС-бригадефюрер Вальтер Шимана, который сразу же начал исправлять «ошибки» своего предшественника. В сентябре он отобрал у Ермаченко титул «главного коменданта» КБС, распустил его штаб, запретил присваивать персональные офицерские звания выпускникам минских курсов, а также начал тянуть с обмундированием и вооружением уже сформированных батальонов самообороны. В целом такая патовая ситуация сохранялась до апреля 1943 года, когда немцы, воспользовавшись скандалом, в котором был замешан Ермаченко, окончательно решили распустить КБС. Вскоре был издан соответствующий приказ, согласно которому личный состав всех батальонов переходил в подчинение полиции порядка, охраны железных дорог или отправлялся на принудительные работы в Германию. По свидетельству Франца Кушеля, многие солдаты отказывались переходить в полицию, поэтому в некоторых случаях для расформирования батальонов немцы применяли силу²⁴³.

Эта история с КБС, конечно, самым отрицательным образом сказалась на лояльности белорусов к новой власти. Ее противники еще больше укрепились в своем мнении, что от оккупантов ничего хорошего ожидать не приходится, а немногочисленные сторонники «были оскорблены в самых своих лучших чувствах». В дальнейшем многие из них, даже уже завербовавшись в очередное формирование, зачастую думали о том, что и эта затея кончится так же, как и с корпусом самообороны. Естественно, что такие мысли никак не способствовали укреплению боевого духа и морального состояния новых белорусских добровольцев.

«Самооборонные деревни». Тем не менее даже после расформирования КБС идея охраны оккупированной территории силами самообороны не умерла, как казалось, окончательно. Летом 1943 года она возродилась в виде так называемых «охранных деревень» и была связана с проектом Розенберга по внедрению в восточных областях «нового порядка землепользования». Главной своей целью этот проект ставил привлечение белорусских крестьян на сторону новой власти, поскольку обещал им наделение землей в полную собственность. Проект имел больше пропагандистский характер, так как окончательно аграрный вопрос немцы собирались решать только после завершения войны. Пока же предусматривалось, что «при наделении земельными участками следует иметь в виду в первую очередь и преимущественно тех крестьян, которые оказывали содействие в борьбе против партизан». «Оборонные деревни» и явились тем местом, где крестьянин мог получить землю в свою полную собственность.

По сути, «оборонные деревни» явились компромиссом между политическим и полицейским руководством оккупированных территорий, так как новый фюрер СС и полиции «Белоруссии» СС-штанартенфюрер Эрих Эрлингер понимал всю их неэффективность с военной точки зрения. Розенберг же, помимо политических мотивов, видел и явный экономический выигрыш от этой затеи. По его мнению, эти деревни позволили бы контролировать производство и захват сельскохозяйственной продукции. «Опираясь на эти опорные пункты, — утверждал вслед за Розенбергом заведующий экономическим отделом генерального комиссариата, — надо попытаться вовлечь в полицию оседлое местное население и тем самым оказать поддержку немецким войскам»²⁴⁹.

В результате осенью 1943 года началось создание сети «оборонных деревень», преимущественно в районах, граничащих с лесными массивами. Так, в Барановичском округе их было организовано 14, в Слонимском, Новогрудском и Слуцком округах — примерно по 10. Главной задачей гарнизона этих деревень было отражение партизанских нападений, а также вылавлива-

ние одиноких диверсантов и разведчиков. Для несения такой, в общем-то непростой по тем условиям даже для регулярных частей, службы немцы выдавали местным жителям не более 20 старых советских винтовок с небольшим боезапасом к ним. Первоначально, пока партизаны не разведали реальную военную силу «оборонных деревень», их наличие в том или ином районе приносило некоторые положительные результаты. Однако со временем стало ясно, что гарнизоны этих деревень не могут обороняться против лучше вооруженного и большего по численности врага. По словам наместника БЦР в Вилейском округе Иосифа Малецкого, к середине 1944 года «они производили только провоцирующее воздействие на польских и коммунистических партизан, заставляя их мстить мирному белорусскому населению». В общем, и с политической, и с военной точки зрения идея «оборонных деревень» не оправдала себя. Кроме того, их население не подлежало мобилизации в Белорусскую краевую оборону, что, естественно, лишало последнюю значительного контингента более-менее подготовленных и обстрелянных призывников.

В связи с этим президент БЦР Радослав Островский 25 мая 1944 года обратился к генеральному комиссару фон Готтбергу с таким письмом: «Глубокоуважаемый Генеральный комиссар Белоруссии! Будучи в Слуцке, я узнал, что местные “оборонные деревни” не могут выполнять возложенные на них обязанности, так как их вооружение (несколько винтовок) не может дать отпор хорошо вооруженным советским партизанским отрядам, возглавляемым командирами-специалистами, сброшенными на парашютах. В результате, гибнут не только добровольцы, которые пытаются сопротивляться, но и их семьи. Поэтому убедительно прошу Вас, г-н Генерал, остановить акцию “оборонных деревень”...»²⁵⁰. Фон Готтберг откликнулся на просьбу Островского и приказал ликвидировать эти деревни не только в Слуцком округе, но и в других районах.

Батальоны «вспомогательной полиции порядка». Прохладное отношение немецкого руководства к самой идее самообороны объясняется не только нежеланием вооружать белорусов или да-

вать в руки белорусских националистов какую-нибудь воинскую силу. Помимо этой, чисто политической причины, была и другая — военная неэффективность самообороны. Рост партизанского движения ясно давал понять, что с ним нельзя справиться небольшими отдельными отрядами, которые к тому же были привязаны к месту проживания своего личного состава.

Поэтому уже в первой половине 1942 года немецкие полицейские органы в рейхскомиссариатах приступили к созданию из местных добровольцев батальонов «*Schuma*», которые предполагалось использовать в антипартизанских операциях. По замыслам немецкого полицейского руководства, они должны были представлять собой территориальные охранные части, подобные батальонам КБС, но более крупные, мобильные, лучше вооруженные и с более широким оперативным районом. В немецкой системе правопорядка их аналогом являлись так называемые военизированные полицейские батальоны и полки, которые в больших количествах действовали на оккупированных советских территориях.

Формирование белорусских батальонов «*Schuma*» было обусловлено теми же причинами и проходило в три этапа: в июне — августе 1942 года, сентябре-октябре 1943 года и в феврале-марте 1944 года. В результате к апрелю 1944 года было сформировано 11 батальонов, 1 артиллерийский дивизион и 1 кавалерийский эскадрон «*Schuma*»:

- Охранный батальон «*Schuma*» № 45;
- Охранный батальон «*Schuma*» № 46;
- Охранный батальон «*Schuma*» № 47;
- Фронтвой батальон «*Schuma*» № 48;
- Охранный батальон «*Schuma*» № 49;
- Фронтвой батальон «*Schuma*» № 60;
- Фронтвой батальон «*Schuma*» № 64 (с мая 1944 года — охранный);
- Фронтвой батальон «*Schuma*» № 65;
- Фронтвой батальон «*Schuma*» № 66;
- Охранный батальон «*Schuma*» № 67;
- Фронтвой батальон «*Schuma*» № 69;
- Артиллерийский дивизион «*Schuma*» № 56;
- Кавалерийский эскадрон «*Schuma*» № 68.

Динамика численности личного состава этих батальонов была следующей: 20 декабря 1943 года — 1481, 30 января 1944 года — 1499 и, наконец, 29 февраля 1944 года — 2167 человек²⁵¹.

По штатному расписанию каждый батальон должен был состоять из штаба и четырех рот (по 124 человека в каждой), а каждая рота — из одного пулеметного и трех пехотных взводов. Иногда в состав батальона входили также технические и специальные подразделения. Как можно убедиться на примере белорусских батальонов, штатная численность личного состава в 501 человек на практике колебалась от 200 до 700. Как правило, батальоном командовал местный доброволец из числа бывших офицеров Польской или Красной Армии. Тем не менее в каждом из них было 9 человек немецкого кадрового персонала: 1 офицер связи с немецким полицейским руководством и 8 унтер-офицеров. Интересно, что срок службы в таком батальоне определялся специальным контрактом и составлял шесть месяцев. Однако зачастую этот срок автоматически продлевался²⁵².

Командные кадры для батальонов «*Schuma*» (и вообще для белорусской полиции) готовили открытые в декабре 1941 года минские курсы по переподготовке полицейских. Позднее, в мае 1942 г. при них была открыта школа унтер-офицеров полиции.

Бойцы белорусской «*Schuma*» носили стандартную униформу вермахта или немецкой полиции. В начале 1943 года для личного состава этих батальонов (а затем и для всех остальных ветвей вспомогательной полиции) были разработаны специальные знаки различия, которые значительно отличались от «полосок» и «уголков» персонала индивидуальной службы. В целом это были:

- эмблема для ношения на головном уборе — свастика в лавровом венке;
- эмблема для ношения на левом рукаве кителя — свастика в лавровом венке и в обрамлении девиза «*Treu — Tapfer — Gehorsam*», что означало «Верный — Храбрый — Послушный»;
- погоны черного цвета, на которых была вышита свастика;
- черные петлицы, на которых размещались серебристые «уголки» и «звездочки», свидетельствующие о звании их владельца.

Так как батальоны «*Schuma*» представляли собой уже более крупные формирования, чем части индивидуальной службы, для

их личного состава были введены офицерские звания. Теперь, таким образом, было уже семь воинских званий: к трем унтер-офицерским было добавлено еще четыре офицерских (примерно, от лейтенанта до майора немецкой полиции). Следует отметить, что эти офицерские звания не были персональными, а, как и в предыдущий период, означали только занимаемую должность: помощник командира взвода, командир взвода, командир роты и командир батальона.

Еще одним новшеством в этих знаках различия было то, что теперь каждый тип «вспомогательной полиции порядка» имел свой цвет. Например, полиция индивидуальной службы в городах и солдаты батальонов «*Schuma*» имели светло-зеленые выпушки петлиц и погон, свастику на погонах и рисунок нарукавной эмблемы, а у полиции индивидуальной службы в сельской местности все это было оранжевым²⁵³.

В организационном и оперативном отношении все эти части были подчинены начальнику полиции порядка генерального округа «Белоруссия» СС-оберштурмбаннфюреру Эберхарду Герфу и действовали в западной и центральной Белоруссии. Единственным исключением был батальон «*Schuma*» № 69. Он располагался в тыловом районе группы армий «Центр» и подчинялся фюреру СС и полиции «Могилева»²⁵⁴.

При организации батальонов «*Schuma*» предполагалось, что, в отличие от вспомогательной полиции индивидуальной службы, на них будет возложено только участие в оперативных мероприятиях и всего связанного с ними. Немецкие нормативные документы выделяют три основных типа таких батальонов:

- фронтовой (*Front*) — предназначался для оперативных мероприятий на широком фронте и с широкими задачами; иногда мог применяться и против регулярного противника;
- охранный (*Wach*) — предназначался для охранных мероприятий, главным образом на военных объектах и в местах заключения;
- запасной (*Ersatz*) — осуществлял подготовку личного состава для двух предыдущих типов, но в случае крайней необходимости мог использоваться как охранный или фронтовой.

В Белоруссии были созданы батальоны только двух первых типов: шесть фронтовых и пять охранных. И такое их количе-

ственное соотношение не является случайным: немцы в равной мере нуждались и в охранных частях, и в частях, которые могли на равных бороться с партизанами. Однако возникает вопрос, почему не был создан ни один запасной батальон? Дело в том, что в тот период и в генеральном округе, и на территории юрисдикции военной администрации уже было достаточно специальных учебных заведений, где готовился более или менее качественный полицейский персонал офицерского и унтер-офицерского уровня. Не было недостатка и в рядовом контингенте: после расформирования КБС подготовленных военнообязанных было даже в избытке.

После окончания подготовки каждый из батальонов получал свой оперативный район. В целом эти части «*Schuma*» были распределены следующим образом:

- батальоны № 45 и № 60 — район Барановичей;
- батальоны № 46 и № 65 — район Новогрудка;
- батальоны № 47 и № 49 — район Минска;
- батальон № 48 — район Слонима;
- батальон № 64 — район Глубокого;
- батальон № 66 — район Слуцка;
- батальон № 67 — район Вилейки;
- батальон № 69 — район Могилева²⁵⁵.

Здесь перед личным составом батальонов были поставлены задачи следующего характера:

1. Защита войскового и оперативного тыла действующей армии от агентурных и диверсионных действий противника.
2. Охрана и оборона всех видов коммуникаций, имеющих значение для фронта или экономики Германии.
3. Охрана и оборона объектов, имеющих значение для вермахта и германской администрации (базы, склады, аэродромы, казармы, административные здания и т. п.).
4. Активное осуществление полицейских и, в случае необходимости, войсковых мероприятий по подавлению антигерманских выступлений в тыловых районах группы армий «Центр» и в генеральном округе «Белоруссия»²⁵⁶.

В июне 1944 года, после начала советского наступления в Белоруссии, часть батальонов «*Schuma*» была разгромлена, а часть

(например, батальоны №№60, 64 и 65) была отведена в Польшу. Здесь они впоследствии вошли в состав 30-й гренадерской дивизии войск СС, речь о которой пойдет в следующей главе.

Следует сказать, что за весь период своего существования части белорусской вспомогательной полиции показали, в целом, хорошую выучку и проявили высокое тактическое мастерство. Однако нередко моральное состояние и боевой дух личного состава некоторых из них оставляли желать лучшего. И в этом зачастую были виноваты сами немцы.

Франц Кушель позднее вспоминал: «...Немецкое отношение к этому делу (созданию белорусских частей), особенно в связи с белорусской самообороной, привело к тому, что широкие белорусские массы все больше и больше разочаровывались в немцах. Результатом этого разочарования было в первую очередь то, что белорусы начали покидать ряды полиции... и переходить к партизанам»²⁵⁷.

Приведем лишь несколько наиболее характерных примеров. В августе 1942 года, параллельно с созданием КБС, было принято решение о формировании 49-го батальона «*Schuma*». Уже сам набор в него проводился принудительными методами — окружные комиссары просто хватали белорусскую молодежь и отправляли ее под конвоем к месту формирования батальона. Таким образом было набрано около 2 тыс. человек. Белорусам не дали ни одной офицерской должности, и поэтому батальоном, вплоть до ротного звена, командовали немцы. К тому же все немецкие офицеры общались со своими подчиненными только по-немецки, что, естественно, не способствовало взаимопониманию и создавало дополнительные трудности в обучении. Из-за этого немцы стали избивать белорусских новобранцев, следствием чего стало дезертирство. В конечном итоге, этот период истории батальона закончился нападением советских партизан и паническим бегством всего белорусского персонала, который попросту не захотел сопротивляться (да и не мог, имея всего 50 винтовок). После этого инцидента вернуть обратно удалось только несколько сот человек.

Осенью 1943 года немецкое полицейское руководство приняло решение о создании еще одного батальона «*Schuma*» — 48-го. Помня отрицательный опыт 49-го батальона, немцы при его организации пошли на хитрость. Взамен на помощь по набору добровольцев они пообещали Слонимскому окружному референту БНС Иосифу Дакиневичу пост командира батальона. При этом приводились убедительные аргументы типа, что «пора уже и белорусам включиться в войну за Новую Европу». Белорусская молодежь и на этот раз поверила немцам. В результате в Слоним прибыло 5 тыс. человек, из которых медицинские комиссии отобрали только 1 тыс. Однако вскоре после начала организации батальона из Минска прибыло его настоящее начальство — немецкий СС-штурмбаннфюрер и командиры рот. Дакиневич был отодвинут на второй план, получив должность пропагандиста батальона. Можно было ожидать, что и здесь повторится история 49-го батальона, но на этот раз немцы действовали умнее. Не повторяя прежних ошибок, они называли Дакиневича командиром батальона, а полицейский офицер при нем считался офицером связи между белорусским персоналом и начальником полиции порядка. В итоге это сильно повлияло на дисциплину и боеспособность личного состава батальона: в целом, они были достаточно высокими. Тем не менее это продолжалось недолго. Чем сильнее становился батальон, тем меньшую роль в его управлении играл белорусский командир. А в марте 1944 года его и вовсе убрали из батальона, назначив окружным начальником Белорусской краевой обороны. Вскоре после этого подразделение стало разлагаться и, как следствие, в одном из боев было разбито советскими партизанами²⁵⁸.

Как видно, случаи дезертирства и разложения обычно происходили в тех подразделениях белорусской полиции, где командирами были исключительно немцы. В частях же, где на командных должностях были белорусы, не только не было дезертирства, а наоборот наблюдался явный приток добровольцев. Так, например, было во время повторной организации 49-го батальона, где наличие офицеров-белорусов явилось стабилизирующим фактором, вследствие чего его личный состав увеличился до 500 человек, а дисциплина и боеспособность значительно укрепились.

Подобная история имела место и в еще одном, 60-м, батальоне «Schuma»²⁵⁹.

Отталкиваясь от этого опыта, главный фюрер СС и полиции области «Россия-Центр» Курт фон Готтберг решил учредить специальный пост Главного опекуна (*Hauptbetrauer*) белорусской полиции²⁶⁰. Формально этот чиновник должен был являться ее главным начальником, однако, фактически, он был только главным пропагандистом. В августе 1943 года на этот пост был назначен капитан Франц Кушель.

Согласно постановлению фон Готтберга, обязанности Кушеля заключались в следующем:

1. Забота о материальном положении полицейских.
2. Пропаганда среди личного состава полицейских частей, которая должна была вестись в пронемецком и белорусском национальном духе.

Все мероприятия по опеке над полицией Кушель разрабатывал и осуществлял через свой штаб, который состоял из: секретаря, переводчика, машинистки, руководителя пропагандистских мероприятий и персонала редакции специального полицейского журнала. В каждом округе Белоруссии должен был находиться окружной опекун (*Gebietbetrauer*) со своим небольшим штабом, а в каждом районе и при каждом отделении полиции — просто опекун (*Betrauer*), который подчинялся окружному опекуну. Кандидатов на должность окружных опекунов искал и назначал Кушель. Все опекуны несли перед ним ответственность за свою работу. Кроме того, Кушель имел право и обязанность контролировать работу всех опекунов и вносить в штаб главного фюрера СС и полиции предложения об их увольнении или переводе на другую должность.

В сентябре-октябре 1943 года Кушель совершил инспекционную поездку по округам, чтобы выяснить, как осуществляется опека над белорусской полицией. Однако оказалось, что практически везде есть проблемы и связаны они в основном с вопросами пропаганды среди полицейских идей белорусского национализма. Причиной этого было то, что в западной части Белоруссии вся полиция находилась под польским влиянием, а в восточной — под русским. Это приводило к тому, что мест-

ные немецкие полицейские начальники назначали на должности опекунов поляков или русских. Если же на эту должность попадал белорус, то ему обычно были совершенно чужды идеи белорусского национализма. Так, например, в округе Ганцевичи из семи опекунов один был русский, один — белорус, а остальные — поляки.

По мнению Кушеля, это положение могли исправить только специальные курсы опекунов, на которых их бы знакомили с историей и современностью белорусского национального движения. Такое предложение было внесено им в конце октября 1943 года, а уже в первой половине января 1944 года в Минске открылись двухнедельные курсы для опекунов белорусской полиции. На эти курсы было отправлено по одному опекуну из каждого округа и по одному из каждого отделения полиции порядка. Всего, таким образом, прибыло 18 человек (15 белорусов, 2 русских и 1 поляк). После окончания обучения курсанты, вернувшиеся в свои округа, провели такие же курсы для районных опекунов. В результате к весне 1944 года все опекуны полиции в Белоруссии были переподготовлены с учетом требований штаба Кушеля²⁶¹.

Роль проводника белорусской национальной идеи среди личного состава полиции отводилась органу штаба Главного опекуна — журналу «Белорус на посту» (*«Беларус на варце»*), главным редактором которого также был Франц Кушель. Первый номер этого журнала вышел в начале декабря 1943 года и оказался весьма удачным. В количестве 2500 экземпляров он разошелся по всей Белоруссии. Дальнейшие номера «Белоруса на посту» выходили по мере накопления материала, поэтому с декабря 1943 по май 1944 года вышло только 10 номеров. Журнал распространялся в Белоруссии через аппарат немецкой полиции и был очень популярным среди белорусской общественности²⁶². Без сомнения, благодаря работе штаба Главного опекуна национальное самосознание полицейских сильно возросло. По мнению Кушеля, «они действительно начали считать себя белорусскими солдатами и совсем иначе оценивать свои обязанности и отношение к немцам»²⁶³.

Возросшее моральное состояние белорусских полицейских привело к усилению их боевого духа. Так, когда началось немец-

кое отступление из Белоруссии, то немцы обычно бросали белорусскую полицию на произвол судьбы. Однако, несмотря на это, большинство полицейских батальонов и частей городской полиции в полном порядке отступили на запад. Только в районе Гродно СС-группенфюрер фон Готтберг начал организовывать белорусскую полицию в регулярные боевые единицы и бросать в бой под командой немецких офицеров. Например, прорыв Красной Армии в районе Августова (Польша) был ликвидирован исключительно благодаря белорусской полиции. При этом, как писал Кушель, «большинство полицейских погибли там героической смертью, веря, что они сражаются за Белоруссию»²⁶⁴.

Белорусский батальон железнодорожной охраны. В конце октября 1942 года немецкая дирекция железных дорог в генеральном округе «Белоруссия» обратилась к Ивану Ермаченко, который в это время являлся шефом белорусской самообороны, с запросом: не мог бы он организовать батальон железнодорожной охраны. Условия, которые при этом предложила дирекция, были, с точки зрения Ермаченко и его помощников, вполне приемлемыми. Поэтому на немецкое предложение он решил ответить согласием.

Неделей позже состоялась встреча руководства БНС с начальником немецкой охраны железных дорог (*Bahnschutz*) Штримке, который находился в подчинении у начальника полиции порядка генерального округа «Белоруссия». На этой встрече обговаривались дополнительные условия и были разработаны принципы организации батальона. Участвовавший во встрече Франц Кушель позднее отметил, что «немцы были очень уступчивыми и приняли все поставленные белорусскими представителями условия». В результате было принято решение, согласно которому белорусы предоставляли личный состав для батальона и его командные кадры, а немцы обязались позаботиться об их обмундировании, вооружении, размещении и материальном содержании.

По мнению как немцев, так и белорусов, сформировать батальон было не трудно, так как существующая сеть призывных пунктов белорусской самообороны давала возможность быстро

собрать нужное количество добровольцев. Что же касается кадрового персонала, то к октябрю 1942 года школой по подготовке командного состава КБС в Минске и инструкторскими школами в округах было выпущено два офицерских и один унтер-офицерский курс.

Примечательно, что не все офицеры КБС с энтузиазмом отнеслись к этому новому проекту. Так, начальник унтер-офицерской школы в Новогрудке лейтенант Иосиф Сажич откровенно сказал Кушелю, что не верит немцам. Последний же ответил, «что необходимо хватать оружие, там, где это только возможно»²⁶⁵.

Тем не менее уже на следующий день после встречи с немцами Ермаченко и Кушель отдали соответствующие указания окружным референтам белорусской самообороны. А вскоре начал прибывать и контингент. Первая партия добровольцев была направлена из Слонима в Минск, где из них почти сразу же начали формировать первую роту батальона.

При переговорах со Штримке было условлено, что первоначально в батальон необходимо набрать 800 человек, однако уже к весне 1943 года число добровольцев в нем достигло 1000. На тех же переговорах была установлена и структура батальона, который должен был располагаться поротно на всех крупных железнодорожных станциях генерального округа «Белоруссия»:

- 1-я рота — в Минске;
- 2-я рота — в Столбцах;
- 3-я рота — в Барановичах
- 4-я рота — в Лиде;
- 5-я рота — в Крулевщизне.

По предложению Ермаченко командиром батальона был назначен Франц Кушель. Однако уже в январе-феврале 1943 года немцы изменили свои условия и потребовали, чтобы командиром был офицер немецкой железнодорожной охраны, при котором от БНС должен был находиться только офицер связи. Ермаченко вынужден был согласиться, и таким офицером был назначен капитан Виталий Микула²⁶⁶.

Батальон снабжался со складов немецкой железнодорожной охраны в Минске. Его личный состав носил стандартную синюю форму этой ветви немецкой полиции, но с белорусскими

петлицами и кокардами. Как и в батальонах белорусской самообороны, в качестве кокарды была выбрана «Погоня», а в качестве петлиц — двойной «Ярыловский» крест. Погоны в батальоне были немецкими. Однако немцы неохотно признавали за белорусами персональные воинские звания, заменяя их должностными. Вместо, например, «лейтенант» или «капитан» они употребляли «*zugführer*» или «*gruppenführer*». Вооружение было также немецким, но его тип больше зависел от удаленности рот батальона от Минска. Например, на вооружении у солдат Лидской роты были советские пулеметы Дегтярева «ДП-27». Несмотря на централизованное обеспечение и снабжение, в некоторых ротах были трудности материального характера. Так, в Барановичской роте половина личного состава не могла посещать занятия, поскольку не имела обуви²⁶⁷.

После своей организации каждая рота проходила четырехнедельное обучение, которое заключалось в строевой и боевой подготовке. Последней уделяли наиболее серьезное внимание (например, в Лиде личный состав роты выводили за город и обучали вести наступление и оборону, уметь окапываться и т.п.). По окончании обучения рота уже могла использоваться для охраны железной дороги. Так, уже в декабре 1942 года была подготовлена Минская рота (командир — лейтенант Дмитрий Чайковский). Вслед за ней, в январе 1943 года, была подготовлена рота в Барановичах (командир — лейтенант Барбарыч). А в феврале 1943 года закончила свое обучение последняя рота — Лидская (командир — лейтенант Иосиф Сажич)²⁶⁸.

После завершения организации и подготовки каждая рота была разделена на небольшие группы (по 10—15 человек), которые были размещены по всей белорусской железной дороге, а некоторые даже были направлены в юго-западную Россию. Каждая группа по численности не превышала одного отделения и располагалась на основных узловых станциях. Так, первая группа Минской роты была направлена в Полоцк, вторая размещалась на станции Унеча под Орлом (юго-западная Россия), а последняя оставалась в Минске, где одно время несла охрану здания Центрального совета БНС. Барановичская рота была также разделена на группы и направлена в Полесье (южная Белорус-

сия). Самая сильная группа этой роты была размещена в Калинковичах, где вела постоянную борьбу с советскими партизанами, дислоцировавшимися в Полесских лесах. В целом же к весне 1943 года все железные дороги на территории от Орла до Бреста и от Полоцка до Калинковичей имели белорусскую охрану. Одной из основных задач ее личного состава была борьба с советскими и польскими партизанами²⁶⁹.

По утверждениям некоторых офицеров батальона, его роль была намного значительнее той, которую отводили ему немцы. Уже само появление какой-нибудь из его рот в населенном пункте способствовало оживлению там белорусского национального движения. Например, в Лиде до зимы 1942 года оно находилось на полулегальном положении и, как это ни парадоксально, не по вине немцев. Дело в том, что в городе проживало очень много поляков, которые занимали главенствующее положение в местной администрации и полиции и при всяком удобном случае терроризировали белорусов. После же того, как в Лиде была организована рота Иосифа Сажича, местное белорусское население, по его словам, «сразу “подняло уши” и начало отважно говорить по-белорусски, имея за плечами свое войско». Поляки же, наоборот, заметно притихли²⁷⁰.

Следует сказать, что взаимоотношения немецкого руководства и белорусских офицеров не всегда были нормальными. Так, убедившись, что организация и подготовка батальона идут согласно графику, и он превращается в реальную военную силу, немцы решили забрать его из-под белорусского влияния. Поэтому уже весной 1943 года Штримке стал смещать белорусских офицеров с командных должностей и заменять их немецкими унтер-офицерами. Кроме того, офицеры с большими амбициями сами уходили из батальона. Например, так поступили капитан Микула и лейтенанты Чайковский и Барбарыч. Со временем все белорусские офицеры были удалены из батальона. По настоянию Кушеля для белоруса удалось сохранить только одну должность — пропагандист батальона. Им стал лейтенант Сажич, бывший командир Лидской роты.

Отношение немецких командиров к солдатам-белорусам было очень плохим. Немецкие унтер-офицеры били их, отбирали продуктовый паек и т.п. Вследствие этого многие белорусские ун-

тер-офицеры уволились из батальона, а некоторые, разжалованные в рядовые, перешли к партизанам. Такой случай, например, произошел на станции Выгода — между Барановичами и Минском. Здесь командир белорусского взвода унтер-офицер Слонимский вместе со своими людьми (12 человек) напали на немецкое подразделение, которое вместе с ним охраняло станцию, разоружили его и ушли в лес, прихватив с собой 5 ручных пулеметов, 12 винтовок, несколько гранат и запас патронов. Там бывшие добровольцы создали партизанский отряд им. Константина Калиновского, который некоторое время выступал под белорусскими национальными лозунгами, а затем был вынужден присоединиться к более крупному коммунистическому партизанскому соединению²⁷¹.

«Тем не менее, — писал Франц Кушель, — благодаря пропагандистской работе Сажича батальон в целом самоотверженно выполнял свои обязанности до тех пор, пока из Белоруссии не ушел последний немецкий поезд»²⁷².

Одной из последних акций этого батальона была охрана 2-го Всебелорусского конгресса. Руководство БЦР не без оснований опасалось, что его проведению могут помешать как коммунистические партизаны, так и немцы. Поэтому из личного состава батальона были отобраны только самые надежные офицеры, которые под командованием лейтенанта Сажича патрулировали вокруг места проведения конгресса или незаметно находились среди его делегатов²⁷³.

После отступления немцев из Белоруссии батальон был переведен в Прирейнскую область (Западная Германия), где его личный состав использовался как рабочая сила по ремонту железных дорог. Позже, в декабре 1944 — январе 1945 года, часть его бойцов влилась в 1-ю Белорусскую гренадерскую бригаду войск СС, речь о которой пойдет ниже.

Белорусские добровольцы в частях СД. В декабре 1942 года между начальником полиции безопасности и СД генерального округа «Белоруссия» СС-оберштурмбаннфюрером Эдуардом Штраухом и руководством БНС было подписано соглашение о

создании отдельного белорусского батальона СД, в задачи которого входила бы исключительно борьба с партизанами. После ряда встреч его было решено организовать при соблюдении следующих условий:

1. Командиром батальона должен был быть немец, а все остальные командные должности должны занимать белорусы.

2. Командным и служебным языком в батальоне должен быть белорусский язык.

3. Кандидатов на командные должности представляет главный референт БНС по военным вопросам.

4. За моральным состоянием личного состава батальона наблюдает чиновник, специально назначенный для этого руководством БНС. Он же отвечает и за пропаганду в батальоне.

5. Вооружение, обмундирование и снабжение в батальоне — немецкое и по немецким нормам.

6. Знаки различия на мундирах должны быть белорусскими: в качестве кокард «*Погоня*», а на левом рукаве — бело-красно-белый национальный щиток.

7. Батальон должен быть использован только на территории Белоруссии и только «против врагов белорусского народа — советских партизан»²⁷⁴.

На следующий день после последнего совещания, в конце декабря 1942 года, главный военный референт БНС Франц Кушель выехал в округа. В ходе поездки он провел ряд встреч с окружными руководителями БНС, на которых обсудил вопросы, связанные с набором добровольцев в батальон. В начале февраля 1943 года из округов стали прибывать первые добровольцы, которых сразу же отправляли на переподготовку. В результате в первой половине марта 1943 года батальон был уже сформирован и имел следующую структуру:

- 1-я рота (командир — старший лейтенант Орсич) — 200 человек;

- 2-я рота (командир — старший лейтенант Мазур) — 200 человек.

Когда батальон был окончательно организован, то в нем ввели должность пропагандиста. По предложению Кушеля им стал лейтенант Виктор Чеботаревич²⁷⁵.

Осенью 1943 года батальон пополнили ротой, созданной при отделении СД в Вилейке. Командиром этой роты был назначен лейтенант Аркадий Кочан. Кроме того, из Глубокого прибыло около 150 человек во главе с лейтенантом Якубенком. Позднее батальон пополнился еще некоторыми подразделениями, созданными при отделениях СД в других районах генерального округа «Белоруссия». Таким образом, батальон был развернут в сильное воинское формирование, в рядах которого насчитывалось около 1000 добровольцев. После этого он получил порядковый номер «13» и стал официально именоваться 13-й Белорусский полицейский батальон при СД (*Weissruthenische-Polizei(SD)-Bataillon № 13*). Немецким командиром батальона назначили офицера из аппарата Штрауха — СС-штурмбан-нфюрера Юнкера²⁷⁶.

Личный состав батальона был очень хорошо обмундирован, вооружен и находился на полном материальном довольствии. Подготовка бойцов и командиров проходила на очень высоком уровне. Со стороны белорусского населения и представителей интеллигенции для них устраивались концерты и творческие вечера. По словам Франца Кушеля, «это было образцовое воинское формирование — любимец белорусской общественности».

В мае 1943 года батальон впервые был использован в антипартизанской операции в районе Минска. В ходе нее как командиры, так и бойцы показали себя с наилучшей стороны. Немецкий командир батальона, после того как они через несколько дней вернулись в Минск, очень хвалил белорусских солдат и офицеров. Во время этой операции было убито несколько десятков добровольцев. В Минске им устроили торжественные похороны при участии белорусской общественности и представителей немецких властей.

Все лето 1943 года батальон провел в антипартизанских операциях в Минском округе. Однако уже осенью он был переведен в Вилейку. Здесь, после небольшого отдыха, батальон был разбит на небольшие группы, по численности не больше взвода, чтобы вновь использоваться в боях. Большая часть этих групп осталась в Вилейке, тогда как остальные были распределены по окружным отделениям СД, где несли охранную службу. Коман-

диром одного такого взвода, который нес службу в Лиде, был лейтенант Иван Мелешко. По словам его сослуживцев, «он был очень стоящим офицером, который погиб смертью героя при очень трагических обстоятельствах». Это произошло так.

В январе 1944 года фюрер СС и полиции округа «Лида» решил провести операцию против местных партизан. С этой целью он создал боевую группу, в которую, помимо взвода Мелешко, вошли другие формирования с более низкими боевыми качествами. В целом в операции должны были участвовать:

- взвод 13-го Белорусского полицейского батальона при СД;
- рота военно-строительной организации Тодта (*Todt Organisation*);
- отряд местной вспомогательной полиции;
- сводный отряд служащих окружного комиссариата.

Командиром этой, на первый взгляд, довольно внушительной группы, был назначен лейтенант Мелешко. Кроме того, в 10 км от Лиды стояла немецкая пехотная рота, которая также должна была принимать участие в операции. При этом инициатор акции — фюрер СС и полиции — не известил немецкого командира, с какого направления прибудет группа Мелешко. В результате тот получил от своего дозора донесение, что к району их расположения приближается подозрительный отряд. Когда командир роты посмотрел в бинокль, то увидел вооруженных людей в разной униформе. Солдаты организации Тодта носили мундиры, по цвету похожие на польское обмундирование. А так как под Лидой действовало много польских партизан, то не удивительно, что командир немецкой роты приказал открыть огонь. Во главе отряда шел лейтенант Мелешко, и он же первым был тяжело ранен. Солдат, который бросился на помощь своему командиру, был сразу же убит. Недоразумение быстро выяснилось, однако Мелешко тут же на месте скончался от ран²⁷⁷.

Несмотря на то что батальон был одним из самых лучших добровольческих формирований в генеральном округе «Белоруссия», его офицеры и солдаты также не избежали конфликтов с немецким кадровым персоналом. Причин для таких конфликтов было, главным образом, три. Во-первых, немецкое руководство направило в каждую роту батальона немецких унтер-офицеров, кото-

рые назывались шефами рот и формально являлись инструкторами. Однако вместо инструктажа эти унтер-офицеры стали вмешиваться в обязанности командиров рот и взводов. Естественно, белорусские офицеры не хотели отказываться от своих прав и привилегий в пользу немецких унтер-офицеров. Командир же батальона — немец — всегда принимал сторону своих соотечественников и налагал взыскания на офицеров-белорусов, даже если они были правы.

Во-вторых, на всех хозяйственных должностях в батальоне находились немецкие унтер-офицеры, которые обворовывали белорусских солдат. Доходило до того, что сам главный референт БНС по военным вопросам Франц Кушель несколько раз наблюдал такие случаи. По этой причине командир батальона также имел частые столкновения с белорусскими офицерами, наиболее неуступчивым из которых был командир 2-й роты лейтенант Мазур — человек очень амбициозный и импульсивный. В конце концов, дело закончилось тем, что Мазури исчез при загадочных обстоятельствах. Однако среди его сослуживцев ходили слухи, что его расстреляла СД²⁷⁸.

В-третьих, командир батальона очень тенденциозно оценивал боевые заслуги белорусских офицеров, тем самым противопоставляя их немецким унтер-офицерам. В результате такое отношение привело к открытому бунту, который случился при следующих обстоятельствах. Начальник Вилейского СД СС-оберштурмфюрер Граве наехал на мину и был убит. На похороны Граве была прислана и рота 13-го батальона. Командир роты лейтенант Антон Бандык построил ее и, когда пришел командир батальона, сделал ему рапорт. Однако командир батальона приказал Бандыку встать в строй, а командование ротой передать немецкому унтер-офицеру. Лейтенант в строй не встал. Видя это, другие офицеры-белорусы — командиры взводов — также вышли из строя и присоединились к Бандыку. Этот поступок лейтенанта-белоруса и его офицеров командир батальона посчитал открытым бунтом и, пригрозив им полевым судом, написал соответствующее донесение начальнику полиции безопасности и СД СС-оберштурмбаннфюреру Эдуарду Штрауху. В результате только благодаря вмешательству президента

БЦР Радослава Островского и Франца Кушеля инцидент удалось замять, и он закончился безвредным для белорусов результатом²⁷⁹.

В конце июня 1944 года началось отступление немецких войск из Белоруссии, и 13-й батальон получил приказ отходить из Вилейки на запад. По дороге к нему присоединялись подразделения, которые ранее были отделены и несли службу в других округах. В это время отношения между командиром батальона и офицерами-белорусами становились все хуже и хуже и, в конце концов, стали невыносимыми. Немецкие офицеры были полными хозяевами положения во всех подразделениях. Это привело к тому, что, находясь в Августове (Польша), лейтенант Антон Бандык поднял свою роту (150 человек) по тревоге и отказался подчиняться немцам. Видя это, к мятежникам присоединились лейтенанты Иваницкий, Дрозд и Мохарт и, отделившись от батальона, ушли в лес.

Двое последних, однако, передумали и на следующий день вернулись. Выйдя из леса, они присоединились к колонне беженцев, в которой находился отец лейтенанта Мохарта. Здесь их и нашел патруль (два немецких офицера и белорусский унтер-офицер), которые были посланы для поимки дезертиров. Не будет преувеличением сказать, что после этого судьба двух молодых лейтенантов, которые были настолько беспечны, что даже не сняли военную форму, была предрешена. В условиях войны и не могло быть иначе. Они были арестованы и расстреляны на следующий день белорусским унтер-офицером, который, чтобы выслужиться перед немцами, исполнил роль палача²⁸⁰. По мнению Кушеля, эти офицеры не имели намерения нарушить присягу. К такому шагу их вынудило только неадекватное отношение со стороны немцев. Об этом свидетельствует тот факт, что они вернулись обратно и продолжили отступление на запад в колонне беженцев. Однако командир батальона рассудил иначе. Кроме Мохарта и Дрозда в руки к немцам попало еще несколько унтер-офицеров и рядовых, которые отстали от мятежников. С ними немцы расправились на месте²⁸¹.

После этого инцидента командир батальона отстранил от исполнения своих обязанностей всех белорусских офицеров и от-

дал им последний приказ: следовать в распоряжение командования РОА. Получив железнодорожные билеты, большинство так и сделало. Только трое из них — лейтенанты Сасукевич, Кушнирович и Клинецевич — вместо частей РОА приехали в Берлин, где поступили в распоряжение БЦР и были зачислены в 1-й Кадровый батальон БКА, речь о котором пойдет ниже. Они-то и рассказали Францу Кушелю о тех событиях, которые произошли в Августове во время отступления.

Оставшиеся без своих офицеров солдаты батальона были собраны в районе местечка Альбертсдорф (Восточная Пруссия). Здесь их в октябре 1944 года и посетил Кушель, который был очень обеспокоен рассказом белорусских офицеров. Командир одной из рот, немецкий СС-гауптштурмфюрер, очень обрадовался приезду эмиссара БЦР и попросил его поднять боевой дух личного состава батальона, который очень упал. На вопрос Кушеля, как это могло произойти и почему в ротах нет белорусских офицеров, немец дал невразумительный ответ. Как и в предыдущих конфликтах, он обвинил во всем белорусов, которые не хотели подчиняться немецким инструкторам. Чтобы выяснить истинное положение дел в батальоне, Кушель, с согласия немецкого руководства, собрал его личный состав и обратился к нему с речью. В последующем затем разговоре с белорусскими солдатами и унтер-офицерами выяснилось, что больше всего они желают возвращения своих офицеров и просят в лице Кушеля весь БЦР приложить максимум усилий для этого. Однако просьба эта так и осталась невыполненной.

В этот период в батальоне еще оставалось около 600 человек. Однако немецкое командование вновь решило разделить его на роты и рассредоточить по всей Германии, в результате чего:

- одна рота (85 человек) оказалась в Лебрехсдорфе;
- одна рота (89 человек) оказалась в Нихачеве;
- две роты (260 человек) оказались в Лесляу;
- одна рота (112 человек) оказалась в Триесте (?);
- один взвод (21 человек) оказался в Берлине²⁸².

Позднее, в декабре 1944 — январе 1945 года, эти подразделения батальона были включены в состав 1-й Белорусской гренадерской бригады войск СС, речь о которой пойдет ниже.

В принципе, на этом можно было бы поставить точку в истории 13-го белорусского батальона. Однако рассказ о нем будет неполным, если мы не вспомним о судьбе лейтенанта Антона Бандыка и тех людей, которым все-таки удалось уйти с ним в Августовские леса. По версии современных белорусских историков Сергея Ерша и Юрия Грибовского, они не пропали без вести, а создали националистический партизанский отряд, с целью развернуть в дальнейшем боевые действия в тылу наступающей Красной Армии. Тем не менее этот отряд действовал самостоятельно очень недолго. Так, из документов польской Армии Крайовой (отчет отряда 1-го уланского полка от 25 февраля 1945 года) известно, что 14 июля 1944 года на его сторону перешла группа бывших «белорусских эсэсовцев» — примерно 4 офицера, 19 унтер-офицеров и 90 рядовых. Интересно, что поляки в своем отчете поспешили поставить себе в заслугу этот переход. Якобы в данном случае сработали листовки АК!? Поверить в это трудно. Как мы уже убедились, мятеж в батальоне произошел в конце июня, а к полякам люди Бандыка перешли только через две недели. Вероятнее всего, белорусы встретились с ними уже в лесу.

Поляки приняли формирование Бандыка, но не оставили его самостоятельной боевой единицей. На основе этой неполной роты был сформирован отряд «Шчапа» под командованием подпоручика Станислава Кота. Теперь новый отряд состоял из 60 человек и действовал в районах Саенек — Августов и Балинка — Кольница — Августов. Так как люди Бандыка были довольно хорошо подготовлены, руководство АК кинуло их в бой буквально уже на следующий день — 15 июля. Из документов известно, что в этот день отряд «Шчапа» разоружил пост немецкой железнодорожной охраны на станции Саенек, захватив оружие, боеприпасы и 7 пленных. В тот же день партизаны сделали засаду на шоссе Саенек — Липск, в результате чего им удалось уничтожить четыре немецкие автомашины. О том, что эти операции были действительно удачными, свидетельствует тот факт, что ни белорусы, ни поляки не понесли никаких потерь и вполне благополучно отошли на свою лесную базу. В дальнейшем, после того

как вышел приказ о расформировании АК, все партизаны этого отряда были демобилизованы и распушены по домам.

Эти документы в целом проливают свет на судьбу мятежной роты 13-го белорусского батальона. Но не до конца. До сих пор неизвестна судьба самого лейтенанта Антона Бандыка и остальных (более чем полусотни) бывших белорусских эсэсовцев. На этот счет есть несколько версий. Либо поляки раскидали их по другим отрядам, либо они вернулись обратно к немцам, как лейтенанты Мохарт и Дрозд, либо, что тоже весьма вероятно, оставшиеся белорусские солдаты и офицеры стали организованным порядком пробираться в восточную Белоруссию. Как бы то ни было, каждая из этих версий имеет одинаковое право на существование. С уверенностью можно сказать только об одном: возможность присоединения к советским партизанам бывшие добровольцы СД даже не рассматривали²⁸³.

Следует сказать, что 13-й батальон не являлся единственной частью, созданной под эгидой СД. Так, в 1943 году было организовано еще одно подобное формирование — рота, несшая охрану Калдычевского лагеря, находившегося в ведении Барановичского СД. В последнем, кстати, также имели место недоразумения между немецким кадровым персоналом и белорусскими добровольцами, которые хорошо характеризуют их взаимоотношения. Начальником лагеря являлся СС-штурманн Ёрн, которому подчинялся командир белорусской роты лейтенант С. Бобка. По свидетельству последнего, уже только то, что «этот примитивный человек с одной лычкой²⁸⁴» имел над ними и всем лагерем такую власть, очень раздражало белорусов. К тому же Ёрн часто вмешивался во внутреннюю жизнь роты и публично, даже перед заключенными, бил полицейских. Однако, как выяснилось, делал он это не потому, что был самодуром или садистом, каких, как мы видели выше, было достаточно. Как известно, в добровольческие формирования шли служить разные люди. Не было исключением и эта рота СД. Думая, что им теперь все позволено, некоторые из ее членов издевались над заключенными, в большинстве своем евреями. Ёрн же являлся ти-

пичным немецким службистом и не терпел беспорядка и своеволия²⁸⁵.

Всего же за период с 1942 по 1944 год было создано еще, минимум, две роты (в Вилейке и Минске) и несколько более мелких формирований. Как и предыдущие части, они предназначались для выполнения охранных и карательных функций.

Немецкий исследователь Бернхард Кьяри отмечал, что «в советской литературе полицейские вместе с бургомистрами олицетворяли предательство своего народа»²⁸⁶.

Однако из лагеря националистов звучат не менее серьезные обвинения. Так, эмигрантский писатель Константин Акула утверждал, что когда «белорусский народ говорил о полиции, то с особенной неприязнью выговаривал слово «черная». Под этим словом простые люди подразумевали не только цвет униформы, но и все самое, можно сказать, грязное, предательское, фальшивое, чужое и враждебное»²⁸⁷.

Другой же белорусский националист Степан Шнек вспоминал, что главными особенностями полиции в Слуцком округе было то, что «она и по принципам своего создания, и исключительно по белорусскому личному составу, и по характеру своего применения была полицией от плоти и крови своего народа»²⁸⁸.

Почему же можно прочесть такие полярные мнения?

Из всего сказанного выше ясно, что полиция была наиболее неоднородной частью белорусских коллаборационистских формирований. В принципе, когда упоминают это собирательное название, то под ним надо подразумевать несколько самостоятельных подразделений. Одновременно, это были наиболее массовые формирования, которые применялись немцами на всей территории Белоруссии. Именно поэтому полиция и получила такую неоднозначную оценку.

Если не учитывать советскую точку зрения, согласно которой все, кто шел служить в полицию, уже автоматически не могли считаться порядочными людьми, то можно выделить две основные причины, по которым ее личный состав мог вызывать неприязнь у местного населения.

В первую очередь, это пресловутый национальный вопрос, которому выше было уделено уже достаточно внимания. Здесь мы остановимся только на его влиянии в деле создания и использования белорусских частей охраны правопорядка. Как известно, перед началом войны на территории Белоруссии проживало несколько крупных национальных групп, которые, наряду с коренным населением, также играли значительную роль. На западе это были поляки, а на востоке — русские. Когда немцы стали организовывать местную администрацию и вспомогательную полицию, то первоначально они делали это на добровольной основе и по своим планам, «совершенно не советуясь с местными белорусскими организациями или авторитетными лидерами белорусского актива». Поэтому в Западной Белоруссии в полицию «просто массово» стали вступать поляки, причем создавалось впечатление, что у них была какая-то своя цель. Немцы охотно принимали их, так как среди местных поляков было много тех, кто знал военное дело, а часто и немецкий язык. Поляки быстро захватили в свои руки всю администрацию и весь аппарат вспомогательной полиции почти во всех западных районах генерального округа и с его помощью начали уничтожение белорусских националистов, представляя их перед немецкими властями скрытыми коммунистами³⁸⁹. Нередко полицейские формирования, состоявшие из поляков, участвовали в карательных акциях против белорусского мирного населения. Выше уже было показано, что эта борьба наложила свой отпечаток на почти все стороны политической жизни в этой части оккупированной Белоруссии. Не могла она не затронуть и военную сторону. И борьба за придание местной администрации и полиции «белорусского вида» была кульминацией того белорусско-польского конфликта, который и мел место на территории генерального округа в 1941—1944 годах.

Каковы же были результаты этого конфликта применительно к интересующей нас теме? Следует сказать официально победа осталась за белорусскими националистами. Так, по словам современного белорусского историка Юрия Грибовского, к 1943 году им удалось белорусифицировать практически всю местную администрацию от района и ниже. Кроме того, под бе-

лорусское влияние попало почти все народное образование. В целом, к этому периоду доля участия националистов в управленческом аппарате увеличилась с 30 до 80%. Справедливости ради стоит отметить, что такой высокий процент появился не без помощи немцев (как в центре, так и на местах). Здесь совпали два одновременных (но параллельных) события. Во-первых, так называемая «польская акция» немецких карательных органов по удалению активных поляков из органов управления в Польше и на территориях расселения польского этноса. Финалом этой акции должно было стать поголовное физическое уничтожение всех тех, кого принято называть элитой нации. Во-вторых, быстрой белорусификации местного самоуправления поспособствовало начало политики генерального комиссара Вильгельма Кубе. В исторической литературе эта политика получила название «Белоруссия для белорусов»²⁹⁰.

Тем не менее, в отличие от гражданской администрации, где белорусским националистам удалось достигнуть определенных успехов (и это следует признавать), вопрос с «деполонизацией» полиции выглядел несколько хуже. Известно, что на тот же период лица белорусской национальности составляли всего 60% ее личного состава. Не удалось националистам окончательно избавиться от «польского засилья» и в последующий период. Например, по состоянию на декабрь 1943 года доля поляков в полиции Брестского округа составляла 22%, а в Барановичском округе процентное соотношение было следующим: 77,6% белорусов, 21,2% поляков и 1,2% остальных. Однако наиболее неблагоприятная для белорусов ситуация сложилась в Лидском округе, где польское влияние было традиционно очень сильным. В связи с этим заслуживает внимания случай, который имел место во время инспекции лидской полиции Францем Кушелем. Так, он позднее вспоминал: «Еще перед общим сбором полицейских начальник окружной полиции просил меня говорить так, чтобы не углублять существующий белорусско-польский антагонизм. Когда личный состав был построен, я сказал, чтобы все белорусы подняли руки... Оказалось, что их было не больше 20%, остальные были поляками»²⁹¹. К слову, даже на март 1944 года в Лидском округе поляками были 21 из 25 начальни-

ков местной полиции и 2/3 личного состава всех полицейских гарнизонов²⁹².

До более интенсивной ликвидации польского влияния в полицейском аппарате дошло только в августе 1943 года, когда представители белорусской администрации приняли решение «об очистке рядов белорусской полиции от поляков». В нем, в частности, говорилось: «Все без исключения лица польской национальности, которые находятся на службе в полиции, должны быть уволены». В дальнейшем такие чистки планировалось проводить постоянно. А чтобы решить проблему кадров, на место изгнанных поляков и ополяченных белорусов предлагалось набирать молодых белорусских учителей и членов военизированной организации «Союз белорусской молодежи, речь о которой пойдет ниже. Как видно, будущий новый контингент должен был быть не столько обученным полицейскому ремеслу, сколько отличаться преданностью «белорусскому делу»²⁹³.

И тем не менее, как показал последующий опыт, белорусские национальные лозунги и далее не находили в полиции достаточного отклика. Причина тому — значительное количество агентов подпольной Армии Крайовой (АК), которые действовали в рядах белорусской полиции практически до самого конца немецкой оккупации. Только бороться теперь с ними было значительно трудней, так как, в отличие от польских полицейских, сторонники «аковцев» действовали тайно. Ущерб же от их деятельности был не меньшим, если не более значительным. И прежде всего в идеологической сфере: все-таки АК представляла собой разновидность антинацистского Сопротивления. Свидетельством этому является множество фактов. Например, в ходе столкновений белорусской полиции и польских партизан очень часто происходили случаи перехода первых на сторону последних. Выше уже говорилось, что в Лидском округе белорусским националистам практически ничего не удалось изменить в свою пользу, так как польская агентурная сеть охватывала почти все полицейские участки на указанной территории. Типичный для такой ситуации случай произошел в Щучинском районе. В декабре 1942 года местный школьный инспектор жаловался в Минск, что начальник полиции поляк Голомбек самовольно

арестовал по обвинению в коммунизме и расстрелял учителя Андрея Душа, который был очень активным белорусским националистом. В связи с этим школьный инспекторат просил прислать нового начальника полиции, белоруса по национальности, который бы защищал права своих соотечественников.

Чтобы хоть как-то нейтрализовать влияние польской агентуры, белорусские националисты и немцы применяли разные методы. К примеру, кандидаты в 13-й белорусский батальон при СД проходили очень строгую селекцию. В целом здесь им сопутствовал успех. Эта часть по праву считалась наиболее боеспособным формированием военно-полицейского образца. Еще одна белорусская часть СД — рота охраны Калдычевского лагеря — имела подобные условия набора личного состава. Но даже и это, сверххляпное к немцам формирование, не было избавлено от агентуры АК. В качестве примера можно привести случай с разоблачением и арестом в 1943 году полицейского Яна Сухажевского, который возглавлял польскую агентурную ячейку в Калдычеве²⁹⁴.

Введение должности Главного опекуна белорусской полиции и начало издания журнала «Белорус на страже» тоже, по сути, преследовали цель «формирования белорусского лица полиции». Так, на страницах этого издания публиковалось достаточно много критических материалов, поскольку редакция не могла просто так закрыть глаза на значительное влияние «польских настроений» среди личного состава полицейских частей. Что же это были за настроения? В одной из статей читаем: «В Западной Белоруссии полицейские усвоили манеры польской полиции. Во время службы они разговаривают на польском языке, а на народ смотрят как на каких-то холопов... Вот почему шомпола и плети полиции... нередко секут белорусские спины»²⁹⁵.

Проблема «польского засилья» была очень актуальна в Западной Белоруссии. В ее же восточной части в полицию стало записываться много русских, которые, хоть и не питали такой ненависти к белорусам, как поляки, тем не менее не упускали случая нанести удар по белорусским активистам, считая их сепаратис-

тами и «предателями общерусского дела». Подобным образом могли действовать русские националисты, которых было все-таки не так много. Тем не менее национальной или религиозной ненависти к белорусам у них было значительно меньше, чем у поляков (если таковая вообще была!). За всю историю оккупации известен только один случай, когда именно русская коллаборационистская часть уничтожила население нескольких белорусских деревень именно за то, что это были белорусы. Об этом случае в своих воспоминаниях пишут, с разными вариациями, почти все белорусские эмигранты-националисты, поэтому остановиться на нем следует поподробнее. Речь идет о так называемой Особой русской бригаде СС «Дружина» (командир СС-оберштурмбаннфюрер Владимир Гиль-Родионов), действовавшей в районе Глубокого и Лепеля на протяжении 1943 года. Так, если верить белорусским националистам Юрию Вицбичу и Константину Акуле, летом 1943 года солдаты этой бригады сожгли несколько белорусских деревень в районе Лепеля, а их население (около 3000 человек) согнали в район населенного пункта Иконники. Здесь Гиль-Родионов обратился к белорусам с речью, в которой сказал, что все они будут уничтожены за связь с партизанами, однако он дает им последний шанс. Шанс этот заключался в следующем. Мнимые пособники партизан должны были обратиться к нему с просьбой о помиловании на «русском литературном языке». Естественно, что никто из простых белорусских крестьян не знал этого языка. Поэтому Гиль-Родионов приказал расстрелять их всех из пулеметов. Кроме того, другой белорусский националист — Юрий Дувалич — после войны вспоминал, что издевательское предложение командира «Дружины» не было единственным антибелорусским проявлением в ходе этой зачистки. Еще когда его солдаты жгли деревни и выгоняли их жителей на улицу, он приказал убить трех юношей и двух девушек только за то, что они прицепили на свою одежду белорусский национальный значок (какой неизвестно). Этот случай имел место в деревне Зембин²⁹⁶.

Естественно, что все белорусские националисты, чьи свидетельства были приведены выше, настаивают именно на национальной подоплеке этих расправ. Мы не можем с этим согласить-

ся по целому ряду причин. Во-первых, воспитанный в духе советского интернационализма бывший красный командир Гиль-Родионов вряд ли имел представление об истории белорусского национализма и его целях во Второй мировой войне. Во-вторых, уже позднее появились свидетельства, что он был советским агентом и таким образом намеренно провоцировал ненависть местного населения к оккупантам. Подтвердить последнее допущение можно уже хотя бы тем, что в августе 1943 года Гиль-Родионов перевел большую часть своей бригады на сторону советского движения Сопротивления. Здесь на ее основе была создана уже партизанская бригада, которая действовала против немцев до самого конца оккупации Белоруссии. При этом Гиль-Родионов был не только не наказан советскими властями, а даже награжден (по одной из версий) орденом Боевого Красного Знамени и оставлен во главе своей части. Позднее он погиб в одном из боев с немцами²⁹⁷.

* * *

Наличие польских и русских националистов в правоохранительном аппарате не было единственной проблемой белорусских националистов. Кроме них в полицию, по разным причинам, попало много лиц, которые были сторонниками советской власти. Большинство из них не проявляло никакой активности до самого конца оккупации, когда они массово стали переходить на сторону партизан. Но были и такие, кто вступил в ряды полиции по приказу коммунистического подполья. Они-то, помимо всего прочего, и занимались уничтожением белорусского актива, и часто делали это, также как и поляки, немецкими руками. Вот почему в целом ряде случаев вспомогательная полиция вызвала столько ненависти у белорусских националистов.

Там же, где эта полиция была организована при их содействии, например в Слуцке, она, по словам Степана Шнека, «любила и защищала свой народ со всей молодой пылкостью и самоотверженно уничтожала врагов своей родины». И если в остальных районах из вспомогательной полиции много и часто дезертировали, то в «белорусской полиции» наблюдался только рост личного состава. Так, в том же Слуцком округе его

динамика была следующей: на 1 августа 1941 года — 43, на 6 июля 1942 года — 420, на 6 июля 1943 года — 960 и на 1 января 1944 года — 1760 человек. Нечто сходное наблюдалось и в Барановичах — 28 человек в июле 1941 года и 341 человек в январе 1944 года²⁹⁸.

Наряду с национальным и идеологическим вопросами можно также отметить проблему морального состояния личного состава полиции. Положение в ней было только отражением общей ситуации на оккупированной территории. В полицию, как и другие органы оккупационной администрации, вступали разные люди и из разных социальных слоев: интеллигенция, рабочие, крестьяне. В первые дни в ее ряды попало много уголовного элемента. В советской литературе не было принято писать об этом, но немцы строго-настрого запрещали принимать в полицию уголовников. Но это, если специально разбираться и иметь для этого достаточно времени. Поначалу его не было, и брали всех желающих, лишь бы не был явным коммунистом или евреем. Поэтому неудивительно, что вскоре «криминальный элемент» начал проявлять себя соответствующим образом.

Были разные причины, по которым люди шли служить в полицию. Обычно, туда шли те, кто пострадал от советской власти. Для других служба в полиции выглядела более привлекательной, чем тяжелая работа в деревне или вообще вывоз в Германию. Из многочисленных протоколов послевоенных судебных процессов и из других источников также известно, что «полицаяи» придавали большое значение наградам, униформе и оружию, как признакам определенного статуса, который был гораздо выше, чем у местного населения.

Конечно, среди «полицаев» были и такие, кто не деградировал и не потерял человеческого облика во время своей службы. Однако приходится признать, что большая часть из них пошла в полицию не для того, чтобы охранять порядок, а совсем наоборот. И это не было только советской пропагандой. Например, даже в документах немецких полицейских властей в Белоруссии есть многочисленные факты драк, пьяных выходок, злоупотреб-

ления оружием и прочих подобных инцидентов. В качестве дисциплинарных нарушений были также зарегистрированы насилия и убийства мирного населения, которые совершались, главным образом, во время переселения евреев в гетто и позднее, во время их массового уничтожения. И зачастую местные «полицай» делали даже больше того, что от них требовали немецкие власти. Известно много случаев, когда белорусские или польские полицейские убивали евреев-беглецов из гетто, принимая их за «советских партизан». Иногда «партизаном» становился тот, кто просто не понравился полицейскому. Когда кто-нибудь в городе или деревне доносил на кого-либо как на коммуниста, он обычно делал это в местной полиции, которая и арестовывала подозреваемого. Часто это делалось с невиданной жестокостью. Дома, в которых скрывались «советские агенты», нередко просто поджигались. Когда виноватых не находили, их местонахождение «выяснялось» через допросы родственников, часто с применением пыток.

«Вот поэтому, — подводит итог немецкий историк Бернхард Кьяри, — образ пьяного, примитивного горлопана-полицая, который тиранил и грабил население, полностью проявляя свои преступные наклонности и садизм, появился не на пустом месте»²⁹⁹.

КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКИЙ РЕЗЕРВ: МОЛОДЕЖНЫЕ ВОЕНИЗИРОВАННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ

Молодежные националистические организации, действовавшие на территории Белоруссии в годы оккупации, не были, естественно, добровольческими формированиями в прямом смысле этого слова. Однако рассказать о них, и именно в этом месте, все-таки придется. И сделать это необходимо по следующим причинам. Во-первых, их военизированный характер не отрицают даже националистически настроенные белорусские историки. Во-вторых, молодежь в этих организациях не только «пела, танцевала и участвовала в спортивных состязаниях», но еще (и не менее активно) занималась военной подготовкой. И, наконец, в-третьих, эти организации должны были готовить два типа кадров: для

гражданской администрации и для воинских формирований. Последний факт для нас особенно важен, так как членов молодежных националистических организаций можно было встретить практически во всех белорусских коллаборационистских формированиях. И, как правило, они составляли наиболее сознательную, убежденную и подготовленную часть личного состава этих формирований³⁰⁰.

Значительное место в немецкой оккупационной политике на территории Белоруссии отводилось ее молодежному направлению. В советской историографии Второй мировой войны было принято считать, что оккупанты не придавали сколько-нибудь серьезного значения этой сфере своей деятельности, а вся их «работа» с молодежью сводилась к вывозу последней для принудительного труда в Германию. Однако факты свидетельствуют об обратном. Как известно, нацисты в свое время приложили немало усилий, чтобы привлечь на свою сторону немецкую молодежь. Они, как никто другой в Германии того времени, понимали, что тот, кто завоеует ее симпатии, во многом обеспечит свою победу. Поэтому неудивительно, что работу с молодежью на оккупированных территориях нацисты считали одним из приоритетных направлений своей политики. Каждая из групп немецкого военно-политического руководства по-своему представляла себе эту политику и имела свои взгляды на ее методы и средства (в целом, как и вообще на «восточную» политику). Тем не менее в одном они были единогласны: молодежь оккупированных советских территорий надо сделать лояльной к «новому порядку», привлечь на свою сторону и по максимуму использовать. В том числе и в военных целях.

3 июня 1942 года рейхсминистр по делам оккупированных восточных областей Альфред Розенберг издал декрет, согласно которому при его министерстве был создан специальный отдел молодежи (*Abteilung I.9. Jugend*). Руководителем нового отдела был назначен гауптбаннфюрер Зигфрид Никкель — один из функционеров немецкой молодежной военизированной организации Гитлерюгенд (*Hitlerjugend*). Теперь именно этот чиновник и его

аппарат отвечали за разработку всех основных направлений молодежной политики на оккупированных территориях.

В своем декрете Розенберг также указывал на необходимость создания подобных отделов при генеральных комиссариатах балтийских республик, которые бы руководили деятельностью литовской, латышской и эстонской молодежных организаций, созданных здесь еще в начале 1942 года. Что же касается генерального округа «Белоруссия» и рейхскомиссариата «Украина», то ни создание подобных отделов, ни организаций местной молодежи декрет там не предусматривал³⁰¹.

Следует сказать, что немецкие оккупационные власти на местах неоднозначно относились к самой идее создания молодежных организаций. Генеральные комиссары «Латвии» и «Эстонии» воспринимали ее положительно и всячески способствовали их появлению. Генеральный комиссар «Литвы» категорически выступал против нее, что вообще затормозило создание литовской молодежной организации. Рейхскомиссар «Украины» Эрих Кох просто игнорировал эту проблему. Однако самым горячим энтузиастом создания местных молодежных организаций оказался генеральный комиссар «Белоруссии» Вильгельм Кубе, который видел в этом важный шаг на пути к реализации своей концепции «восточной» политики³⁰².

По этой причине Кубе вполне лояльно отнесся к созданию молодежной организации в Минске — факт уже сам по себе примечательный, если помнить о том, как немцы относились к националистическим затеям подобного рода (и тем более с политическим уклоном). По словам белорусского историка Левона Юревича, это была маленькая нелегальная организация, которая возникла осенью 1941 года (или не позднее зимы 1942 года). Примечательно, что ее основателем и руководителем была женщина — молодой врач-психиатр Надежда Абрамова, которая поддерживала тесные связи с БНС, став в середине 1942 года заведующим ее молодежным отделом. Вскоре подобные организации возникли также в Вилейке, Глубоком и Барановичах. Они могли и дальше существовать под защитой Кубе, не играя сколько-нибудь серьезной роли. Однако целью генерального комиссара было создание официальной всебелорусской молодежной

организации. Но для этого требовалось согласие Розенберга. В целом Кубе потратил почти полгода, чтобы его получить³⁰³.

В январе 1943 года началась подготовительная работа, так как, несмотря на высокий энтузиазм заинтересованных сторон, будущая организация нуждалась буквально во всем. При этом главный акцент делался на воспитание руководящих кадров. В Берлине этим занимался отдел молодежи Министерства по делам оккупированных восточных областей, благодаря усилиям которого среди военнопленных красноармейцев — белорусов по национальности — были отобраны добровольцы для прохождения подготовки в учебном лагере Вустрау (более подробно об этих курсах и их роли будет сказано ниже). Кроме того, при содействии лидера белорусских национал-социалистов Фабиана Акинчица отдел молодежи разработал устав и программу будущей организации³⁰⁴.

Наконец, 22 июня 1943 года, во вторую годовщину нападения Германии на Советский Союз, Кубе подписал указ о создании Союза белорусской молодежи (*Саюз беларускай моладзі; СБМ*). В нем, в частности, говорилось:

1. СБМ основывается для единого воспитания и организации белорусской молодежи.

2. Воспитание белорусской молодежи, кроме родительского дома и школы, с физической, моральной и духовной точки зрения, передается СБМ.

3. Ответственность по воспитанию белорусской молодежи в СБМ передается Центральному штабу.

4. Для руководства штабом назначается шеф этого штаба, который представляет СБМ и имеет свою резиденцию в Минске; шеф штаба подчиняется непосредственно генеральному комиссару³⁰⁵.

В тот же день в Минском городском театре произошла торжественная «презентация» новой организации. После небольшого вступительного слова, обращенного к присутствовавшим на собрании немецким чиновникам и националистам, Кубе объявил, что рейхсминистр Альфред Розенберг позволил создать эту но-

вую общественно-политическую организацию, чтобы она способствовала «отрыву белорусской молодежи от Востока и приобщению к арийскому Западу»³⁰⁶.

Это, в принципе, была стратегическая цель СБМ. Главные же задачи, которые были поставлены немцами перед этой организацией, заключались в следующих основных моментах:

- подготовка кадров для местного самоуправления;
- подготовка пополнения для полицейских и фронтовых добровольческих формирований;
- выполнение трудовой повинности как в самой Белоруссии, так и, в случае надобности, в Германии.

Со своей стороны, лидеры белорусского национального движения считали, что, помимо обслуживания немецких интересов, СБМ должен стать школой «воспитания белорусской молодежи в духе белорусского патриотизма и любви к своей Родине»³⁰⁷.

23 июля 1943 года, через месяц после создания организации, был обнародован ее устав, в котором уточнялись ее цели и задачи. Так, целью СБМ должно было быть «воспитание патриотических строителей Новой Белоруссии, которые бы выросли активными народными деятелями». Главным направлением воспитательной работы СБМ определялось освобождение белорусской молодежи от вредного враждебного влияния, ее духовное возрождение. Основой воспитания провозглашался патриотизм, культивирование которого должно было привести к искоренению «исторически обусловленной подневольной психики», к выработке гражданской ответственности, трудолюбия, искренности, уважения к старшим³⁰⁸.

«Такое направление воспитания, — вспоминал позднее один из членов СБМ, — было нацелено на то, чтобы молодежь почувствовала свою ответственность за судьбу и благо Родины и всегда была готова служить и работать на пользу своего народа»³⁰⁹.

Естественно, что вся деятельность СБМ находилась под полным контролем генерального комиссара Кубе, который лично следил за ней. С этой целью, еще на подготовительном этапе создания организации, он учредил при генеральном комиссариате специальный отдел молодежи во главе которого поставил обербаннфюрера Вильгельма Шульца — немецкого чиновника, ко-

торый, так же как и Никкель, являлся функционером Гитлерюгенда. Последний же, в свою очередь, должен был направлять и контролировать деятельность будущего союза³¹⁰.

Выше уже было сказано, что, согласно указу Кубе, руководящим органом СБМ являлся Центральный штаб во главе с шефом-руководителем. Им был назначен питомец Фабиана Акинчица Михаил Ганько. Ближайшими помощниками шефа-руководителя были его заместитель — Дмитрий Стельмах и адъютант — Владимир Гарелик. Центральный штаб состоял из нескольких отделов: организационный, хозяйственный, пропаганды, прессы, культуры, социального обеспечения, охраны здоровья, физического воспитания и школьного образования. Кроме того, в подчинении у Ганько находились шеф женской секции СБМ, уже упоминавшаяся Надежда Абрамова и ее заместитель Вера Каткович — руководитель минской женской городской организации (их деятельность курировала заместитель Шульца Юлия Гроземанн). На местах Ганько подчинялись окружные руководители СБМ, кандидатуры которых он утверждал только после согласования с Шульцем. Так, например, на август 1943 года окружное руководство организации выглядело следующим образом:

- округ «Минск-город» — руководитель Федор Каплунов;
- округ «Минск» — руководитель Сергей Бузак;
- округ «Барановичи» — руководитель Шпак;
- округ «Слоним» — руководитель Борис Суровы;
- округ «Лида» — руководитель Максим Бобков;
- округ «Новогрудок» — руководитель Никита Коляда (затем — Иван Жамойтин);
- округ «Глубокое» — руководитель Евгений Матюшонок;
- округ «Ганцевичи» — руководитель Борис Дьячковский;
- округ «Вилейка» — руководитель Стенник;
- округ «Слуцк» — руководитель Манько³¹¹.

Юношеская организация СБМ в каждом округе подразделялась на «дружины», «громады» и «отряды». Девушки, соответственно, создавали «дружины», «гуртки» и «круги». Самая мелкая организационная ячейка — «дружина» — формировалась из 12—20 человек (в учебном заведении или на производстве) и получала свой порядковый номер внутри «громады» или «гуртка».

Три, четыре или пять «дружин» обычно объединялись в «громаду» или «гурток», которые уже не имели номеров, а назывались именем кого-нибудь из выдающихся деятелей белорусской истории или современности. На уровне района все эти «громады» или «гуртки» объединялись в наибольшую организационную единицу СБМ — «отряд» или «круг» молодежи соответствующего возраста. Если же район был достаточно велик, то районная организация СБМ разделялась на секции. Назначение руководителей в организационные единицы ниже районного уровня находилось в компетенции окружного руководителя СБМ. А уже районных руководителей мог назначить только Центральный штаб этой организации³¹².

12 ноября 1943 года в структуре СБМ произошли некоторые изменения. В этот день Ганько, с согласия генерального комиссара фон Готтберга, подписал приказ о создании специальной Рабочей группы СБМ в Германии. На пост ее руководителя и уполномоченного СБМ в Третьем рейхе был назначен близкий друг шефа-руководителя и его бывший наставник по Вустрау Генрик Баранович. После своего назначения Баранович стал вторым человеком в организации — Ганько ввел его в Центральный штаб в ранге своего первого заместителя. Одновременно он и члены его группы стали сотрудниками отдела Зигфрида Никеля. Столь высокое назначение объясняется тем, что возглавляемая Барановичем структура должна была отвечать за вербовку белорусской молодежи на работу в Германию³¹³.

Следует сказать, что уже до своего создания СБМ имел готовые кадры руководителей высшего уровня (для Центрального штаба и округов соответственно). Выше уже говорилось, что все они были подготовлены благодаря стараниям Фабиана Акинчица на пропагандистских курсах в Вустрау (возле Берлина). Контингент слушателей этих курсов набирался специальной комиссией (опять-таки во главе с лидером белорусских нацистов) в лагерях советских военнопленных. В целом занятия с каждой группой курсантов (примерно 20 человек) длились около шести месяцев. За это время они должны были усвоить принципы деятельности немецкой оккупационной администрации в Белоруссии, методы борьбы с большевистской идеологией, практикова-

лись в публичных выступлениях, а также изучали немецкий и белорусский языки. К слову, последний им был крайне необходим, так как большинство слушателей курсов происходили из восточной Белоруссии. Политические занятия курсантов Вустрау обычно проводил сам Акинчиц. Как правило, все они сводились к изучению его национальной концепции и критике позиции оппонентов «белорусского фюрера». После окончания курсов Акинчиц доставлял подготовленные группы в Минск и передавал их в отдел пропаганды генерального комиссариата (первая группа в 70 человек прибыла в феврале 1942 года, а всего их было подготовлено более сотни). А уже оттуда их распределяли по соответствующим окружным комиссариатам. Эти пропагандисты абсолютно не подчинялись уже действовавшей к тому времени БНС, а выполняли приказы только немецких властей. Забегая вперед, следует сказать, что в целом курсанты Вустрау оправдали доверие своего учителя: кроме нескольких перебежчиков к партизанам, большинство пропагандистов верно служили оккупантам. После создания СБМ именно эти ученики Акинчица заняли все руководящие посты в Центральном штабе этой организации (начиная от шефа-проводника и заканчивая начальниками отделов) и большинство постов окружных руководителей³¹⁴.

Для подготовки руководящих кадров союза ниже окружного звена в пригороде Минска Дрозды, а также в имениях Флорианово и Альбертин близ Слонима еще весной 1943 года были учреждены специальные трехнедельные курсы (первые два для девушек, последний — для юношей). Слушатели этих курсов комплектовались в основном из числа детей активных белорусских коллаборационистов. Следует отметить, что если школа в Вустрау готовила высший руководящий состав СБМ, то в этих заведениях учились в основном его руководители районного и ниже уровней. Здесь им читали лекции на разные темы (например, даже о вреде пьянства и курения), учили маршировать и петь песни, прививали дух товарищества. К концу июня 1944 года через эти курсы успели пройти до 500 человек³¹⁵.

Как правило, на этих курсах обучалась молодежь из западной и центральной Белоруссии. Поэтому, чтобы привлечь к «бе-

лорусскому делу» молодежь из восточной части республики, руководство СБМ открыло несколько кратковременных курсов для юношей и девушек из военной зоны оккупации. Обычно все обучение здесь сводилось к идеологической обработке и спортивным мероприятиям. Тем не менее вскоре от этих курсов пришлось отказаться. И дальше мы увидим почему.

Вся внешняя пропагандистская работа СБМ велась через созданный в июле 1943 года журнал «Да здравствует Белоруссия!» («*Жыве Беларусь!*») ³¹⁶, главным редактором которого был Михаил Ганько ³¹⁷. В нем, главным образом, печатались распоряжения Центрального штаба. Для внутреннего пользования организация выпускала «Дневник приказов» («*Дзеньнік загадаў*») и «Учебный листок» («*Вучэбны лісток*») ³¹⁸. Последний являлся печатным органом для руководителей СБМ на местах, в котором им давались советы, в каком направлении работать в данный момент, какие темы разрабатывать и т.п. Обычно на основе этих указаний, проходили занятия местного руководства союза со своим активом ³¹⁹.

Воспитанию рядовых членов СБМ также отводилась значительная роль. Как правило, оно было комплексным и состояло как из духовных, так и физических упражнений. Так, один из членов союза в Новогрудке вспоминал, что они изучали историю Белоруссии, белорусский язык и литературу, организовывали разные кружки по интересам: рисования, пения, белорусских национальных танцев и организовывали танцевальные вечера. В период летних каникул желающие могли остаться в трудовых лагерях СБМ. И надо сказать, что распорядок дня там был, как в настоящей воинской части: «подъем в 6 часов утра, построение с поднятием флага, поход в лес для заготовки дров или в город для разборки завалов после бомбардировок, вечером опять построение с поднятием флага и пением гимна, затем отбой. Спали на двухъярусных нарах. Однако наиболее любимым занятием членов СБМ в таких лагерях были воинские упражнения» ³²⁰.

Отдельное внимание уделялось занятиям с женской половиной СБМ. Что касается духовного воспитания, то оно, в принципе, ничем не отличалось от подобных мероприятий для юношей: девушкам стремились дать «нужное воспитание» и т.п.

Кроме того, их обучали рукоделию и основам медицины (например, на курсах в Минске)³²¹.

Нет необходимости говорить, что СБМ создавался по образцу Гитлерюгенда³²², хотя, конечно, у него было много общего и с советским комсомолом. То есть в целом это должна была быть военнизированная молодежная организация — будущий резерв Белорусских вооруженных сил. Поэтому отношения внутри СБМ строились на принципе «фюрерства». Но, и как это парадоксально, комплектование союза проводилось исключительно на добровольной основе. В результате к июню 1944 года он имел следующую структуру:

- Главный штаб СБМ;
- организация юношей в возрасте 10—13 лет;
- организация юношей в возрасте 14—16 лет;
- организация юношей в возрасте 17—20 лет;
- организация девушек в возрасте 10—20 лет³²³.

По некоторым данным, с июня 1943 по июнь 1944 года в СБМ вступило от 45 до 100 тыс. юношей и девушек (и это на 2,9 млн человек населения генерального округа «Белоруссия»). Однако эти цифры явно завышены. Сохранились сведения, по которым на 1 апреля 1944 года в союзе числилось 12 633 человека. Однако уже в конце июня 1944 года, по словам самого Ганько, в нем было только 4000 юношей и чуть больше 3000 девушек. Эту цифру — около 8000 человек, признают в целом и советские источники. Основной же приток в организацию наблюдался в конце 1943 — начале 1944 года³²⁴.

Нельзя не отметить, что количество членов СБМ заметно снизилось к концу периода оккупации Белоруссии. Помимо общей военно-политической ситуации, не последнюю роль здесь сыграла и пропагандистская деятельность многочисленных подпольных коммунистических организаций. Последние явно не могли смириться с тем, что вполне могут потерять влияние на белорусскую молодежь. Так, в конце 1943 года в Вилейке местные коммунисты-подпольщики начали активную пропагандистскую кампанию, в которой «юноши и девушки призывались не поддаваться на провокации врага», а вместо этого «уничтожать фашистских организаторов СБМ, добывать

оружие и идти в партизанские отряды». В основном агитация велась среди учащихся городского педагогического института, где белорусские националисты намеревались создать организацию союза. В результате большинство учащихся оставили институт, а многие ушли в местные партизанские отряды³²⁵. По воспоминаниям руководителя СБМ в Греском районе (Слущкий округ) Валерия Новицкого, к партизанам в конце 1943 года перешел целиком один из выпусков курсов в Альбертинове. Однако «народные мстители» почему-то им не поверили и всех расстреляли (вероятно, как носителей националистической идеологии)³²⁶. Занимались партизаны и прямыми репрессиями против членов союза и их семей, что также вело к уменьшению его численности.

Как и каждая военизированная организация, СБМ имел свою униформу и символику. Сначала это были белые рубашки, пошитые из домотканого полотна, а потом ввели новые: для юношей — темно-зеленого цвета, а для девушек — синего, в белую крапинку. Галстуки к рубашкам делались из белорусских домотканых поясов. На левом рукаве носилась бело-красно-белая повязка с эмблемой СБМ (ромб, в который вписаны заглавные буквы названия организации, а на них лопата и меч крест накрест), а на кепи — кокарда в виде «*Погони*» (у руководителей) или знак-аббревиатура «СБМ» (у рядовых членов)³²⁷.

По своему характеру, целям и задачам создания СБМ являлся типичной белорусской националистической организацией. Сфера его деятельности распространялась в основном на территорию генерального округа «Белоруссия», лишь незначительно охватывая молодежь в тыловом районе группы армий «Центр». Этому было много причин, одной из которых было то, что здесь серьезную конкуренцию союзу составляли русские националистические организации. Так, весной 1944 года здесь, при активной поддержке военной администрации, были созданы Союз борьбы против большевизма (СБПБ) и Союз русской молодежи (СРМ), каждый из которых стремился тем или иным образом оказывать влияние на подрастающее поколение.

СБПБ был создан в марте 1944 года. Как говорилось в его манифесте, целью этой организации была «борьба против всех проявлений иудо-большевизма». Штаб-квартира союза находилась в Бобруйске, здесь же находилась редакция его печатного органа — газеты «Речь», редактором которой был Михаил Окταν. Местные отделения находились на предприятиях Бобруйска, в Осиповичах, Лапичах и Пуховичах (т.е. его деятельность ограничивалась только пределами одной области). Первоначально это была общественно-политическая организация, однако со временем руководство СБПБ планировало милитаризовать ее и создать собственные боевые отряды. Прообразом вооруженных сил союза должны были стать «охранные дружины», о формировании которых было объявлено 1 апреля 1944 года.

Надо отдать должное руководителям союза и их немецким покровителям: вся его деятельность не ограничилась только декларацией о создании (как это зачастую бывало ранее) — уже с середины марта 1944 года началась активная вербовка местного населения в ряды этой организации, которая сопровождалась усиленной печатной агитацией и радиопропагандой. В СБПБ призывали вступать всех желающих, однако главный упор все-таки делался на привлечение молодежи. Причем если взрослые могли входить в организацию на добровольных началах, то все молодые люди в возрасте от 10 до 18 лет были обязаны вступать в молодежную секцию союза. Для работы с ними при Центральном комитете СБПБ был создан руководящий штаб.

Крупной пропагандистской акцией союза в сфере осуществления молодежной политики стало торжественное открытие юношеского поселка СБПБ под Бобруйском. В этом «специализированном» населенном пункте союза должны были проживать 700 детей — 420 мальчиков и 280 девочек в возрасте от 8 до 15 лет. Поселок был построен силами немецкой армии. На его торжественном открытии присутствовали представители германского командования: Михаил Окταν, бобруйский бургомистр Борис Меньшагин, протоиерей о. Дмитрий Булгаков и другие. Кроме того, стараниями актива союза в Бобруйске был организован детский дом для сирот школьного возраста.

Немецкие оккупационные власти доносили в Берлин об успехах СБПБ и «массовом желании населения встать в его ряды», однако его дальнейшее развитие было прервано советским наступлением в июне 1944 года³²⁸.

Если предыдущий союз был все-таки «взрослой» общественно-политической организацией, который, только помимо всего прочего, занимался молодежными вопросами, то созданный в Борисове СРМ главной своей целью ставил именно работу среди подрастающего поколения. О его создании было объявлено 7 мая 1944 года в городском Народном доме. На торжественном собрании присутствовали представители немецкой военной администрации, бургомистр Борисова Алексеевский, руководитель молодежной политики в генеральном округе «Белоруссия» Шульц, лидеры СБМ Ганько и Абрамова, а также представитель РОА капитан Евгений Лазарев, который был назначен начальником штаба СРМ. На собрании прозвучали приветствия от русской эмигрантской молодежи Сербии, а также от генерала Андрея Власова.

Политической платформой союза провозглашались идеи владовского движения, а главным направлением его деятельности — работа с молодыми военнослужащими частей РОА, их воспитание в патриотическом духе. Лазарев говорил об этом в целом так: «У русских есть вождь — генерал Власов, у нас есть общая мать — Россия, у нас есть общий союзник — германский народ. Пусть хлопцы помнят и готовят себя быть достойными той задачи, которую поставит, когда настанет час, Родина и генерал Власов».

Как и в случае с СБМ, за образец организации союза была взята структура Гитлерюгенда. В нее могли быть приняты подростки от 10 до 20 лет, которые делились на три возрастные категории: 10—14, 15—18 и 19—20 лет. Положение о СРМ предусматривало создание и женской секции, однако это так и осталось в планах — в июне 1944 года началось советское освобождение Белоруссии, и все руководство союза было вынуждено эвакуироваться в Германию³²⁹.

Выше уже говорилось, что между СБМ и русскими организациями шла жесткая конкуренция за влияние на молодежь. В принципе, это можно объяснить несколькими причинами. Во-

первых, белорусских националистов поддерживала гражданская оккупационная администрация, а русских — военная, о различных взглядах которых на «восточную» политику было сказано достаточно. Во-вторых, членом СБМ мог стать только белорус, тогда как, например, в молодежную организацию СБПБ были обязаны вступать все, независимо от национальности. Вообще же руководители русских националистов зачастую не делали различия между восточнославянскими народами: все они для них представляли единый русский народ, что очень не нравилось Альфреду Розенбергу и находящимся под его покровительством националистам. И противодействовали они этому всеми доступными им средствами. Наконец, в-третьих, эти конфликты возникали также на почве переманивания ячеек СБМ в восточной Белоруссии в СБПБ. Его руководитель Михаил Октан разрешал, например, местным ячейкам белорусского союза коллективно вступать в свою молодежную организацию, что вызывало сильные протесты Ганько и его покровителей. А 9 мая 1944 года Октан и вовсе объявил о создании Объединенного (русско-белорусского) союза молодежи. Однако, к большой радости националистов, дальше деклараций дело не сдвинулось. Что же касается СРМ, то к этой организации руководство СБМ отнеслось более лояльно, но только потому, что главной сферой ее деятельности были части РОА и русская молодежь³³⁰.

Понятно, что и белорусская, и русские молодежные организации представляли для немецкого военно-политического руководства значительный политический интерес. Однако нельзя забывать и чисто утилитарные цели их создания. Например, члены СБМ использовались на всевозможных хозяйственных и фортификационных работах либо принимали участие в разборе завалов после авиационных налетов. Кроме того, многие из них были вывезены в Германию в качестве рабочей силы. Однако после создания Белорусской краевой обороны — БКА (о ней речь пойдет ниже) было принято решение использовать союз по одному из его прямых назначений — как резерв для боевых фор-

мирований. В результате при содействии его центральных и местных организаций были созданы:

- Добровольный юношеский корпус СБМ под шефством БКА (в нем юноши были также разделены по трем возрастным категориям);
- Добровольная женская служба поддержки БКА.

Многие юноши, главным образом, старших возрастов и имевшие среднее образование, поступили в офицерскую школу БКА, которая была открыта в Минске³³¹.

Кроме того, германское политическое руководство, командование вермахта и войск СС активно использовало структуры этих организаций для проведения всевозможных мобилизаций молодежи как для трудового фронта, так и для вспомогательной службы в действующей армии или в тыловых частях. Например, в конце 1943 года по договоренности между Рабочей группой СБМ в Германии и фирмой Юнкерса на авиационные заводы в Дессау было отправлено около 1000 юношей в возрасте от 15 до 21 года³³².

Особенно же актуальными такие вербовочные компании оказались на заключительном этапе войны, когда германские вооруженные силы стали испытывать острую нехватку личного состава. Так, уже в начале 1944 года ОКВ было вынуждено предпринимать разные чрезвычайные меры, чтобы хоть частично компенсировать людские потери. Одной из них был проект мобилизации членов противовоздушной обороны Германии, функции которых должна была выполнять немецкая молодежь в возрасте от 15 до 20 лет, которая еще не подлежала призыву в армию. Однако и эта мера была признана недостаточной, поэтому в начале марта 1944 года в германском военно-политическом руководстве возникла идея использовать для вспомогательной службы в военно-воздушных силах и молодежь из оккупированных восточных областей.

В разработке принципов организации и проведения этой акции принимали участие представители четырех заинтересованных сторон: Министерства по делам оккупированных восточных областей, Главного управления СС, Верховного командования военно-воздушных сил (Люфтваффе) и молодежной организа-

ции Гитлерюгенд. Вся практическая сторона проведения акции возлагалась на отдел молодежи Министерства по делам оккупированных восточных областей и его руководителя гауптбаннфюрера Никкеля. Для решения же всех текущих вопросов на местах была создана специальная Мобилизационная команда «Север» (*Hitlerjugend-Kriegseinsatzkommandos Nord*)³³³.

25 марта 1944 года представители указанных ведомств заключили соглашение, согласно которому молодежь из оккупированных восточных областей могла на добровольной основе вступить во вспомогательную службу Люфтваффе. Декларируя добровольный характер мобилизации, немецкие организаторы акции старались тем самым, предотвратить возможную дискриминацию отдельных национальных групп молодежи во время ее службы в Германии. Все, кто становился «помощниками Люфтваффе» (*Luftwaffenhelfer*), должны были иметь такие же права, как и вспомогательный персонал немецкой противовоздушной обороны. Однако, как показывал опыт, такие попытки уравнивать «восточные» народы с немецким не раз вызвали противодействие со стороны различных нацистских инстанций. Часть их была склонна рассматривать таких добровольцев лишь как принудительно завербованную рабочую силу. По этой причине всем юношам русской, украинской, белорусской и литовской национальностей был присвоен официальный статус «помощников СС» (*SS-Helfer*), на что наглядно указывали соответствующие нашивки на рукавах униформы. По словам польского историка Юрия Туронека, «эмблема СС была надежным щитом, который охранял молодежь от нежелательных нападок со стороны чиновников-расистов»³³⁴. Однако, помимо этого, эмблема имела и свое практическое обоснование. Так, по соглашению от 25 марта 1944 года, 15—17-летние юноши после 15, а 18—20-летние после 8 месяцев службы в Люфтваффе должны были перейти в распоряжение СС для выполнения полицейских функций в своих государствах. Таким образом, юноши, которые поступали на службу, звались официально «помощниками СС», а неофициально — «дружинниками», хотя и должны были выполнять разные вспомогательные функции, связанные с противовоздушной обороной. Позднее, с 1 июля 1944 года, эта акция была также

распространена и на девушек с еще оккупированных немцами территорий СССР. Все они, независимо от их национальной принадлежности, должны были именоваться «помощницами Люфтваффе» (*Luftwaffenhelferinnen*)³³⁵.

Вербовочная компания продолжалась с 25 марта по 20 сентября 1944 года и, вопреки бесчисленным трудностям (в том числе и со стороны различных немецких инстанций), закончилась относительно успешным в тех условиях успехом. Так, согласно отчету организации Никкеля, было завербовано 21 117 человек (18 917 юношей и 2500 девушек), расклад которых в национальном отношении был следующим:

- 1383 русских юношей — «помощников СС»;
- 5933 украинских юношей — «помощников СС»;
- 2354 белорусских юношей — «помощников СС»;
- 1012 литовских юношей — «помощников СС»;
- 3000 эстонских юношей — «помощников Люфтваффе»;
- 3614 латышских юношей — «помощников Люфтваффе».

После необходимой подготовки все они (в том числе и женский персонал) были распределены по следующим службам:

- части связи Люфтваффе (*Luftnachrichten*) — 1000 человек;
- моторизованные батальоны полевой жандармерии Люфтваффе (*Luftschutz-Polizei*) — 1000 человек;
- «помощники Люфтваффе» — 19 117 человек.

Кроме того, некоторое количество набранных юношей было передано:

- в распоряжение частей 9-й немецкой армии в Бобруйске (302 русских «помощника СС»);
- в распоряжение Военно-морского флота (346 эстонских «помощников Люфтваффе»);
- в распоряжение 14-й дивизии войск СС (250 украинских «помощников СС», преимущественно из Галиции, для пополнения в будущем кадров низшего командного состава);
- еще 265 юношей были отправлены в различные отрасли немецкой военной индустрии в обмен на таких же добровольцев, но из числа «германских» народностей.

Со временем предполагалось завербовать еще 5500 юношей и 1200 девушек — на этот раз в качестве пополнения для военно-

строительной организации Тодта и т.п. Однако этим планам не было суждено осуществиться, так как к концу 1944 года советская территория была уже полностью освобождена от немцев³³⁶.

Вербовка молодежи в Белоруссии началась 27 мая 1944 года. Для ее проведения организация Никкеля командировала 70—80 человек, в том числе 12 офицеров Люфтваффе и 5 офицеров СС. После встречи в Минске с генеральным комиссаром фон Готтбергом они разъехались по районам генерального округа «Белоруссия» и в сотрудничестве с окружным руководством СБМ начали свою работу. Вербовка молодежи также проводилась в Борисовском и Бобруйском округах военной зоны оккупации при активной поддержке руководства СРМ.

На территории Белоруссии были организованы четыре приемных лагеря для добровольцев: два в Минске и по одному в Борисове и Бобруйске. Тут юноши проходили медицинский осмотр, получали обмундирование и более подробную информацию о своей будущей службе. Интересно отметить, что если некоторые из них передумывали идти служить, то они имели возможность вернуться из приемного лагеря домой³³⁷.

Поскольку набор молодежи осуществлялся на добровольных началах, немцы уделяли значительное внимание ее пропагандистской подготовке. Молодые люди должны были знать, что от них требуется и что им предлагается. В листовках, плакатах и других вербовочных материалах подчеркивалось, прежде всего, их будущее равноправие с немецкой молодежью, а также то, что подчиняться белорусские юноши будут своим национальным руководителям. В этих материалах также делался акцент на патриотических мотивах и задачах, необходимости борьбы с большевизмом и возможности получить в Германии профессиональное образование. Вместе с тем немецкое руководство понимало, что вербовка в Белоруссии проводится в очень специфических условиях: Восточный фронт уже стоял по Днепру и Припяти, и многое показывало на скорый конец немецкой оккупации. Кроме того, во многих районах действовали партизанские соединения, а коммунистическое подполье, как мы видели выше, старалось пре-

пятствовать всем немецким инициативам и мероприятиям, в том числе и организационной деятельности среди молодежи. В такой ситуации молодые люди имели надежную альтернативу — уйти в партизаны. Поэтому немецкие организаторы акции и не ждали от нее большого успеха.

Сохранившаяся немецкая документация не позволяет подробно проследить ход и результаты вербовки в отдельных округах Белоруссии. В ряде отчетов окружных комиссаров указывается, что, например, в Глубоком на службу поступило 2000, а в Барановичах — 500 юношей. Бывший окружной руководитель СБМ в Новогрудке вспоминал, что в его округе решило завербоваться только 4 или 5 человек, однако ему доподлинно неизвестно, выехали они в Германию или нет. Что же касается набора молодежи в военной зоне оккупации, то, согласно отчету командования вермахта в Белоруссии, в июне 1944 года в приемном лагере в Борисове ждало отъезда в Германию 150, а в Бобруйске — 230 человек. Всего же, несмотря на различные результаты акции в отдельных округах, ее общий итог превысил все ожидания немецких организаторов: по состоянию на 28 августа 1944 года на вспомогательную службу в Люфтваффе поступили около 4000 юношей³³⁸.

Поданным шефа-руководителя СБМ Михаила Ганько, опубликованным им в «Белорусской газете», 3000 из этих юношей были из гражданской зоны оккупации, а остальные — из военной³³⁹. В этой же статье он пытался представить ситуацию так, как будто все они являлись членами СБМ и только поэтому добровольно стали «помощниками СС». Однако факты свидетельствуют о другом. Как теперь известно, многие из этих юношей вообще не были членами союза и вступали в него только в приемных лагерях. В частности, число добровольцев из Глубокого в несколько раз превышало число членов СБМ в этом округе. То же можно сказать и о роли СРМ в этой акции. Тем не менее нельзя отрицать и того значения, которое сыграли структуры этих организаций, например в деле пропагандистской обработки молодежи.

Однако не все юноши, которые прибыли в приемные лагеря, могли быть отправлены в Германию. Те, кто не достиг 15-летнего возраста или не подходил по состоянию здоровья, отправлялись

домой. Некоторые, одумавшись, возвращались сами. Кроме того, быстрое наступление Красной Армии в конце июня 1944 года парализовало транспорт, в результате чего часть юношей в Борисовском и Бобруйском сборных лагерях осталась на месте.

Большинство же молодых белорусов были отправлены в Германию в три этапа — 7, 17 и 22 июня 1944 года. В июле и августе 1944 года, уже после эвакуации из Белоруссии, вербовка продолжалась на территории Германии и Польши, среди проживавших там белорусских юношей и девушек. Всего же, согласно отчету организации Никкеля, на 20 сентября 1944 года в рядах противовоздушной обороны Германии проходили службу 2354 белорусских юношей и около 200 белорусских девушек³⁴⁰.

В целом такой результат свидетельствует о несомненном успехе организаторов акции, и это в то время, когда немецкая армия терпела поражение за поражением и отступала на всех фронтах. Однако более важным при оценке эффективности этой акции является отношение к ней самих юношей и девушек, которые вряд ли сомневались в итоге войны и уже не могли надеяться на возвращение на родину. Причины участия молодежи в обороне немецкого неба были, конечно, разные. Для одних это была бесплатная путевка в Европу, приключения или поиски занятия и лучшей доли после окончания войны. Тем не менее нельзя отрицать и тот факт, что некоторая часть молодежи руководствовалась при этом чувством патриотизма и неприятием большевизма.

В июне 1944 года, после отступления немецких войск из Белоруссии, большинство коллаборационистских организаций оказались на территории Третьего рейха. Был эвакуирован и Центральный штаб СБМ, который 5 июля 1944 года переехал в чешский город Троппау. Оказавшись за пределами Родины, Михаил Ганько начал действовать в совершенно новых условиях. В целом перед ним и его сотрудниками в тот момент стояло две основные задачи, которые было необходимо решить. И чем скорее, тем лучше. Во-первых, обозначить свой новый статус как в глазах немцев, так и среди белорусских националистов. Во-вторых, наладить связь со своими подопечными и установить

опеку над белорусской молодежью, как членами СБМ, так и теми, кто оказался на работе в Германии в качестве «остарбайтеров». От правильного решения второй задачи фактически зависела судьба самого Центрального штаба СБМ: только в работе с молодежью он мог оправдать свое существование в глазах немцев и лидеров БЦР.

Приехав в Троппау, руководство СБМ оказалось не только на правах политических эмигрантов. Более того, как вскоре выяснилось, вне Белоруссии они стали никому не нужными. Их курирующий орган — молодежный отдел генерального комиссариата — был уже к тому времени расформирован. Поэтому в конце июля 1944 года Ганько связался с Островским, который после недолгих переговоров согласился принять СБМ «под крыло» БЦР. После окончательного согласия Островского Ганько издал два приказа. 1 августа 1944 года он объявил о возобновлении деятельности Центрального штаба на территории Германии, а также призвал юношей и девушек к дисциплине, послушанию и самоотверженному выполнению своих обязанностей. Приказ заканчивался такими словами: «Из наших жертв, пота и крови восстанет к жизни Свободная Белоруссия!» Через неделю уже в новом приказе от 8 августа было заявлено, что «СБМ добровольно переходит с сегодняшнего дня под моральную опеку и в сферу компетенции БЦР, как единственного законного и признанного представительства белорусского народа». Наконец, 15 сентября 1944 года, на основе этих деклараций, и Михаил Ганько, и Надежда Абрамова были кооптированы в состав центрального руководства БЦР³⁴¹.

Первая задача, таким образом, была выполнена успешно. Однако с решением второй оказалось несколько сложнее. В целом возобновить реальную деятельность своей организации Ганько не смог. В новых условиях СБМ, как выяснилось, не особенно интересовал деятелей БЦР. Не был он нужен и отделу молодежи Министерства по делам оккупированных восточных областей, который вполне справлялся с находящейся в Германии белорусской молодежью, действуя через Рабочую группу СБМ Генрика Барановича. Правда, Ганько еще числился опекуном белорусских добровольцев (юношей и девушек), которые выполняли

вспомогательные функции в германских вооруженных силах, однако и эта его роль не имела большого политического веса и практического значения. Оказавшись в таком безвыходном положении, Ганько попытался заниматься политикой, независимой от Радослава Островского. Например, он предлагал создать «Союз освобождения Белоруссии», куда по достижении 20-летнего возраста могли переходить члены СБМ. В основу создания этой организации должен был быть положен принцип «фюрерства», и, вероятнее всего, именно ее Ганько планировал использовать в будущем как главную силу в сопротивлении коммунистам. Однако поддержки он так и не получил. Во-первых, лидеры БЦР, и не без оснований, усмотрели в этих планах угрозу своей, пусть и призрачной, но власти. Во-вторых, еще находясь в Белоруссии, Ганько был сильно скомпрометирован своими нацистскими взглядами и близостью к покойному Фабиану Акинчицу. Неизвестно, на чью поддержку он рассчитывал, так как Островский пользовался неограниченным доверием Розенберга, который бы не потерпел никакого раскола. В конце концов, Ганько проиграл поединок за молодежь и был выведен из серьезной политической игры. Что делал шеф-руководитель СБМ последние месяцы войны, до сих пор почти неизвестно. Можно с точностью установить только несколько фактов. По всей видимости, он был назначен офицером-пропагандистом Специального десантного батальона «Дальвиц», речь о котором пойдет ниже. Далее. В начале марта 1945 года Ганько принял участие в берлинской конференции Белорусской независимой партии, под идеологическим контролем которой находился «Дальвиц». На этой конференции бывший крайний коллаборационист полностью раскаялся и стал на позиции этой антинацистской организации, заявив о желании «искупить свою вину перед народом, за то, что когда-то верил гитлеровцам». Следы Ганько теряются в мае 1945 года, в Судетах (Чехия), куда он отправился, чтобы спасти заблудившуюся в горах 5-тысячную группу СБМ. Уже после окончания войны в эмигрантской литературе появились сведения, что бывший шеф-руководитель смог пробраться в Белоруссию, где сражался против коммунистов в партизанском отряде. Однако это маловероятно³⁴².

Фактически, Центральный штаб СБМ прекратил свои полномочия сразу же после подчинения БЦР. Тем не менее сама организация продолжала существовать. Теперь ее главным органом стала Рабочая группа Барановича, подчинявшаяся, как мы сказали выше, ведомству Розенберга. Ее немецким руководителем был баннфюрер Менцель, который в отделе Зигфрида Никкеля отвечал за работу со всей белорусской молодежью.

А сколько же этой самой молодежи находилось к тому времени на территории Германии и оккупированных ею стран? Сразу оговоримся, что она совсем не была однородной. В целом можно выделить две большие подгруппы: молодежь, которая была занята в немецкой военной промышленности, и молодежь, проходившая службу в различных частях немецких вооруженных сил. И первая, и вторая подгруппа сложились в Германии постепенно. Вот, например, как это происходило с гражданской молодежью (будем ее так условно называть).

Первыми, как мы видели выше, в Германии оказались юноши, отправленные по контракту с фирмой «Юнкерса» на ее заводы. Они в целом и создали ту самую Рабочую группу СБМ, руководителем которой являлся Генрик Баранович. По подсчетам польского историка Юрия Туронка, на весну 1944 года общая численность этой группы не превышала 2000 человек. При этом с полной уверенностью можно сказать, что все эти юноши были членами СБМ. Однако кроме этих контрактников, которые, как правило, добровольно покидали Родину, в Германии к этому времени работали еще более 5000 молодых белорусов. Они принадлежали к категории так называемых «остарбайтеров» и прибыли сюда в основном принудительно. Это не смущало Барановича. В своих планах по расширению Рабочей группы он рассматривал «остарбайтеров» как резерв для пополнения СБМ за границей. Так, в ноябре 1943 года в лагерь последних было послано несколько молодежных функционеров, которые должны были постараться втянуть в СБМ побольше молодых белорусов. Тем не менее, несмотря даже на то, что условия проживания в лагерях Рабочей группы были значительно лучше, чем в лагерях «остарбайтеров», которые практически ничем не отличались

от лагерей военнопленных, результаты этой акции были весьма ничтожны. По словам одного из таких визитеров-пропагандистов, «остовцы не любили СБМовцев, обзывали их предателями и фашистами». Однако такие настроения преобладали не везде, и часть «остарбайтеров» все-таки присоединилась к СБМ, что способствовало росту Рабочей группы, численность которой в начале июня 1944 года составляла уже 3500 человек³⁴³.

Численность белорусской молодежи в Германии значительно увеличилась в июне-июле 1944 года. В этот период, после начала немецкой эвакуации из Белоруссии, к уже имеющимся категориям прибавились еще порядка 4000 человек, значительное количество среди которых составляли руководящие кадры СБМ всех уровней³⁴⁴.

Рост численности белорусской молодежи прибавил, соответственно, обязанностей Рабочей группе Барановича. Теперь он и его сотрудники должны были содействовать устройству на работу юношей и девушек, которые после эвакуации оказались в Германии, заботиться об их бытовых потребностях и, что было особенно важно, назначать в рабочие лагеря функционеров СБМ, обязанных отвечать за порядок и дисциплину. В целом, согласно официальным немецким и белорусским данным, на ноябрь 1944 года в подчинении Барановича и его людей находилось уже от 5000 до 6000 белорусских юношей и девушек. При этом 3000 из них работали на заводах Юнкерса, а 2000 служили в частях военно-строительной организации Тотта. Кроме того, еще около 1000 подростков в возрасте от 10 до 14 лет просто проживали в лагерях СБМ³⁴⁵.

Группа гражданской молодежи находилась под полным контролем и на учете у сотрудников Рабочей группы. Наоборот, юноши и девушки, которые служили в германских вооруженных силах, вообще не подчинялись руководству СБМ. Правда, выше говорилось, что шеф-руководитель Ганько числился их номинальным опекуном, однако его контакт с молодежью, как правило, обрывался после ее передачи немецкому командованию. По этой причине очень трудно сказать, сколько членов СБМ служило в рядах Вермахта или войск СС. Этот вопрос не особенно интересовал немецких командиров, которые в своих отчетах

обычно давали общее количество завербованной молодежи. В целом можно выделить три группы белорусских добровольцев — или членов СБМ, или имеющих то или иное отношение к этой организации.

В начале 1944 года в Белоруссии возникла идея отправить в Германию группу юношей, которые после нескольких месяцев подготовки должны были вернуться на Родину в качестве молодых офицеров. Кстати, до сих пор неизвестно, откуда исходила подобная инициатива, однако можно не сомневаться, что без согласия или даже прямого задания фон Готтберга здесь не обошлось. Так или иначе, Центральный штаб СБМ занялся вербовкой добровольцев, в результате которой 100 из них прибыли 16 апреля 1944 года в подготовительный лагерь Мульце (Германия). Как известно, вскоре началось отступление немцев из Белоруссии. Поэтому уже летом группа была расформирована: большую часть курсантов передали в 30-ю гренадерскую дивизию войск СС, а некоторых из них — во временное распоряжение Рабочей группы СБМ³⁴⁶.

Следующую категорию белорусской молодежи в составе германских вооруженных сил составили так называемые «помощники Люфтваффе». О них и о роли СБМ в их судьбе было уже достаточно сказано выше.

Наконец, последнюю группу военной молодежи — членов СБМ — составляли эвакуированные в июле 1944 года курсанты Минской офицерской школы Белорусской краевой обороны (более подробно о них будет рассказано ниже). По дороге в Германию большая часть этих юношей вернулась домой, некоторые погибли и только 110—120 человек добрались до места концентрации остатков белорусских добровольческих формирований в районе Плоцка (Польша). После кратковременной подготовки их также включили в 30-ю дивизию войск СС и отправили во Францию³⁴⁷.

В целом все эти группы членов СБМ насчитывали от 4500 до 5000 человек. Если же к этому количеству прибавить контингент Рабочей группы, то в результате окажется, что осенью 1944 года численность СБМовской молодежи на территории Германии составляла 10—11 тыс. юношей и девушек разных возрастов³⁴⁸. По

сути, эта численность не менялась до самого конца военных действий. Менялась только сфера применения белорусской молодежи. Как известно, в начале 1945 года немецкая военная промышленность была уже почти уничтожена союзнической авиацией, в результате чего значительно уменьшились потребности заводов в рабочей силе и часть молодежи могла быть направлена в армию. Согласно воспоминаниям Барановича официального набора в войска СС — главного на тот момент «потребителя» иностранных добровольцев — из лагерей Рабочей группы СБМ не проводилось. И все-таки в феврале 1945 года немцы привезли из Дессау в Берлин 200 юношей, которых должны были подготовить для обороны столицы Германии. Военными инструкторами этой роты были унтер-офицеры войск СС и руководители СБМ, а общий надзор за ними осуществляли Менцель и Баранович. Уже после войны последний писал, что «ни один из этих юношей или руководителей СБМ не хотели оборонять Берлин. Однако другого выхода мы не имели»³⁴⁹. К сожалению, дальнейшая судьба этой группы неизвестна.

Следует сказать, что руководство БЦР также имело свои виды на СБМовскую молодежь. Например, его президент Островский связывал с ней организацию белорусской армии. Так, выступая на съезде молодежных руководителей, который проходил 16—17 ноября 1944 года в Драйсигакер, он заявил: «Возможно, в скором времени часть из вас мы призовем в белорусский легион, который будет, безусловно, под политическим руководством только и исключительно БЦР, а в операционном плане будет подчиняться немецкому главному командованию»³⁵⁰. Что из этого легиона вышло, читатель увидит в главе о белорусских добровольческих формированиях на территории Германии. Забегая же несколько вперед, можно сказать, что белорусская молодежь не очень стремилась в него попасть.

Выше уже было достаточно сказано о тех попытках, которые предпринял Гиммлер, чтобы подчинить все антикоммунистические национальные комитеты власовскому Комитету освобождения народов России. 30 марта 1945 года дошла очередь и до молодежи. В этот день в отделе Зигфрида Никкеля состоялось совещание представителей молодежных организаций на-

родов СССР и их немецких кураторов. Справедливости ради стоит сказать, что, в принципе, никакого совещания и не было. Все присутствующие просто получили машинописный документ, который оказался проектом объединения их организаций под эгидой Союза молодежи народов России (СМНР) — молодежного крыла КОНР. Обсуждению проект не подлежал. Однако этот план так и остался на бумаге: вскоре начался штурм Берлина, да и самого власовского комитета уже давно в столице Германии не было. Интересно, что в числе прочих участников этой встречи был и Михаил Ганько. Неизвестно, почему немцы решили действовать через него? К этому времени он уже вряд ли считался руководителем СБМ и не имел никакой возможности повлиять на своих бывших подчиненных³⁵¹.

СБМ не являлся обычной организацией, которые во множестве возникали на оккупированных советских территориях в годы войны. Не был он и исключительно продуктом немецкого политического руководства. Поэтому оценивать его роль и место в истории Белоруссии периода оккупации, а также степень эффективности является очень трудным делом. В целом имеются две точки зрения на историю этого союза — советская и белорусская националистическая. Причем последняя неоднородна и также довольно сильно поляризована.

Первый взгляд на этот союз не оригинален и не отличается от тех характеристик, которые давала советская пропаганда и историческая наука всем, без исключения, националистическим организациям, которые возникали на оккупированных территориях. Все они, и в том числе СБМ, квалифицируются как вражеские, так как «играли подлую роль помощников и соучастников оккупантов, грабителей и душителей белорусского народа»³⁵².

Националистический взгляд на СБМ более интересен хотя бы уже потому, что неоднороден. Оценивая место союза в истории белорусского национального движения в годы войны, лидеры националистов в целом признают его положительную роль, однако с некоторыми оговорками. Так, некоторые из них, главным об-

разом представители «третьей силы», считают, что «многие руководители этой организации быстро научились низко кланяться немцам и не слушаться советов белорусских руководителей»³⁵³.

Причины этого они видят в том, что все высшее руководство СБМ обучалось в Германии и что немаловажную роль в их подготовке играл Фабиан Акинчиц — «отец белорусского национализма» и сторонник самого тесного сотрудничества с немцами. По воспоминаниям одного из слушателей курсов в Альбертине, Ганько как-то спросил его, как тот смотрит на будущее Белоруссии, и когда услышал в ответ, что «через призму белорусской идеи», остался очень недоволен. «Вот Украина тоже хотела независимости, а в результате уже почти занята вся Красной Армией», — ответил он³⁵⁴. И такие взгляды на обустройство Белоруссии, ее внутреннего управления и армии Ганько сохранил до самого своего последнего дня на посту шефа-руководителя СБМ.

Если посмотреть на историю союза еще под одним углом зрения, то, конечно, нельзя не согласиться, что это было значительное достижение немецкой оккупационной администрации и лично генерального комиссара Кубе, в частности его политической линии. Дав разрешение на создание СБМ, немцы получили в свои руки сильное пропагандистское оружие, с помощью которого они надеялись повлиять на настроения белорусского народа и особенно его самой активной части — молодежи. Создание СБМ дало повод для начала мощной пропагандистской кампании, в которой подчеркивалось, что Гитлер теперь рассматривает белорусский народ как «позитивный элемент Новой Европы», раз оказывает такое доверие и выражает симпатию к его молодежи³⁵⁵.

Роль немцев в создании СБМ была, конечно, значительной. Однако можно впасть в другую крайность, если оценивать его как «чисто немецкую затею». В сущности, это была единственная легальная организация, которой разрешалось воздействовать на население в белорусском национальном духе. И в этом смысле такая организация не имела прецедента на территории Белоруссии, а ее значительное развитие с осени 1943 по лето 1944 года свидетельствует о том, что идея Кубе попала на хорошо подготовленную почву³⁵⁶.

НОВОГРУДСКИЙ КАВАЛЕРИЙСКИЙ ЭСКАДРОН

В начале ноября 1943 года было принято решение о создании еще одного белорусского добровольческого формирования — Новогрудского кавалерийского эскадрона³⁵⁷. Это было небольшое по численности подразделение, которое тем не менее заняло свое, уникальное место в военной истории Белоруссии периода оккупации. Во многом это зависело от причин и условий его создания, процесса организации, подготовки и боевого применения, которые заметно отличались от тех же показателей у других белорусских частей.

Инициатором создания этого нового добровольческого формирования являлись немецкие власти Новогрудского округа, а именно его комиссар Вильгельм Трауб, который очень лояльно относился к деятельности белорусских националистов. В данном случае его цель была ясна: переложить на плечи местного населения дело борьбы с советскими и польскими партизанами. В этом смысле причины создания эскадрона не отличались от тех, которые сыграли свою роль при организации других белорусских антипартизанских частей.

В октябре 1943 года Трауб вызвал к себе Бориса Рогулю, преподавателя немецкого языка и военной подготовки Новогрудской учительской семинарии, который в целом хорошо зарекомендовал себя перед новой властью³⁵⁸. На этой встрече ему было предложено сформировать и возглавить эскадрон. При этом окружной комиссар брался лично решить все формальности, связанные с разрешением генерального комиссара «Белоруссии» на создание подобного формирования. Рогуля сказал, что ему необходимо подумать и, что самое главное, ознакомить с этим предложением белорусский актив округа³⁵⁹.

На следующий день Рогуля выступил с таким докладом, однако, как это ни странно, предложение Трауба не было встречено всеобщим одобрением местных белорусских националистов. Среди главных мотивов, по которым многие из них выступили против немецкой идеи, было:

• и нежелание втягивать людей в заведомо обреченное дело (а то, что Германия проиграет войну, в тот момент сомнений не было уже ни у кого),

• и боязнь мести со стороны партизан, которые сразу бы стали преследовать семьи будущих добровольцев,

• и, наконец, просто недоверие к немцам, уже не раз проявлявшимся, как было показано выше, свою моральную нечистоплотность в деле создания белорусских частей.

Однако сторонники создания эскадрона привели такие аргументы, которые, в конце концов, переубедили противников. Главным из них было, скорее всего, то, что Трауб пообещал Рогуле полную независимость будущего формирования от полицейских и военных властей Новогрудского округа. Одновременно он сказал, что немецкие власти не будут вмешиваться во внутреннюю жизнь эскадрона, давая тем самым понять, что белорусской националистической пропаганде в нем дается «зеленая улица». После этого многим белорусским националистам уже виделась собственная вооруженная сила, на которую, как им казалось, они смогут опереться в своей будущей борьбе за независимость Белоруссии. Наконец, немаловажную роль сыграл тот факт, что и немцы, и белорусы считали, что именно белорусский эскадрон будет лучше защищать белорусское население от коммунистов и поляков³⁶⁰.

На следующий день Рогуля опять встретился с Траубом и дал свое согласие сформировать эскадрон, но только на следующих условиях:

• полная независимость эскадрона перед лицом местных немецких властей;

• полная свобода в тактике борьбы с партизанами;

• начало организации эскадрона только после получения вооружения, амуниции и обмундирования;

• личная гарантия генерального комиссара фон Готтберга, что немцы будут придерживаться этих условий.

Нельзя не отметить, что в этих требованиях отразился весь грустный опыт сотрудничества националистов и немцев в деле создания белорусских частей. Выслушав Рогулю, Трауб ответил: «Вы можете быть уверены, что все условия будут выполнены.

Я понял наши ошибки. Я понял, надеюсь, не поздно, что ваши требования были справедливыми. Жаль, что мало кто изнас (немцев) так думает...» В завершение встречи окружной комиссар пожелал Рогуле успеха и сказал, что теперь необходимо ждать вызова в Минск к генеральному комиссару.

Такой вызов последовал в начале ноября 1943 года. О действительной заинтересованности немцев в этом деле свидетельствует то, что за Рогулей был прислан самолет, на котором он и был доставлен к фон Готтбергу. На состоявшейся аудиенции между ними произошел короткий разговор, в ходе которого генеральный комиссар подтвердил Рогуле все обещания Трауба и также пожелал успеха³⁶¹.

В конце ноября 1943 года обещанное немцами вооружение, амуниция и обмундирование было доставлено из Минска в Новогрудок. После этого началось формирование эскадрона. Главным контингентом для набора в него должна была стать местная молодежь. При этом Рогуля основную ставку делал на своих воспитанников-семинаристов. Дело в том, что, еще работая там, он, с разрешения Трауба, сформировал из учащейся молодежи военную организацию. Входившие в нее юноши изучали военное дело, основы белорусской национальной идеи и немецкий язык. У них была даже своя униформа и военное приветствие. Эта молодежь и стала теперь источником кадров будущего эскадрона. При этом их главное преимущество заключалось в том, что они не только были знакомы с военным делом, но еще и являлись убежденными белорусскими националистами — ранее мы видели, что обычно было либо первое, либо второе³⁶².

Эти бывшие семинаристы должны были стать офицерами и унтер-офицерами эскадрона. Его же рядовой состав немцы решили набирать среди местной городской и сельской молодежи. Поначалу вербовщики столкнулись с такой же проблемой, как и в случае с белорусским активом (хотя в основу набора в эскадрон и был положен принцип добровольности). Ведь не секрет, что многие юноши думали: «стоит ли связываться с немцами, если войну они уже, фактически, проиграли» и «надо ли вступать в эскадрон, если через несколько месяцев здесь будут большевики». Однако неожиданно на помощь Рогуле пришли сами

немцы. Одновременно с созданием эскадрона в Новогрудке должен был состояться набор в очередной батальон «Schuma». Зная, какие в этих батальонах царят порядки, многие юноши не стояли бы долго перед выбором: лучше идти в лес к партизанам, чем служить непосредственно под немецкой командой. Поэтому эскадрон Рогули для многих явился просто спасением. Конечно, не стоит думать, что вся молодежь Новогрудка мечтала вступить в него. Среди нее было много сторонников советской власти или даже поляков, которые и так бы ушли к партизанам. Однако новый белорусский эскадрон дал многим из них шанс, как они считали, послужить своему народу³⁶³.

В принципе, это было единственное белорусское добровольческое формирование, которое в целом не испытывало трудностей с командным и рядовым составом. Но к чести Рогули следует сказать, что он, используя молодежь, не пренебрегал и более зрелыми кадрами (например, офицерами бывшей Русской императорской и Польской армии). Так, долгое время заместителем и главным помощником Рогули был капитан царской армии Федор Радько, который оказался превосходным администратором.

Еще одним отличием эскадрона от предыдущих белорусских формирований было то, что его командир капитан Рогуля был полностью независимым в своих действиях (кажется, это был единственный случай, когда немцы выполнили свое обещание). Рогуля вообще никак не должен был подчиняться местным немецким властям, а только лично генеральному комиссару фон Готтбергу. И, что самое парадоксальное, в действительности так оно и было³⁶⁴.

Уже из самого названия формирования было ясно, что оно задумывалось как кавалерийская часть. К январю 1944 года организация эскадрона, фактически, закончилась. В его составе было три взвода по, примерно, 50 человек в каждом. Однако Рогуля не хотел на этом останавливаться. В его планы входило увеличение личного состава своей части до уровня батальона. Такая попытка была предпринята им в апреле 1944 года. Тем не менее разрешение на это не дал президент БЦР Радослав Островский. Он объяснил Рогуле, что люди нужны для Белорусской краевой обороны, в которую как раз

шла мобилизация (об этих событиях речь пойдет ниже). Поэтому его часть так и оставалась эскадром до самой своей ликвидации в мае 1944 года³⁶⁵.

Не является секретом, что все предыдущие (да и последующие) белорусские добровольческие формирования имели одну общую проблему. Это — нежелание немцев снабжать их вооружением, амуницией и обмундированием. Новогрудский эскадрон и здесь является исключением из общего правила. Все это немцы предоставили Рогуле, как и обещал фон Готтберг, еще до начала организации подразделения (по той же договоренности, кони и седла для личного состава должны были быть переданы после двухмесячного обучения). Поэтому все будущие кавалеристы сразу же получили стандартную немецкую униформу, на петлицах которой, однако, был нашит белорусский бело-красно-белый флаг. Имел эскадрон и свой официальный штандарт — полотнище с вышитыми на нем «*Погоней*» и гербом Новогрудка — факт весьма примечательный, так как до этого немцы с большой неохотой разрешали ношение национальной символики даже на униформе.

Не было проблем с вооружением и амуницией. Все бойцы были вооружены штатным стрелковым оружием (обычно винтовки и карабины советского образца). В каждом взводе имелось несколько ручных и станковых советских пулеметов «Дегтярев» и «Максим». А в начале 1944 года на вооружение эскадрона поступили легкие минометы и даже противотанковая артиллерия.

Военная подготовка личного состава эскадрона началась почти одновременно с его организацией и продолжалась на всем протяжении существования этого подразделения. Весь процесс подготовки можно условно разделить на два этапа: ноябрь 1943 — февраль 1944 года и март — апрель 1944 года. На первом этапе, несмотря на то, что подразделение задумывалось как кавалерийский эскадрон, подготовка была пехотной (строевая, стрелковая и т.п.). После получения коней и необходимой амунициы началась кавалерийская подготовка. Она продолжалась, фактически, весь март и апрель 1944 года. Как и в случае с остальными сторонами жизни и деятельности эскадрона, его командир и здесь подошел к делу со всей серьезностью. В отличие от других доб-

ровольческих частей, где подготовкой их личного состава руководил иногда кто попало, кавалерийской подготовкой Новогрудского эскадрона занимался профессиональный кавалерист — лейтенант Д. (к сожалению, его фамилия и имя до сих пор неизвестны), в прошлом командир белорусской полиции в Кареличском районе Новогрудского округа. Вообще само присутствие этого офицера в эскадроне — лишнее подтверждение полной независимости его командира. Дело в том, что лейтенант Д. вступил в подразделение прямо... из Новогрудской тюрьмы, где он оказался из-за драки с немецким жандармом. В любое другое время и в любом другом месте его бы обязательно расстреляли или отправили бы в лагерь. Однако на его счастье, Рогуля мог набирать в свой эскадрон всех, кого считал необходимым по профессиональным (и не только) качествам³⁶⁶.

Значительное внимание в процессе подготовки эскадрона уделялось ее политической составляющей. Здесь следует сказать, что она была гармонично связана с военной подготовкой и дополняла ее. В отличие от всех предыдущих (да и последующих) белорусских частей, все солдаты и офицеры эскадрона были убежденными националистами. Причем немцы совершенно не препятствовали (да и не могли препятствовать) такой деятельности Рогули, так как он имел покровителя в лице самого генерального комиссара. К тому же, большинство кадрового состава эскадрона (главным образом, офицеры и унтер-офицеры) уже пришли в него убежденными националистами: сказались их обучение в Новогрудской учительской семинарии. Они же, в свою очередь, соответствующим образом действовали на рядовой состав подразделения³⁶⁷.

25 марта 1944 года, в очередную годовщину провозглашения независимости Белоруссии, Новогрудский эскадрон принял присягу на верность белорусскому народу. Это событие происходило в торжественной обстановке и при стечении большого количества жителей города. Формально, присяга означала, что личный состав закончил свою подготовку и теперь может вступать в бой. На деле же бойцы эскадрона уже давно, почти с само-

го начала его создания участвовали в стычках с советскими и польскими партизанами.

По словам неизвестного автора воспоминаний о Новогрудском эскадроне, «первые четыре месяца нового, 1944 года прошли в постоянных стычках с советскими партизанами». Обычно боевое применение эскадрона происходило следующим образом: его отдельные взводы и отделения выезжали в близлежащие деревни, где и несли дежурную службу по охране местного населения от партизанских нападений. В марте прибавилась еще одна обязанность. В этом месяце началась мобилизация в Белорусскую краевую оборону, которая в Новогрудке продолжалась до конца апреля. В данном случае задачей личного состава эскадрона было участие в проведении этой мобилизации, а именно: охрана призывных комиссий и мобилизационных пунктов, сопровождение призванного контингента и т.п. Следует подчеркнуть, что эта обязанность была не менее важной и трудной, чем охрана деревень, так как советские и польские партизаны прикладывали значительные усилия, чтобы сорвать это мероприятие (подробнее об этом будет рассказано в следующем разделе). Более того, командир эскадрона капитан Рогуля был даже назначен окружным начальником Белорусской краевой обороны. Факт, который лучше всего свидетельствует о том доверии, которое оказывали ему как высшие немецкие власти, так и руководство БЦР в Минске. Кстати, с обеспечением мобилизации связан и первый смертельный случай в эскадроне. До этого все стычки обходились без потерь. В середине марта 1944 года командование эскадрона получило известие, что партизаны мешают работе призывной комиссии в деревне Красное (Кареличский район). В спешном порядке туда были высланы два отделения под командой унтер-офицера М. (его имя, к сожалению, до сих пор неизвестно). Произошел скоротечный бой с партизанами, после которого они отступили обратно в лес. Однако в ходе этого боя командир белорусских добровольцев был смертельно ранен и умер в Новогрудской больнице через несколько дней³⁶⁸.

Обычно отделения и взводы эскадрона использовались самостоятельно или придавались более крупным частям немецкой полиции для проведения совместных акций. Первое и последнее

боевое применение всего Новогрудского эскадрона произошло практически перед самым его расформированием. Эта операция имела место с 28 апреля по 1 мая 1944 года и была, по сути, уникальной из всех, когда-либо предпринятых белорусскими добровольцами. Скорее всего, ее инициатором был капитан Рогуля, так как немцам бы никогда не пришло в голову отправить такую небольшую воинскую часть в рейд через леса вокруг Новогрудка, которые почти целиком находились под контролем партизан.

По плану командира эскадрона его рейд должен был проходить по следующему маршруту: Новогрудок — Городище — Мир — Турец — Кареличи — Нягневичи — Новогрудок. Эта акция носила, скорее, больше пропагандистский, чем военный характер. Вряд ли капитан Рогуля рассчитывал освободить весь этот район от партизан, которых здесь было в десятки, если не в сотни, раз больше, чем его бойцов. Своим рейдом он преследовал совершенно другие цели:

- показать партизанам, что в Новогрудском округе существует белорусская национальная воинская сила, а в перспективе может появиться и белорусская национальная власть;
- продемонстрировать то же самое местному населению;
- поддержать (больше морально) местные полицейские формирования и части Белорусской краевой обороны, которые, будучи отрезанными от Новогрудка, все больше и больше теряли боеспособность.

Первые двадня рейда партизаны, на удивление, не трогали эскадрон. Однако уже 29 апреля 1944 года его личному составу пришлось вступить с ними в бой. Кстати, его инициатором был Рогуля. И произошло это вот по какой причине. Еще до прибытия эскадрона, в ночь с 26 на 27 апреля, партизаны напали на городские казармы, в которых находились призванные в Белорусскую краевую оборону. Это нападение увенчалось полным успехом: вся молодежь была либо распушена по домам, либо ушла в лес. В принципе, такие события происходили тогда по всей территории генерального округа, и случай в Кареличах не был чем-то выдающимся. Но на этот раз партизаны не просто разогнали призывников. Во время ночного боя был убит один из унтер-офицеров эскадрона, который обеспечивал здесь охрану призывной

комиссии. Его смерть оказала гнетущее впечатление на весь личный состав подразделения. Поэтому капитан Рогуля и решил отомстить партизанам: напасть на их штаб в деревне Заболотье. Так, думал он, боевой дух эскадрона значительно поднимется и одновременно партизаны узнают, кто хозяин в округе.

Для совместной акции против партизан Рогуля рассчитывал привлечь конный взвод местной полиции, который, по его замыслам, должен был сыграть роль приманки и заманить коммунистов под пулеметы эскадрона. Таким образом, всего в этой акции должно было принять участие около 150 белорусских добровольцев (они еще не знали, что для боя против них партизаны выставят около 1500 человек). В целом Рогуле удалось навязать партизанам свою тактику. Бой продолжался почти весь день, но, фактически, если исходить из целей сторон, закончился вничью. Эскадрон не смог уничтожить штаб партизан. Да и в тех обстоятельствах это было явной утопией (об этом Рогуле говорил еще бургомистр Кареличей, другое дело, что у капитана хватило здравого смысла ограничиться только засадой против партизан и не губить зря людей). Коммунисты не смогли уничтожить эскадрон, за которым осталось поле боя. Если же говорить о потерях сторон, то здесь преимущество явно на стороне белорусских коллаборационистов: среди них было только 3 раненых и 4 пропавших без вести (позднее выяснилось, что они попали в плен). Потери партизан, как и у любой наступающей стороны, были гораздо внушительнее: 65 убитых и столько же раненых³⁶⁹.

До этого речь шла о противостоянии эскадрона исключительно советским партизанам. Однако у белорусских добровольцев был еще один враг, в каком-то смысле даже более непримиримый, чем коммунисты. Речь идет о польских националистах из Армии Крайовой (АК), отряды которой базировались в соседнем Лидском округе, но иногда совершали акции и против Новогрудского. В марте 1944 года один из таких отрядов перешел реку Неман и занял стеклянный завод в деревне Березовка.

Такое поведение поляков вызвало страх и возмущение среди местных жителей. Поэтому Рогуля решил действовать немедленно. Почти сразу же после получения известий о польском нападении он собрал командиров взводов эскадрона и поставил перед

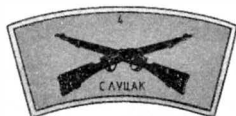

*Боец 13-го Белорусского
полицейского батальона при СД*

*Начальник Главного управления
Белорусской краевой обороны
майор Франц Кушель. 1944 г.*

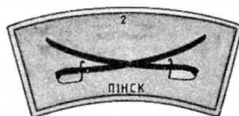
**ЗНАКИ РАЗЛИЧИЯ (НАШИВКИ)
ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К РОДУ ВОЙСК ИЛИ СЛУЖБЕ
БЕЛОРУССКОЙ КРАЕВОЙ ОБОРОНЫ (БКА)**

Пехота

Саперы

*Легкая кавалерия
(кавалерия)*

*Тяжелая кавалерия
(бронетанковые
войска)*

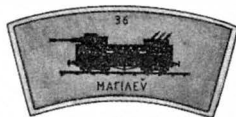
*Служба порядка
(полевая
жандармерия)*

*Противовоздушная
оборона*

Артиллерия

*Железнодорожные
войска*

Авиация

*Железнодорожная
охрана*

*Охрана специального
назначения
(противохимическая
защита)*

Войска связи

Военные чиновники

Автомобильные войска

Пограничная охрана

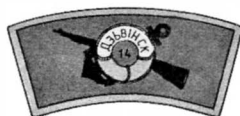
Инженерно-технические войска

Самооборона (гражданский резерв БКА)

Озерно-речная флотилия

Озерно-речная ударная группа (морская пехота)

Войска специального назначения

Воздушно-десантные войска

«Лесные стрелки» (егеря)

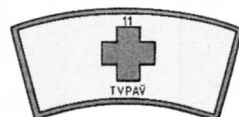
Интендантская служба

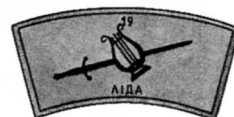
Добровольная женская служба поддержки БКА

Добровольный юношеский корпус Союза белорусской молодежи под шефством БКА: юноши в возрасте 11—13 лет (зеленая окантовка нашивки); юноши в возрасте 14—16 лет (синяя окантовка нашивки); юноши в возрасте 17 лет и старше (красная окантовка нашивки)

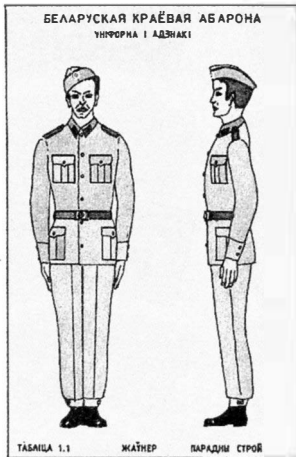
Санитарная служба

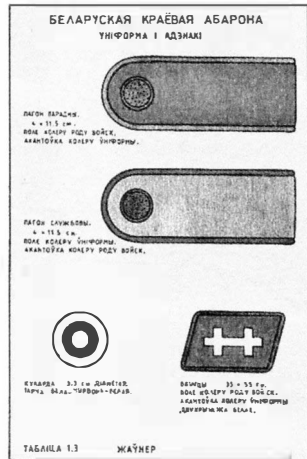
Войска пропаганды

Эти знаки различия имели размер 5 на 10 см и должны были носиться на обоих рукавах мундира сразу под погонами. Эти знаки различия были обязательны только для полевой униформы. Цветное поле обозначало род войск или службу. Эмблема характеризовала род войск или службу, или их функции. Цифра (сверху) обозначала порядковый номер батальона или подразделения, равноценного батальону, в реестре Главного штаба БКА. Название населенного пункта (снизу) обозначало место формирования или место дислокации батальона

Жаўнер (Рядовой)

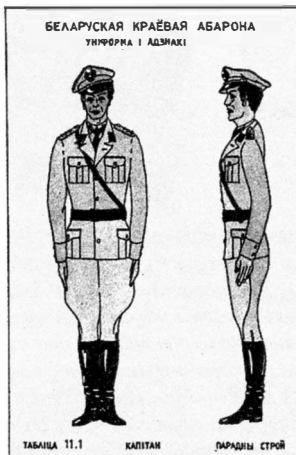

Парадная уніформа

Знакі разліччя: погон к парадной уніформе (сверху), погон к повседневной уніформе (снизу), кокарда (слева), петліца (справа)

Капітан (Капитан)

Парадная уніформа

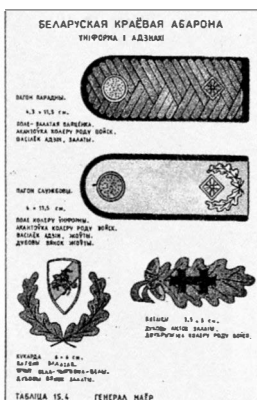

Знакі разліччя: см. предыдущий ранг

Генерал маёр (Генерал-майор)

Парадная униформа

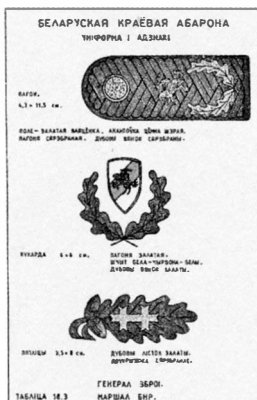

*Знаки различия:
см. предыдущий ранг*

Генерал зброі — Маршал Белорусской народной республики (Маршал рода войск)

Парадная униформа

*Знаки различия: погон для униформы
всех типов (сверху), кокарда
(посередине), петлица (снизу)*

Униформа осталась на уровне проекта, так как в условиях войны ее пошив оказался неосуществимым. Использовались только некоторые знаки различия. В списке униформа указана к каждому рангу БКА отдельно

Бойцы белорусской самообороны в караульном помещении. 1941 г.

Бойцы белорусской самообороны выезжают на охрану уборки урожая. Август 1942 г.

Майор Иван Гелда

*Генерал-майор
Константин Езовтов*

Надежда Абрамова

Радослав Островский

*Капитан
Дмитрий Космович*

*Ваффен-
оберштурмфюрер
Григорий Зыбайло*

*Генерал-майор
Михаил Витушка*

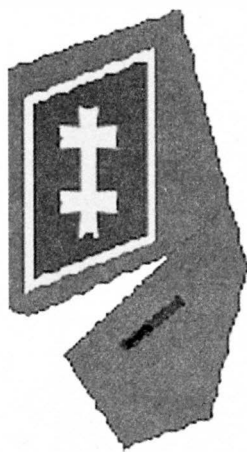
*Майор
Всеволод Радько*

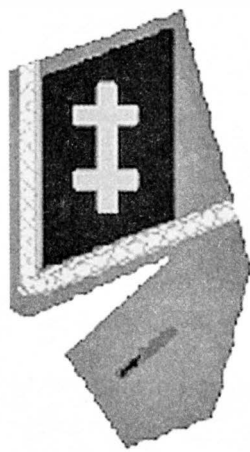
Юрий Соболевский

*Петлица рядового
Белорусской краевой
обороны нашивалась
на воротник
полицейской куртки.
1944 г.*

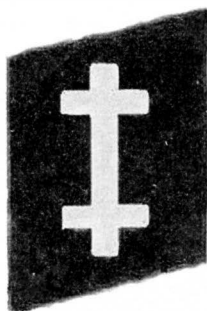
*Петлица офицера
Белорусской краевой
обороны нашивалась
на воротник
стандартного
немецкого кителя.
1944 г.*

*Петлица офицера
Гренадерской бригады
войск СС
(1-я белорусская).
1945 г.*

*Нарукавный щиток
для белорусских
добровольцев в
германских
вооруженных силах*

*Петлица для
персонала 30-й
гренадерской дивизии
войск СС (2-я
русская). 1944 г.*

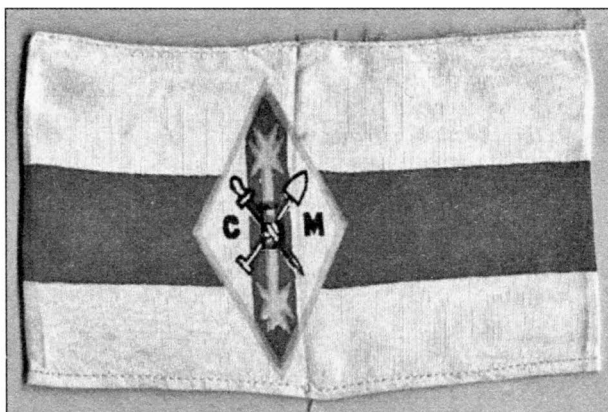

*Петлица офицера
Белорусской краевой
обороны. 1944 г.*

*Лейтенант Анатолий
Плескачевский. Аdjутант
Президента Белорусского
центрального совета (БЦР)
Радослава Островского. Минск.
Апрель, 1944 г.*

Бойцы Белорусской краевой обороны. 1944 г.

Нарукавная повязка Союза белорусской молодежи. 1943 г.

*Надпись на плакате:
«Мы все сотрудничаем! Молодежь
Гитлера принимает участие
в войне»*

*Надпись на плакате:
«Под родным флагом —
в светлое будущее!»*

Надпись на плакате:
«Молодежь, к которой и ты
принадлежишь, — это будущее
Европы!»

Плакат Слуцкого округа Союза
белорусской молодежи. 1943 г.

Члены женской организации Союза белорусской молодежи. 1943 г.

**НАЦІОНАЛЬНІ СИМВОЛИ ДЛЯ ОПАСОК
НА РУКАВИ ДЛЯ ПОМІЧНИЦЬ СС**

Ромби уживається як кокарди на шапках

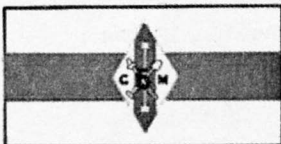
Естонія

Латвія

Литва

Білорусь

Галичина

Україна

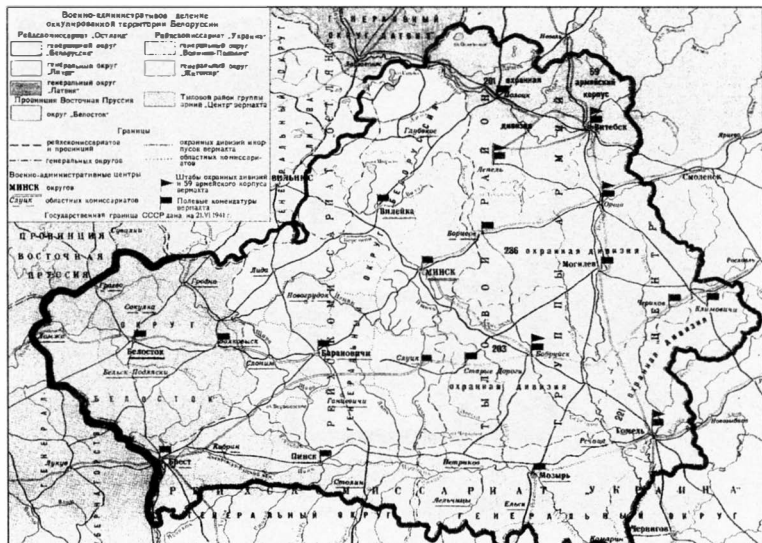
*Нарукавные повязки для «помощников СС» (женская секция).
Германия, 1944—1945*

Карта рейхскомиссариата «Остланд»

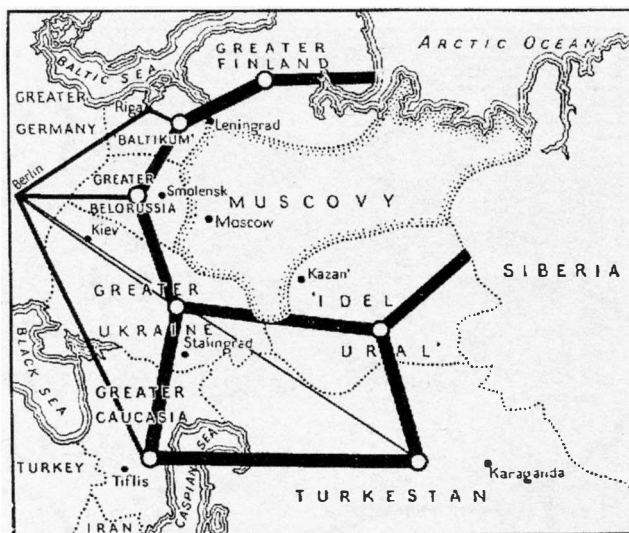
Карта генерального округа «Белоруссия»

Белоруссия под немецкой оккупацией (июнь 1941 — июнь 1944 г.)

Карта административного устройства оккупированной территории СССР (план на июль 1941 г.)

Карта послевоенного политического устройства «восточного пространства» (план А. Розенберга на июнь 1941 г.)

Надпись на плакате:
 «Год тому назад началась борьба за ваше освобождение! Ваша благодарность — это ваш труд!»

Надпись на плакате:
 «Под охраной немецкого орла»

Надпись на плакате:
 «Убийца и поджигатель Сталин закончил свою игру»

Надпись на плакате:
 «Одним путем идем мы с тобой и вместе к победе придем. С победой вернемся мы оба домой и вольно счастливо тогда заживем»

*Белорусский полицейский.
1942 г.*

*Немецкий знак отличия
«За борьбу с партизанами»*

*Белорусский
полицейский
из «службы порядка».
1941—1942 гг.*

*Капрал одного
из подразделений
индивидуальной службы.
1942 г.*

Капрал охранного батальона «Schuta». 1943 г.

ними задачу: выбить отряд АК из Березовки. Однако прежде, чем атаковать, их надо было попытаться вынудить уйти из деревни без боя. В любом случае, подчеркнул Рогуля, «разрешить полякам действовать на нашей территории является недопустимым».

На этот раз командир эскадрона не участвовал в акции, а поручил ее своему заместителю старшему лейтенанту Владимиру Сивко, в прошлом офицеру Польской армии (что было очень кстати, если предполагались переговоры с поляками). Операция против отряда АК прошла более чем успешно. Поляки получили ультиматум, и на следующий день командовавший ими майор встретился с Сивко. Результатом переговоров стало то, что польский отряд очистил деревню и ушел за Неман. Кроме того, в ходе беседы была поднята такая неприятная для командования АК тема, как убийства белорусских активистов. Польский майор попытался оправдать этот очевидный факт тем, что трудно держать в повиновении партизан. В ответ на это старший лейтенант Сивко сказал, что, если в Лидском округе подобные акции не прекратятся, личный состав эскадрона начнет ответный террор против поляков в Новогрудке. В принципе, эти угрозы возымели действие, хотя и неизвестно, решился бы Рогуля и его солдаты на это³⁷⁰.

Вся недолгая история эскадрона свидетельствует о том, что его личный состав имел высокую боеспособность и такой же боевой дух и моральное состояние. Здесь будет уместным привести такую историю. Через неделю после начала организации этой части ее с инспекционным визитом посетил генерал-майор Геллер из Минска. Он побывал в казармах эскадрона, попринадлежал на учениях личного состава и остался весьма доволен результатом. Однако генерал очень удивился, когда узнал, что с начала формирования подразделения прошла всего неделя. Выше уже говорилось, что параллельно с эскадроном формировался очередной белорусский батальон «*Schuma*». Вернее, процесс его организации и подготовки начался даже раньше. Генерал Геллер посетил и этот батальон только за день до эскадрона. Но, по его словам, уровень подготовки и дисциплины личного состава этого подразделения оставял желать лучшего. На удивление, немец-

кий генерал очень верно понял причины этого. «Там не хватает подъема, — сказал он Рогуле. — Солдаты исполняют приказы под принуждением или же из страха. Нет никакого духовного контакта между командирами — немцами и рядовыми — белорусами. Когда пытаешься выяснить, против чего он борется, ни один солдат не может этого сформулировать». Правда, и здесь немец остался верен себе. Для «лучшего ознакомления личного состава эскадрона с немецкой военной системой» он предложил ввести в его штаб немецкого офицера связи. Однако Рогуля запротестовал настолько яростно, что больше этот вопрос не поднимался. К слову, за всю историю существования этой части в ней не служил ни один немец. Это еще один признак высокого доверия к Рогуле: обычно наличие немецкого кадрового персонала было неотъемлемым атрибутом любого «восточного» добровольческого формирования³⁷¹.

Как правило, высокая боеспособность напрямую зависит от уровня дисциплины в части и морального состояния ее личного состава. Новогрудский эскадрон не являлся исключением из этого правила. Нет ни одного свидетельства, в котором бы говорилось, что его солдаты занимались грабежами, бессудными расправами или как-нибудь иначе притесняли мирное население. Как раз наоборот, по мере сил они пытались защищать его и от коммунистов, и от поляков, а иногда и от немцев. Этому было несколько причин. Во-первых, в эскадроне служили действительно идейные добровольцы, причем многие из офицеров и унтер-офицеров имели законченное среднее образование. Во-вторых, покровительство фактического диктатора тогдашней Белоруссии, ее генерального комиссара фон Готтберга давало Рогуле возможность не обращать внимания на козни немцев, чего не могли делать все предыдущие и последующие командиры белорусских добровольческих формирований. А козней этих было достаточно! То кто-нибудь из бойцов эскадрона наперекор немцам вступится за местное население во время антипартизанской акции, то местное СД попытается устроить провокацию против Рогули, чтобы обвинить его в связях с партизанами. Особенно же бесило немцев то, что он принимал в свое подразделение кого хотел, а иногда даже и тех, кого немцы пытались арестовать.

В целом эскадрон был огражден от немецкого разлагающего влияния, однако была еще и третья причина, влиявшая на боеспособность и моральное состояние любой «восточной» добровольческой части. Это — деятельность коммунистических партизан и подпольщиков. Как правило, если им не удавалось уничтожить часть в открытом бою, они пытались разложить ее всяческими способами. Мы видели и еще увидим, что было много случаев, когда такая тактика приводила к успеху: добровольцы либо расходились по домам, либо переходили (и нередко с оружием) к партизанам, либо эти части расформировали сами немцы. Однако в случае с Новоградским эскадронами эти попытки успеха не имели. За всю свою историю из него не было ни одного перебежчика. Даже когда партизаны попытались деморализовать эскадрон возможными репрессиями против членов семей добровольцев, Рогуля придумал свой ход. Он дал понять партизанам, что в качестве ответной меры будут уничтожены их семьи и родственники. И деятельность партизан в этом направлении сразу же прекратилась.

Неизвестный автор воспоминаний об эскадроне писал, что «белорусскому народу не было на кого надеяться. Оставалась одна надежда — вера в собственные силы. Это был единственный момент, который доминировал в Новоградском эскадроне. Его молодые солдаты были зеркалом народных чувств. Их деятельность свидетельствовала об этом. Где только не побывал эскадрон, везде он завоевывал сердца белорусов». Если отбросить всю националистическую риторику, то, в принципе, так оно и было. Поведением своего личного состава и отношением к мирному населению эскадрон Рогули выгодно отличался и от немцев, и от добровольческих формирований из числа других народов, да и от многих белорусских частей тоже³⁷².

Апрельская операция эскадрона против советских партизан была его последней акцией. В начале мая 1944 года, почти сразу же после возвращения в Новоградок, было принято решение расформировать это подразделение как самостоятельную единицу. Вскоре оно было переформировано и включено в местный батальон Белорусской краевой обороны³⁷³.

БЕЛОРУССКАЯ КРАЕВАЯ ОБОРОНА

22 января 1944 года на первом заседании БЦР его президент Радослав Островский заявил, что главной задачей этого нового политического органа является организация белорусских сил для борьбы с коммунистическими партизанами и вообще с большевизмом. Естественно, что такая борьба должна была быть в первую очередь вооруженной.

На тот момент в Белоруссии существовала вспомогательная полиция, в разных частях которой проходило службу около 20 тыс. человек. Однако ее только с большой натяжкой можно было назвать «белорусскими вооруженными силами», так как она целиком находилась в распоряжении немецких полицейских властей. Кроме того, было еще несколько батальонов белорусской самообороны, которые находились в стадии расформирования. Поэтому, после ряда совещаний, БЦР постановил создать вооруженные силы, которые, хотя бы и подчинялись немцам, однако имели бы «ярко выраженный белорусский национальный характер». Новые белорусские формирования должны были создаваться одновременно и по принципу самообороны и современных вооруженных сил. В конце концов, это и обусловило их название — Белорусская краевая оборона (*Беларуская краёвая абарона; БКА*)³⁷⁴.

Следует сказать, что генеральный комиссар «Белоруссии» СС-группенфюрер фон Готтберг сразу согласился на создание БКА. По его мнению, новые белорусские формирования должны были сменить немецкие охранные части и вместо них вести борьбу с партизанами. Если же организация БКА пошла бы удачно, то ее наиболее подготовленные части можно было бы использовать и на фронте против Красной Армии.

В начале февраля 1944 года началась разработка планов по организации БКА. Поскольку ни немцы, ни тем более белорусы не имели опыта проведения подобных мероприятий, то сразу же возникла дискуссия следующего плана: организовывать БКА по принципу добровольности или путем мобилизации. В конце концов, было принято решение, что это формирование будет организовано путем проведения призывной компании³⁷⁵.

Мобилизация в БКА должна была затронуть все слои белорусского населения, поэтому было важно узнать, как оно относится к самой идее проведения такой акции. С этой целью в начале февраля 1944 года Островский в сопровождении некоторых членов БЦР и представителя фон Готтберга СС-гауптштурмфюрера Эмиля Куммера посетил Слуцк, Барановичи и Слоним. Изучение общественного мнения на местах проходило по следующей схеме. Сначала Островский встречался с немецкими и белорусскими начальниками округа, спрашивал их мнение о возможности проведения мобилизации и то, как к этому отнесется население. За редким исключением, все чиновники заверяли его, что такая акция вполне возможна и что население охотно пойдет на призыв президента БЦР в «белорусское войско». На следующий день проводились встречи с местным населением. Обычно на них приглашались все желающие. По целому ряду свидетельств, простой народ также приветствовал набор в БКА. После посещения Слонимского округа Островский вернулся в Минск в полной уверенности, что «мобилизация, безусловно, удастся»³⁷⁶.

Чтобы провести в тех условиях мобилизацию на должном уровне, было необходимо:

1. Организовать Штаб БКА, который бы подготовил план мобилизации.
2. Создать военно-административные органы по всей территории генерального округа «Белоруссия», которые бы смогли ее осуществить.

Что касается прав и обязанностей немецкой и белорусской сторон в деле организации и использования БКА, то уже в самом начале между БЦР и соответствующими немецкими органами начались разногласия. Немцы считали, что обязанностью БЦР является только провести мобилизацию, а руководство БКА должно принадлежать им. С этим не соглашался Островский, который считал, что БЦР также должен принимать участие в руководстве посредством специально созданного для этого штаба. В конце концов, после долгих споров обе стороны пришли к компромиссу: при БЦР создается специальный отдел БКА, который подготовит мобилизацию, проведет ее и будет сотрудничать со

штабом главного фюрера СС и полиции «Россия-Центр» по вопросам пропаганды, материального обеспечения, медицинского обслуживания и военной подготовки. При этом решение всех вопросов оперативного характера возлагалось исключительно на немецкий штаб. Кроме того, была достигнута договоренность, что он принимает на себя обязанность вооружить БКА, а БЦР будет заниматься вопросами ее обмундирования³⁷⁷.

Приблизительно во второй половине февраля 1944 года все вопросы, касающиеся БКА, были обговорены. Можно было приступать к разработке плана мобилизации и ее проведению. В первую очередь был создан штаб или (как этот орган называли немцы) отдел БКА. Его начальником Островский, по согласованию с фон Готтбергом, предложил стать Главному опекуну белорусской полиции майору Францу Кушелю. Сразу же после своего назначения он начал готовить план мобилизации, который был составлен на основе обработки проектов, поступавших в штаб БКА с января 1944 года³⁷⁸.

Другим важным делом было создание военно-административной сети для проведения мобилизации в БКА. По замыслу Кушеля, на местах ее должны были проводить специальные уполномоченные штаба — окружные начальники БКА:

- в Минском округе — капитан Михаил Пугачев;
- в Слуцком округе — младший лейтенант Степан Шнек;
- в Барановичском округе — лейтенант Владимир Русак;
- в Слонимском округе — Иосиф Дакиневич;
- в Новогрудском округе — капитан Борис Рогуля;
- в Вилейском округе — Бабич, затем майор Михаил Якуцевич;
- в Глубокском округе — лейтенант Григорий Зыбайло.

Из них первые двое были кадровыми офицерами Красной Армии, а остальные — младшими офицерами или унтер-офицерами Польской армии. Практически все окружные начальники БКА были, по словам Франца Кушеля, «людьми молодыми, в военном отношении слабо подготовленными и без жизненного опыта». Однако их главным достоинством было то, что все они были «преданы белорусскому национальному делу»³⁷⁹. В подчинении у каждого окружного начальника находились районные начальники БКА.

По всем вопросам, касающимся мобилизации, окружные офицеры должны были сотрудничать с окружными представителями БЦР, на которых лежала главная ответственность по ее проведению. Согласно инструкции штаба БКА, эти представители, совместно с окружными и районными начальниками БКА, должны были на местах выбрать командиров ее будущих подразделений³⁸⁰.

23 февраля 1944 года, в день Красной Армии, состоялось совместное заседание руководства БЦР, штаба главного фюрера СС и полиции «Россия-Центр», а также местных представителей БКА и немецкой полиции. На этом заседании адъютант начальника штаба фон Готтберга зачитал приказ о создании БКА. После этого возникла небольшая дискуссия о технике проведения мобилизации и была установлена ее окончательная дата — 10 марта 1944 года³⁸¹.

В целом, если брать всю территорию Белоруссии, штаб БКА мог рассчитывать на 91 758 человек, пригодных к воинской службе, из них: 1632 офицера, 7397 офицеров и 82 729 рядовых. Однако, согласно приказу фюрера СС и полиции, мобилизация в БКА должна была проводиться только на территории генерального округа «Белоруссия», за исключением Лидского округа и округа фюрера СС и полиции «Припять». В созданных немцами так называемых «оборонных деревнях» также было запрещено проводить мобилизацию³⁸². Кроме того, специальным приказом БЦР от призыва было освобождено также население части окраинных районов. Формально, это было сделано с целью «защитить его от мести коммунистических партизан». На самом же деле, эти районы уже давно входили в так называемые «партизанские края» и «зоны», и провести там мобилизацию просто не представлялось возможным. Например, по Слуцкому округу таких районов было 16 из 92, что представляло собой 17,4% от общей территории и 6,5% от общей численности населения округа. В этом же приказе БЦР было сказано, что призыву не подлежали руководители округов и районов, некоторые врачи и агрономы, инженерно-технические кадры железнодорожников, работ-

ники предприятий военной промышленности и учителя средних школ³⁸³.

Обязательному призыву в БКА подлежали все бывшие офицеры и унтер-офицеры Красной и Польской армий в возрасте, соответственно, до 57 и 55 лет. При этом в приказе обговаривалось, что они могут быть освобождены от мобилизации, «если находятся на руководящих должностях или работают специалистами в немецких учреждениях», а также подпадают под вышеуказанные категории³⁸⁴.

Выше уже было достаточно сказано о той борьбе против «польского засилья» в полиции, которую вели белорусские националисты. Подобная ситуация имела место и в случае с призывом в БКА: поляки не подлежали призыву в ее формирования. Так, 15 марта 1944 года майор Кушель издал приказ №15, согласно которому следовало «убрать из батальонов (БКА) всех офицеров и унтер-офицеров поляков, передав их в распоряжение Биржи труда. То же самое сделать и с поляками — рядовыми, если, по мнению командиров рот, их присутствие в рядах БКА является нежелательным»³⁸⁵. Впоследствии в некоторых частях БКА этот приказ был выполнен буквально, в результате чего из их рядов были демобилизованы все солдаты польской национальности. В других — мобилизованные поляки (даже офицеры и унтер-офицеры, как, например, в Клецком батальоне) продолжали и дальше находиться в строю. В дальнейшем антипольские меры были еще больше ужесточены. Так, поляков категорически запрещалось набирать на 4-недельный офицерский курс БКА, который проходил в Минске. А согласно приказу Кушеля № 22 от 30 мая 1944 года, личному составу белорусских частей категорически запрещалось петь небелорусские песни, в том числе — польские³⁸⁶.

Призыв рядового состава начинался через три дня после окончания мобилизации и инструктажа офицеров и унтер-офицеров и должен был охватить следующие возраста: с 1908 по 1917 и с 1921 по 1924 годы рождения. Возраста с 1925 по 1927 годы рождения подлежали призыву во вспомогательные службы СБМ (о них смотри выше)³⁸⁷.

Призыв в БКА продолжался с 10 марта по 15 апреля 1944 года. Согласно первым приказам штаба Кушеля, в каждом районе пла-

нировалось организовать по одному батальону, личный состав которых должен был насчитывать 600 человек. Со временем, если ситуация на фронте изменилась бы в пользу немцев, должны были быть проведены новые призывы, в результате которых были бы организованы полноценные Белорусские вооруженные силы. Они состояли бы из следующих родов и видов войск:

- пехота;
- саперы;
- легкая кавалерия;
- «бронированная кавалерия» (бронетанковые войска);
- служба порядка (полевая жандармерия);
- противовоздушная оборона;
- артиллерия;
- бронированные поезда;
- авиация;
- железнодорожная охрана;
- противохимическая защита;
- войска связи;
- транспортные войска;
- пограничная охрана;
- инженерно-техническая служба;
- самооборона (гражданский резерв БКА);
- озерно-речная флотилия;
- «озерно-речная ударная группа» (морская пехота);
- группа специального назначения;
- парашютно-десантная команда;
- «лесные стрелки» (егеря);
- санитарная служба.

Согласно донесениям окружных представителей БЦР и окружных начальников БКА, динамика мобилизации выглядела следующим образом: к 15 марта 1944 года на призывные пункты явилось 19 тыс. человек, к середине марта — 22 тыс., к концу марта — 25 тыс., а к окончанию призыва их было уже около 40 тыс. человек. Однако призыв такого количества здоровых мужчин мог сорвать работу промышленных предприятий и других, не менее важных, отраслей хозяйства. Поэтому немецкие окружные комиссары, под разными предлогами, отсеяли около

50% мобилизованных. В результате, в семи округах генерального округа «Белоруссия» было сформировано следующее количество батальонов:

- Минский округ — 6 батальонов (2358 человек);
- Слуцкий округ — 5 батальонов (3982 человека);
- Новогрудский округ — 4 батальона (2047 человек);
- Барановичский округ — 8 батальонов (6495 человек);
- Глубокский округ — 4 батальона (2910 человек);
- Вилейский округ — 4 батальона (2414 человек);
- Слонимский округ — 3 батальона (1423 человека).

Всего, таким образом, к 20-м числам апреля 1944 года было сформировано 34 пехотных батальона, личный состав которых насчитывал 21 629 офицеров, унтер-офицеров и рядовых³⁸⁸.

Следует сказать, что, помимо мобилизации, в БКА были также переведены несколько подразделений белорусской полиции (хотя, согласно первому приказу, полицейские и не подлежали призыву), в результате чего было сформировано еще 5 пехотных батальонов. Поэтому к концу мая 1944 года в составе БКА насчитывалось уже 39 пехотных батальонов³⁸⁹.

В ходе мобилизации выяснилось, что в каждом округе немцы отбирали часть людей, признанных годными к военной службе, и передавали их в распоряжение военно-строительной организации Тодта. По этому поводу президент БЦР подал протест в генеральный комиссариат. Свои действия немцы объяснили тем, что им была необходима рабочая сила для ремонта дорог в Белоруссии. Чтобы найти компромисс и не нарушать первоначальных условий по созданию БКА, было принято решение об организации из этих людей 12 саперных батальонов. После своего создания эти батальоны должны были полтора месяца находиться в распоряжении командующего войсками вермахта в Белоруссии, а потом войти в состав БКА. При этом саперные батальоны должны были быть обмундированы и вооружены вермахтом. Однако к началу мая 1944 года удалось сформировать только 6 таких подразделений, которые были расквартированы в следующих населенных пунктах:

- один батальон — в Борисове;
- два батальона — в Могилеве;

- два батальона — в Слуцке;
- один батальон — в Барановичах³⁹⁰.

Кроме пехотных и саперных частей в состав БКА вошло и одно кавалерийское подразделение. Его основой стал уже упоминавшийся Новогрудский эскадрон. В начале мая 1944 года он был переформирован и включен в состав одноименного батальона БКА. Лучшие унтер-офицеры и рядовые эскадрона были использованы в качестве командного состава для трех новых пехотных рот, а его командир капитан Борис Рогуля принял команду над батальоном³⁹¹.

Таким образом, к маю 1944 года в составе БКА было сформировано 39 пехотных и 6 саперных батальонов. На тот момент ее личный состав насчитывал около 30 тыс. человек, причем только 10 тыс. из них имели опыт участия в боевых действиях в условиях современной войны. Остальные же, по сути, были новобранцами³⁹².

Руководящим органом БКА с белорусской стороны был ее штаб. Однако немцы не соглашались на такое название, и поэтому в официальных документах БЦР его было принято называть либо отдел, либо Главное управление БКА. На июнь 1944 года структура штаба БКА была следующей:

- начальник штаба — майор Франц Кушель;
- заместитель начальника штаба — капитан Виталий Микула;
- организационный отдел — руководитель Семен Романчук;
- отдел пропаганды — руководитель Владимир Гутько;
- санитарный отдел — руководитель Прожога, позднее Глеб

Богданович;

- хозяйственный отдел — руководитель Плескачевский, позднее Ян Скуратович;

- общая канцелярия — руководитель Алексей Василеня³⁹³.

Как уже говорилось выше, главной задачей начальника штаба БКА было подготовить и провести ее мобилизацию. Когда мобилизация была окончена, президент БЦР своим декретом назначил Кушеля командующим БКА. По всем вопросам, касающимся БКА, начальник штаба главного фюрера СС и полиции «Рос-

сия-Центр» СС-оберштурмбаннфюрер Кляйнц связывался непосредственно с Кушелем. Обычно эти контакты осуществлялись через заместителя последнего капитана Микулу. Чтобы упростить эту процедуру, СС-группенфюрер фон Готтберг создал во второй половине июня 1944 года немецкий штаб связи, в составе одного майора, двух капитанов и четырех унтер-офицеров. Этот новый орган должен был располагаться в помещении штаба БКА. В его задачи входило не только поддерживать связь между белорусским штабом и штабом фон Готтберга, но и «вникать во все нужды БКА и облегчать работу белорусского штаба по вопросам ее материального обеспечения»³⁹⁴.

Главной проблемой БКА, как, впрочем, и других белорусских формирований, была нехватка командных кадров. Еще перед началом мобилизации Кушель обратил на это внимание президента БЦР Радослава Островского, заявив ему, что «белорусский офицерский корпус очень слаб, а кадровых офицеров и вовсе нет». В результате к февралю-марту 1944 года будущий офицерский корпус БКА должен был состоять из:

- офицеров белорусской полиции и самообороны, которые к этому времени успели пройти подготовку на всевозможных курсах в Минске или в округах;
- бывших офицеров Русской императорской армии;
- бывших офицеров Польской армии;
- бывших офицеров Красной Армии.

По словам Кушеля, «имелись еще и подпрапорщики запаса царской армии, однако это были люди преклонного возраста, с военной точки зрения малопригодные и в большинстве своем чуждые белорусскому делу»³⁹⁵.

В связи с тем что белорусские офицерские и унтер-офицерские кадры были очень слабы, БЦР принял решение, а немцы целиком с ним согласились провести переподготовку имевшихся офицеров и унтер-офицеров. С этой целью в Минске были открыты месячные курсы, рассчитанные на 50 офицеров и 150 унтер-офицеров. Курсы должны были проводиться один за другим, пока все офицеры и унтер-офицеры не пройдут переподготовку. После этих курсов планировалось открытие офицерской школы с шестимесячным периодом обучения для новых кандидатов

в офицеры. Поэтому в плане мобилизации БКА было предусмотрено прислать из каждого округа на курсы в Минск специально для этого отобранных офицеров и унтер-офицеров³⁹⁶.

С немецкой стороны начальником курсов переподготовки был назначен СС-гауптштурмфюрер Шнайдер, который отвечал только перед фон Готтбергом. С белорусской же стороны начальником был назначен капитан Виктор Чеботаревич — бывший офицер-пропагандист 13-го Белорусского полицейского батальона при СД.

Первые курсы начались в середине марта 1944 года. Причем слушателей на них прибыло даже больше, чем рассчитывали, — 50 офицеров и 200 унтер-офицеров. В первой половине апреля 1944 года, после окончания этих курсов, все они сдали экзамен в присутствии фон Готтберга. После этого в конце апреля 1944 года были открыты вторые курсы³⁹⁷.

Однако, помимо переподготовки офицеров и унтер-офицеров, главной задачей Минских курсов было, по мнению руководства БКА, привлечение на них молодежи, которая еще не служила в армии. Получив согласие фон Готтберга, БЦР провел соответствующие пропагандистские мероприятия и, одновременно с третьими курсами переподготовки, в Минске во второй половине июня 1944 года была открыта офицерская школа, в которую было принято 250 кандидатов. В большинстве своем это были молодые люди с окончанным средним образованием и почти все члены СБМ. Как вспоминал один из слушателей школы, «это был в большинстве своем крестьянский элемент. Почти никто из них до этого не держал в руках оружие... Однако эта молодежь хорошо знала, где источники несчастий народа, и решила своими силами их ликвидировать. К занятиям в школе, пусть самым первым и элементарным, слушатели относились очень серьезно»³⁹⁸.

Обучение должно было продолжаться шесть месяцев, после чего все слушатели получили бы первое офицерское звание. Этого, однако, не произошло, так как уже 29 июня 1944 года офицерская школа была эвакуирована из Минска в Вильнюс (Литва), чтобы не попасть под удар наступающей Красной Армии. Со временем все будущие офицеры были присоединены к так

называемой бригаде вспомогательной полиции «Зиглинг», речь о которой пойдет ниже³⁹⁹.

Всего же с марта по июнь 1944 года на курсах в Минске было переподготовлено около 150 офицеров и около 600 унтер-офицеров. По словам Кушеля, с военной и политической точки зрения, это были очень хорошие офицеры и унтер-офицеры, полностью преданные идее создания национальных Белорусских вооруженных сил. Единственным недостатком было то, что их было явно мало для создания таких вооруженных сил. Поэтому некоторые окружные начальники БКА пытались решить проблему нехватки командных кадров по-своему. Например, в Слуцком округе офицерские и унтер-офицерские звания присваивали наиболее отличившимся, соответственно, унтер-офицерам и рядовым. К апрелю 1944 года здесь уже было 45 человек таких выдвиженцев. Однако, как признавал местный окружной начальник БКА Степан Шнек, «в большинстве своем такие самородки были преданные народному делу, храбрые и самоотверженные, но слабые как командиры для организованной и дисциплинированной регулярной армии». Проблему подготовки кадров могла решить только окружная школа для унтер-офицеров, для создания которой тем не менее уже не было времени.

По свидетельствам и Кушеля, и Шнека, и ряда других лиц, отсутствие необходимого количества командных кадров для строевых частей было не единственной проблемой такого характера. Так, БКА испытывала крайнюю нехватку офицеров и унтер-офицеров специальных армейских служб: саперов, связистов и разведчиков. Этим специалистам почти не было ни в одном батальоне. Что же касается интендантских и медицинских кадров, а также кадров военных чиновников, то их было достаточно. Еще одним слабым местом БКА было отсутствие необходимого количества военных юристов и офицеров-пропагандистов⁴⁰⁰.

Выше уже говорилось, что президент БЦР Радослав Островский принял на себя обязательство обеспечить БКА обмундированием. По его замыслу, ее части должны были создаваться как так называемые «белые банды», чтобы бороться с партиза-

нами их же методами. Естественно, что одеты члены этих банд должны были как партизаны, то есть в гражданскую одежду. В результате в чем люди пришли на призывные пункты, в том они и остались, а БЦР не имел возможности дать им униформу. Только в мае-июне 1944 года некоторые батальоны БКА, в основном в Минске, получили униформу немецкой полиции, а саперные батальоны — униформу саперов вермахта.

5 апреля 1944 года БЦР принял постановление о введении офицерских рангов БКА. 12 апреля 1944 года было принято такое же постановление относительно унтер-офицерских званий. Вскоре, согласно этим документам, начала разрабатываться униформа и знаки различия БКА. В конце концов, для каждого из ее 18 рангов были разработаны варианты парадной, выходной, служебной и полевой униформы. Однако все эти проекты так и остались на бумаге.

Единственным, что отличало белорусские формирования от других, одетых в такую же немецкую униформу, «восточных» частей, были знаки различия и символика. Так, у белорусов это были:

- бело-красно-белый флаг, использование которого было официально разрешено генеральным комиссаром «Белоруссии» 27 июля 1942 года;
- герб «*Погоня*» (белый рыцарь на белом коне и на красном фоне) — национальный символ Белоруссии, происхождение которого относится еще к средним векам;
- так называемый «*Ярыловский*» (двойной) крест.

Все эти символы использовались в различных модификациях в качестве кокард, нарукавных щитков, петлиц и нашивок на униформе⁴⁰¹.

Вооружение и снаряжение для БКА пообещали дать немецкие власти. Первоначально планировалось выделить по 100 итальянских винтовок на каждый батальон. Таким образом одна винтовка должна была приходиться на 5—6 человек. К тому же, эти винтовки были такого плохого качества, что руководство БКА приняло их сначала за учебные. Однако, видя, что фактически безоружные батальоны БКА не могут противостоять партизанам, немцы довооружили их в конце апреля 1944 года. При этом новое

вооружение было самых разных систем. Например, наряду с немецкими были французские, голландские, советские, польские и другие винтовки. Тяжелые пулеметы были в основном польские. Фактически же до самого наступления Красной Армии (июнь 1944 года) БКА так и не была вооружена целиком⁴⁰².

Что же касается снаряжения и амуниции, то ситуация с ними сложилась и вовсе катастрофическая. Большая часть личного состава БКА не имела саперных лопаток, топоров, кирок, пил и других инженерно-технических принадлежностей. У офицеров не было таких необходимых в бою предметов амуниции, как карты, компасы, свистки, полевые сумки, а рядовые весь свой нехитрый скарб носили в домашних мешках вместо положенных по уставу ранцев⁴⁰³.

За организацией батальонов БКА последовала подготовка их личного состава. Согласно плану она должна была состоять из боевой, тактико-полевой, стрелковой и физической подготовки. Однако и здесь не обошлось без трудностей. Почти полностью отсутствовала материально-техническая и, что наиболее важно, теоретическая часть для всех видов подготовки. Солдатам БКА приходилось учиться по уставам и учебникам, которые были не самого лучшего качества. Главным образом, это были сокращенные варианты немецких и советских уставов, как, например, «Строевой устав» и «Устав для полицейской караульной службы». Иногда же это был вообще вольный пересказ некоторых учебников (например, «учебник» по топографии в обработке капитана Виталия Микулы). В целом, как, не без грусти, вспоминал Степан Шнек, «самыми надежными учебниками стали знания и опыт офицеров и унтер-офицеров».

Боевая подготовка в подразделениях начиналась на второй или третий день после мобилизации. Прежде всего солдаты должны были овладеть оружием. Тактико-полевая подготовка начиналась во всех батальонах на шестой день после призыва — 16 марта 1944 года. Согласно учебному плану и программе, через две-три недели все части БКА должны были стать пригодными для боевого применения.

Многие офицеры БКА не имели еще достаточного опыта ведения войны в современных условиях, у некоторых он был вообще устаревшим, и они больше ничему не учились со времен Первой мировой войны. Однако были и такие, которые подошли к процессу подготовки с необоснованным в таких условиях формализмом. Они очень много времени уделяли банальной шагистике и изучению оружия, тогда как стрелковая и тактико-полевая подготовка оставались у них почти без внимания. Их солдаты почти не выходили за пределы казарм или плаца, не изучали ведение боя в лесу, населенных пунктах, ночью, в тумане, в общем в тех условиях, в которых батальоны БКА и должны были, в принципе, применяться.

Принято считать, что маневры — это обязательный финал боевой подготовки любой армии. Тем не менее известно, что в случае с БКА в них принимали участие только подразделения ее Вилейского округа. В ходе этих маневров, которые проводились в начале июня 1944 года, БКА совместно с полицией и частями польской Армии Крайовой (АК) отрабатывала захват вражеских позиций. После маневров состоялось их обсуждение немецкой и белорусской сторонами. В целом все остались довольны выучкой личного состава БКА. Однако ее окружной начальник майор Михаил Якуцевич сказал, что, хоть на маневрах и были некоторые положительные показатели, для ведения современной войны нужно все-таки современное оружие, главным образом авиация и танковые войска⁴⁰⁴.

Вилейский округ был единственным, где были проведены показательные маневры БКА. В других этого не смогли сделать из-за нехватки времени или по иным причинам.

25 марта 1944 года, в день очередной годовщины провозглашения независимости Белоруссии, все подразделения БКА во всех округах приняли присягу на верность народу и родине. Это событие, в принципе, означало окончание периода организации и подготовки ее основного состава.

О том, как использовать формирования БКА, у СС-группенфюрера фон Готтберга имелось две точки зрения. Так, еще 1 марта 1944 года на конференции в Министерстве по делам оккупиро-

ванных восточных областей он представил проект создания 20-тысячной оперативной группы по борьбе с партизанами. В ее состав, помимо немецких частей, должны были войти:

- казачьи части;
- кавказские формирования;
- «Бригада Каминского»;
- пехотные батальоны БКА⁴⁰⁵.

Однако обстановка на Восточном фронте и в еготыловых районах не позволяла за короткий срок создать такую группу. Поэтому фон Готтберг решил использовать батальоны БКА согласно своему второму варианту: они должны были участвовать в боях против партизан либо отдельно, либо в составе более крупных немецких частей. Такая возможность представилась во второй половине мая 1944 года, когда последние, из уже организованных батальонов БКА, заканчивали свою подготовку.

Первым участие в боевых действиях принял 15-й Городищенский батальон под командованием лейтенанта Всеволода Радько. Этот батальон был присоединен к оперативной группе фон Готтберга, которая должна была очистить от советских партизан районы Лепеля и Борисова (операция «Праздник весны»). В ходе операции, продолжавшейся с 16 апреля по 10 мая 1944 года, личный состав батальона проявил высокую боеспособность, а противостоявшие ему партизанские отряды понесли большие потери. После операции командир батальона лейтенант Всеволод Радько был награжден Железным Крестом, а командиры рот, многие унтер-офицеры и рядовые получили специальную награду — «Медаль для восточных народов»⁴⁰⁶.

В первой половине июня 1944 года немцы решили использовать еще один батальон — 34-й, который дислоцировался в Столбцах. Однако, вследствие того, что они не уведомили штаб БКА о своих намерениях, многие солдаты батальона разбежались прямо перед своей посадкой на поезд. Чтобы не допустить окончательного развала батальона, начальник штаба БКА Кушель послал в Столбцы своего заместителя капитана Микулу, который смог уговорить белорусских солдат отправиться на операцию⁴⁰⁷.

В крупных боевых операциях против партизан немцы старались использовать только наиболее подготовленные и хорошо во-

оруженные батальоны. Те же части, которые были хуже подготовлены, использовались по типу местной самообороны. Их задача заключалась в следующем: они патрулировали район своего базирования и отгоняли обратно в леса небольшие группы партизан, давая тем самым, местным крестьянам спокойно обрабатывать землю. Таким образом, например, применялись части БКА Вилейского и Слуцкого округов. Здесь борьба с партизанами началась сразу же после организации батальонов, захватив, по сути, весь период их подготовки. Фактически, личный состав этих батальонов учился в бою.

Части же, подготовка и вооружение которых не дотягивали даже до среднего уровня, использовались в основном на охране гражданских учреждений и складов, на погрузке и отправке в Германию различного имущества и на других хозяйственных работах⁴⁰⁸.

Воспоминания лидеров белорусских националистов буквально пестрят фактами того, что «дисциплина в частях БКА была очень сильной, несмотря на все проблемы материального и морального характера», а также о том, что коммунистические партизаны массами переходили к ним. Например, окружной начальник БКА в Слуцке Степан Шнек упоминает такой случай: за день до объявления мобилизации «из банд убежало 620 молодых случаев, которые хотели присоединиться к БКА. Естественно, что все они были сразу же зачислены в ее ряды»⁴⁰⁹. Однако факты свидетельствуют, скорее, об обратном.

В целом можно сказать, что части БКА не были использованы в полную силу, а опыт их боевого применения оказался минимальным. Этому есть несколько причин, первой из которых является фактор времени. Естественно, что за четыре неполных месяца было невозможно развернуть и подготовить полноценные вооруженные силы.

Второй причиной является негативная роль немецкого военно-политического руководства в Белоруссии. Следует сказать, что, несмотря на то, что немцы сами вызвали к жизни идею БКА, они же и тормозили ее реализацию. Уже одно то, что мобилиза-

ция была принудительной, а неявившимся на призывные пункты грозила смертная казнь, не могло вызвать энтузиазма у белорусов⁴¹⁰.

Тем не менее население многих районов республики охотно откликнулось на призыв. Как пишет современный белорусский историк Тина Клыковская, «не желая вновь оказаться под большевистским ярмом, часть крестьян была готова пойти под национальные лозунги и даже в определенной степени поспособствовать терпящим поражение немцам»⁴¹¹.

Этот энтузиазм населения зачастую был действительно неподдельным. Например, окружной комиссар Новогрудка сообщал фон Готтбергу, что в его округе население приходило на призывные пункты даже из контролируемых коммунистическими партизанами районов. В Слуцком округе на эти пункты явилось 7740 человек, что было почти в два раза больше необходимого количества призывников. Тех же, кто должен был явиться, но не явился, было всего 110 человек, или 1,4% от общего количества подлежащих мобилизации. В Вилейском округе было мобилизовано 15 тыс. человек, однако немцы согласились дать оружие только на 3000. Остальных же распустили по домам, до, как полагали белорусские власти, нового призыва⁴¹².

Многие из этих добровольцев действительно думали, что будут сражаться в национальных Белорусских вооруженных силах и под белорусским командованием. Видя это, руководство БЦР издало приказ о том, что «батальоны, которые имеют достаточное количество оружия и боеприпасов, должны активно выступать против партизан»⁴¹³. В этом приказе также подразумевалось, что, прежде чем использовать какую-нибудь часть БКА, немцы обратятся в ее штаб или к окружному начальнику БКА. Однако они зачастую использовали батальоны БКА по своему усмотрению полностью игнорируя БЦР и белорусский штаб. В результате это приводило и к инцидентам, один из которых имел место в 34-м батальоне.

Другим характерным примером такого немецкого поведения является ситуация с саперными батальонами. Если пехотные батальоны и находились в формальном подчинении у штаба БКА, то саперы даже не подчинялись главному фюреру СС и полиции.

Как было сказано выше, они находились в распоряжении вермахта. Франц Кушель писал: «...Если в пехотные батальоны люди шли весьма охотно, желая непосредственно бороться с большевистскими партизанами, то саперные батальоны не давали им такой возможности»⁴¹⁴. Поэтому в некоторых местах люди, призванные в саперные части, попросту дезертировали. Так, например, произошло в Несвиже и Клецке.

Имея такой негативный опыт, немецкое военно-политическое руководство в Белоруссии должно было сделать вывод, что лучше всего белорусы сражаются против большевиков под знаменами белорусской национальной идеи. Однако оно такой вывод не сделало, что в результате пагубно отразилось на дальнейших попытках создания белорусских формирований.

Наконец, еще одним препятствием со стороны немецкого руководства было его упорное нежелание снабдить БКА достаточным количеством современного вооружения. Этому есть, на наш взгляд, два объяснения. Во-первых, по свидетельству целого ряда документов, фон Готтберг не планировал набор более 10 тыс. человек, и поэтому такое большое количество белорусских добровольцев явилось для него полной неожиданностью. Для такой массы людей попросту не было ни вооружения, ни обмундирования, а передавать их в БКА вместо частей вермахта или войск СС было, мягко говоря, неблагоразумным. С другой стороны, игнорировать такой порыв населения также было нельзя. Поэтому фон Готтберг обратился в Берлин с просьбой прислать как можно скорее хотя бы 20 тыс. винтовок. Там ему ответили, что его просьба может быть выполнена только к концу мая. Как вскоре выяснилось, это решение было крайне запоздалым. Во-вторых, немецкое командование всегда опасалось снабжать современным оружием «восточные» формирования. Оно, и не без основания, считало, что, если дела на фронте пойдут у немцев плохо, это оружие повернется против них⁴¹⁵.

Еще одним фактором, который оказывал негативное влияние на процесс организации и использования БКА, была деятельность коммунистических и польских партизан. По своему харак-

теру она делилась на пассивную (или пропагандистскую) и активную и была направлена на срыв мобилизации. Если же в каком-нибудь районе мобилизацию и не удавалось сорвать, тогда партизаны прилагали все усилия, чтобы разложить уже сформированные части БКА.

Так, уже 10—11 марта 1944 года Центральный комитет Коммунистической партии Белоруссии (ЦК КПБ) издал специальное «Обращение» к населению оккупированных районов Белоруссии. «Немецкие разбойники, — указывалось в этом документе, — хотят по мобилизации собрать наиболее здоровое белорусское население, чтобы затем уничтожить его. Для этого они во многих местах Белоруссии и Польши устроили лагеря смерти, куда загоняют тысячами собранных под разными предлогами людей»⁴¹⁶.

ЦК КПБ призывал белорусский народ не поддаваться ни на какие провокации оккупантов, всеми силами и средствами срывать их планы. «Партизаны и партизанки, — говорилось далее в «Обращении», — помогайте населению уклоняться от немецкой мобилизации. Разъясняйте всем, что объявленная... мобилизация — новый кровавый план уничтожения белорусского народа... Уничтожайте команды, которые загоняют народ на призывные пункты, громите призывные пункты»⁴¹⁷.

Подпольные органы Коммунистической партии на территории Белоруссии и командование партизанских отрядов положили «Обращение» ЦК в основу своей повседневной политико-агитационной и организационной работы. Оно было отпечатано в десятках тысяч экземпляров и распространено среди жителей. Так, за время проведения мобилизации в БКА в южных районах Минского округа партизаны распространили 62 тыс. экземпляров листовок и 54 тыс. экземпляров газет с текстом «Обращения». Подпольные организации Белостокского округа за март-апрель 1944 года издали большим тиражом 11 названий листовок с призывом к населению не вступать в БКА.

Одновременно с разъяснительной и агитационной работой подпольные организации и партизанские отряды повсеместно громили призывные пункты БКА, устраивали кордоны, с целью не пропустить призывников на эти пункты, физически уничто-

жали членов окружных или районных мобилизационных комиссий. Во многих случаях имели место нападения на уже сформированные, но еще не вооруженные, батальоны БКА, в результате которых наиболее активные белорусские офицеры и унтер-офицеры уничтожались, а рядовые распускались по домам или включались в партизанские отряды. Такие случаи, например, имели место в ряде районов Новогрудского, Слонимского и Барановичского округов⁴¹⁸.

Со временем такая активность партизан стала приносить свои плоды. Так, на призывной пункт в поселке Городок Барановичского округа явилось всего несколько человек. Чтобы предотвратить срыв мобилизации, немцы направили в близлежащие населенные пункты большой отряд полиции. В ходе облавы удалось схватить около 100 человек и пригнать их на призывной пункт. Однако уже в первую ночь 37 из них бежали к партизанам. В других же районах ситуация выглядела еще хуже (данные по Минскому, Вилейскому, Слуцкому и Слонимскому округам):

- с 10 по 16 марта 1944 года на призывные пункты в Голубичи, Плиссе, Лужки и Глубокое явилось 170 человек, из подлежащих призыву 1000 только по одному Плисскому району. За это же время в этих же районах в ряды партизан вступило более 500 человек;

- в Молодечно большее число мобилизованных сразу же разбежались;

- в Смолевичском районе на призывные пункты не явилось 514 подлежащих мобилизации человек;

- в Юрьевском, Кленническом, Верхменском и частично в Заболотском и Воротовском районах, где активно действовали партизаны, мобилизация была вообще парализована;

- в отчете из Заславского района сообщалось, что в БКА призваны только 209 человек, тогда как 402 человека вообще не явились;

- из Шершунского и Шанелевского районов на призывные пункты не прибыл ни один человек;

- в Старобинском и Любанском районах из деревень, расположенных вблизи лесов, на призывные пункты не явился ни один человек.

Слонимский окружной комиссар доносил в Минск, что в его округе очень многие уклоняются от призыва⁴¹⁹.

Как было сказано выше, по плану развертывания БКА в каждом районе должен был быть сформирован один батальон численностью 500—600 человек. Однако, как из-за препятствий со стороны немцев, так и из-за деятельности партизан, в некоторых батальонах было только по 80—100 человек⁴²⁰.

Другим следствием подрывной работы партизан стал переход на их сторону уже сформированных частей БКА. Так, по данным штаба БКА, только за март-апрель 1944 года имели место следующие случаи:

- в ночь на 19 марта 1944 года коммунистические партизаны совершили нападение на немецкий гарнизон в деревне Яворская Руда Барановичского округа. Находившийся в гарнизоне отряд БКА не оказал никакого сопротивления, а 66 его солдат перешли на сторону партизан;

- в начале апреля 1944 года партизаны разгромили немецкий гарнизон в поселке Остров Барановичского округа, в результате чего 28 находившихся в гарнизоне солдат БКА стали партизанами;

- в городе Столбцы Барановичской области на призывной пункт явилось около 1800 человек. Узнав об этом, подпольный комитет КПБ заслал туда своих агитаторов, которые провели среди мобилизованных «разъяснительную работу». В результате через несколько дней на призывном пункте осталось всего 180 человек, 680 ушли в партизаны, а остальные разошлись по домам;

- за время боев с партизанами, из отряда БКА, сформированного в поселке Лапичи Минского округа, к партизанам перешло около 300 человек;

- по Клецкому району Барановичской области призывную комиссию прошло до 3000 человек, из которых годными к службе были признаны 1500. Однако уже к началу апреля 1944 года к партизанам перебежало около 500, а затем стали уходить и остальные;

- в Плисском районе Минского округа только за две недели марта 1944 года из местного батальона на сторону партизан перешло 82 человека;

- из Вилейки местный окружной начальник БКА сообщал о переходе на сторону партизан 70 человек⁴²¹.

Кроме вышесказанного, партизаны засылали в батальоны БКА своих агентов, которые старались разложить их личный состав. С одной стороны они говорили, что «когда Советская власть вернется в Белоруссию, от расплаты не уйдет ни один предатель». С другой же стороны, они обещали «от лица народной власти прощение всем, кто вовремя одумается». В результате в политическом обзоре БЦР по Минскому округу за март 1944 года отмечалось, что у солдат БКА подавленное настроение, почти все думают, что они будут отправлены на фронт. Многие, особенно из насильно мобилизованных, морально разложены. В другом обзоре говорилось, что «после призыва почти каждый подал заявление об освобождении из рядов БКА, измышляя всевозможные причины, по которым не может оставаться в этих рядах»⁴²². В целом ни один день не проходил без того, чтобы кто-нибудь из солдат БКА не сбежал к партизанам.

Не осталась в стороне и польская подпольная организация Армия Крайова (АК). Еще в ходе мобилизации в БКА руководство АК поставило перед своими агентами задачу проникновения в ряды этих формирований, с целью их дальнейшего разложения или перевода на свою сторону. Следует признать, что в целом ряде случаев эти шаги были весьма успешными. К примеру, в Барановичском батальоне БКА оказалось целых 80 членов АК, в том числе и некто, известный как поручик «Виктор», который занял пост командира одной из рот. В апреле 1944 года эта группа попыталась вывести личный состав батальона в лес, чтобы в дальнейшем создать на его базе партизанский отряд. Однако по невыясненным причинам эта акция так и не была выполнена⁴²³.

23 июня 1944 года Красная Армия начала операцию «Багратион», которая закончилась полным разгромом немецкой группы армий «Центр». За две недели с небольшим была освобождена почти вся территория Белоруссии. Поэтому на эвакуацию частей БКА и всех ее структур у немцев попросту не оказалось времени. Однако, как пишет польский историк Юрий Туронек, такая эвакуация и не планировалась, о чем свидетельствует пол-

ное отсутствие приказов на этот счет как со стороны немцев, так и из штаба БКА. Буквально перед самым оставлением Минска фон Готтберг отдал приказ окружным фюрерам полиции, чтобы они позаботились об отступлении наиболее боеспособных батальонов на запад и демобилизации остальных. Но, по словам Кушеля, коменданты «больше заботились о сохранении своей шкуры и поэтому полностью провалили эту акцию». В результате после эвакуации из Минска 27 июня 1944 года немецкого штаба связи при БКА, и Островский, и Кушель остались вообще без всяких контактов с фон Готтбергом и не могли дать своим частям ни одной сколько-нибудь вразумительной инструкции. А вскоре и БЦР, и штаб БКА сами последовали за немцами.

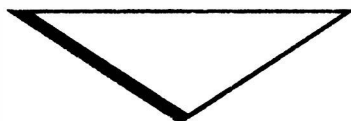
В такой ситуации командиры большинства белорусских батальонов оказались представлены сами себе и поэтому стали решать проблему спасения вверенных им людей по мере своих сил и опыта. Один из очевидцев так описывал «эвакуацию» одного из батальонов БКА в Барановичском округе: «Вечером 30 июня я стал случайным свидетелем демобилизации батальона численностью в 700 человек. Перед строем батальона стоял его командир. После короткой информации о последних событиях на фронте он сказал следующее: “Кто пойдет с нами, пусть остается в строю, остальные могут идти домой”. После этих слов вся солдатская масса зашевелилась и двинулась к казармам, чтобы забрать свои вещи и идти по домам. В строю осталось только 18 человек, в основном, унтер-офицеры, а наутро согласилось уезжать еще меньше»⁴²⁴.

Судьба подразделений БКА, в общем, сложилась следующим образом. Только немногие батальоны приняли бой с передовыми частями Красной Армии и были разгромлены, другие (и, судя по вышесказанному, их была основная масса) — распущены своими командирами, а третьи — наиболее боеспособные — смогли в полном порядке отступить в Польшу. Саперные батальоны БКА, которые находились под юрисдикцией вермахта, были эвакуированы в Бедруск под Познанью (западная Польша). Там все 6 батальонов были реорганизованы в 2 строительных батальона (*Baubataillon*) и, без ведома БЦР, включены в состав сухопутных войск вермахта. Впоследствии оба строительных

батальона были переброшены на Западный фронт, где и находились до конца войны.

В целом приходится согласиться с немецким историком Норбертом Мюллером, который писал, что «кампания по организации БКА... закончилась неудачно»⁴²⁵. Военные цели, из-за которых она создавалась немцами, достигнуты не были. За редким исключением, им не удалось сформировать сколько-нибудь боеспособные и морально устойчивые части. Однако была достигнута белорусская, политическая цель. Как писал впоследствии Кушель, «проведение мобилизации в Белоруссии представительством белорусского народа, каким тогда являлся БЦР, было необыкновенно важным делом. Это был первый факт в истории Белоруссии, когда белорусский народ призывался в белорусские войска белорусской властью»⁴²⁶. С этим высказыванием можно спорить или нет, однако, если отбросить всю националистическую риторику, трудно не согласиться, что мобилизация в БКА была важным политическим успехом и фон Готтберга и Островского, хотя и очень запоздалым.

ГЛАВА 4. БЕЛОРУССКИЕ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ В ЭМИГРАЦИИ (1944—1945): ОРГАНИЗАЦИЯ И БОЕВОЕ ПРИМЕНЕНИЕ

1-Й КАДРОВЫЙ БАТАЛЬОН БЕЛОРУССКОЙ КРАЕВОЙ ОБОРОНЫ

Во второй половине июля 1944 года руководство БЦР окончательно обосновалось в Берлине и вновь приступило к активной работе. Чтобы на деле доказать свою решимость и дальше продолжать борьбу с большевизмом, Радослав Островский планировал воссоздать БКА на территории Германии. Однако в данных условиях это оказалось невозможным. Поэтому было решено добиваться у немецкого военно-политического руководства согласия на создание Белорусского легиона. Он должен был быть организован по образцу так называемых Восточных легионов (*Ostlegionen*), которые одновременно представляли собой и запасные части, и центры по подготовке личного состава для боевых формирований. Так, в течение 1941—1943 годов в составе вермахта были организованы (и вполне удачно) Туркестанский, Азербайджанский, Северо-Кавказский, Грузинский, Армянский и Волжско-татарский легионы⁴²⁷.

Кроме успешного опыта по созданию таких формирований, в Германии на тот момент имелось и достаточное количество частей и подразделений, чтобы создать Белорусский легион. Так, по мнению Островского, можно было рассчитывать на:

- 6 саперных батальонов БКА;
- некоторое количество пехотных батальонов БКА;

- 13-й Белорусский полицейский батальон при СД;
- офицерскую школу БКА;
- остатки вспомогательной полиции порядка⁴²⁸.

Всего в этих частях служило около 10 тыс. человек. Кроме того, помимо них, в легион охотно бы пошли многие белорусские беженцы и так называемые «восточные рабочие» (*Ostarbeiter*) — белорусы, которые в 1942—1944 годах были вывезены в Германию на принудительные работы. Если бы немцы позволили, то вскоре можно было бы подготовить кадры для трех полноценных пехотных дивизий. Исходя из этого, президент БЦР выступил перед немецким руководством с ходатайством для разрешения организации Белорусского легиона.

Идея создания такого легиона была одобрена в Министерстве по делам оккупированных восточных областей. Следующей инстанцией, согласие которой нужно было получить, являлось Управление генерала-инспектора добровольческих формирований при Генеральном штабе сухопутных сил (*General der Freiwilligen-Verbände*). Во второй половине июля 1944 года начальнику этого управления генералу кавалерии Эрнсту Кёстрингу был подан соответствующий меморандум. Кёстринг обещал его рассмотреть, однако до середины сентября 1944 года так и не сделал этого⁴²⁹.

Ситуация с таким молчанием со стороны немцев очень беспокоила лидеров БЦР. Поэтому на одном из заседаний президиума совета начальник созданного незадолго перед этим Военного отдела БЦР генерал-майор Константин Езовитов выступил с предложением организовать новое белорусское воинское формирование, не дожидаясь при этом разрешения немцев. Это предложение очень понравилось Островскому, и 13 сентября 1944 года он принял решение о создании в Берлине 1-го Кадрового батальона БКА.

Основой для формирования батальона должны были послужить белорусские офицеры и унтер-офицеры, которые постепенно собирались в Берлине, узнав, что там вскоре будет создан Белорусский легион. Согласно проекту Езовитова, кадровый батальон должен был иметь следующую структуру:

- офицерский курс, на котором офицеры БКА и полиции должны были проходить переподготовку;

- унтер-офицерский курс для переподготовки унтер-офицеров;
- офицерская школа, в которой должны были проходить обучение все те, кто хотел стать офицером;
- унтер-офицерская школа для тех рядовых, которые хотели стать унтер-офицерами;
- хозяйственная рота.

В результате к декабрю 1944 года в батальоне проходили службу около 300 человек, в том числе 50 офицеров. Командиром батальона был назначен капитан Петр Косацкий, а его заместителем по военной подготовке — капитан Степан Шнек, которые одними из первых прибыли в Берлин. Как руководство батальона они подчинялись командующему БКА Францу Кушелю⁴³⁰.

Следует сказать, что до конца февраля 1945 года батальон фактически не значился ни в одном немецком военном документе и не находился на немецком довольствии. Деньги на его содержание в количестве 12 тыс. рейхсмарок были выделены из бюджета БЦР. Тем не менее казармы, которые предоставил комендант Берлина для личного состава батальона, были относительно хорошими. Снабжение продуктами осуществлялось по карточкам и было также более-менее нормальным. С обмундированием же сложилась катастрофическая ситуация. Дело в том, что большинство солдат и офицеров прибыли в Берлин в летней униформе. А поскольку батальон не был поставлен на немецкое довольствие, зимнюю униформу им получить было негде. Однако, по словам Кушеля, «несмотря на сильные холода, люди терпели». С вооружением батальона дела обстояли не лучшим образом⁴³¹.

Несмотря на многочисленные попытки Кушеля легализовать батальон, они так и не принесли успеха. Наконец, 6 ноября 1944 года Управление генерала-инспектора добровольческих формирований «официально» уведомило БЦР, что все вопросы, касающиеся создания Белорусского легиона, передаются в Главное управление СС (*SS-Hauptamt*). В конце весны — начале лета 1944 года в составе последнего был организован специальный отдел «Восточные добровольцы» (*Freiwilligen-Leitstelle Ost*), задачей которого было создание частей войск СС из «восточных» народов. Руководителем отдела был назначен СС-оберштурмбаннфюрер Франц Арльт, которому, в числе прочих задач, было поручено

чено сформировать белорусскую дивизию войск СС. Фактически, это был конец Кадрового батальона, так как в течение декабря 1944 года из него в новую дивизию забрали офицерскую и унтер-офицерскую школы, а также всех более-менее боеспособных солдат и офицеров. В Берлине остались только офицеры старшего возраста и немного рядовых. Большинство из оставшихся не были пригодны к военной службе. В конце концов, в первой половине апреля 1945 года батальон был расформирован⁴³².

В исторической литературе до сих пор идут споры, можно ли считать этот батальон полноценной кадровой воинской частью. Все эмигрантские и многие современные белорусские историки безоговорочно соглашались с этим. Напротив, польский исследователь Юрий Туронек считает, что это не так и даже само слово «батальон» употребляет исключительно в кавычках. Основываясь на ряде фактов, он пишет, что до конца января 1945 года это подразделение было, скорее, «прибежищем для бездомных беженцев», так как помимо офицеров и солдат БКА в нем находились члены их семей и другие гражданские лица, для которых казармы батальона «были не самым худшим местом». Кроме того, многие военные вступали в этот батальон, чтобы отдохнуть после госпиталя. Сама же идея его создания была поддержана Островским исключительно в рамках той политической позиции, которую он занимал относительно белорусских добровольческих частей в эмиграции (более подробно о ней говорилось выше)⁴³³.

Тем не менее, как бы там ни было, следует признать, что это воинское подразделение явилось переходным этапом между БКА и будущей белорусской дивизией войск СС уже хотя бы потому, что позволило сохранить офицерские и унтер-офицерские кадры для последней.

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ДЕСАНТНЫЙ БАТАЛЬОН «ДАЛЬВИЦ» И НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПАРТИЗАНСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

В июне 1944 года в результате отступления из Белоруссии многие солдаты белорусской полиции и БКА оказались на территории Восточной Пруссии. Здесь, при диверсионно-разведы-

вательной школе абвера в местечке Дальвиц, из наиболее подготовленных солдат и офицеров, было создано новое воинское формирование. Это произошло в июле 1944 года. Со временем это формирование стало проходить по немецким документам как Специальный десантный батальон «Дальвиц» (*Landung Bataillon zur besonderen Verfügung «Dalwitz»*). В организационном отношении батальон подчинялся Абверкоманде-203.

По замыслам руководства абвера, его личный состав должен был использоваться в тылу наступающих советских войск для проведения разведывательных и диверсионных операций. Руководство белорусских националистов (например, уже упоминавшаяся БНП), в принципе, планировало использовать его также. Однако по их мнению, все действия батальона после его заброски в советский тыл должны были быть нацелены на организацию партизанской борьбы и вооруженного восстания в Белоруссии.

«Дальвиц» комплектовался в основном из солдат и офицеров БКА, которые должны были иметь опыт боевых действий, и наиболее подготовленных и физически развитых членов СБМ. При зачислении в батальон значительное внимание уделялось тому, «предан ли доброволец белорусскому делу или нет». Вербовка велась скрытно и без обычной в таком случае пропагандистской компании. В результате к осени 1944 года личный состав батальона насчитывал более 200 человек, которые были распределены по двум ротам:

- 1-я «Северная» (командир — лейтенант Андрей Рудак);
- 2-я «Южная» (командир — лейтенант Михаил Зуй).

В случае неизбежных потерь батальон должен был черпать резервы из 1-го Кадрового батальона БКА⁴³⁴.

Командиром батальона, который отвечал за его военную подготовку, был назначен майор Иван Гелда. Его помощником по политической части, который следил за моральным состоянием солдат, стал майор Всеволод Радько. Однако общее руководство батальоном осуществлял майор Герулис — начальник школы абвера, где он дислоцировался (позднее, в ноябре 1944 года, его сменил лейтенант Шретер, который пробыл на этой должности до декабря 1944 года). Кроме того, в качестве офицера-пропагандиста в батальон был назначен бывший шеф СБМ Михаил Ганько⁴³⁵.

Белорусские десантники изучали подрывное и саперное дело, топографию, тактику ведения партизанской войны, все типы огнестрельного оружия и учились прыгать с парашютом. Кроме того, небольшая группа девушек (в основном из числа членов СБМ) готовилась в качестве радисток и медсестер. Весь курс подготовки был рассчитан на 4—6 месяцев, однако, в связи с быстрым продвижением Красной Армии, его были вынуждены сократить. Известно, что 28 августа 1944 года батальон посетил президент БЦР Радослав Островский, который произнес перед курсантами речь и поздравил их с успехами в учебе.

В начале ноября 1944 года «Дальвиц» был передислоцирован в местечко Вальбуш под Быдгошем (Польша), где продолжил свою подготовку. Позднее его перевели в район Берлина⁴³⁶.

Еще во время своей подготовки в Восточной Пруссии личный состав батальона «Дальвиц» принял участие в нескольких диверсионных операциях в тылу у Красной Армии. Для их осуществления с немецких самолетов на территорию Белоруссии было сброшено несколько специальных групп, в задачу которых входило совершение диверсий в советском тылу, сбор и передача разведывательных данных, а также организация национально-го партизанского движения. Среди этих групп, прежде всего, следует назвать:

- *Группу Глеба Богдановича*, которая в составе 28 человек была 17 ноября 1944 года десантирована в районе Вильнюса (Литва). Эта группа успешно действовала до июня 1945 года, после чего передислоцировалась в Польшу, где долгое время сражалась с коммунистами вместе с отрядами польской Армии Крайовой.

- *Группу Яна Гинько*, которая 17 ноября 1944 года была высажена в районе Лиды (Белоруссия). Однако уже в декабре 1944 года этот отряд был разгромлен частями НКВД.

- *Группу Евгения Жихаря*, которая в декабре 1944 года была десантирована в районе местечка Постов (Полоцкая область, Белоруссия). К середине 1945 года на базе этой группы удалось организовать партизанский отряд, который за все время своей деятельности ликвидировал более 30 сотрудников НКВД и сто-

ронников советской власти. В 1955 году отряд был уничтожен частями НКВД⁴³⁷.

Однако наибольшую известность приобрела группа видного члена БНП *Михаила Витушки*, которая 17 ноября 1944 года высадилась на парашютах в районе Вильнюса (Литва). Со временем, в 1945—1946 годах, Витушке на основе своей группы удалось создать мощную партизанскую организацию, которая в исторической литературе получила название «Черный кот», или Белорусская освободительная армия (*Беларуская вызвольная армія; БВА*).

Организационно БВА состояла из регулярных партизанских отрядов и членов вооруженного подполья («ударников»), которые вполне легально работали в колхозах, своих хозяйствах, на предприятиях и в учреждениях, однако время от времени принимали участие в боевых операциях. Во главе БВА стоял Главный штаб, которым командовал генерал-майор Витушка и его заместители — Ахрем и Михаил Шукайлович. В составе БВА были не только белорусские отряды, но и литовские, латышские, немецкие (главным образом, из «Вервольфа») и украинские, которые в основном действовали в западной, северной и центральной Белоруссии, а также в Прибалтике.

Отряды БВА проводили операции на железной дороге, взрывая или захватывая поезда, нападали на склады или гарнизоны Красной Армии, на деревни, местечки и города, освобождали заключенных из тюрем и концлагерей. Делали нападения на банки с целью добывания средств, необходимых для обеспечения подпольной и партизанской борьбы. Боевики БВА организовывали террористические акты против представителей советской власти, членов коммунистической партии, сотрудников милиции и НКВД. По некоторым данным, в октябре 1948 года была предпринята попытка организации покушения на Иосифа Сталина. Руководство БВА проводило и большую пропагандистскую работу. Центральным печатным органом ее штаба была газета «*Души большевистскую гадину!*» («*Душы більшовіцкую гадзіну!*»), главным редактором которой являлся Михаил Шукайлович. Кроме того, штабом и отдельными отрядами БВА издавались десятки газет, журналов, плакатов и извещений, которые

распространялись не только среди партизан, но и среди местного населения.

В эмигрантских источниках есть известия, что БВА продолжало активно действовать до 1950 года. Но и в последующие годы от имени этой организации проводились операции, направленные против советских властей. Однако это была уже, скорее, деятельность вооруженного подполья, а не партизанского движения⁴³⁸.

В целом же деятельность БВА до сих пор покрыта тайной, так как основная информация о ней содержится в закрытых архивах КГБ. Из сказанного выше видно, что известна только общая характеристика этой организации и общие направления ее деятельности. Однако до сих пор неясно, сколько и какие отряды входили в БВА. Исключение составляет только один из самых активных (из известных на сегодняшний день) — Борисовский партизанский отряд (*Барысаўскі партызанскі аддзел*) БВА. Это формирование действовало в районе Борисова (Белоруссия) и в соседних районах во второй половине 1940-х годов. В 1948 году, во время карательной операции против отряда войска НКВД использовали отравляющие газы. Через год об этом стало известно на Западе благодаря одному из партизан, который смог пробраться в Германию через Западный Берлин. В целом же дальнейшая судьба этого отряда неизвестна⁴³⁹.

К числу малоизвестных операций батальона относится также спасение рижского архива белорусской эмиграции, инициатором которого был генерал-майор Константин Езовитов. Как известно, он отплыл из Риги в Германию в августе 1944 года, где вскоре был назначен «военным министром» БЦР. Получив такие полномочия, Езовитов решил попробовать спасти свой архив и библиотеку. Эта акция была вполне реальной, так как латвийская столица еще находилась под контролем немецких войск. Осуществить ее было поручено двум молодым десанникам «Дальвица» — Николаю Рулинскому и Филиппу Давидчику. Через Шауляй и Лиепаяю они благополучно добрались до Риги, откуда и вывезли в Берлин три ящика с документами, книгами и личными вещами генерала. Следует сказать, что спасение документов, «изобличающих его контрреволюционную дея-

тельность», не сильно помогло Езовитову: в конце войны он был арестован советскими спецслужбами и в 1946 году казнен⁴⁴⁰.

Судьба же той части батальона «Дальвиц», которая осталась в Германии, сложилась следующим образом. 20 марта 1945 года в Берлине состоялось совещание, на котором с белорусской стороны присутствовали Радослав Островский, Иван Гелда и, ставший к тому времени командиром батальона, майор Радько. Немецкую же сторону представлял начальник всех диверсионных отрядов СС СС-оберштурмбаннфюрер Отто Скорцени.

На этом совещании было достигнуто соглашение о проведении операции под кодовым названием «Василек» («Валошка»), план которой заключался в следующем. Батальон разбивался на группы по 25—30 человек каждая, которые, будучи выброшены в тылу наступающих советских войск, должны были самостоятельно проводить операции диверсионного характера — взрывать мосты, уничтожать транспортные средства, воинские склады и т.п. Кроме того, на членов групп возлагалась обязанность по проведению разведки мест дислокации частей Красной Армии. Каждая группа должна была налаживать связь с местным населением для последующей организации вооруженной борьбы. Посредством установления радиосвязи между группами планировалось объединить все антисоветские партизанские формирования в крупные по численности отряды и развернуть по всей Белоруссии массовое движение сопротивления. Этот, последний пункт соглашения был наиболее важным, так как в БЦР полагали, что группы, выброшенные в октябре — декабре 1944 года, были уничтожены раньше, чем смогли организовать такое движение, а о деятельности группы Витушки руководство белорусских националистов и вовсе долгое время не подозревало.

По замыслам Скорцени, каждый десантник вооружался автоматом со 100 патронами к нему, револьвером с 50 патронами и 1,5 кг взрывчатки. Общий вес груза у одного человека не должен был превышать 25 кг. Каждая группа парашютистов должна была иметь портативный печатный станок. На 25—30 человек предполагалось иметь один ручной пулемет, один портативный

миномет, несколько противотанковых гранат и мин. Кроме того, каждая группа обеспечивалась полным запасом продовольствия в концентратах и консервах и запасом медикаментов. В состав каждой группы планировалось включить двух радистов.

Отсутствие необходимого количества военно-транспортных самолетов вынудило немцев разработать план пешей переброски батальона в Белоруссию. Скорцени предложил подвезти десантников на машинах к линии фронта, откуда они должны были уже самостоятельно пробиваться на Восток, в районы, где еще находились в окружении немецкие подразделения. Этот план вызвал протесты майора Радько, который полагал, что в таком случае батальону угрожало бы преждевременное уничтожение или включение в состав одной из окруженных немецких частей. В любом случае дальнейшие планы относительно развертывания в Белоруссии движения сопротивления оказались бы невыполнимыми. В этой ситуации некоторыми членами руководства БЦР было предложено включить «Дальвиц» в состав будущей белорусской дивизии войск СС на правах отдельного подразделения. Однако и на этот шаг командование батальона не пошло, не без оснований опасаясь, что его включение в состав любой воинской части приведет к превращению десантников в обычных пехотинцев.

По целому ряду фактов планы Скорцени в отношении батальона шли намного дальше: он предполагал довести его численность до 700—800 человек и сформировать на его базе специальный разведывательно-диверсионный полк (в него помимо белорусов должны были войти и украинские формирования)⁴⁴¹.

В апреле 1945 года личный состав «Дальвица» получил новый приказ БЦР. В нем говорилось, что батальону необходимо отступить в Чехию, где затем попытаться сдать наступавшим американским войскам. Однако вместо встречи с американцами батальон попал в засаду чешских партизан-коммунистов, которые и разоружили его личный состав. На удивление, чехи не стали расстреливать десантников, а отпустили их. После этого майор Радько объявил о расформировании батальона. Его личный со-

став был поделен на группы, которые стали пробиваться либо на Запад, либо в Белоруссию. Так, например, группам Радько и Гелды удалось перебраться в район Белостока (Польша), где в июне 1945 года их разгромили части НКВД. Оба же бывших командира «Дальвица» были арестованы⁴⁴².

Несмотря на то что большая часть личного состава батальона не участвовала в боевых действиях, он сыграл исключительную роль в подготовке командного состава белорусского антикоммунистического партизанского движения. Его десантники смогли частично объединить стихийно возникшие партизанские отряды и сформировать из них организованные единицы. Но и индивидуальная деятельность военнослужащих батальона также была довольно значительной. Например, известен такой факт, что в 1956 году органы государственной безопасности советской Белоруссии разыскивали, по разного рода ориентировкам, еще 57 десантников «Дальвица».

30-Я ГРЕНАДЕРСКАЯ ДИВИЗИЯ ВОЙСК СС (1-Я БЕЛОРУССКАЯ)

В конце июня 1944 года СС-группенфюрер Курт фон Готтберг отдал приказ о создании в тылу группы армий «Центр» так называемой Заградительной бригады (*Sperrbrigade*). Эта бригада и подобные ей формирования должна была сдерживать наступление советских войск до тех пор, пока немцы не восстановят сплошной фронт, уничтоженный советскими войсками в ходе операции «Багратион». С этой целью в район Лангры (Польша) были стянуты все уцелевшие части полиции с территории Белоруссии. Из них и была сформирована Заградительная бригада, получившая 20 июля 1944 года официальное наименование — Бригада вспомогательной полиции «Зиглинг» (*Schutzmannschaft («Schuma») — Brigade «Siebling»*)⁴⁴³.

Организационно бригада состояла из четырех полков вспомогательной полиции, основой для формирования которых послужили следующие части:

- 1-й полк «*Schuma*» — белорусские и украинские батальоны «*Schuma*» №№ 57, 60, 61, а также части, находившиеся в подчинении у фюрера СС и полиции округа «Минск»;

• 2-й полк «Schuma» — белорусские и украинские батальоны «Schuma» №№ 62, 63, 64, а также части, находившиеся в подчинении у фюреров СС и полиции округов «Глубокое» и «Лида»;

• 3-й полк «Schuma» — части, находившиеся в подчинении у фюреров СС и полиции округов «Слуцк», «Барановичи» и «Вилейка».

• 4-й полк «Schuma» — украинский батальон «Schuma» №101, а также части, находившиеся в подчинении у фюреров СС и полиции округов «Слоним» и «Припять».

Кроме этого, в составе бригады были сформированы специальные и вспомогательные части:

• артиллерийский дивизион — из белорусского артиллерийского батальона «Schuma» № 56;

• кавалерийский дивизион — из белорусского кавалерийского дивизиона «Schuma» №68;

• учебный батальон — из белорусского учебного батальона «Schuma».

В этот период численность бригады была невелика — около 1,5—2 тыс. человек, так как входившие в нее подразделения были очень сильно потрепаны в летних боях 1944 года и не были равноценны ни по численности, ни по боеспособности. Например, в 61-м батальоне «Schuma» осталось всего 102 человека (2 офицера, 2 унтер-офицера и 98 рядовых). тогда, как 65-й батальон сохранил, как и положено, четырехротную структуру и был почти полностью укомплектован (в одной из его рот было 98 немцев и 167 добровольцев). Поэтому первоначально каждый из полков бригады состоял только из двух батальонов. Исключением являлся только 4-й полк, в составе которого находилось три батальона⁴⁴⁴.

Командиром бригады был назначен СС-оберштурмбаннфюрер и подполковник охранной полиции Ганс Зиглинг, который до лета 1944 года командовал 57-м полицейским полком. По словам Франца Кушеля, «это был человек молодой, малоопытный и несдержанный»⁴⁴⁵. Однако на взгляд немецкого командования, все эти недостатки компенсировались храбростью Зиглинга. Кроме того, он обладал еще одним качеством, которое не часто встречалось у немецких командиров «восточных» добровольчес-

ких формирований. В данном случае речь идет о «более-менее человеческом отношении к персоналу своего батальона»⁴⁴⁶.

Одновременно с процессом своего формирования, бригада использовалась в антипартизанских операциях на территории Польши. Следует сказать, что имевшие большой боевой опыт белорусские и украинские полицейские действовали в этих операциях весьма удачно. В результате рейхсфюрер СС Гиммлер решил сформировать на основе этой бригады новую дивизию войск СС. 1 августа 1944 года был отдан соответствующий приказ о передаче всего личного состава и материальной части бригады из-под юрисдикции Главного управления полиции порядка (*Hauptamt Ordnungspolizei*) Главному управлению СС. Вслед за этим бригада из района Лангры и Цеханова переводилась под Варшаву (Польша), где из нее и должны были сформировать новую дивизию.

Организация дивизии шла довольно быстро, и в течение августа 1944 года она в целом была уже сформирована, получив в реестре Главного управления СС официальное наименование — 30-я гренадерская дивизия войск СС (2-я русская) — (*30. Waffen-Grenadier-Division der SS (russische Nr. 2)*)⁴⁴⁷.

Уже само название дивизии говорило о том, что в ее составе были не только белорусы и немцы. Так, помимо них, в соединение были включены несколько «восточных» батальонов, укомплектованных русским персоналом. Немного позднее, в июле 1944 года, в состав дивизии были также введены 61-й, 62-й и 63-й украинские батальоны «*Schuma*». Это произошло на том основании, что в период с 1942 по 1944 год эти части несли охранную службу на территории Белоруссии. Кроме того, целый ряд документов свидетельствует о том, что в составе дивизии было также очень много поляков (например, ими почти полностью были укомплектованы 1-й и 2-й батальоны 2-го полка, противотанковая и комендантская рота) и некоторое количество армян, поволжских татар и даже чехов⁴⁴⁸.

Несмотря на то что состав дивизии был очень пестрым, руководство СС не считало нужным создавать в нем подразделе-

ния по национальному признаку. Больше всего это беспокоило лидеров белорусских националистов, которые поначалу полагали, что дивизия будет организована, как белорусское формирование. На это у них были свои причины: Франц Кушель писал в своих воспоминаниях, что в сентябре 1944 года из 11 600 личного состава дивизии 7 тыс. были белорусами, а Константин Акула указывал на более чем 80% белорусов и 20% всех остальных⁴⁴⁹.

Для того чтобы придать дивизии хотя бы частично «белорусский вид», в ее штаб в конце августа 1944 год было направлено 16 офицеров БКА, чтобы они заняли командные должности в тех частях, где большинство составляли белорусы. Однако командир дивизии Зиглинг отказался принять этих офицеров, сказав, что в его формировании «нет места разделению по национальной принадлежности», так как оно является частью германских вооруженных сил⁴⁵⁰. Со временем такое отношение немцев к белорусским офицерам послужило причиной многочисленных конфликтов.

Еще один конфликт произошел 24 июля 1944 года на конференции командного состава дивизии в городе Эльбинг (Восточная Пруссия). Эта конференция была созвана по инициативе генерального комиссара «Белоруссии» фон Готтберга, на которой русским, украинским и белорусским офицерам должны были сообщить, что отныне они, члены нового воинского формирования, и представить им нового командира. Кроме того, от них требовалось подтвердить свою готовность и дальше сражаться рядом с немцами. В принципе, ни один из пунктов повестки дня конференции не вызвал каких-либо противоречий. Однако, после того как Зиглинг произнес новое название дивизии (а именно ту его часть, которая указывала на национальную принадлежность — «2-я русская») возникла целая дискуссия. Такому дополнению воспротивился заместитель Кушеля капитан БКА Виталий Микула, который заявил, что он против такого названия, так как белорусских солдат в дивизии большинство и на этом основании отказывается подчиняться «москалям» (т.е. русским офицерам). Протест Микулы ни к чему не привел, и этому есть целый ряд объяснений:

- во-первых, почти все офицеры-белорусы не занимали высоких командных должностей и не пользовались большим авторитетом у немецкого руководства;

- во-вторых, большинство даже этих офицеров не захотели поддержать своего соотечественника;

- наконец, в-третьих, как пишет Константин Акула, Зиглинг находился под большим влиянием русских офицеров (особенно, своего бывшего сослуживца по 57-му полку и «правой руки» майора Вячеслава Муравьева⁴⁵¹), которые убедили его, что не следует принимать во внимание белорусский протест.

Этот инцидент закончился в целом для Микулы без серьезных последствий. Его, правда, понизили в должности и отправили командовать одним из взводов дивизии, где он, естественно, не мог оказывать большого влияния на весь белорусский персонал. Однако он напрасно думал, что немцы о нем забыли. Осенью 1944 года они, воспользовавшись тем, что из батальона, где служил Микула, дезертировало несколько солдат, арестовали его и сожгли в крематории Дахау⁴⁵².

История конференции в Эльбинге является весьма поучительной в том плане, что даже на третьем году войны немцы так и не научились разбираться в национальных отношениях среди «восточных» народов. Кроме того, эта конференция дает некоторое представление о национальном составе офицерского корпуса дивизии. Так, можно понять, что он, в целом, состоял из немцев (в их число входят также «фольксдойче»⁴⁵³ из Польши), русских, украинцев, белорусов и поляков. Почти половина офицеров были немцами. Следующей по величине группой были русские. Украинцы, в основном сильно «русифицированные», были третьей группой. Численно меньшая по сравнению с другим и белорусская группа имела также и наименьшее количество офицеров высокого ранга: всего два майора и несколько капитанов. «Еще меньше среди них, — подводит итог Константин Акула, — было белорусских патриотов»⁴⁵⁴.

После организации дивизии все командные должности в ней (вплоть до ротного звена) заняли немцы, или «фольксдойче», а русские, украинские и белорусские офицеры были при них в качестве заместителей, помощников или командиров более низкого

ранга. Зиглинг считал, что так он не нарушит статус дивизии, как соединения германских вооруженных сил, и не обидит тех, кто поддержал его на конференции в Эльбинге. Только для Муравьева, как близкого друга командира дивизии, было сделано исключение. Более явственно это соотношение между немецким и национальным персоналом можно увидеть на примере 3-го батальона 4-го полка дивизии. Всего в нем по состоянию на 31 июля 1944 года было: 22 офицера (17 немецких и 5 белорусских), 138 белорусских унтер-офицеров и 433 рядовых.

Слабым местом кадрового состава дивизии было отсутствие в ней достаточного количества офицеров специальных и технических служб, а также офицеров-переводчиков, что особенно было важно в условиях такого национального разнообразия. Например, в том же 3-м батальоне было всего 3 офицера-инженера, 1 офицер-связист и 3 переводчика (хотя последних надо было иметь как минимум от 7 до 10 на батальон)⁴⁵⁵.

Первое время структура дивизии оставалась такой же, как и в бригаде, только ее полки получили другую номенклатуру:

- Штаб дивизии (*Stab der Division*);
- 1-й гренадерский полк войск СС (*Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr. 1*);
- 2-й гренадерский полк войск СС (*Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr. 2*);
- 3-й гренадерский полк войск СС (*Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr. 3*);
- 4-й гренадерский полк войск СС (*Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr. 4*);
- 30-й артиллерийский дивизион войск СС (*Waffen-Artillerie-Abteilung Nr. 30*);
- кавалерийский эскадрон (*Reiter-Schwadron*);
- учебный батальон (*Feldersatz-Bataillon*).

В этот период в каждом полку дивизии было по два гренадерских (пехотных) батальона⁴⁵⁶.

За всю историю своего недолгого существования дивизия, по разным причинам, претерпела целый ряд мелких и крупных ре-

организаций. В основном они сводились к следующим изменениям. 12 сентября 1944 года в дивизии был организован так называемый Добровольческий батальон Муравьева (*Freiwillige-Bataillon «Murawjew»*), который должен был использоваться как часть специального назначения. 28 сентября 1944 года были организованы практически все основные подразделения дивизии. В дальнейшем их количество либо уменьшалось, либо увеличивалось, тогда как «скелет» соединения оставался уже неизменным.

18 октября 1944 года в каждом гренадерском полку прибавили еще по одному батальону, а уже 24 октября 1944 года была проведена очередная реорганизация дивизии. В результате из батальонов всех гренадерских полков сформировали два новых гренадерских полка, а из батальона Муравьева и 654-го «восточного» батальона — третий полк. Эти полки, вместе с остальными частями дивизии, получили новую, двойную номенклатуру, после чего структура дивизии стала выглядеть следующим образом:

- Штаб дивизии (*Stab der Division*);
- 75-й гренадерский полк войск СС (4-й русский) — *Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr. 75 (russische Nr. 4)*;
- 76-й гренадерский полк войск СС (5-й русский) — *Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr. 76 (russische Nr. 5)*;
- 77-й гренадерский полк войск СС (6-й русский) — *Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr. 77 (russische Nr. 6)*;
- 30-й артиллерийский полк войск СС (2-й русский) — *Waffen-Artillerie-Regiment der SS Nr. 30 (russische Nr. 2)*;
 - Штаб артиллерийского полка;
 - штабная батарея;
 - две батареи 12,2 см трофейных русских орудий;
 - батарея реактивных установок (*Nebelwerfer*).
- 30-й разведывательный батальон СС (*SS-Aufklärung-Abteilung Nr. 30*):
 - штаб батальона;
 - штабной кавалерийский эскадрон;
 - три кавалерийских эскадрона;
 - 30-я саперная рота СС (*SS-Pionier-Kompanie Nr.30*);
 - 30-я рота связи СС (*SS-Nachrichten-Kompanie Nr.30*);

- 30-й запасной батальон СС (*SS-Feldersatz-Bataillon Nr.30*):
 - штаб батальона;
 - три пехотные роты;
 - рота тяжелого пехотного оружия;
 - саперная рота;
- 30-й хозяйственный полк СС (*SS-Nachschub-Regiment Nr.30*);
- большая автоколонна 60-тонных грузовиков (*Große Kraftwagenkolonne (mot.) 60 t*);
 - административная моторизованная рота (*Verwaltungs-Kompanie (mot.)*);
 - моторизованная ремонтная рота (*Werkstatt-Kompanie (mot.)*);
 - санитарная рота (*Sanitäts-Kompanie*).

2 ноября 1944 года в составе дивизии произошли новые, и окончательные, изменения. Ее 77-й полк был расформирован, а часть его личного состава была распределена по двум остальным полкам⁴⁵⁷.

В первой половине августа 1944 года дивизия была направлена из Польши на Западный фронт, в Эльзас (Франция). Ее передислокация осуществлялась по железной дороге отдельными частями, поэтому первые подразделения дивизии прибыли на новое место к 17 августа, а последние — к концу этого месяца. По прибытии подразделения дивизии были расквартированы в районе между Бельфором, Мюльхаузеном и Дижоном в следующих населенных пунктах:

- Штаб дивизии, административные, вспомогательные и хозяйственные подразделения — Маркольсхайм;
- Штаб и подразделения 1-го гренадерского полка войск СС — Мюссиг;
- Штаб и подразделения 2-го гренадерского полка войск СС — Саазенхайм;
- 30-й разведывательный батальон СС — Макенхайм;
- 30-й артиллерийский дивизион войск СС — Хессенхайм;
- 654-й «восточный» батальон — Бутцхайм;
- 30-й запасной батальон войск СС и 30-й учебный батальон СС — Нойбрайзах (на полигоне для подготовки саперов);

- Добровольческий батальон Муравьева — Страйткопф;
- 30-я саперная рота СС — Хайдельсхайм⁴⁵⁸.

Здесь перед ее личным составом была поставлена следующая задача: борьба с французскими партизанами («маки»). Надо сказать, что эта задача преследовала двоякую цель. Во-первых, непосредственное военное умиротворение данного района. Во-вторых, дальнейшая подготовка дивизии. Немецкому командованию было ясно, что передислокация соединения прервала подготовку его частей, которая, фактически, так и не успела начаться. Естественно, что, имея такой уровень подготовки, эта дивизия не могла быть использована на фронте против регулярных частей противника. Ее бы уничтожили еще до начала какого-либо организованного сопротивления. Поэтому, используя «восточных» добровольцев против французского Сопротивления, немцы надеялись, что они, помимо всего прочего, смогут безопасно приобрести боевой опыт. Однако реальность оказалась несколько иной. Руководство отрядов «маки» почти сразу же получило информацию о том, какого уровня подготовки и вооружения части прибыли бороться против них. В результате, весь сентябрь 1944 года прошел в непрерывных стычках бойцов дивизии и партизан — по словам американского историка Антонио Муньоса, «они атаковали их, где только могли застать». Атаки «маки» не были, конечно, катастрофическими с военной точки зрения, однако они выматывали силы добровольцев и действовали на них деморализующе. Командование дивизии планировало навязать Сопротивлению свою тактику и извлечь из нее пользу, однако в ответ получило классическую «малую войну», которая никак не способствовала успешному обучению личного состава. Наоборот, и немецкие офицеры, и «восточные» добровольцы были вынуждены находиться все время под ружьем, не получая полноценного отдыха⁴⁵⁹.

После высадки союзников на Атлантическом побережье Франции стратегическая обстановка на этом участке Западного фронта значительно изменилась. В середине сентября 1944 года 1-я французская армия начала угрожать Дижону — самой южной точке операционной зоны 30-й дивизии. В результате дивизия,

чтобы не попасть в окружение, начала отступать на северо-восток, подвергаясь постоянным нападениям французских партизан. К концу сентября ее удалось вывести из-под непосредственной угрозы в район Кольмара (между Рейном и Вогезами). Зиглинг думал, что здесь, наконец, удастся завершить подготовку соединения, не боясь постоянных нападений партизан. Однако новый приказ командования опять нарушил этот график. Дивизии было приказано как можно скорее выступать на фронт, чтобы поддержать отступающие из Франции немецкие войска. И это несмотря на то, что Зиглинг неоднократно предупреждал, что его люди еще не готовы к таким акциям. Вооружение же и моторизация дивизии вообще оставляют желать много лучшего: личный состав полков был вооружен трофейным французским, чешским, советским и немецким оружием, в основном стрелковым. Тяжелого и противотанкового оружия было очень мало, а в некоторых частях его попросту не было вообще.

Тем не менее 25 октября 1944 года перед дивизией была поставлена следующая задача: охранять мосты через Рейн до тех пор, пока как можно большее количество частей попавшей в «Кольмарский мешок» 19-й немецкой армии не перейдут на немецкую сторону этой реки. После этого ее личный состав должен был приложить все усилия для того, чтобы мосты были взорваны, а французы и американцы не смогли бы на плечах отступающих немецких войск перейти Рейн.

75-му полку дивизии было приказано занять позиции в районе Груссенхайма. Его 2-й батальон первым прибыл в этот город и сразу же взял под охрану находящийся здесь мост. Остальные батальоны полка прибыли позже и заняли оборонительные позиции между Кюнхаймом и Маркольсхаймом. Сходная задача была поставлена и перед 76-м полком дивизии, который занял оборонительные позиции рядом с 75-м полком в районе Артольсхайм — Бугцхайм — Маркольсхайм — Артенхайм.

Вскоре после сосредоточения разведывательный батальон дивизии провел разведку боем, после которой немецкому командованию стало ясно, что главной целью союзников являются четыре моста через Рейн-канал между Маркольсхаймом и Кюнхаймом. 26 октября 1944 года французы и американцы начали наступле-

ние, и если бы не упорное сопротивление 30-й дивизии, мосты были бы захвачены неповрежденными.

Эти в целом успешные арьергардные бои решили судьбу дивизии. И 75-й, и 76-й полк понесли такие значительные потери, что на их доукомплектование был пушен новый 77-й полк. Однако дальнейшие бои в Вогезах полностью обескровили дивизию. Особенно их интенсивность возросла в середине ноября 1944 года, когда почти не имевшим тяжелого и противотанкового оружия частям противостояла 1-я французская бронетанковая дивизия. Результатом этих боев стало то, что 30-я дивизия почти полностью утратила способность ко всякого рода боевым действиям. Поэтому немецкое командование отправило ее в тыл.

Вследствие того, что немецкий фронт постоянно отодвигался на восток, дивизию перебрасывали из подчинения одного немецкого корпуса к другому. В целом за относительно недолгий период своего пребывания на Западном фронте дивизия подчинялась командованию следующих корпусов:

- LXIV армейский корпус группы армий «Г» (сентябрь 1944 г.);
- LVIII танковый корпус группы армий «Г» (октябрь 1944 г.);
- LIII, а затем LXIII армейские корпуса группы армий «Г» (ноябрь-декабрь 1944 г.)⁴⁶⁰.

Такие катастрофические потери дивизии были только одной причиной, вследствие которой ее сняли с Западного фронта. Еще одним фактором, повлиявшим на это, была низкая дисциплина в большинстве ее частей.

Следует сказать, что отправка дивизии на Западный фронт не вызвала особой радости среди ее «восточного» персонала. Дело в том, что русские, украинцы и белорусы хотели сражаться на Восточном фронте против большевиков, чтобы потом вернуться на свою Родину. Немцы же гнали их в бой с англо-американскими союзниками, к которым, как писал Франц Кушель, например, «у белорусов претензий не было». Следствием этого стало ухудшение морального состояния бойцов дивизии, которое и до этого уже было не особенно высоким. Так, находясь еще на обучении в Польше, личный состав 2-го батальона 1-го гренадерского полка и 1-го

батальона 2-го гренадерского полка подняли 27 августа 1944 года мятеж и убили, по словам американского историка Антонио Муньоса, «столько немцев, сколько смогли найти». Командование дивизии безжалостно подавило мятеж, казнив всех зачинщиков и распустив 2-й батальон 1-го полка. После этого оно, чтобы поднять дисциплину среди других ненадежных частей, перемещало батальоны остальных полков. Все солдаты, которые участвовали в мятеже, а также те, кто казался Зиглингу ненадежными (всего 2300 чел.), были удалены из дивизии и отправлены в строительные части на линию Зигфрида⁴⁶¹.

После этого немецкое командование еще более укрепило свое мнение, что дивизию необходимо отправить подальше от Восточного фронта. Зиглингу и его начальникам из Главного управления СС казалось, что там, вдали от родины и во враждебной обстановке солдаты дивизии не станут больше восставать. Одновременно они надеялись решить еще одну проблему, связанную с дисциплиной — дезертирство. К слову, эта проблема носила эпидемический характер и преследовала все части дивизии на всем протяжении ее существования. Так, уже 4 августа 1944 года из 12-й роты 3-го батальона 4-го полка дезертировало 5 человек, 11 августа — еще 4, а к 20 августа личный состав этой роты уменьшился на 50 человек. Эти случаи настолько разозлили Зиглинга, что он даже хотел расформировать весь 4-й полк⁴⁶².

Во Франции же подобные настроения не только не сошли на нет, а, наоборот, привели к тому, что наиболее недовольные белорусские солдаты и офицеры стали налаживать связи с французскими партизанами и переходить на их сторону поодиночке или группами. Так продолжалось до декабря 1944 года, когда на сторону партизан перешел сразу целый батальон, укомплектованный белорусами, во главе со своим командиром Ваффен-оберштурмфюрером Григорием Зыбайло⁴⁶³. Следует сказать, что подобные случаи имели место и в украинских и русских частях дивизии. Например, в ночь с 26 на 27 августа 1944 года на сторону «маки» перешел весь 2-й батальон 76-го полка (бывшие 62-й и 63-й батальоны «Schuma») ⁴⁶⁴. Однако самый большой удар по доверию Зиглинга к своим солдатам нанес его друг Муравьев,

который вместе со своим батальоном перешел на сторону союзников в ходе ноябрьских боев под Мюльхаузенем⁴⁶⁵.

В конце концов, эти события также убедили немцев, что держать 30-ю дивизию во Франции крайне неосмотрительно. Поэтому, как уже говорилось выше, в декабре 1944 года она была отведена в Германию, где ее разместили на германо-швейцарской границе в местечке Грайфенвор.

Из-за дезертирства, а также вследствие тяжелых боевых потерь в дивизии на тот период оставалось всего 4,4 тыс. человек. Взвесив ситуацию, Главное управление СС решило 11 января 1945 года расформировать это соединение, а его кадровый состав передать в другие части. Однако для начала гестапо арестовало нескольких наиболее патриотично настроенных белорусских офицеров и расстреляло их (именно под эту репрессивную кампанию попал капитан Виталий Микула). После этого кадровый персонал дивизии был передан в следующие формирования:

- в 25-ю гренадерскую дивизию войск СС (1-ю венгерскую) — *25. Waffen-Grenadier-Division der SS (ungarische Nr. 1)* и 38-ю моторизованную дивизию СС «Нибелунги» — *38. SS-Panzer-Grenadier-Division «Nibelungen»* были переданы немецкие офицеры и унтер-офицеры;

- в 600-ю (русскую) пехотную дивизию вермахта (больше известную как 1-я пехотная дивизия Вооруженных сил КОНР или РОА) были переданы все русские солдаты и офицеры⁴⁶⁶.

Оставшиеся белорусы послужили основой для создания нового формирования: Гренадерской бригады войск СС (1-й белорусской) — *Waffen-Grenadier-Brigade der SS (weissruthenische Nr. 1)*. На 1 марта 1945 года структура этой бригады была следующей:

- Штаб бригады (*Stab der Brigade*);
- 1-й гренадерский полк (*Grenadier-Regiment Nr. 1*), в составе трех батальонов;
- противотанковый батальон (*Panzerjäger-Abteilung*);
- артиллерийский батальон (*Artillerie-Abteilung*);
- кавалерийский (разведывательный) эскадрон (*Reiter-Schwadron*);

- запасной батальон (*Feldersatz-Bataillon*).

Командиром этой бригады продолжал оставаться СС-оберштурмбаннфюрер Ганс Зиглинг. Все командные должности в ней также занимали только немцы⁴⁶⁷.

В декабре 1944 года все обязанности по созданию белорусских добровольческих формирований были переданы в ведение Главного управления СС. В результате переговоров его руководителя СС-обергруппенфюрера Готтлоба Бергера и представителей БЦР было принято решение о формировании новой дивизии войск СС, на этот раз — «чисто белорусской». При этом президент БЦР Радослав Островский и его «военный министр» Константин Езовитов, соглашались сотрудничать с СС, только если дивизия будет создана на следующих условиях:

1. Командиром дивизии должен быть немец.
2. Штаб дивизии — смешанный.
3. Командиры полков и ниже — только белорусы; однако, при каждом из них должен был находиться немецкий офицер связи.
4. Все команды должны будут отдаваться только на белорусском языке.
5. В названии дивизии обязательно должно быть слово «белорусская».
6. Дивизия может быть использована только на Восточном фронте⁴⁶⁸.

В результате 9 марта 1945 года Гренадерская бригада войск СС была переименована в 30-ю гренадерскую дивизию войск СС (1-ю белорусскую) — *30. Waffen-Grenadier-Division der SS (weissruthenische Nr. 1)*⁴⁶⁹.

Все вопросы по вербовке добровольцев для новой дивизии были возложены на Военный отдел БЦР. Но, поскольку среди военных их было недостаточно, в начале марта 1945 года было принято решение набирать в дивизию так называемых «восточных рабочих» — белорусов, которые были вывезены со своей Родины для работы в сельском хозяйстве или промышленности Германии. Однако результаты такой вербовочной компании были незначительными. В одной из докладных записок Кушеля

по этому вопросу говорилось следующее: «Организация дивизии СС идет крайне медленно... Военный отдел БЦР сумел завербовать в дивизию только несколько сот человек. Из обещанной тысячи молодежи... прибыло только около четырехсот человек, при этом часть из них не может быть солдатами по причине молодого возраста — 14- и 15-ти летние юноши. Кроме того, набранная в дивизию молодежь — самая плохая как в физическом, так и в моральном отношении»⁴⁷⁰.

Причины таких плохих результатов Кушель видел в следующем:

- в общем военном положении Германии в это время;
- в недоверии к немцам по причине их предыдущей политики относительно белорусского вопроса;
- в личности Ганса Зиглинга, который опять был назначен командующим дивизии.

Не лучше обстояло дело и с командными кадрами будущей дивизии. Как было сказано выше, все офицеры и унтер-офицеры — немцы и русские были переданы в другие соединения. Отчасти положение спас 1-й Кадровый батальон БКА (подробнее о котором говорилось выше). Так, в течение декабря 1945 года из него на место формирования дивизии в местечко Вайнергаммер (юго-западная Германия) в полном составе были переведены офицерская и унтер-офицерская школы. Однако, следует сказать, что и в этом случае Зиглинг остался верен себе. Всех прибывших офицеров-белорусов он выделил в особую группу и отправил на переподготовку, а унтер-офицеров распределил на разные хозяйственные должности. Со временем, белорусская офицерская школа была низведена Зиглингом до уровня унтер-офицерской, а унтер-офицерская — вообще ликвидирована⁴⁷¹.

В итоге, как из-за нехватки кадрового и личного состава, так и из-за отсутствия необходимого вооружения, из всей планируемой дивизии был сформирован только один полк — 75-й гренадерский полк войск СС (1-й белорусский) — *Waffen-Grenadier-Regiment der SS Nr.75 (weissruthenische Nr. 1)*. Организационно этот полк состоял из трех гренадерских батальонов и имел следующий командный состав:

- командир полка — СС-штурмбаннфюрер Франц Геннингфельд;

- 1-й гренадерский батальон (командир — Ваффен-штурмбаннфюрер Антон Сокол-Кутьловский⁴⁷²);
- 2-й гренадерский батальон (командир — Ваффен-гауптштурмфюрер Дмитрий Чайковский);
- 3-й гренадерский батальон (командир — Ваффен-гауптштурмфюрер Тамила);
- офицером связи между немецким командованием дивизии и белорусским личным составом был назначен майор БКА Борис Рогуля⁴⁷³.

Кроме этого, Зиглинг, еще в период развертывания дивизии, выбрал наиболее лучших белорусских офицеров, унтер-офицеров и рядовых и сформировал из них специальное подразделение, так называемую Охотничью команду (*Jagdkommando*). Эта команда была присоединена к 38-й дивизии СС «Нибелунги». Начальником команды был немец, и она не имела никакой связи с Военным отделом БЦР, так как место ее дислокации было строго засекречено. Позднее Кушель узнал от белорусских солдат, которые дезертировали из этой команды, что во время американского наступления в Баварии немцы бросили ее на произвол судьбы. Однако белорусы не захотели воевать с американцами: часть рядовых и унтер-офицеров сдались без боя, а другие разбежались. Офицеры-белорусы же были увезены немцами в неизвестном направлении⁴⁷⁴.

По состоянию на 30 апреля 1945 года в 30-й дивизии значилось: 50 офицеров, 132 унтер-офицера, 912 рядовых, 50 лошадей, 16 подвод и 6 полевых кухонь⁴⁷⁵.

Из-за быстро надвигающегося поражения Германии, немецкое командование так и не успело окончательно сформировать дивизию. Поэтому ее единственный полк было решено передислоцировать в южную Германию, где в это время немецкое военно-политическое руководство носилось с идеей так называемого «Альпийского редута». В результате 15 апреля 1945 года командир белорусского полка СС-штурмбаннфюрер Геннингфельд получил соответствующий приказ. Надо сказать, что этот приказ устраивал и руководство БЦР. Только оно решило использовать его по-своему: находясь в южной Германии, было удоб-

нее сдать американским войскам и, таким образом, избежать пленения Красной Армией.

25 апреля 1944 года полк прибыл в местечко Айзенштайндорф (Чехия), где его командование вступило в переговоры с находящимся неподалеку штабом командующего Военно-воздушными силами КОНР генерал-майором Виктором Мальцевым. Последний также направлялся на встречу американцам. В ходе этих переговоров Франц Кушель, являвшийся после исчезновения Геннингфельда, фактически, командиром белорусской дивизии, и Мальцев договорились о совместном переходе линии фронта на следующих условиях:

1. Немецко-американский фронт должен быть перейден совместно, при этом если немцы окажут сопротивление, то его следовало бы преодолеть общими силами.

2. От войск СС, при переходе на американскую сторону, также требовалось обороняться совместными усилиями.

3. После перехода на американскую сторону фронта белорусская дивизия и формирования генерал-майора Мальцева действуют дальше самостоятельно⁴⁷⁶.

Следующие четыре дня прошли в дальнейших совещаниях, в ходе которых были обговорены более мелкие вопросы совместного перехода. Наконец, 30 апреля 1945 года белорусский полк двинулся в свой последний поход в составе группы Мальцева. Согласно общей диспозиции, белорусским солдатам предстояло захватить мост через реку Реген, которая разделяла немецкие и американские войска, и охранять его до тех пор, пока вся группа войск вместе с обозами не перейдет на ту сторону реки. В результате этой успешно проведенной операции, германо-американский фронт перешли следующие части:

- штаб Военно-воздушных сил КОНР;
- 1-й авиационный полк (личный состав 4-х эскадрилий и школы летчиков);
- 6-я отдельная рота связи;
- 9-й отдельный полк зенитной артиллерии (личный состав девяти батарей);
- Отдельный парашютно-десантный батальон (личный состав четырех рот);

- Школа пропагандистов РОА;
- 75-й гренадерский полк 30-й (белорусской) гренадерской дивизии войск СС⁴⁷⁷.

Всего, таким образом, в районе города Цвизель (Бавария) в американский плен сдалось около 5100 человек: 4000 русских и 1100 белорусов. После этого они были разоружены и заперты в помещении местной фабрики. В своих воспоминаниях Кушель отмечал, что американские офицеры отделили белорусов от русских, что, на его взгляд, было признанием самостоятельной белорусской национальности и вселяло некоторую надежду⁴⁷⁸.

Однако разоружение русских и белорусских добровольцев было только началом. Приблизительно через час Мальцев и Кушель были вызваны в штаб командира американской дивизии, в полосе которой они перешли линию фронта. Принявший их американский офицер развернул на столе карту и показал на ней место, где Кушель должен был построить свои войска. То же самое, показав на другое место, он приказал сделать генерал-майору Мальцеву. Еще через час белорусский полк был построен в полном порядке. Вскоре явился американский майор с переводчиком, который выслушал рапорт Кушеля и осмотрел построенный личный состав части. Затем майор приказал поделить всех белорусов на группы по 50 человек в каждой и посадить их на машины, которые уже были подготовлены. После этого приказа американец объявил, что полк не оставят в Цвизеле, а перевезут в лагерь для военнопленных в районе города Кам. Вскоре были поданы грузовики, люди сели в них, и колонна двинулась в путь. Через три часа, уже почти на закате, Кушель, который ехал в передовой машине, увидел в поле огромную толпу народа. Как позже выяснилось, это и был сборный пункт для военнопленных, где в поле, по колено в грязи и за колючей проволокой, стояли солдаты разных национальностей: немцы, венгры, словаки, русские, поляки, грузины и др. Сюда же поместили и белорусов⁴⁷⁹.

Бывший боец 30-й дивизии Константин Акула позже писал: «Так, на мокром поле в лагере для военнопленных закончилась белорусская военная эпопея». Однако этот конец был только началом нового, трагического этапа в жизни белорусских добровольцев.

Белорусская дивизия была не единственной, кто в апрельские и майские дни 1945 года добровольно сдался западным союзникам. В надежде избежать советского плена это делали власовцы в Чехии, казаки — в Австрии и туркестанцы и кавказцы — в Италии. Многие из них справедливо полагали, что, попади они в руки советских «компетентных органов», конец для них будет только один. Сдаваясь же в плен американцам и англичанам, они надеялись, что те не выдадут в Советский Союз солдат в немецкой военной форме. Во-первых, как думали одни, это бы противоречило всем законам ведения войны, а во-вторых, как полагали другие, не согласовывалось с британскими и американскими традициями предоставления политического убежища тем, кого преследовали на родине. Но последующие события показали, что и те и другие жестоко ошибались, кто по неведению, а кто по наивности.

С 4 по 11 февраля 1945 года в Ливадийском дворце проходила Ялтинская (Крымская) конференция глав трех великих держав — СССР, США и Великобритании. В ходе этой конференции были приняты разные решения. Нет нужды говорить о значении большинства из них для истории: как известно, они более чем на полвека определили устройство послевоенного мира. Однако среди этих решений были и такие, о которых предпочитают умалчивать до сих пор и на Западе, и в бывшем СССР. Одно из таких решений было не менее важным, чем предыдущие, а по своей судьбоносности даже превзошло многие из них, так какого исполнение на практике обернулось трагедией для миллионов людей. Речь идет о так называемой репатриации советских граждан, волею судеб оказавшихся на территориях, оккупированных немцами.

В юридической плоскости это решение было закреплено в серии договоров глав трех великих держав от 10 и 11 февраля 1945 года. Согласно подписанным документам, все договаривающиеся стороны обязались передавать друг другу граждан союзных государств, которые окажутся в зоне оккупации их армий. Как казалось Рузвельту и Черчиллю, суть проблемы была проста. На территориях, освобождаемых их армиями,

имелось некоторое количество перемещенных лиц — граждан союзной державы, которых было необходимо отправить на родину. Однако третий лидер «большой тройки» — Иосиф Сталин — понимал, что не все, оказавшиеся за пределами СССР, захотят в него вернуться. Поэтому он настоял, чтобы лидеры западных союзников дали согласие на «безусловную и всеобщую репатриацию всех находящихся в их оккупационной зоне советских граждан» по состоянию границ на 1 сентября 1939 года⁴⁸⁰. Это соглашение подлежало выполнению без учета индивидуальных пожеланий. При необходимости допускалось применение силы. И в первую очередь это касалось лиц, «взятых в плен в немецкой военной форме», то есть всех бойцов «восточных» добровольческих формирований. Эти репатриации начались в мае 1945 г. и продолжались до лета 1947 года. Иногда они проходили спокойно, если союзники применяли хитрость, иногда, как в случае с казаками и солдатами Русской освободительной армии, сопровождалась кровавыми эксцессами и гибелью десятков людей. В результате англичане и американцы передали с применением силы в СССР более 2,2 млн советских граждан, которые проходили службу в «восточных» частях германских вооруженных сил (в это число входят также члены семей последних и беженцы, группировавшиеся вокруг тех или иных добровольческих формирований)⁴⁸¹.

Белорусским добровольцам также предстояло испытать на себе все пункты этих соглашений. В первом сборном лагере для военнопленных, куда кроме белорусов попала и группа Мальцева, люди в голоде и холоде провели больше недели. Все это, а также неизвестность и неуверенность в своей дальнейшей судьбе, сильно сказались на моральном состоянии пленных.

Однажды после обеда был объявлен всеобщий сбор. Американский комендант объявил, что прибыло 20 грузовиков американской армии, которые всех желающих могут перевести в другой лагерь — около Нюрнберга. При этом он сказал, что условия содержания на новом месте будут гораздо лучше и что, скорее всего, оттуда, после некоторой проверки, будут отпускать на свободу. Голодные пленные, чтобы получить несколько бисквитов и горстку фасоли, начали сами подходить к грузовикам и согла-

шаться ехать. Таким образом, не узнав заранее, куда они поедут, большая часть белорусов попала на первый этап «путешествия к Сталину».

Несмотря на американские обещания, условия содержания в новом лагере возле Нюрнберга оказались еще хуже. Однако пленные и здесь долго не задержались. Через несколько дней их отправили поездом под Вюрцбург, а оттуда — под Майнц. В этом огромном лагере, за колючей проволокой и под сильной охраной, содержалось более 200 тыс. военнопленных. Вскоре выяснилось, что это не простой лагерь, а нечто похожее на перевалочный пункт, откуда пленных отправляли в СССР. Здесь активно действовали советские агенты, которые уговорами и угрозами заставляли пленных возвращаться на родину. Их столь большая активность объясняется тем, что они действовали с полного согласия американской администрации, которая со своей стороны также прилагала немало усилий, чтобы поскорее избавиться от «восточных» добровольцев. Обычно это заключалось в создании невыносимых условий существования, живя в которых люди начинали думать, что «большевизм не такой уж и страшный враг, как голод», и соглашались ехать в СССР. Те же, кто оставались, продолжали терпеть.

Некоторые белорусские офицеры не сидели сложа руки, а пытались объяснить американцам, что возвращение на родину приведет только к их смерти. Например, так поступал капитан Тамила, один из батальонных командиров полка, который вырос в США и хорошо знал английский язык. Много раз он пытался объяснить американцам, что они совершают огромную ошибку, так как все «восточные» добровольцы вообще, и белорусы — в частности, «их настоящие союзники». Однако в 1945 году обычные американцы еще не мыслили категориями «холодной войны», и такие объяснения им были просто не понятны⁴⁸².

В конце июля 1945 года, после долгих физических и моральных испытаний в лагере под Майнцем, пленные белорусы были перевезены в город Рен (Франция), а оттуда — под Шербур, поближе к советской репатриационной миссии генерал-полковника Филиппа Голикова. Здесь давление на тех, кто не желал возвращения в СССР, достигло кульминационного момента. В ре-

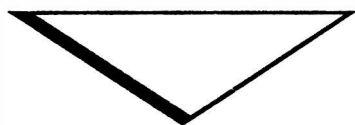
зультате многие согласились ехать на родину. Но были и такие, кто не хотел этого делать ни под каким видом. Всего этих «невозвращенцев» было более 300 человек. Среди них в основном были офицеры, которые понимали, что в Советском Союзе их не ждет ничего хорошего.

В конце концов, 16 августа 1945 года американцы решили, что держать дальше белорусов в лагере и уговаривать их вернуться в СССР, не имеет никакого смысла. К тому же на скорейшем решении этого вопроса настаивала и советская репатриационная миссия. Поэтому они силой посадили их в вагоны и отправили в Айзенах — первую станцию в советской оккупационной зоне. Здесь всех загнали в бывшую немецкую тюрьму, где затем несколько дней и ночей продолжались допросы. В этой тюрьме последний раз видели командира 1-го батальона 75-го белорусского полка подполковника Антона Сокола-Кутыловского, а также генерал-майора Мальцева, который все это время содержался вместе с белорусами. По свидетельствам очевидцев, большинство белорусских офицеров были сразу или почти сразу расстреляны. Что же касается рядовых и унтер-офицеров, то практически все они были осуждены на 25 лет лагерей⁴⁸³. Обычно это было не намного лучше расстрела.

Так закончилась эпопея 30-й белорусской дивизии войск СС. Однако, в принципе, это был конец всех белорусских добровольческих формирований, многие бойцы которых в марте 1945 годаполнили ряды этого соединения. Вообще же после капитуляции Германии судьба белорусских политических и военных коллаборационистов сложилась по-разному. Кто-то, как было сказано выше, вернулся в Советский Союз — сам или против своей воли. Кого-то «компетентные советские органы» арестовали на территории Восточной Европы, вывезли в СССР, судили и казнили. Так, например, закончили свои дни Константин Езовитов, Всеволод Радько, Иван Гелда и Григорий Зыбайло. Некоторым же удалось избежать и первого и второго вариантов — либо самим, либо при помощи западных спецслужб они смогли остаться в Западной Европе или переехать в США. Такими счастливи-

цами стали, например, Радослав Островский, Франц Кушель, Борис Рогуля и Иосиф Сажич. Находясь на Западе, часть из них отошла от политики. Другие, наоборот, еще с большей активностью стали ею заниматься, пополнив ряды многочисленных эмигрантских организаций, которые зачастую всю свою энергию тратили на соперничество друг с другом, а не на «борьбу с большевизмом и московским империализмом», как провозглашалось в их программах.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Процесс создания и использования иностранных добровольческих формирований в германских вооруженных силах не был однозначным явлением. Среди целого ряда причин, обусловивших его появление и развитие, следует выделить такие, которые носят, прежде всего, военный и политический характер.

Военные причины были связаны, с одной стороны, со стремлением германского военно-политического руководства пополнить ряды своих вооруженных сил на фронте, а с другой — увеличить силы по поддержанию порядка в тыловых районах. Политические причины заключались в желании германского политического руководства представить войну (и особенно войну против СССР) как войну всех наций мира против «мирового коммунизма». Последний фактор и обусловил то, что иностранные добровольческие формирования? как отдельная категория германских вооруженных сил, появились, фактически, и именно после начала войны с Советским Союзом.

Процесс создания и использования добровольческих формирований в составе германских вооруженных сил не был и одномерным процессом. На всем протяжении существования этих формирований он подвергался разнообразным изменениям, определяющей чертой которых была немецкая оккупационная политика и происходившие в ней эволюции. Следует подчеркнуть, что взаимосвязь немецкой оккупационной политики с процессом создания иностранных добровольческих формирований не везде была прямой. Она могла быть слабо или сильно выраженной в зависимости от целого ряда причин, связанных с национальным составом оккупированной территории, ее довоенным политическим устройством, геополитическим положением и прочими факторами.

Анализ немецкой оккупационной политики за период с 1941 по 1945 год позволяет сделать вывод, что наиболее сильно ее взаимосвязь с процессом создания и использования иностранных добровольческих формирований прослеживается на оккупированных советских территориях. Таким образом, в системе иностранных добровольческих формирований можно выделить их отдельную и самую многочисленную категорию — коллаборационистские формирования из граждан СССР. Одной из составных частей этой категории и являются белорусские части и соединения.

Процесс создания и использования белорусских коллаборационистских формирований в целом не отличался от подобного процесса, происходившего с другими подобными формированиями из числа советских граждан. Однако, несмотря на это, белорусские подразделения имели ряд особенностей, которые и отличали их от прочих «восточных» частей. В первую очередь эти особенности были связаны с причинами и условиями создания белорусских формирований.

Можно сказать, что за период с 1941 по 1945 год в германских вооруженных силах прошло службу около 50 тыс. добровольцев-белорусов. Примерно это равняется:

- 3,3—3,8% от общей численности добровольцев из числа граждан СССР, которая за период с 1941 по 1945 год составила от 1,3—1,5 млн человек;
- 2,5% от общей численности личного состава иностранных добровольческих формирований, которая за период с 1940 по 1945 год составила около 2 млн человек;
- 0,3% от общей численности германских вооруженных сил, которая за период с 1939 по 1945 год составила около 17 млн человек⁴⁸⁴.

Таким количеством белорусских добровольцев можно было, в среднем, укомплектовать 3—4 немецкие пехотные дивизии⁴⁸⁵ или соединения дивизионного типа. В действительности же белорусскими добровольцами, либо целиком, либо совместно с немецким или другим кадровым персоналом, были укомплектованы следующие части и соединения:

- *1-й Белорусский штурмовой взвод* — 52 человека;
- *Корпус белорусской самообороны*, в 20 батальонах которого проходили службу около 15 тыс. человек;
- *Белорусская вспомогательная полиция порядка*, или «*Schutz*», в 13 батальонах и более мелких подразделениях которой проходило службу около 20 тыс. человек;
- *Белорусский батальон железнодорожной охраны* — около 1000 человек;
- *13-й Белорусский полицейский батальон при СД* — около 1000 человек;
- *Новогрудский кавалерийский эскадрон* — около 100—150 человек;
- *Белорусская краевая оборона*, в 39 пехотных и 6 саперных батальонах которой проходили службу около 30 тыс. человек;
- *1-й Кадровый батальон Белорусской краевой обороны* — 300 человек;
- *Специальный десантный батальон «Дальвиц»* — 200 человек;
- *30-я гренадерская дивизия войск СС (2-я русская)*, в трех полках которой проходили службу около 7000 белорусов;
- *30-я гренадерская дивизия войск СС (1-я белорусская)*, в одном полку которой проходило службу 1094 белоруса.

Приведенные цифры не являются абсолютными, так как, в случае с белорусскими формированиями (и вообще с «восточными» добровольцами), не всегда можно учесть их боевые и небоевые потери, организационные перемещения личного состава и другие изменения. В то же время эти цифры дают примерное представление о численности белорусских добровольцев, состоявших в рядах германских вооруженных сил. Главной причиной этого является то, что набор добровольцев не всегда проходил по линии ОКВ, ОКХ, Главного управления СС и т.п., то есть централизованно. Как известно, создание большинства подобного рода формирований, а также прием добровольцев на службу в немецкие части осуществлялись по инициативе полевых командиров германских вооруженных сил, и поэтому это далеко не всегда находило отражение в документах органов главного командования.

Причину же такого численного соотношения белорусских, «восточных» и иностранных добровольцев вообще следует искать, главным образом, в тех политических и военных условиях, в которых проходило создание и использование белорусских добровольческих формирований.

Каковы же были те главные политические причины, побудившие нацистское военно-политическое руководство использовать в военных целях население оккупированной территории СССР? Долгое время в советской историографии бытовало мнение, что военных коллаборационистов среди граждан СССР было очень мало и не стоит тратить силы и время на изучение этой проблемы. В некоторой части современной российской, украинской и белорусской историографии это мнение бытует и сейчас. Однако, судя по приведенным выше цифрам, это было не совсем так, что позволяет рассматривать некоторые события Второй мировой войны на территории СССР как войны гражданской. Особенно ярко это проявилось на территории Белоруссии, где численность местных добровольческих формирований, а также численность других «восточных» частей, дислоцировавшихся на ее территории, почти равнялась количеству советских партизан.

Начиная войну против СССР, нацисты в качестве одной из главных задач ставили перед собой разрушение его как многонационального государства, путем привлечения на свою сторону в борьбе с «большевизмом и московским империализмом» представителей нерусских народов и национальных меньшинств. В результате одним из способов привлечения на сторону Германии этих народов и стало создание так называемых «восточных» частей и соединений.

Однако нельзя сказать, что такое большое количество граждан СССР, составивших более половины всех иностранных добровольцев, можно объяснить только деятельностью соответствующих германских органов, при полной пассивности первых. С их стороны также наблюдалась некоторая «активность», причины которой кроются в особенностях политического и общественно-

го развития СССР в предвоенный период. В первую очередь эти особенности были связаны с нерешенным национальным вопросом (важной стороной которого были религиозные противоречия), насильственной коллективизацией и политическими репрессиями. Поэтому не является секретом, что до 1941 года в Советском Союзе была масса недовольных сталинским режимом, настроения которых не мог не использовать осмотрительный враг. В результате политическое, социальное и национальное недовольство и дали в период Второй мировой войны такое количество «восточных» коллаборационистов.

Кроме того, нельзя не учитывать роль и огромную антикоммунистическую эмиграцию, большинство представителей которой только и мечтало о том, чтобы при первом удобном случае вернуться с оружием в руках в СССР. При этом им было все равно, благодаря чьей поддержке осуществится это возвращение: демократических Англии и Франции, или национал-социалистической Германии.

* * *

В целом все вышесказанное в полной мере относится и к причинам создания белорусских коллаборационистских формирований, которое, однако, происходило в условиях такого тесного и причудливого переплетения политических, военных, национальных, религиозных и социальных факторов, какого не было ни на одной из других оккупированных советских территорий. Вследствие этого на белорусских формированиях, как ни на каких других из числа «восточных» частей, отразилось противостояние тех противоборствующих группировок, которые действовали в тот период в республике. Можно выделить следующие политические силы, которые боролись за влияние на процесс создания этих формирований:

1. Гражданская оккупационная администрация и СС.
2. Сторонники «национальной» концепции Альфреда Розенберга и «русифильская партия» офицеров вермахта.
3. Сторонники активного коллаборационизма с немцами из числа белорусских националистов и сторонники белорусской «третьей силы».

4. Белорусские «самостийники» и сторонники совместной деятельности всех народов СССР под эгидой власовского КОНР.

5. Белорусы-католики и белорусы-православные.

6. Западные и восточные белорусы.

Каждая из этих сторон имела свою концепцию будущего развития Белоруссии и, соответственно, по-своему видела роль белорусских добровольческих формирований в ней. Причем немецкая точка зрения, будучи чисто утилитаристской и неоднозначной, являлась иногда диаметрально противоположной националистической. Немцы хотели выиграть войну и поэтому пытались использовать любые средства. Националисты же в деле создания добровольческих частей выдвигали на первый план следующие задачи:

1. Создание как можно большего количества белорусских формирований, снабженных современным (или даже любым) вооружением и снаряжением;

2. переподчинение новых и уже имеющихся формирований руководству белорусских национальных организаций, при минимальном контроле со стороны немцев;

3. воспитание личного состава этих формирований в белорусском национальном духе;

4. подготовка на современном уровне как можно большего количества офицеров и унтер-офицеров, воспитанных в национальном духе.

Со временем все вышеуказанные моменты должны были послужить предпосылками для создания Белорусской национальной армии.

В научной и мемуарной литературе до сих пор не прекращается спор: имели ли белорусские добровольческие формирования действительно белорусский национальный характер (как, например, прибалтийские, украинские и т.п.). Этот вопрос очень важен, так как положительный ответ на него является очень существенным для поддержания мифа о «белорусском национально-государственном строительстве в период Второй мировой войны», да и мифа о белорусском национализме вообще. Естественно, что белорусские эмигрантские историки отвечают на этот вопрос однозначно: «да, эти части имели такой характер». Более

того, «два основных желания были телом и душой основной массы белорусских солдат... — служение униженной и порабощенной Родине и отказ воевать на стороне своих врагов»⁴⁸⁶.

Поскольку советские историки обходили стороной этот вопрос, белорусским националистам отвечали патриоты единой и неделимой России. Так, уже упоминавшийся Иван Коринкевич писал: «В Белоруссии действовали самые крупные антисоветские отряды Каминского и Родионова. Но не образовалось ни одного, буквально ни одного, хотя бы самого захудалого, белорусского самостоятельного отряда, бойцы которого сражались бы за независимость Белоруссии»⁴⁸⁷.

В принципе, правы приверженцы обеих точек зрения. Истина, как обычно, лежит где-то посередине. Однако чтобы понять это, необходимо вспомнить, что представляла собой белорусская национальная идея и белорусское национальное движение на тот момент. Выше уже было показано, что как таковой развитой национальной идеи белорусское национальное движение еще не имело (в отличие от, например, украинского). Само же оно состояло из нескольких группировок, которые в своей деятельности ориентировались на разные политические силы и враждовали между собой. Еще более проблематичным был вопрос с национальным самосознанием белорусского народа: даже после всех социальных экспериментов начала XX века и политики белорусизации советского правительства многие белорусы искренне считали себя частью русского народа. Поэтому трудно сказать, был ли личный состав какого-нибудь из добровольческих формирований действительно проникнут белорусской национальной идеей. Скорее всего, такую идею (или как ее понимали их покровители из различных группировок белорусских националистов) разделяли некоторые белорусские офицеры и унтер-офицеры, которые по мере сил старались внедрить ее среди рядового состава. Однако даже по признанию самих националистов (например, Франца Кушеля) таких «сознательных патриотов» было очень мало. К тому же, как можно было убедиться, немцы крайне отрицательно относились к любой националистической пропаганде, преследуя ее иногда наравне с коммунистической. Хотя даже и они не отрицали, что формирования с белорусским коман-

дным составом сражались намного лучше, чем формирования, где на всех должностях были немцы. Таким образом, единственной частью, которая в целом имела белорусский национальный характер, следует признать Новогрудский кавалерийский эскадрон Бориса Рогули. Роль последнего в этом огромна, однако заслуга генерального комиссара Курта фон Готтберга не меньше, уже хотя бы потому, что он разрешил этому эскадрону быть таким. К слову, это было и единственное белорусское коллаборационистское формирование, при создании и использовании которого немцы выполнили все свои обещания. И в этом его своего рода уникальность.

Все указанные выше особенности ситуации и перипетии политической борьбы в оккупированной Белоруссии, несомненно, наложили значительный отпечаток на процесс боевого применения коллаборационистских формирований. Вся их история до эвакуации в Германию (июнь-июль 1944 года) свидетельствует о том, что немцы организовывали эти части исключительно как полицейские (даже, если формально они и не относились к полиции). В целом, с военной точки зрения, они проявили себя положительно. Не секрет, что с партизанским движением на территории Белоруссии боролись именно добровольческие формирования (белорусские и другие, которые в это время там находились), так как немецких частей было не так много, и вообще они были не лучшего качества. Наилучшим образом себя, конечно, проявили части, которые формировались из уже обстрелянного и подготовленного контингента или которые имели достаточное время на подготовку (например, Белорусский батальон железнодорожной охраны и 13-й белорусский полицейский батальон при СД). Части же, которые создавались наспех и без должной подготовки, как правило, распадались при первом же серьезном боестолкновении или даже до него (например, большинство батальонов БКА).

Выше уже называлось много причин, которые так или иначе, обусловили низкую боеспособность отдельных белорусских добровольческих формирований. На наш взгляд, следует выделить только два основных фактора: деятельность различных немецких инстанций и влияние партизанского движения (причем не

только советского). Немцы приложили немало усилий, чтобы создать действительно боеспособные коллаборационистские формирования. Понятно, что они сами были в этом заинтересованы. Однако из-за несогласованной политической линии большинство из них они же и загубили: какие-то отказом снабдить вооружением и снаряжением, какие-то репрессиями за видимость националистического характера. Фактически, такая политика проводилась до самой мобилизации в БКА, однако, даже отказавшись в целом от нее (но не всех ее атрибутов), уже ничего нельзя было исправить. Тем более что второй, партизанский фактор, который действовал на протяжении всей оккупации, к весне 1944 года, естественно, только усилился.

Вообще же этот фактор оказал значительное влияние на процесс создания белорусских частей и их боевое применение. В советское время о партизанском движении писали как об исключительно коммунистическом. Однако выше уже было показано, что оно было неоднородным и отличалось как по политическим взглядам его сторонников, так и по их национальной принадлежности. Из всей массы советских, белорусских, польских, украинских и еврейских партизанских отрядов наибольшее влияние на белорусские добровольческие части оказали первые три категории. Каждое из них делало это в меру своих возможностей и сил и с разной степенью результативности. Тем не менее только воздействие советского партизанского движения было наиболее существенным и действительно смогло отразиться на процессе создания и использования белорусских добровольческих формирований. Роль же белорусского националистического партизанского движения вообще и его влияния на добровольческие подразделения, в частности, следует признать незначительной, так как ни одной из целей, поставленной перед ним, оно не достигло.

Наиболее острым и болезненным моментом в истории всех коллаборационистских формирований является вопрос об их участии в репрессиях против мирного населения. Естественно, белорусские части не были исключением из этого правила. К тому же партизанская война здесь приобрела особенно крайние формы, зачастую выливаясь в войну гражданскую. Однако следует признать, что приписывать белорусским добровольцам ка-

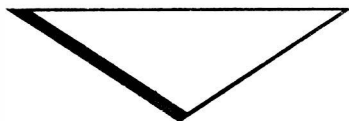
кие-либо эксцессы на национальной или религиозной почве нельзя. В отличие от, например, Прибалтики, Украины или Крыма белорусские добровольцы никогда не убивали людей за то, что они говорили на другом языке или исповедовали другую религию⁴⁸⁸. Этого не делали даже те белорусские формирования, которым можно условно приписать национальный характер. Все акции по уничтожению мирного населения, в которых приходилось участвовать белорусской полиции, вполне укладываются в рамки «обычных» проявлений немецкого оккупационного режима. Так бы на их месте поступали любые другие добровольцы.

Белорусской полиции, естественно, приходилось участвовать и в уничтожении еврейского населения. Тем не менее большинство историков склонны утверждать, что это также не выходило за рамки «обычных» проявлений оккупации. В целом уровень антисемитизма в Белоруссии был значительно ниже, чем, например, на Украине, и белорусское население «не прославилось» массовыми антиеврейскими эксцессами, как, например, в Прибалтике.

История белорусских коллаборационистских формирований закончилась, фактически, в июле 1944 года. В эмиграции также были попытки создать нечто подобное и с немецкой, и с белорусской стороны. Однако ни по масштабам, ни по значению части, которые были созданы в промежуток времени с июля 1944 по апрель 1945 года, ни в коем случае нельзя сравнивать с частями, которые были созданы в период оккупации. К тому же в деле их создания было больше политики, чем военных соображений. В принципе, эта закономерность касается не только белорусских добровольцев.

Закономерным был и конец этих формирований, который, помимо всего прочего, показал, что поражение ждет всех, кто попадет в центр схватки между двумя гигантами. К тому же если еще и погонится за заведомо утопической идеей, какой на тот момент являлся белорусский национализм с его стремлением создать «Независимую Белоруссию». Ни политических, ни военных, ни национальных, ни каких-либо других предпосылок для подобного начинания в условиях того времени попросту не было.

ПРИЛОЖЕНИЯ

КАЛЕНДАРЬ ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ (1941—1945)

Дата	Событие
1941	
22 июня	Нападение нацистской Германии на Советский Союз. Начало Великой Отечественной войны
24 июня	Генерал-лейтенант Вальтер Брэмер назначен командующим войсками вермахта на территории рейхскомиссариата «Остланд»
17 июля	Указ Гитлера о введении гражданского управления в оккупированных «восточных областях». Создание Министерства по делам оккупированных «восточных областей» (руководитель — Альфред Розенберг) Этим же указом на рейхсфюрера СС Генриха Гимmlера было возложено «полицейское обеспечение восточных территорий»
июль	СС-группенфюрер Ханс-Адольф Прютцманн принял обязанности главного фюрера СС и полиции области «Россия-Север» (включала территорию рейхскомиссариата «Остланд»). СС-группенфюрер и генерал-лейтенант полиции Эрих фон дем Бах-Зелевски принял обязанности главного фюрера СС и полиции области «Россия-Центр» (включала территорию восточной Белоруссии) Фюрером СС и полиции генерального округа «Белоруссия» назначен СС-группенфюрер Якоб Шпорренберг Генерал пехоты Макс фон Шенкендорф принял обязанности командующего тыловым районом и охранными войсками группы армий «Центр»
20 июля	Берлинское совещание высшего военно-политического руководства Германии, на котором Альфред Розенберг представил план будущего административно-политического устройства «восточных областей»

Дата	Событие
август	Совместная операция белорусской «службы порядка» и украинской «Полесской сечи» атамана Тараса Бульбы-Боровца против остатков Красной Армии и советских партизан в районе Мозыря
1 сентября	Официальное начало функционирования рейхскомиссариатов «Остланд» и «Украина». Создание в структуре «Остланда» генерального округа «Белоруссия». Назначение Вильгельма Кубе на пост генерального комиссара «Белоруссии»
осень	Создание <i>Белорусской народной громады</i> , или просто <i>Громады</i> на минском совещании БНС.
22 октября	Указ генерального комиссара «Белоруссии» Вильгельма Кубе о создании <i>Белорусской народной самопомощи</i>
11 ноября	СС-обергруппенфюрер Фридрих Еккельн назначен главным фюрером СС и полиции области «Россия-Север».
ноябрь	Приказ о формировании в зоне ответственности гражданской администрации частей «вспомогательной полиции порядка» (<i>«Schuma»</i>)
2 декабря	Директива Верховного командования сухопутных войск вермахта «Особые указания для борьбы с партизанами». Начало активного использования «местных отрядов»
декабрь	Открытие в Минске курсов по переподготовке офицеров полиции
1942	
начало июня	1-е совещание командиров белорусских националистических партизанских отрядов (Ивацевичи, Брестская область). Создание «Совета атаманов» под председательством полковника Ивана Шанько
29 июня	Указ генерального комиссара «Белоруссии» Вильгельма Кубе о начале создания <i>Корпуса белорусской самообороны</i>

Дата	Событие
начало июля	Минский (учредительный) съезд <i>Белорусской независимости партии</i>
16 июля	Официальное начало создания <i>Корпуса белорусской самообороны</i>
начало августа	Открытие в Минске трехмесячных курсов командного состава <i>Корпуса белорусской самообороны</i>
конец октября	Начало формирования <i>Белорусского батальона железнодорожной охраны</i>
18 декабря	Берлинская конференция высшего военно-политического руководства Германии, отвечающего за «восточную политику». Курс на тесное сотрудничество с народами СССР
декабрь	Начало формирования <i>13-го Белорусского полицейского батальона при СД</i>
1943	
апрель	Расформирование <i>Корпуса белорусской самообороны</i>
май	Уничтожение белорусского националистического партизанского движения советскими партизанами
22 июня	Указ генерального комиссара «Белоруссии» Вильгельма Кубе о создании <i>Союза белорусской молодежи</i>
июнь	Первый конфликт Кубе и СС. Реорганизация <i>Белорусской народной самопомощи в Белорусскую самопомощь</i> Начало создания белорусских батальонов вспомогательной полиции порядка (« <i>Schuta</i> »- батальоны)
27 июня	Указ генерального комиссара «Белоруссии» Вильгельма Кубе о создании <i>Белорусского совета доверия</i>
август	Назначение капитана Франца Кушеля на пост главного опекуна полиции в генеральном округе «Белоруссия»
осень	Создание <i>Белорусского национально-демократического объединения</i>

Дата	Событие
23 сентября	Убийство советскими агентами генерального комиссара «Белоруссии» Вильгельма Кубе. Назначение СС-группенфюрера Курта фон Готтберга исполняющим обязанности генерального комиссара «Белоруссии»
ноябрь	Начало создания <i>Новогрудского кавалерийского эскадрона</i> Бориса Рогули
21 декабря	Указ генерального комиссара «Белоруссии» Курта фон Готтберга о создании <i>Белорусского центрального совета</i>
1944	
22 января	Первое заседание <i>Белорусского центрального совета</i> . Дискуссия о проекте создания <i>Белорусской краевой обороны</i>
23 февраля	Совместный указ президента БЦРР дослава Островского и генерального комиссара «Белоруссии» Курта фон Готтберга о создании <i>Белорусской краевой обороны</i>
10 марта	Начало мобилизации в <i>Белорусскую краевую оборону</i>
середина марта	Открытие в Минске курсов переподготовки командного состава <i>Белорусской краевой обороны</i>
1 апреля	Указ Гитлера о выделении генерального округа «Белоруссия» из состава «Остланда». С этого дня — это самостоятельный округ, руководитель которого стал подчиняться непосредственно Альфреду Розенбергу.
19 апреля	Генерал кавалерии Эдвин фон Роткирх-унд-Трах назначен командующим войсками вермахта на территории генерального комиссариата «Белоруссия»
2-я половина мая	Начало активного боевого применения частей <i>Белорусской краевой обороны</i>
2-я половина июня	Открытие в Минске офицерской школы <i>Белорусской краевой обороны</i>

Дата	Событие
23 июня	Красная Армия приступила к освобождению Белоруссии. Начало операции «Багратион»
27 июня	Проведение в Минске 2-го Всебелорусского конгресса
30 июня	Эвакуация немецкой администрация и <i>Белорусского центрального совета</i> из Минска
июль	Начло создания <i>Специального десантного батальона «Дальвиц»</i> Создание <i>Бригады вспомогательной полиции «Зиглинг»</i>
1 августа	Приказ рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера о создании <i>30-й гренадерской дивизии войск СС (2-й русской)</i>
13 сентября	Указ президента Белорусского центрального совета о создании <i>1-го Кадрового батальона Белорусской краевой обороны</i>
2-я половина сентября	Приказ о передислокации <i>30-й гренадерской дивизии войск СС (2-й русской)</i> на Западный фронт
14 ноября	Торжественное заседание в Праге по случаю создания Комитета освобождения народов России под председательством генерал-лейтенанта Андрея Андреевича Власова
18 ноября	Берлинское заседание «представителей поработанных Россией народов». Открытый вызов власовскому движению
ноябрь — декабрь	Диверсионно-разведывательные и партизанские операции частей <i>Специального десантного батальона «Дальвиц»</i> в тылу Красной Армии. Попытки создания <i>Белорусской освободительной армии</i> Бои <i>30-й гренадерской дивизии войск СС (2-й русской)</i> против наступающих войск западных союзников в Эльзасе (Франция).

Дата	Событие
1945	
11 января	Приказ Главного управления СС о расформировании <i>30-й гренадерской дивизии войск СС (2-й русской)</i> . Создание <i>Гренадерской бригады войск СС (1-й белорусской)</i>
начало марта	Берлинское совещание <i>Белорусской незалежницькой партыі</i> . Курс на развертывание антисоветского партизанского движения в Белоруссии. Создание <i>Белорусской военной организации</i>
9 марта	Приказ о переформировании <i>Гренадерской бригады войск СС (1-й белорусской)</i> в <i>30-ю гренадерскую дивизию войск СС (1-ю белорусскую)</i>
30 апреля	Переход <i>30-й гренадерской дивизией войск СС (1-й белорусской)</i> немецко-американского фронта. Сдача в плен личного состава дивизии

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Таблица А. 1

Общая таблица численности иностранных добровольцев в германских вооруженных силах (1940—1945)

Категории добровольцев	«Хиви»	Вспомогательная полиция порядка	Боевые части		Всего
			Вермахт	Войска СС	
Граждане государств Западной и Северо-Западной Европы	ок. 54,5 тыс.	—	140 тыс.	140 тыс.*	ок. 195 тыс.
Граждане государств Восточной и Юго-Восточной Европы	20—25 тыс.	170—180 тыс.	50 тыс.	44 тыс.	ок. 300 тыс.
Граждане СССР	665—675 тыс.	390—400 тыс.	385—390 тыс.	85 тыс.	1,3—1,5 млн
Арабы	—	—	ок. 5 тыс.	—	5—6 тыс.
Индийцы	—	—	3 тыс.	2,3 тыс.**	3—4 тыс.
Всего:	ок. 735—750 тыс.	ок. 560—580 тыс.	445—450 тыс.	ок. 270 тыс.	ок. 2 млн

* К концу 1944 года все добровольцы этой категории были переданы из вермахта в войска СС.

** В августе 1944 года все индийские добровольцы были переданы из вермахта в войска СС.

**Общая таблица численности «восточных» добровольцев
в германских вооруженных силах (1941—1945)**

Категории добровольцев	Вермахт силы охраны правопорядка	Войска СС	Всего
Русские	ок. 289,5 тыс.	ок. 20,5 тыс.	ок. 310 тыс.
Украинцы	ок. 224 тыс.	ок. 26 тыс.	ок. 250 тыс.
Белорусы	ок. 7 тыс.	ок. 12 тыс.	ок. 19 тыс.*
Казачи	ок. 20 тыс.	ок. 50 тыс.	ок. 70 тыс.
Литовцы	ок. 36,8 тыс.	—	ок. 36,8 тыс.
Латыши	ок. 49 тыс.	ок. 39 тыс.	ок. 88 тыс.
Эстонцы	ок. 49 тыс.	ок. 20 тыс.	ок. 69 тыс.
«Туркестанцы»	ок. 178 тыс.	ок. 2 тыс.	ок. 180 тыс.
Северокавказцы	ок. 27,4— 29,4 тыс.	ок. 0,6 тыс.	ок. 28—30 тыс.
Грузины	ок. 19,6 тыс.	ок. 0,4 тыс.	ок. 20 тыс.
Армяне	ок. 17,6 тыс.	ок. 0,4 тыс.	ок. 18 тыс.
Азербайджанцы	ок. 24—34 тыс.	ок. 1 тыс.	ок. 25—35 тыс.
Поволжские татары	ок. 38 тыс.	ок. 2 тыс.	ок. 40 тыс.
Крымские татары	ок. 12,6— 17,6 тыс.	ок. 2,4 тыс.	ок. 15—20 тыс.
Калмыки	ок. 5 тыс.	—	ок. 5 тыс.
Всего:	ок. 997,5 тыс. — 1,01 млн	ок. 176,3 тыс.	ок. 1,17— 1,18 млн.**

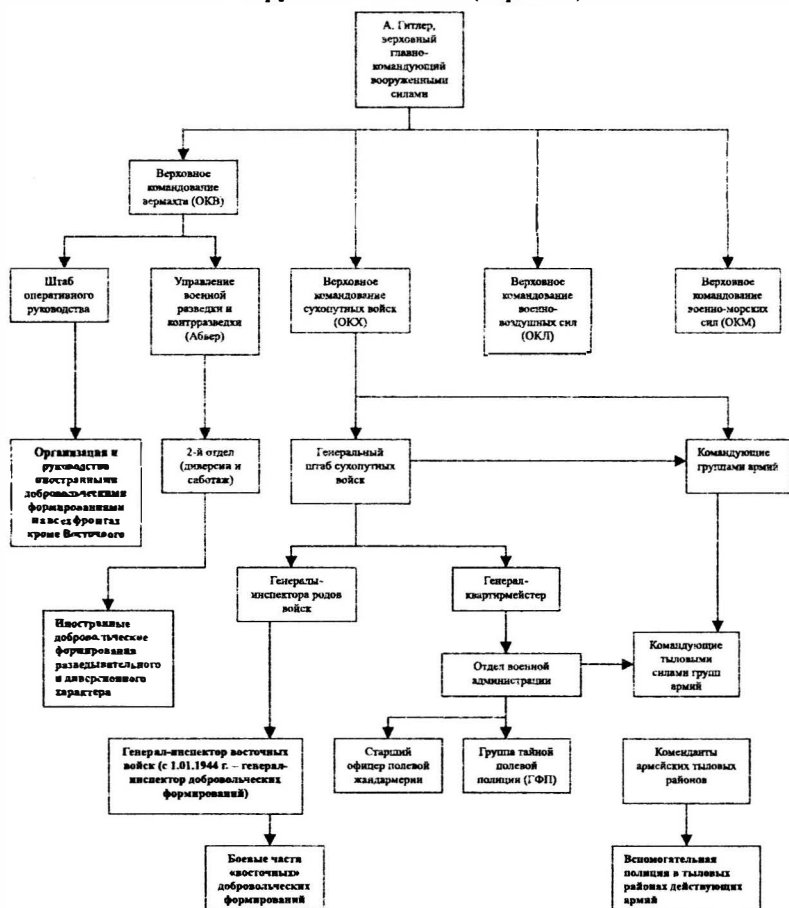
* Данные о численности белорусских добровольцев в составе германских вооруженных сил даны без учета личного состава Белорусской краевой обороны (более 30 тыс. человек).

** Приведенные общие цифры касаются только тех добровольцев из числа граждан СССР, наличие которых подтверждается документальными источниками. Однако, кроме этих добровольцев, набранных централизованно, было еще около 200—300 тыс. человек, которые в индивидуальном порядке или небольшими группами входили в состав немецких частей и соединений. Если же учитывать и этих добровольцев, то как раз и получится цифра в 1,3—1,5 млн граждан СССР, проходивших службу в составе германских вооруженных сил.

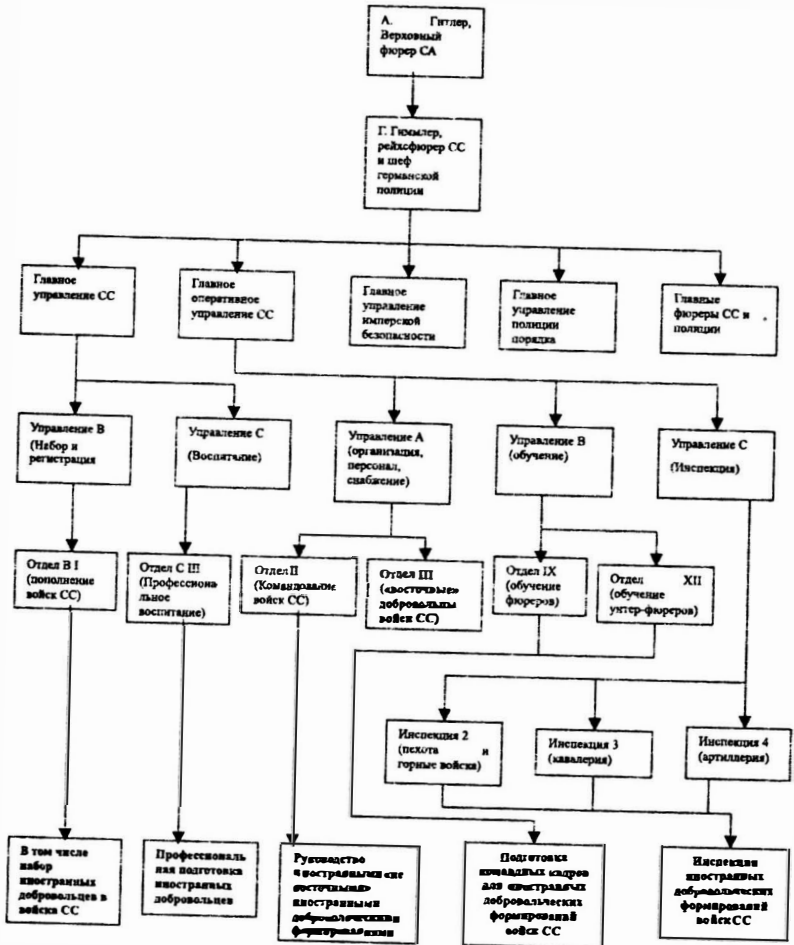
ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Схема Б.1

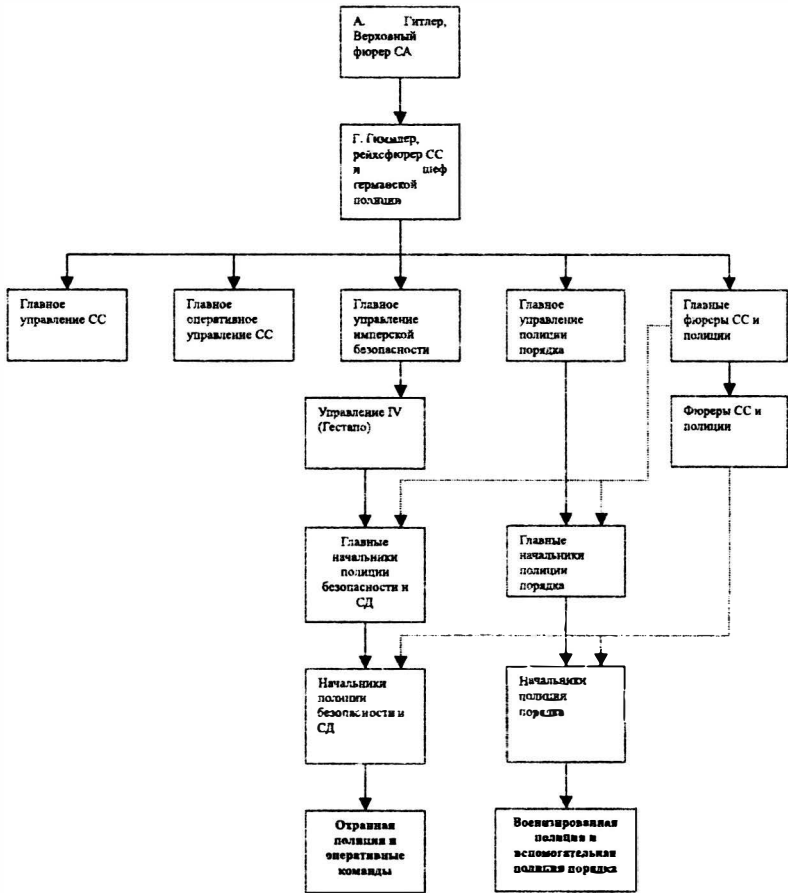
Система подчинения и руководства иностранными добровольческими формированиями в германских вооруженных силах (вермахт)

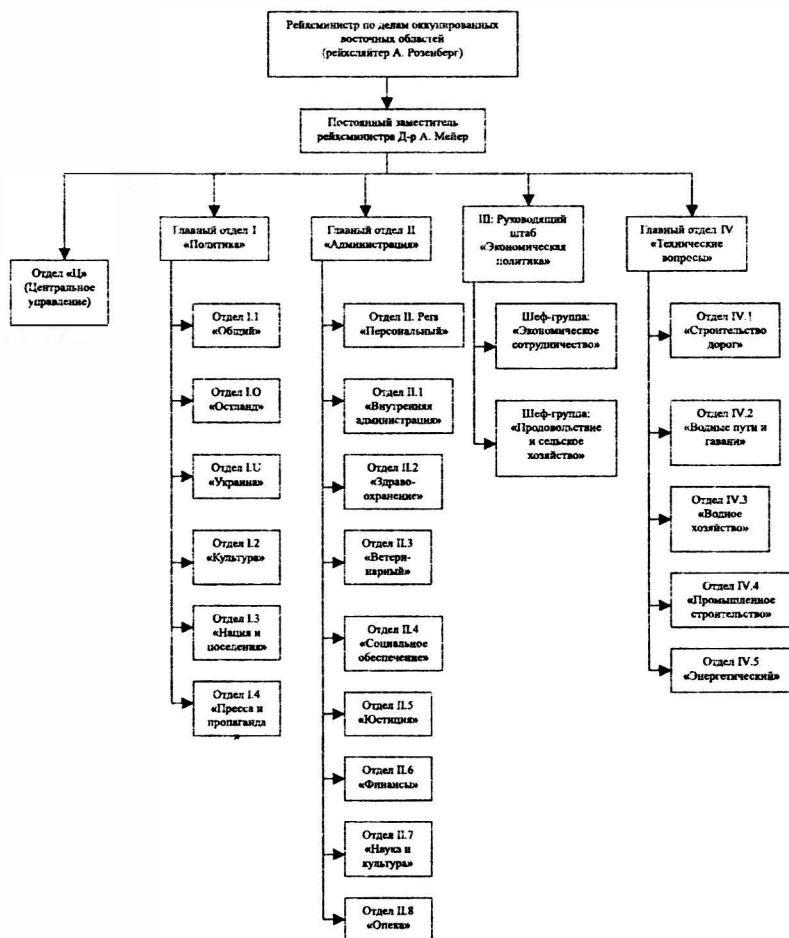
**Система подчинения и руководства иностранными
добровольческими формированиями в германских
вооруженных силах (войска СС)**

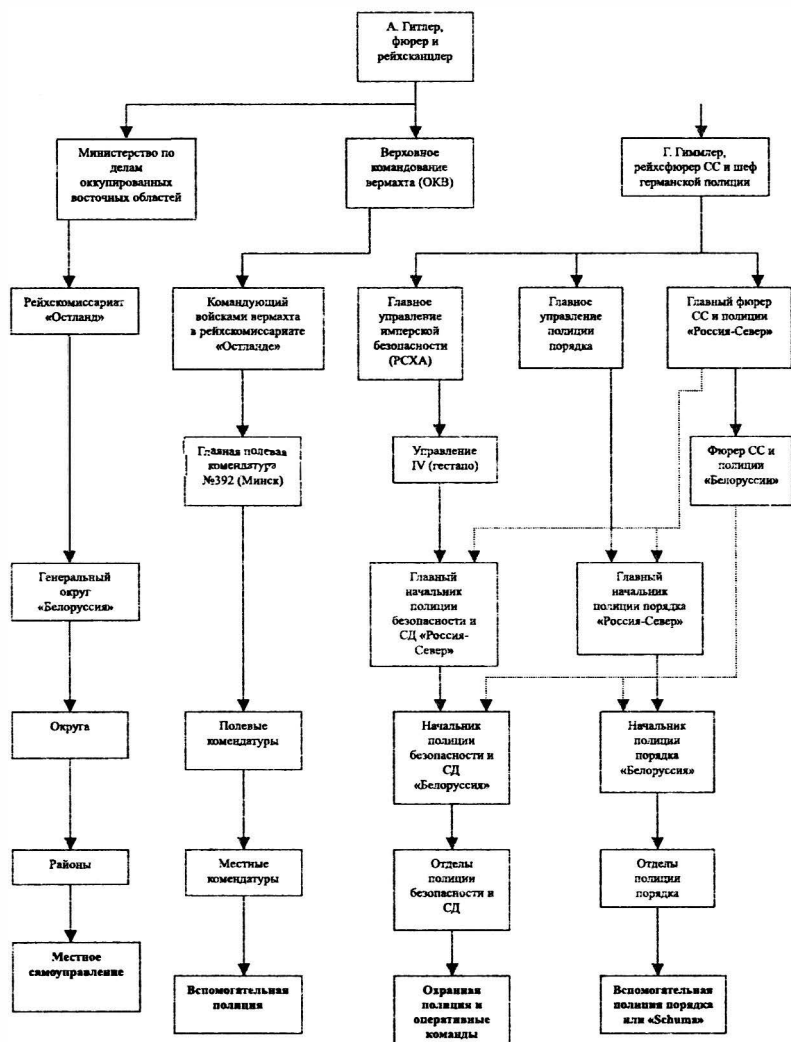
**Осistema подчинения и руководства иностранными
добровольческими формированиями
(по соювиюгерманских вооруженных силах (полиция))**

Структура министерства по делам оккупированных восточных областей (по состоянию на 1 декабря 1941 года)

Военно-административная система на территории генерального округа «Белоруссия» (1941—1943 годов)

**Военно-административная система на территории
генерального округа «Белоруссия» (1943—1944 годов)**

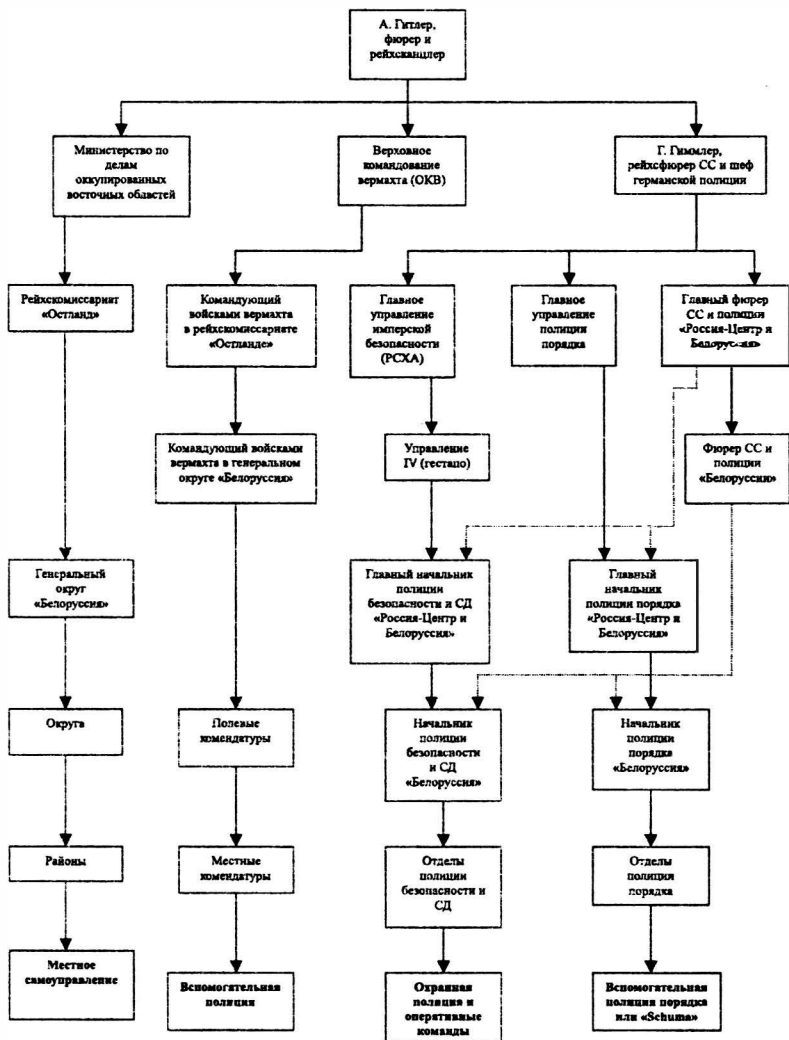

Таблица Б.6

**Площадь и население генерального округа «Белоруссия»
(по состоянию на апрель 1942 — декабрь 1943 года)**

Округ	Площадь, км ²	Население	Население на км ²	По состоянию на
Барановичи	5694	341 522	59,2	07.03.1943 г.
Борисов*	1248	32 717	26,2	20.01.1943 г.
Глубокое	8746	340 217	38,9	16.12.1943 г.
Ганцевичи	6085	119 595	18,8	22.01.1943 г.
Лида	3641	278 508	60,0	11.11.1942 г.
Минск (город)	42	103 110	—	15.04.1942 г.
Минск (округ)	5429	304 241	56,0	13.12.1942 г.
Новогрудок	4301	194 504	45,2	03.03.1943 г.
Слоним	4704	171 563	36,4	08.12.1942 г.
Слуцк	5242	220 603	42,1	10.12.1942 г.
Вилейка	7530	299 553	47,7	23.01.1943 г.
Всего	53 660	2 411 333	42,8 (45 с городом Минск)	—

* Только район Плишаницы, остальная часть округа находилась под управлением военной администрации.

Таблица Б.7

**Перечень полевых и местных комендатур
на территории Белоруссии (1941—1945 годов)**

Номер комендатуры	Период функционирования	Местодислокации
Oberfeldkommandantur 392	1942—1944	Минск
Oberfeldkommandantur 399	1942—1944	Бобруйск (1942—1944), Полоцк (1944)
Oberfeldkommandantur 400	1943 — апрель 1944	Барановичи
Oberfeldkommandantur 579	1941	Брест
Feldkommandantur 181	1943	Лепель (1943)

Номер комендатуры	Период функционирования	Место дислокации
Feldkommandantur 191	1941—1942, 1943	Могилев (1941—1942), Гомель (1943)
Feldkommandantur 194	1944	Пинск (1944), Полоцк (1944)
Feldkommandantur 199	1941, 1942—1943, 1944	Витебск (1941, 1944), Борисов (1942—1943)
Feldkommandantur 250	ноябрь 1943—1944	Слоним
Feldkommandantur 516	1944	Борисов
Feldkommandantur 528	1941—1942	Рогачев
Feldkommandantur 550	1942—1943	Старые Дороги
Feldkommandantur 551	1 марта 1943—1944	Лида
Feldkommandantur 581	1941 — апрель 1942, 1943—1944	Бобруйск (1941 — апрель 1942), Жлобин (1943—1944)
Feldkommandantur 619	1943—1944	Мозырь
Feldkommandantur 660	8 февраля 1942—1943, 1943, 1944	Вилейка (8 февраля 1942—1943), Глубокое (1943), Поставы (1944)
Feldkommandantur 749	1941—1942, 1943	Полоцк (1941—1942), Лепель (1944)
Feldkommandantur 754	1943	Пинск и Полоцк
Feldkommandantur 812	1941—1942, 1942—1943, 1943	Минск (1941—1942), Молодечно (1942—1943), Слуцк (1943)
Feldkommandantur 813	1942—1943, 1944	Могилев (1942—1943), Березено (1944)
Feldkommandantur 815	1941, июль 1942 — январь 1943, 1943—1944	Витебск (1941), Полоцк (июль 1942 — январь 1943), Городок (1943—1944)
Feldkommandantur 820	1944	Береза

Номер комендатуры	Период функционирования	Место дислокации
Ortskommandantur 79	13 октября 1941— 31 марта 1942	Бешенковичи
Ortskommandantur 194	1941—1942	Быхов
Ortskommandantur 256	1941, 1942—1944	Поставы (1941), Глубокое (1943—1944)
Ortskommandantur 262	1941, 1943	Россоно (1941), Шумилино (1941), Дрисса (1943), Бешенковичи (1943)
Ortskommandantur 264	июль 1941 — сентябрь 1944	Барановичи
Ortskommandantur 273	1943	Бобруйск
Ortskommandantur 282	1942	Витебск
Ortskommandantur 292	1941, 1943	Свенцяны и Могилев (1941), Пинск (1943)
Ortskommandantur 309	1942	Слуцк
Ortskommandantur 335	1943, 1944	Полоцк (1943), Браслав (1944)
Ortskommandantur 339	1942, 1944	Глубокое
Ortskommandantur 340	1943	Марьина Горка
Ortskommandantur 343	1943—1944	Слуцк
Ortskommandantur 344	1943—1944	Березино
Ortskommandantur 352	1942	Минск и Ганцевичи
Ortskommandantur 354	1941, 1943	Борисов
Ortskommandantur 355	1942—1943	Лида
Ortskommandantur 360	1944	Славковичи
Ortskommandantur 363	1943	Ро ачев
Ortskommandantur 411	1941	Минск
Ortskommandantur 425	1942—1944	Кобрин
Ortskommandantur 427	1941	Вилейка
Ortskommandantur 436	1941	Минск
Ortskommandantur 452	1942	Кобрин

Номер комендатуры	Период функционирования	Место дислокации
Ortskommandantur 508	1943	Свислочь
Ortskommandantur 525	1943	Старобин
Ortskommandantur 532	1941, 1944	Круглое (1941), Хлопеничи (1944)
Ortskommandantur 552	1944	Журавичи
Ortskommandantur 593	1944	Ветрино
Ortskommandantur 619		1944 Мозырь
Ortskommandantur 650	1943	Минск
Ortskommandantur 685	1943—1944	Костюковичи
Ortskommandantur 737	1943	Жлобин
Ortskommandantur 760	1942—1944	Пинск
Ortskommandantur 763	1942	Городок
Ortskommandantur 826	1941—1942	Барановичи
Ortskommandantur 827	1942—1943	Гомель
Ortskommandantur 843	1942—1943	Могилев
Ortskommandantur 845	1942 — февраль 1944	Лунинец
Ortskommandantur 846	1942	Сенно
Ortskommandantur 848	1944	Чашники
Ortskommandantur 850	1941	Гродно
Ortskommandantur 851	1941—1943, 1943	Лепель (1941—1943), Логойск (1943)
Ortskommandantur 899	1942, 1944	Брест
Ortskommandantur 906	1941	Минск
Ortskommandantur 929	1943, 1944	Березино (1943), Жабинка (1944)
Ortskommandantur 930	1944	Полоцк
Ortskommandantur 935	1944	Ясиново

**Перечень коллаборационистских печатных изданий,
выходивших на территории Белоруссии с 1941 по 1944 год
(на русском языке)**

Название	Время и место издания	Периодичность	Объем	Состав редакции
«Витебские ведомости» (с 1942 переименована в «Новый путь»)	Витебск, 1941—1944 (орган Витебского городского управления)	2—3 раза в неделю	2—4 стр.	А. Брандт (главный редактор)
«Для женщин»	Бобруйск, 1942—1944	1 раз в месяц	2—4 стр.	М. Бобров (главный редактор)
«Для стражников»	Бобруйск, 1943	—	2 стр.	—
«Живое слово»	Бобруйск	—	—	—
«Информации»	Бобруйск, 1943—1944	—	4—24 стр.	—
«Краткие информации»	Бобруйск, 1943—1944	—	2—9 стр.	—
«Мозырские известия»	Мозырь, 1943	1 раз в 7—10 дней	4 стр.	С.Г. Глаз (главный редактор)
«Наше слово»	Брест, 1942—1944	1—2 раза в неделю	4 стр.	В. Кольчак (главный редактор)
«Новости Беларуси» (газета-листовка)	Место издания неизвестно, 1944	—	—	—
«Новый путь»	Барановичи, 1941—1944 (газета для эвакуированных лиц, отошедших с немецкой армией)	1 раз в неделю	2—4 стр.	В.А. Федоров (главный редактор), Г.Б. Тер-Маркьян

Название	Время и место издания	Периодичность	Объем	Состав редакции
«Новый путь»	Борисов, 1942—1944	1 раз в неделю	—	Н. Глаголев (главный редактор), А. Катков, В. Михайловский
«Новый путь» (имела приложение — газету «Новь»)	Бобруйск, 1942 — сентябрь 1943	1—2 раза в неделю	4 стр.	М. Бобров (главный редактор), А. Прокофьев
«Новый путь»	Витебск (издание для жителей деревни)	3 раза в месяц	2—4 стр.	—
«Новый путь» (до 1942 называлась «Витебские ведомости» — смотри выше)	Витебск, 1942—1944	2 раза в неделю	4—7 стр.	А. Брандт (главный редактор), Данилов
«Новый путь»	Гомель, 1942 — конец 1943	1 раз в неделю	4 стр.	А. Демченко (главный редактор), И. Корнеев
«Новый путь»	Могилев, 1942—1943	1—2 раза в неделю	4 стр.	А. Сенкевич (главный редактор), К. Долгоненков
«Новый путь»	Орша, 1942 — июль 1943	1 раз в неделю	4 стр.	А. Березовский (главный редактор), Е. Уральский
«Новь» (приложение к газете «Новый путь»)	Бобруйск, 1942—1943	1 раз в месяц	2—4 стр.	М. Бобров (главный редактор)
«Обзор современного положения»	Бобруйск, 1943	—	2 стр.	—

Название	Время и место издания	Периодичность	Объем	Состав редакции
«Плуг и меч»	Минск, 1943 — июнь 1944 (издание для жителей оборонных деревень)	1 раз в неделю	4 стр.	—
«Политический недельный отчет»	Бобруйск, 1943 — апрель 1944	1 раз в неделю	3 стр.	—
«Посев и жатва»	Орша, 1942—1943	—	—	—
«Последние известия»	Орша, 1942—1943	Каждый день	—	—
«Последние известия»	Могилев, 1933	Каждый день	—	—
«Руль»	Бобруйск (затем Минск), 1944 (имела подзаголовок «Русская антибольшевистская газета»)	По средам и субботам	—	М. Боброз (главный редактор)
«Сельскохозяйственный листок» (приложение к газете «Новый путь»)	Витебск, 1942 — январь 1943	1—2 раза в неделю	2 стр.	—
«Церковный благовест»	Бобруйск, 1943	2 раза в месяц	8 стр.	Симонов (главный редактор), Н. Ясинский
«Юному читателю»	Витебск, 1942 — март 1943	1—2 раза в неделю	2 стр.	—
«Юношеству»	Бобруйск	1 раз в месяц	4 стр.	А. Прокофьев (главный редактор)

ПРИЛОЖЕНИЕ В

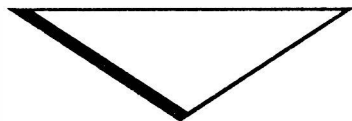

Таблица В.1

Сравнительная таблица воинских званий в вермахте, войсках СС, «Schuma», БКА и Красной Армии

№	Вермахт	Войска СС	«Schuma»	БКА	Красная Армия
1.	Генерал-фельд-маршал	Рейхофюрер СС	—	Генерал зброи***	Маршал рода войск
2.	Генерал-оберст	СС*-оберст-группенфюрер	—	Генерал-полковник	Генерал армии
3.	Генерал рода войск	СС-обер-группенфюрер	—	—	Генерал-полковник
4.	Генерал-лейтенант	СС-группенфюрер	—	Генерал-лейтенант	Генерал-лейтенант
5.	Генерал-майор	СС-бригаде-фюрер	—	Генерал маёр****	Генерал-майор
6.	—	СС-оберфюрер	—	—	—
7.	Оберст	СС-штандартен-фюрер	—	Палковник	По. ковник
8.	Оберст-лейтенант	СС-оберштурм-бан-фюрер	—	Падпалковник	Подполковник
9.	Майор	СС-штурмбан-фюрер	Батальонен-фюрер**	Маёр	Майор
10.	Гауптман	СС-гауптштурм-фюрер	Ротгенфюрер	Капитан	Капитан

* Офицер «негерманских» частей и соединений войск СС носил перед своим званием приставку «*Ваффен*».

** Генеральские звания в белорусской «*Schuma*» отсутствовали.

*** Другое название этого ранга — Маршал Белорусской народной республики (БНР).

**** Генеральские звания для Белорусской краевой обороны (БКА) были введены 5 апреля 1944 года. Однако на деле не дошло до их присвоения кому-либо.

№	Вермахт	Войска СС	«Schuma»	БКА	Красная Армия
11.	Обер-лейтенант	СС-оберштурм-фюрер	Обер-цугфюрер	Старшы лейтенант	Старший лейтенант
12.	Лейтенант	СС-унтерштурм-фюрер	Цугфюрер	Лейтенант	Младший лейтенант
13.	Гауптфельдфебель	СС-штабшар-фюрер	Роттенфельд-фебель	—	—
14.	Штабс-фельд-фебель	СС-штурмшар-фюрер	Вицефельд-фебель	Сыязыны	—
15.	Обер-Фенрих	СС-штандартен-оберюнкер	—	—	—
16.	Обер-фельд-фебель	СС-гауптшар-фюрер	—	Старшыня (Старший сержант)	Старшина
17.	Фельдфебель	СС-обершар-фюрер	—	Звязны (Сержант)	Старший сержант
18.	Фенрих	СС-штандартен-юнкер	—	—	—
19.	Унтер-фельд-фебель	СС-шарфюрер	Капрал	Дружыновы (Младшы сержант)	Сержант
20.	Штабс-ефрейтор	СС-унтершар-фюрер	—	Капрал	Младший сержант
21.	Обер-ефрейтор	СС-роттен-фюрер	Вицекапрал	—	—
22.	Ефрейтор	СС-штурмманн	Унтер-капрал	Старшы жавнер 2-ой клясы	Ефрейтор
23.	Обер-шютце	СС-обершютце	—	Старшы жавнер 1-ай клясы	—
24.	Шютце	СС-ман (СС-шютце)	Шуцман	Жавнер	Рядовой

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

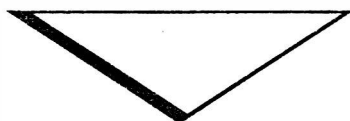

Таблица Г.1

Части и соединения белорусских добровольческих формирований в германских вооруженных силах (1941—1945)

№	Наименование части или соединения	Годы существования	Контингент	Итог
1.	1-й Белорусский штурмовой взвод	1941	Белорусы	Летом 1941 г. передан в состав белорусской полиции Минска
2.	Корпус белорусской самообороны — 20 батальонов	1942—1943	Белорусы, немцы	В 1943 г. расформирован немцами
3.	Белорусские батальоны вспомогательной полиции порядка (<i>Schutzmannschaft-Bataillone</i> — «Schuma») № 45—49, 56, 60, 64—67, 68, 69	1942—1944	Белорусы, поляки, русские, немцы	В 1944 г. частью расформированы, частью вошли в состав 30-й гренадерской дивизии войск СС (2-я русская)
4.	Белорусский батальон железнодорожной охраны (<i>Bahnschutz</i>)	1942—1944	Белорусы, немцы	В 1944 г. частью расформирован, частью вошел в состав Гренадерской бригады войск СС (1-я белорусская)
5.	13-й Белорусский полицейский батальон при СД (<i>Weissruthenische-Polizei(SD)-Bataillon Nr. 13</i>)	1942—1944	Белорусы, немцы	В 1944—1945 гг. вошел в состав Гренадерской бригады войск СС (1-я белорусская)
6.	Новогрудский эскадрон	1943—1944	Белорусы	В 1944 г. вошел в состав Белорусской краевой обороны

№	Наименование части или соединения	Годы существования	Контингент	Итог
7.	Белорусская краевая оборона — 39 пехотных, 6 саперных батальонов и 1 кавалерийский эскадрон	1944—1945	Белорусы	Летом 1944 г. частью разгромлена в боях, частью расформирована, частью смогла эвакуироваться в Германию и Польшу
8.	1-й Кадровый батальон Белорусской краевой обороны	1944—1945	Белорусы	В первой половине апреля 1945 г. расформирован
9.	Специальный десантный батальон «Дальвиц» (<i>Landung-Bataillon zur besonderen Verfügung «Dalwitz»</i>)	1944—1945	Белорусы, немцы	В мае 1945 г. капитулировал в Чехии
10.	Бригада вспомогательной полиции порядка «Зиглинг» (« <i>Schuma</i> »)- <i>Brigade «Siegling»</i>)	1944	Белорусы, немцы	В 1944 г. переформирована в 30-ю гренадерскую дивизию войск СС (2-я русская)
11.	30-я гренадерская дивизия войск СС (2-я русская) — <i>30. Waffen-Grenadier-Division der SS (russische Nr. 2)</i>	1944—1945	Белорусы, русские, украинцы, немцы	В 1944 г. переформирована в Гренадерскую бригаду войск СС (1-я белорусская)
12.	Гренадерская бригада войск СС (1-я белорусская) — <i>Waffen-Grenadier-Brigade der SS (weissruthenische Nr. 1)</i>	1945	Белорусы, немцы	В 1945 г. переформирована в 30-ю гренадерскую дивизию войск СС (1-я белорусская)
13.	30-я гренадерская дивизия войск СС (1-я белорусская) — <i>30. Waffen-Grenadier-Division der SS (weissruthenische Nr. 1)</i>	1945	Белорусы, немцы	В 1945 г. капитулировала в Чехии
14.	Охотничья команда (<i>Jagdkommando</i>) при 38-й моторизованной дивизии СС «Нибелунги»	1945	Белорусы, немцы	В 1945 г. капитулировала перед американскими войсками в Баварии

**Батальоны белорусской вспомогательной полиции порядка
(«Schuma»-Bataillone) (1942—1944)**

№ батальона	Когда был сформирован	Место дислокации	Кому подчинялся
№ 45 (охранный)	Сентябрь 1943 г.	Барановичи	Начальник полиции порядка «Белоруссии»
№ 46 (охранный)	Лето 1943 г.	Новогрудок	Начальник полиции порядка «Белоруссии»
№ 47 (охранный)	Лето 1943 г.	Минск	Начальник охранной полиции «Минск»
№ 48 (фронтовой)	Лето 1943 г.	Слоним	Начальник полиции порядка «Белоруссии»
№ 49 (охранный)	Лето 1943 г.	Минск	Начальник охранной полиции «Минск»
№ 60 (фронтовой)	Январь 1944 г.	Снов (возле Барановичей)	Начальник полиции порядка «Белоруссии»
№ 64 (фронтовой, а с мая 1944 г. — охранный)	Февраль 1944 г.	Глубокое	Начальник полиции порядка «Белоруссии»
№ 65 (фронтовой)	Февраль 1944 г.	Новогрудок	Начальник полиции порядка «Белоруссии»
№ 66 (фронтовой)	Февраль 1944 г.	Слуцк	Начальник полиции порядка «Белоруссии»
№ 67 (охранный)	Февраль—март 1944 г.	Вилейка	Начальник полиции порядка «Белоруссии»
№ 69 (фронтовой)	Март 1944 г.	Могилев	Фюрер СС и полиции «Могилев»
№ 56 (артиллерийский)	Апрель 1943 г.	Минск	Начальник охранной полиции «Минск»

Таблица Г.3

Динамика численности личного состава белорусских батальонов «Schuma» (декабрь 1943 — февраль 1944 года)

№ батальона	Место дислокации	Численность личного состава		
		20.12.1943	30.01.1944	29.02.1944
№ 48 (фронтовой)	Слоним	592	615	590
№ 49 (охранный)	Минск	327	322	314
№ 60 (фронтовой)	Снов (с февраля 1944 г. — в Барановичах)	562	562	526
№ 64 (фронтовой)	Глубокое	—	—	65
№ 65 (фронтовой)	Новогрудок	—	—	477
№ 66 (фронтовой)	Слуцк	—	—	172
№ 67 (охранный)	Лида	—	—	23
Всего		1481	1499	2167

Таблица Г.4

Командный состав белорусского батальона железнодорожной охраны (по состоянию на февраль 1943 года)

Должность	Звание	Инициалы	Примечания
Командир батальона	Капитан	Кушель, Франц*	—
Офицер связи	Капитан	Микула, Виталий	—
Командир 1-й роты	Лейтенант	Чайковский, Дмитрий	Рота располагалась в Минске
Командир 2-й роты	—	—	Рота располагалась в Столбцах
Командир 3-й роты	Лейтенант	Барбарыч	Рота располагалась в Барановичах
Командир 4-й роты	Лейтенант	Сажич, Иосиф**	Рота располагалась в Лиде
Командир 5-й роты	—	—	Рота располагалась в Крулевшизне

* Оставался на этой должности до февраля 1944 года.

** Впоследствии был назначен на должность пропагандиста батальона.

**Командный состав 13-го белорусского полицейского батальона
при СД (по состоянию на июль 1943 года)**

Должность	Звание	Инициалы	Примечания
Офицер-пропагандист	Лейтенант	Чеботаревич, Виктор	В 1944 г. стал начальником офицерской школы БКА в Минске
Командир 1-й роты	Старший лейтенант	Орсич	Расстрелян немцами в 1944 году
Командир 2-й роты	Старший лейтенант	Мазур	В 1944 г. погиб из-за несчастного случая
Командир 3-й роты	Лейтенант	Кочан, Аркадий	—
Командир 4-й роты	Лейтенант	Бандык, Антон	В июле 1944 г. он и его рота перешли на сторону Армии Крайовой в районе Августова (Польша). Дальнейшая судьба неизвестна
Другие офицеры батальона	Лейтенант	Мелешко, Иван	Погиб в 1944 г. в районе Лиды
	Лейтенант	Дрозд	Расстрелян немцами в июле 1944 г.
	Лейтенант	Мохарт	Расстрелян немцами в июле 1944 г.
	Лейтенант	Калька	—
	Лейтенант	Иваницкий	—

Таблица Г.6

**Численность членов СБМ в округе Барановичи
(по состоянию на 1 февраля 1944 года)**

Район	Девушки			Юноши			Всего
	10–14 лет	15–17 лет	18–20 лет	10–14 лет	15–17 лет	18–20 лет	
Барановичи	123	174	96	130	105	66	695
Несвиж	23	225	70	54	180	7	559
Городище	65	13	12	55	18	24	187
Ляховичи	68	—	5	40	—	7	120
Столбцы	26	24	32	80	15	34	211
Кленк	—	—	35	—	—	21	56
Мир	43	7	—	12	7	—	69
Новая Мыш	30	10	3	23	—	2	68
Всего	378	453	253	494	326	161	2065

Таблица Г.7

**Численность контингента, годного к призыву в БКА
(по состоянию на 12 марта 1944 года)**

Округ	Офицеры	Унтер-офицеры	Рядовые	Всего
Минск	436	2518	21 170	24 124
Барановичи	252	1486	27 750	29 488
Слуцк	196	812	6148	7156
Новогрудок	92	186	5047	5325
Глубокое	113	427	4962	5522
Вилейка	106	241	2118	2465
Молодечно	167	811	7324	8302
Ганцевичи	132	517	3849	4498
Лида	67	181	2194	2442
Микашевичи*	71	218	2147	2436
Всего	1632	7397	82 729	91 758

* Этот населенный пункт не являлся центром округа, однако, в нем также находился значительный контингент годных к призыву в БКА.

**БКА в Слуцком округе: организация и численный состав
(по состоянию на конец марта 1944 года)**

Центр формирования подразделения	Наименование подразделения	Личный состав (ранги)			
		Офицеры	Унтер-офицеры	Рядовые	Всего
Слуцк	Окружной штаб БКА	4	4	19	57
	5-й пехотный батальон	13	37	506	556
	6-й саперный батальон	11	18	483	512
	7-й саперный батальон	9	16	467	502
Старобин	33-й пехотный батальон	18	34	515	567
Семежев	25-й пехотный батальон	9	28	470	507
Копыль	18-й пехотный батальон	12	29	482	523
Греск	11-й пехотный батальон	14	27	474	515
В других населенных пунктах Слуцкого округа	8-й сводный пехотный батальон	6	18	581	605
Всего		96	211	3997	4304

Система подчинения и боевого применения 30-й гренадерской дивизии войск СС (русская № 2 или белорусская № 1)

Период	Корпус	Армия	Группа армий	Район боевого применения
Июль-август 1944 г.*	—	В распоряжении фюрера СС и полиции «Белоруссии»	«Центр»	Лангра, затем Варшава (Польша)
Сентябрь — октябрь 1944 г.**	LXIV армейский, затем LVIII танковый корпус	—	«Г»	Район Дижона, Бельфор (Франция)
Ноябрь — декабрь 1944 г.	LIII, затем LXIII армейский корпус	19-я полевая армия	«Г»	Бельфор (Франция)
Декабрь 1944 г.	LXIII армейский корпус	19-я полевая армия	«Г»	Мюльхаузен (Франция)
Декабрь 1944 — март 1945 г.***	В распоряжении Командующего армией резерва	—	—	Мюльхаузен, затем Грайфенвор (Германия)
Март — апрель 1945 г.****	В распоряжении Командующего армией резерва	—	—	Грайфенвор (Германия)

* В это время эта воинская часть была известна как Бригада «Schuma» «Зиглинг».

** С этого времени дивизия носила следующее наименование: 30-я гренадерская дивизия войск СС (2-я русская).

*** С декабря 1944 по 9 марта 1945 года дивизия считалась расформированной, однако кадровый персонал, который от нее остался, формально носил наименование Гренадерская бригада войск СС (1-я белорусская).

**** В этот период дивизия называлась следующим образом: 30-я гренадерская дивизия войск СС (1-я белорусская).

**Командный состав 30-й гренадерской дивизии
войск СС/ русская № 2 или белорусская № 1
(по состоянию на 1 марта 1945 года)**

Командная должность	Имя и фамилия	Воинское звание	Дата рождения
Командир дивизии	Зиглинг, Ганс	СС-оберштурмбаннфюрер и подполковник охранной полиции	24.02.1912 г.
Ia	Леффлер, Альберт	СС-гауптштурмфюрер	—
Ib	Геннингфельд, Франц	СС-штурмбаннфюрер	—
IIa	Шнайдер, Вильгельм	СС-гауптштурмфюрер	10.11.1915 г.
III	Врбка, Эрвин	СС-оберштурмфюрер	??.??.1909 г.
IVb	Виндиш, Эрих	СС-штурмбаннфюрер	14.05.1906 г.
V	Аримонт, Петер	СС-гауптштурмфюрер	??.??.1914 г.
75-й (4-й русский) гренадерский полк войск СС	Остеррайх, Ганс	СС-штурмбаннфюрер и майор охранной полиции	01.08.1944 г.
1-й батальон 75-го полка	Нипель, Райнгольд	СС-штурмбаннфюрер	—
2-й батальон 75-го полка	Хенсель, Райнгольд	СС-гауптштурмфюрер	—
3-й батальон 75-го полка	?	?	—
30-я санитарная рота СС	Фосгрин, Вернер	СС-гауптштурмфюрер	12.08.1911 г.
Кавалерийский эскадрон	Меркулов, ?	Ваффен-оберштурмфюрер	—
30-й противотанковый батальон СС	Кирхнер, Эрвин	СС-гауптштурмфюрер	—
30-й артиллерийский батальон СС	Райхс, ?	СС-гауптштурмфюрер	—
30-й запасной батальон СС	Платц, Фридрих	СС-штурмбаннфюрер	—

**Белорусские офицеры специального десантного
батальона «Дальвиц» (1944—1945)**

№	Инициалы	Воинское звание	Где воевал	Судьба
1.	Богданович, Глеб	Лейтенант	Район Вильнюса (Литва) (ноябрь 1944 — июнь 1945 г.)	14 апреля 1949 г. был арестован в Польше и выдан в СССР. Срок отбывал в Воркуте (Сибирь)
2.	Витушка, Михаил	Майор	Западная и центральная Белоруссия, южная Литва (1944—1949)	В конце 1940-х гг. эмигрировал в Западную Германию
3.	Ганько, Михаил	Офицер-пропагандист багальона	Западная Белоруссия (1944—1947)	В 1947 г. его след теряется
4.	Гелда, Иван	Капитан (затем — майор), командир батальона	Не воевал. С 1944 по 1945 г. находился в Германии	В июне 1945 г. арестован НКВД на территории Чехии. По некоторым данным в 1946 г. был повешен в Белостоке (Польша)
5.	Гинько, Иван	Лейтенант	Район Лиды (Белоруссия) (ноябрь—декабрь 1944 г.)	В декабре 1944 г. арестован НКВД. Получил 25 лет лагерей. Срок отбывал в Инте (Сибирь)
6.	Жыхарь, Евгений	Лейтенант	Полоцкая область (Белоруссия) (1944—1945)	Покончил с собой в 1955 г., чтобы не попасть в руки КГБ
7.	Зуй, Михаил	Лейтенант	В 1945—1948 гг. находился в Польше на нелегальном положении	В 1948 г. эмигрировал в Западную Германию, а потом в Австралию
8.	Космович, Дмитрий	Майор	Не воевал. До апреля 1945 г. находился в Германии	После войны жил в Западной Германии

№	Инициалы	Воинское звание	Где воевал	Судьба
9.	Лушкевич, Леон	Лейтенант	Не воевал. С 1944 по 1945 г. находился в Польше на нелегальном положении	В конце 1944 г. был арестован. Сидел в лагере в Сибири
10.	Лушкевич, Юрий	Лейтенант	Не воевал. С 1944 по 1945 г. находился в Германии	В конце 1945 г. был арестован в Варшаве. Получил 25 лет лагерей. Срок отбывал на Колыме (Сибирь)
11	Радько, Всеволод	Капитан (затем — майор), командир батальона после И. Гелды	Не воевал. С 1944 по 1945 г. находился в Германии	В июле (или осенью) 1945 г. был арестован в Белостоке (Польша). Казнен в 1946 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О НЕКОТОРЫХ ЛИЦАХ, УПОМИНАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ КНИГИ

В этом приложении приведены биографические данные только на тех лиц, которые имели непосредственное отношение к процессу создания и использования белорусских добровольческих формирований или соприкасались с ними в период войны. Однако здесь не приведены биографии таких известных деятелей Третьего рейха, как, например, Гитлер, Гиммлер или Розенберг. Они хоть и упоминаются в тексте, но, на наш взгляд, рассказывать о них нет необходимости, так как жизненный путь этих исторических персонажей общеизвестен.

Абрамова (Абрамава), Надежда (Надзея), (апрель 1907—18.02.1979), белорусский политический и общественный деятель. В 1920-х гг. работала стенографисткой в Народном комиссариате образования Белорусской ССР. Окончила Минский педагогический институт и Минский медицинский институт. После получения диплома врача и до самого начала войны работала врачом в университетской психиатрической клинике. По некоторым данным, в конце 1941 или начале 1942 г. явилась инициатором создания нелегального и небольшого по масштабам «Союза белорусской молодежи». С июня 1943 г. — руководитель женской организации СБМ. С июня 1944 г. в эмиграции в Чехии, с 1945 г. — в Германии. После окончания войны — сотрудник Института по изучению СССР (Мюнхен), где редактировала журнал «Религия и атеизм в СССР».

Акинчиц (Акінчыц), Фабиан (Фабіян) (20.01.1886—7.03. (или 5.03.) 1943), белорусский политический деятель, издатель и публицист. До 1917 г. член партии социалистов-революционеров. С 1926 г. — один из руководителей Белорусской крестьянско-рабочей громады, председатель ее Виленского комитета. В 1927—1930 гг. — в польской тюрьме, откуда был досрочно освобожден. После освобождения стал на пропольские позиции, выступая в печати с публикациями антисоветской направленности. В 1933 г. создал Белорусскую национал-социалистическую партию, ее руководитель и главный идеолог. С 1938 г. — в Германии, руководитель белорусского бюро Министерства пропаганды. В период немецкой оккупации попытался захватить власть в белорусском самоуправлении, внедряя в него своих учеников, которых он готовил в Германии из военнопленных-белорусов. Странник крайнего коллаборационизма с немецкими властями. По некоторым данным, виновен в аресте и гибели другого видного белорусского националиста — В. Годлевского (*смотри это имя*). Приговорен сторонниками последнего к смертной казни. Убит в Минске советской террористической группой.

Бах-Зелевски (Bach-Zelewski), Эрих фон дем (Erich von dem) (1.03.1899—8.03.1972), один из руководителей СС, СС-обергруппенфюрер и генерал полиции (с 9.11.1941 г.), генерал войск СС (с 1.07.1944 г.). Участник Первой мировой войны, командир роты. В 1924 г. уволен из армии за нацистскую пропаганду. В 1930 г. вступил в нацистскую партию, в 1931 г. — в СА. В 1933 г. вступил в СС и возглавил пограничные отряды СС во Франкфурте-на-Одере. С 1934 г. — руководитель СС в Восточной Пруссии, затем в Силезии. В 1939—1941 гг. — главный фюрер СС и полиции Юго-Востока (Бреслау). С 1.05.1941 по 21.06.1944 г. — главный фюрер СС и полиции «Россия-Центр» (с апреля 1943 г. — главный фюрер СС и полиции «Россия-Центр и Белоруссия»). С 1942 г. — уполномоченный рейхсфюрера СС по борьбе с партизанами. 21.07.1943 г. назначен ответственным за разработку операций, а также командующим соединениями по борьбе с партизанами при осуществлении этих операций. Главный руководитель всех соединений при подавле-

нии Варшавского восстания (август — октябрь 1944 г.). После войны несколько раз арестовывался и, наконец, в 1962 г. германским судом был приговорен к пожизненному заключению. Умер в тюрьме Мюнхена.

Бергер (Berger), Готтлоб (Gottlob) (16.07.1896—5.01.1975), один из руководителей СС, СС-обергруппенфюрер (с 15.08.1940 г.), генерал войск СС (с 21.06.1943 г.). Участник Первой мировой войны, офицер. В СС — с конца 1934 г. С 1.01.1940 по 1945 г. возглавлял Главное управление СС — ведущий орган по управлению этой организацией, фактически являясь одним из главных руководителей всей системы СС. С июля 1942 г. — личный представитель рейхсфюрера СС и статс-секретарь Имперского министерства оккупированных восточных территорий. С 31.08.1944 г. — руководитель антипартизанскими операциями в Словакии. С 31.10.1944 г. — командующий резервными войсками и руководитель всей службы по делам военнопленных. 14.04.1949 г. Военным трибуналом в Нюрнберге приговорен к 25 годам тюрьмы, однако уже 16.12.1951 г. освобожден.

Богданович (Багдановіч), Глеб (Глеб) (1913—1960-е), белорусский политический и военный деятель, д-р медицины. Сын сенатора В. Богдановича, расстрелянного большевиками в Вилейке в 1941 г. Окончил Белорусскую гимназию в Вильнюсе и медицинский факультет университета в Вильнюсе. После начала советско-германской войны работал врачом. С мая 1944 г. — офицер БКА, начальник санитарного отдела Штаба БКА. С июля 1944 г. — офицер *Специального десантного батальона «Дальвиц»*. 17 ноября десантировался в районе Вильнюса (Литва). В июне 1945 г. с боем прорвался в Польшу. Жил в районе Белостока, где работал врачом. 14 апреля 1949 г. арестован польской службой безопасности и депортирован в СССР. Осужден, заключение отбывал в Воркуте (Сибирь). После освобождения вернулся в Белоруссию, работал врачом.

Боровец, Максим (псевдоним — Тарас Бульба) (1908 —?), украинский политический и военный деятель, полковник армии

Украинской народной республики. С 1933 г. — руководитель подпольной националистической организации Украинское национальное возрождение, действовавшей на Волыни. В 1934 г. арестован и до 1935 г. содержался в польском концлагере Береза Картузская. Летом 1941 г. перешел на территорию СССР, где стал организатором и руководителем украинских националистических групп, более известных как «*Полесская сечь*». Совместно с белорусскими силами самообороны и при невмешательстве немцев установил контроль над украинским Полесьем. Осенью 1941 г. отказался подчиняться немцам и перешел на нелегальное положение, после чего его силы стали называться *Украинская повстанческая армия* (УПА). В 1942 г. сменил название своих отрядов на *Украинскую национально-революционную армию* (УНРА). Вступил в конфликт с вооруженными формированиями бандеровского крыла Организации украинских националистов (ОУН). Летом 1944 г. УНРА была силой подчинена бандеровской УПА. Арестован немецкими спецслужбами и помещен в концлагерь Заксенхаузен. В конце 1944 г. освобожден и начал активно сотрудничать с немцами: создал парашютно-десантный батальон, который предполагалось забросить на территорию Украины. После войны жил в эмиграции. Сотрудничал со спецслужбами США и Великобритании. Создал военную организацию Украинская национальная гвардия. Автор воспоминаний.

Витушка (Вітушка), Михаил (Міхал) (1907—?), белорусский политический и военный деятель, генерал-майор (с 1944). Окончил гимназии в Клецке и Вильнюсе (1930 г.). Учился в Пражском университете и Варшавском политехническом институте. Входил в руководство Объединения белорусских студенческих организаций в Варшаве. В 1939—1940 гг. был начальником советской милиции в Несвиже. В августе 1941 г. — один из командиров отрядов белорусской самообороны в Полесье (Западная Белоруссия). Один из организаторов белорусской полиции в Минске, заместитель ее начальника Д. Космовича (*смотри это имя*). В 1942—1943 гг. организовывал белорусские формирования в Брянской, Смоленской и Могилевской областях. В 1942—1943 гг.

входил в руководство БНС. Майор БКА. Участник 2-го Всебелорусского конгресса. С лета 1944 г. — офицер *Специального десантного батальона «Дальвиц»*. По одним известиям, 17 ноября 1944 г. десантировался в районе Вильнюса (Литва), а уже 7 декабря 1944 г. был убит в бою с отрядом Красной Армии. По другим известиям, в ноябре 1944 г. под именем Витушки десантировался другой офицер. Сам же Витушка в Белоруссии появился позднее — в 1945 г. Организатор белорусского антикоммунистического партизанского движения в западной и центральной Белоруссии. Начальник Главного штаба БВА. После окончания партизанской борьбы руководил подпольем в Белоруссии и Литве. Позднее перебрался на Запад.

Власов, Андрей Андреевич (1.09.1901—1.08.1946), генерал-лейтенант (с января 1942), кадровый офицер Красной Армии, в которую вступил в 1920 г. До 1941 г. прошел всю иерархию армейских должностей и званий до генерал-майора включительно. С сентября 1938 по декабрь 1939 г. — военный советник при лидере Китая Чан Кайши. Войну встретил на должности командира 4-го механизированного корпуса. Командовал армией при обороне Киева и в битве под Москвой. 11.07.1942 г. попал в плен к немцам, будучи заместителем командующего Волховским фронтом и временно исполняющим обязанности командующего 2-й ударной армией. Изъявил желание сотрудничать с немцами в обмен на поддержку в деле «освобождения России от большевиков». С 27.12.1942 г. — «председатель» «Русского комитета» и «главнокомандующий» «РОА», которых фактически не существовало. С 14.11.1944 г. — председатель КОНР, а с 28.01.1945 г. — главнокомандующий *Вооруженными силами КОНР*. В мае 1945 г. захвачен советскими войсками. Военной Коллегией Верховного Суда СССР приговорен к смертной казни через повешение.

Ганько (Ганько), Михаил (Михась) (1918—?), белорусский политический деятель. Перед началом советско-германской войны учился на медицинском факультете университета в Вильнюсе (1938—1939). В 1939—1941 гг. — директор неполной средней

школы в Молодеченском районе. Был призван в Красную Армию, попал в плен (декабрь 1941). Из плена был освобожден по ходатайству лидера БНСП Ф. Акинчица. Учился в школе пропагандистов в Вустрау (Германия). С 1942 г. работал в Минске в отделе пропаганды генерального комиссариата «Белоруссия». С 22 июня 1943 г. — руководитель (шеф) Главного штаба СБМ, главный редактор журнала «Да здравствует Белоруссия!» («*Жыве Беларусь!*»). Участник 2-го Всебелорусского конгресса. Был сторонником самого активного сотрудничества с немецкими оккупационными властями. В начале 1945 г. изменил свои взгляды и стал сторонником идеи так называемой «третьей силы». С конца 1944 г. — офицер-пропагандист *Специального десантного батальона «Дальвиц»*, где редактировал журнал «Борец» («*Змагар*»). После расформирования «Дальвица» в Чехии в мае 1945 г. его след теряется. Есть сведения, что он перебрался в Белоруссию, где сражался в партизанском отряде до 1947 г., после чего эмигрировал на Запад.

Гелда (Гелда), Иван (Иван) (1897—1946), белорусский военный деятель. В 1919—1920 гг. воевал против большевиков в армии генерала С. Булак-Балаховича. В 1921—1939 гг. жил в Польше в районе Белостока, где принимал активное участие в белорусском национально-освободительном движении. Активный член Белорусской крестьянско-рабочей громады. Неоднократно арестовывался польскими властями. Спасаясь от НКВД, осенью 1939 г. перешел на оккупированную немцами территорию Польши. В июле 1941 г. вернулся в Белосток. Работал референтом местного Белорусского комитета. С осени 1941 г. — член нелегальной Громады. С 1943 г. — организатор белорусских отрядов самообороны для защиты от советских и польских партизан. В мае 1944 г. арестован гестапо, как один из самых активных деятелей белорусского национального движения. В конце июня 1944 г. освобожден. С июля 1944 г. — в чине майора командир *Специального десантного батальона «Дальвиц»*. В 1945 г. введен в состав БЦР. В июне 1945 г. арестован НКВД. После судебного процесса в Белостоке приговорен к смертной казни через повешение.

Гиль, Владимир Владимирович (он же Родионов И.Г.) (11.06.1906—14.05.1943), подполковник Красной Армии, СС-оберштурмбаннфюрер (вероятно). Уроженец Белоруссии, из рабочих. Член Коммунистической партии (с 1931). В советских вооруженных силах — с 1926 г. Окончил Борисоглебско-Ленинградскую кавалерийскую школу и Военную академию им. М.В. Фрунзе. С 22.03.1941 г. — начальник штаба 229-й стрелковой дивизии. Летом 1941 г. попал в плен. Содержался в офицерском лагере в Сувалках (Польша), где стал одним из инициаторов создания Боевого союза русских националистов (БСРН). В июне 1942 г. возглавил 1-ю боевую дружину БСРН. С марта 1943 г. — командир *1-го Русского национального полка (затем — бригады) СС «Дружина»*. Его часть оперировала в тыловом районе группы армий «Центр» (главным образом, в Белоруссии) и отличалась чрезвычайной жестокостью по отношению к мирному населению. Летом 1943 г. установил связь с партизанами, и перешел к ним вместе с большей частью бригады. С осени 1943 г. — командир *1-й Антифашистской партизанской бригады*. Тяжелоранен в бою с немцами. От полученных ран скончался.

Гинько (Гінько), Иван (Янка) (3.01.1912—1980-е гг.), белорусский политический деятель. В 1939 г. окончил Варшавский политехнический институт по специальности инженера-геодезиста. В 1940—1941 гг. работал по своей специальности в Восточной Белоруссии. В 1942—1944 гг. — окружной начальник БНС в Глубоком. В 1944 г. недолгое время занимал пост представителя президента БЦР в Слуцке. Лейтенант БКА. Участник 2-го Всебелорусского конгресса. С лета 1944 г. — офицер *Специального десантного батальона «Дальвиц»*. 17 ноября 1944 г. десантировался в районе Лиды (Белоруссия). В декабре 1944 г. арестован НКВД. После судебного процесса в Минске в 1946 г. получил 25 лет концлагерей. В 1956 г. освобожден по амнистии. Остался жить в Сибири. Последние годы жизни сильно болел.

Годлевский (Гадлеўскі), Винцент (Вінцэнт) (16.11. (или 16.12.)1888 — декабрь 1942), белорусский общественный и политический деятель, публицист, педагог, католический священ-

ник. Окончил Виленскую католическую духовную семинарию и Петербургскую католическую духовную академию. Служил викарием при кафедральном соборе в Минске. Делегат 1-го Всебелорусского конгресса (1917), член Совета БНР. Один из основателей и лидеров Белорусской христианско-демократической партии (БХДП). В 1920-е гг. неоднократно арестовывался польскими властями за белорусскую национальную деятельность. В 1936 г. вышел из БХДП и основал националистическую организацию «Белорусский фронт». Главный редактор одноименной газеты, на страницах которой выступал со статьями по идеологии белорусского национализма. В годы Второй мировой войны — один из организаторов белорусского национального движения сопротивления. В 1940 г. выступил инициатором создания полуправового Белорусского национального фронта и Белорусской незалежницкой партии (БНП). В июне 1941 г. вошел в состав Белорусского национального центра (Берлин). В сентябре 1941 г. переехал в Минск, где возглавил Школьный инспекторат при Генеральном комиссариате «Белоруссия». Член Центрального совета БНС. Пытался создать руководящий центр белорусского сопротивления. 24.12.1942 г. арестован СД и в тот же день расстрелян под Минском.

Готтберг (Gottberg), Курт фон (Kurt von) (11.02.1896—9.05.1945), один из руководителей оккупационного режима на территории СССР, СС-обергруппенфюрер, генерал полиции и войск СС (с 30.06.1944). С 1933—1934 гг. — на командных должностях в аппарате СС. С 21.07 по 22.09.1942 г. — фюрер СС и полиции в генеральном округе «Белоруссия». С 5.07.1943 по 7.08.1944 г. — главный фюрер СС и полиции «России-Центр и Белоруссии» (до 21.06.1944 г. занимал этот пост как исполняющий обязанности). Организатор жесточайшего террора против мирного населения Белоруссии. 23.09.1943 г., после убийства генерального комиссара «Белоруссии» В. Кубе (*смотри это имя*), принял на себя исполнение его обязанностей (занимал эту должность одновременно с предыдущей). В конце 1944 г., после эвакуации из Белоруссии, назначен командующим 12-го армейского корпуса СС. Покончил жизнь самоубийством.

Гутько (Гуцька), Иосиф (Язэп) (24.12.1883—8.07.1956), белорусский военный деятель. Закончил пехотное училище в Вильно и в августе 1904 г. в чине подпоручика был направлен в 22-й Восточно-Сибирский стрелковый полк Русской императорской армии. Участник Русско-японской войны 1904—1905 гг. За боевые заслуги был награжден орденами Св. Анны 4-й степени и Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом. В 1909 г. командирован для поступления в Императорскую Николаевскую военную академию. С 23 августа 1916 г. в чине подполковника занимал должность помощника старшего адъютанта отдела генерала-квартирмейстера штаба 9-й армии. С 1917 по 1939 г. работал адвокатом в Новогрудке. С 15 июля 1942 г. — начальник Главного штаба КБС. В мае 1944 г. ему было предложено занять пост начальника Штаба БКА, однако он отказался. С лета 1944 г. — в эмиграции: сначала в Западной Германии, а потом в США.

Дакіневич (Дакіневіч), Иосиф (Язэп) (1906—?), белорусский военный деятель. Офицер Польской армии. В 1942—1943 гг. — командир *Слонимского батальона белорусской самообороны*. С февраля 1944 г. окружной начальник БКА в Слониме. С июля 1944 г. — в эмиграции. Сначала жил в Западной Германии, потом переселился в Аргентину. По другим данным, после войны его видели в Польше, где он жил на нелегальном положении под другой фамилией.

Дирлевангер (Dirlewanger), Оскар (Oskar) (26.09.1895—7.06.1945), СС-оберфюрер (с 12.08.1944). В армии — с 1913 г. Участник Первой мировой войны (командир взвода, затем командир пулеметной роты). За боевые заслуги награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса. Трижды вступал в нацистскую партию (1923, 1926 и 1932). Убежденный нацист и антисемит. Несколько раз привлекался к уголовной ответственности, в том числе за сожительство с несовершеннолетней. Содержался в исправительно-трудовом лагере (1934—1936). После освобождения покинул Германию и жил в Испании, служил в Иностранном легионе. В 1937 г. добровольцем вступил в *Легион*

«Кондор». В 1939 г. перевелся в СС (СС-оберштурмфюрер). С 1.09.1940 г. — командир специального подразделения *Штрафная команда «Ораниенбург»*. Воевал на советско-германском фронте, где его часть использовалась в качестве карательного подразделения в тыловом районе группы армий «Центр» (главным образом, в Белоруссии). В январе 1942 г. его подразделение получило название *Зондеркоманда СС «Дирлевангер»*. В конце 1942 г. зондеркоманда была развернута в батальон, затем в полк и штурмовую бригаду. Вместе со своей бригадой участвовал в подавлении Варшавского восстания (август-сентябрь 1944 г.). В конце 1944 г. бригада была переброшена в Словакию, где также участвовала в подавлении восстания. С февраля 1945 г. — командир *36-й гренадерской дивизии войск СС*, которая сражалась на Одерском фронте и капитулировала перед советскими войсками. Сам Дирлевангер был незадолго перед этим ранен и избежал участи солдат своей дивизии. Умер во французском лагере для военнопленных.

Доманов, Тимофей Иванович (1887—17.01.1947), генерал-майор казачьих войск (с ноября 1944 г.). Родился в г. Ростов-на-Дону в семье казака. Образование получил в учебной команде 12-го Донского казачьего полка и Екатеринодарской школе прапорщиков. Участник Первой мировой войны. За боевые заслуги награжден Георгиевскими крестами всех четырех степеней. С 1918 по 1920 г. в рядах белой Донской армии. Сотник. Попал в плен к большевикам. С 1922 по 1925 г. отбывал наказание в Соловецких лагерях. Затем арестовывался и содержался под стражей еще два раза (в 1934—1935 и 1940—1941 гг.). Бежал из колонии во время бомбардировки немецкой авиации. С августа 1942 г. — один из инициаторов создания казачьих частей в составе германской армии. С марта 1943 г. — при штабе походного атамана С. Павлова (*смотри это имя*). После эвакуации в Белоруссию — начальник штаба походного атамана (осень 1943 г.). В июне 1944 г. назначен исполняющим обязанности походного атамана (позднее утвержден в этой должности и произведен в полковники). Руководил боевыми операциями казачих частей против белорусских партизан. Награжден ря-

дом немецких орденов. В середине апреля 1945 г., находясь в Италии, заявил о подчинении вверенного ему *Казачьего Стана* главнокомандующему Вооруженных сил КОНР генерал-лейтенанту А. Власову (*смотри это имя*). В мае 1945 г. капитулировал перед английскими войсками. Передан советской стороне в составе группы высших казачьих офицеров. Военной коллегией Верховного Суда СССР приговорен к смертной казни через повешение.

Езовитов (Езавітаў), Константин (Кастусь) (17.11.1893—23.05.1946), белорусский политический, общественный и военный деятель, публицист, генерал-майор. Офицер Русской императорской армии, участник Первой мировой войны. Делегат 1-го Всебелорусского конгресса (1917). В феврале 1918 г. — белорусский комендант Минска, входил в Совет БНР («военный министр»). В 1918—1921 гг. создавал белорусские антикоммунистические формирования. В 1921—1939 гг. жил в Литве, участвовал в белорусской общественно-политической жизни. Директор Рижской белорусской гимназии. Неоднократно арестовывался литовскими властями за белорусскую национальную деятельность. С декабря 1943 г. — в составе БЦР. После эмиграции в Германию возглавил Военный отдел (Главное управление военных дел) при БЦР, «военный министр и главный инспектор белорусских вооруженных сил» (до января 1945 г.). Принимал участие в создании белорусских формирований на территории Германии, а также в организации антибольшевистской партизанской борьбы в Белоруссии. В апреле 1945 г. был захвачен в Германии советскими агентами. Замучен в Минской тюрьме.

Ермаченко (Ермаченка), Иван (Иван) (1894—?), белорусский политический деятель. Офицер Русской императорской армии, участник Первой мировой и Гражданской войны, полковник Белой армии. После окончания Гражданской войны эмигрировал в Чехословакию. Один из лидеров белорусской эмиграции в этой стране. С октября 1941 г. — президент Центрального совета БНС. Генеральный комендант *Корпуса белорусской самообо-*

роны. За деятельность, не укладывавшуюся в рамки немецких представлений о роли белорусских националистов в оккупационном режиме, смещен с поста руководителя БНС и отправлен обратно в Прагу (весна 1943 г.). В дальнейшем не играл какой-либо значительной роли в деятельности белорусской эмиграции.

Зиглинг (Siegling), Ганс (Hans) (24.02.1912—?), СС-оберштурмбаннфюрер и подполковник охранной полиции (с 14.08.1944 г.). Член нацистской партии и СА с 1.03.1930 г. В июле 1932 г. поступил на службу в охранную полицию (к 1939 г. капитан). Участвовал в Польской кампании в составе роты полиции, входившей в одну из айнзатцгрупп. В 1939—1941 гг. — начальник полиции порядка в одном из округов Генерал-губернаторства (Польша). С лета 1941 по июль 1944 г. — в охранной полиции на оккупированной территории СССР, участник многочисленных антипартизанских операций. Командир 57-го (украинского) батальона «*Schuma*» (с февраля 1944 г. развернут в 57-й полицейский полк). С июля 1944 г. — командир *Бригады вспомогательной полиции порядка*, которая в августе 1944 г. была развернута в *30-ю гренадерскую дивизию войск СС (2-я русская)*. Участник боев во Франции, где был тяжело ранен. С марта 1945 г. — командир *30-й гренадерской дивизии войск СС (1-я белорусская)*.

Зыбайло (Зыбайла), Григорий (Рыгор) (15.09.1913—15.11.1987?), белорусский политический и военный деятель. Инженер по образованию. Унтер-офицер Польской армии. Участник немецко-польской войны (сентябрь-октябрь 1939 г.). Попал в немецкий плен, откуда вскоре убежал. При переходе немецко-советской границы был задержан советскими пограничниками. В августе 1940 г. завербован НКВД для работы среди белорусских националистов (получил псевдоним «*Ёлкин*»). Член нелегальной Белорусской незалежницькой партии (БНП). В 1941—1942 гг. — окружной представитель БНС в Слонимском округе. С лета 1943 г. — окружной представитель БСП в Минске. С марта 1944 г. — окружной начальник *Белорусской краевой обороны* в Глубоком. Участник 2-го Всебелорусского конгресса (1944). С осени 1944 г. — Ваффен-оберштурмфюрер *30-й грена-*

дерской дивизии войск СС (2-й русской). Перешел на сторону французских партизан (конец 1944 г.). После войны нелегально прибыл в Белоруссию, где был арестован и 21.03.1947 г. осужден на 10 лет лагерей (по другой версии, его арест имел место в Берлине 1.06.1946 г.). После освобождения жил в селе под Ивацевичами (Белоруссия). По еще одной версии (менее правдоподобной) был арестован в Марселе польской контрразведкой и после недолгого следствия расстрелян в 1945 г. Современные белорусские историки утверждают, что во время войны он утратил связь с НКВД и не являлся его агентом в белорусском националистическом сопротивлении.

Калубович (Калубовіч), Евгений (Аўген) (29.06.1896—13.11.1943), белорусский общественный и политический деятель, историк. Окончил Минский педагогический институт. В мае 1930 г. был арестован за принадлежность к белорусской нелегальной антисоветской организации. В 1933 г. вернулся из мест заключения. Работал учителем, затем — сотрудником Народно-го комиссариата просвещения БССР. В период немецкой оккупации являлся членом БРД и БЦР, возглавлял Белорусское культурное объединение. Участник 2-го Всебелорусского конгресса, на котором выступал с основным докладом. По некоторым данным, являлся членом нелегальной Партии белорусских националистов. С лета 1944 г. — в эмиграции в Германии. С 1950 г. жил в США. Входил в состав руководства практически всех значительных белорусских эмигрантских организаций. Основатель Белорусской национально-демократической партии. Премьер-министр БНР. Автор многочисленных исторических исследований и воспоминаний.

Каминский, Бронислав Владиславович (1903—1944), по образованию — инженер-химик. В 1937 г. был осужден и выслан из Ленинграда в с. Локоть Орловской области, где стал работать на местном спиртовом заводе. В октябре 1941 г. назначен заместителем бургомистра Локотской волостной управы, а в январе 1942 г. — обер-бургомистром. С разрешения немцев, на базе местных добровольческих полицейских формирований, создал так

называемую «*Бригаду Каминского*» (или *Русская освободительная народная армия*), численность которой в разное время колебалась от 10 до 15 тыс. С весны 1944 г. — СС-бригадфюрер. Осенью 1944 г. за зверства, которые его бригада якобы учинила при подавлении Варшавского восстания, расстрелян немцами.

Кестринг (Köstring), Эрнст (Ernst) (20.06.1876—1953), генерал кавалерии (с 1.09.1940 г.). В армии — с 1.10.1895 г. Лейтенант с 1.07.1901 г. (5-й кавалерийский полк). С 1.03.1927 г. — командир 10-го кавалерийского полка. Подполковник (с 1.05.1927 г.), генерал-майор (с 1.04.1933 г.), генерал-лейтенант (с 1.08.1937 г.). С 1.02.1932 по 30.09.1933 и с 1.10.1935 по 31.08.1941 г. — военный атташе при посольстве Германии в Москве. С 1.09.1942 по 30.04.1943 г. — политический советник по кавказским вопросам при командующем немецкими войсками генерал-фельдмаршале Э. фон Клейсте. С 13.06.1943 г. — инспектор «туркестанских» добровольческих формирований. С 1.01.1944 по 4.05.1945 г. — генерал-инспектор добровольческих формирований.

Кипель (Кіпель), Ефим (Яўхім) (7.01.1896—27.07.1969), белорусский общественный и политический деятель, педагог. Участник Первой мировой войны. После начала Гражданской войны воевал в рядах Красной Армии. Участник 1-го Всебелорусского съезда советов (февраль 1919 г.), на котором было провозглашено создание БССР. В 1920-х гг. находился на научной и педагогической работе. Доцент Белорусского государственного университета (Минск), научный сотрудник Белорусской академии наук. Сторонник «белорусизации» и национального возрождения. Организатор Клуба белорусской молодежи и Объединения студентов Минского университета, которые позднее были закрыты властями. В 1930 г. был арестован по обвинению в белорусском национализме и выслан на 5 лет в город Нолинск (Поволжье). После окончания ссылки был снова арестован и получил еще 5 лет. Наказание отбывал в Байкало-Амурских концентрационных лагерях. В июне 1942 г. вернулся в Белоруссию. С 1942 по 1944 г. работал в Школьном инспекторате Генерального комиссариата «Белоруссия», редактор газеты «Голос дерев-

ни» («Голас Вёскі»). С 1944 г. — руководитель Научного отдела Белорусского центрального совета. Был избран президентом 2-го Всебелорусского конгресса. С лета 1944 г. — в эмиграции в Германии. Выступал за активное сотрудничество с Комитетом освобождения народов России (КОНР). Член Белорусского национального совета КОНР. После окончания войны переехал в США, где продолжил заниматься активной научной и общественной деятельностью. Инициатор создания Объединения белорусских заключенных советских концлагерей. В 1989 г. Верховный суд БССР принял постановление о его посмертной реабилитации.

Космович (Касмовіч), Дмитрий (Дзімітры) (21.09.1909—23.04.1991), белорусский военный и политический деятель, генерал-майор (с 1944 г.). Окончил гимназию в Радошковичах (1927). Учился в высших учебных заведениях Бельгии, Польши и Югославии, активист белорусского студенческого движения. В 1931—1934 гг. служил в Польской армии. В 1939—1940 гг. избирался делегатом на сессии Верховного Совета СССР и БССР. В 1940—1941 гг. учился в Минском политехническом институте. Летом 1941 г. организовывал белорусскую полицию в Минске. В 1942—1943 гг. создавал белорусские воинские формирования в Брянской, Смоленской и Могилевской областях. С 1944 г. — майор БКА. Участник 2-го Всебелорусского конгресса. С лета 1944 г. — в эмиграции в Германии, сотрудник Военного отдела БЦР. С марта 1945 г. — офицер *Специального десантного батальона «Дальвиц»*. После окончания войны жил в Западной Германии, где руководил Военным отделом БЦР. В октябре 1954 г. организовал Белорусский освободительный фронт, редактировал журнал «Борьба» («*Барацьба*»). Представлял белорусское освободительное движение в Антибольшевистском блоке народов и Международной антикоммунистической лиге.

Кубе (Kube), Вильгельм (Wilhelm) (13.11.1887—23.09.1943), нацистский партийный и государственный деятель, один из руководителей оккупационного режима на территории СССР,

СС-группенфюрер (с 27.01.1934 г.). Окончил Берлинский университет. В 1911 г. вступил в Германскую социалистическую партию. С 1912 г. — журналист. Участник Первой мировой войны. В 1920—1923 гг. генеральный секретарь Германской национальной партии. С 4.05.1942 г. — депутат рейхстага. В 1927 г. вступил в нацистскую партию. С 2.01.1928 г. — гауляйтер Остмарка, а с 6.03.1933 г. — гауляйтер Курмарка. С 25.03.1933 г. — оберпрезидент Бранденбурга. 29.09.1933 г. вступил в СС. 11.03.1936 г. вышел из СС, а 7.08.1936 г., благодаря интригам рейхслейтера М. Бормана, снят с поста гауляйтера. 17.07.1941 г. назначен генеральным комиссаром «Белоруссии». Осуществлял жестокую оккупационную политику. Убит в результате покушения, организованного советскими спецслужбами.

Кушель (Кушаль), Франц (Франтішек) (16.02.1895 — май 1969), белорусский военный и политический деятель. В 1916 г. окончил пехотное училище в Вильнюсе. Участник Первой мировой войны — штабс-капитан Русской императорской армии. В период с 1917 по 1921 г. — участник ряда белорусских антикоммунистических формирований, воевавших на стороне Польши. С 1921 по август 1939 г. — капитан Польской армии. С августа 1939 по январь 1941 г. — в плену в СССР, где, по некоторым данным, согласился сотрудничать с НКВД. С мая 1942 г. — начальник курсов по подготовке офицеров белорусской полиции в Минске. С августа 1943 г. «главный опекун» белорусской полиции. С февраля 1944 г. — в чине майора начальник Штаба БКА. С июля 1944 г. — в эмиграции в Германии. 28.04.1945 г. в районе Айзенштадта (Чехия) сдался в плен американцам. С 1950 г. — в эмиграции в США, где в чине генерал-майора занимал пост «военного министра» при БЦР. Являлся автором нескольких работ по военной истории Белоруссии.

Кюблер (Kübler), Людвиг (Ludwig) (2.09.1889—18.08.1947), генерал пехоты (с 1.08.1940 г.; 24.11.1941 г. переаттестован в генералы горно-егерских войск). В армии — с 20.07.1908 г. (фа-

ненюнкер). 23.10.1910 г. произведен в лейтенанты 15-го Баварского пехотного полка. Участник Первой мировой войны. За боевые заслуги награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса. С 1919 по 1938 г. — на разных должностях в рейхсвере, а затем в вермахте. С 1.04.1938 г. — командир 1-й горно-егерской дивизии (неофициальное название дивизия «Эдельвейс»). С 25.10.1940 г. — командующий XLIX горно-егерским корпусом, который в 1941 г. вошел в состав 11-й немецкой армии, действовавшей на южном участке советско-германского фронта. Участник боев за Крым и Севастополь. С 18.12.1941 г. — командующий 4-й армией. С 22.07.1943 г. — командующий тыловым районом и охранными войсками группы армий «Центр». С 1.10.1943 г. — командующий войсками вермахта в зоне Адриатического побережья. С 28.09.1944 г. — командующий LXXXVII армейским корпусом. 8.05.1945 г. захвачен в плен югославскими партизанами. 27.07.1947 г. военным судом в Любляне (Словения) приговорен к смертной казни. Расстрелян.

Майер-Мадер (Mayer-Mader), Андреас (Andreas) (? — март 1944), кадровый разведчик, майор. Участник Первой мировой войны. С 1919 г. долгое время находился в странах Востока, в частности, в Китае, где служил военным советником у Чан Кайши. Один из главных организаторов антисоветских добровольческих формирований из советских граждан. С января 1942 г. — командир 1-го (450-го) туркестанского пехотного батальона. В августе 1942 г. отстранен от командования батальоном из-за трений с руководством Туркестанского национального комитета. В 1942—1943 гг. находился при штабе Командования Восточными легионами на Украине. С 1.01.1944 г. — СС-оберштурмбаннфюрер и командир 1-го Восточно-мусульманского полка СС. По официальной версии, убит в бою с советскими партизанами в районе г. Юратишки (Западная Белоруссия).

Мальцев, Виктор Иванович (1895—1.08.1946), генерал-майор Вооруженных сил КОНР, деятель Русского освободительного движения. В 1919 г. окончил Егорьевскую школу военных летчиков. С 1925 по 1938 г. последовательно являлся: начальником

Центрального аэродрома под Москвой, помощником начальника Управления ВВС Сибирского военного округа, начальником ВВС Сибирского военного округа, начальником Туркменского управления Гражданского воздушного флота СССР. С 26 ноября 1936 г. — полковник ВВС. 11 марта 1938 г. арестован НКВД, но уже 5 сентября 1939 г. освобожден за недостатком улик и реабилитирован. Демобилизован из Красной Армии и исключен из рядов Коммунистической партии. В 1939—1941 гг. — директор санатория Аэрофлота в Ялте (Крым). После оккупации немцами Крыма перешел к ним на службу. С марта 1942 по июнь 1943 г. — начальник городского управления, а затем мировой судья Ялты. В марте 1943 г. подал рапорт о его переводе в распоряжение генерал-лейтенанта А.А. Власова. В 1943—1944 гг. — в составе «Восточной» (русской) авиационной группы (Восточная Пруссия). С декабря 1944 г. — в чине генерал-майора командующий *Военно-воздушными силами КОНР*. В апреле 1945 г. сдался в Чехии американским войскам. Выдан в СССР, где после закрытого судебного процесса приговорен к смертной казни через повешение.

Микула (Мікула), Виталий (Віталь) (1913—1944), белорусский военный деятель. В 1939 г. окончил артиллерийскую школу в Грудзёнце, поручик Польской армии. Участник польско-немецкой войны (сентябрь 1939 г.). С мая 1942 г. — заместитель начальника курсов по подготовке офицеров белорусской полиции (Минск). С декабря 1942 г. — в чине капитана офицер связи при *Белорусском батальоне железнодорожной охраны*. В 1943 г. подготовил и издал «Строевой воинский устав». С февраля 1944 г. — заместитель начальника Штаба БКА. С лета 1944 г. — в эмиграции в Германии. За отказ сотрудничать с русскими офицерами-антикоммунистами и убит немцами в концлагере Дахау.

Островский (Астроўскі), Радослав (Радаслаў) (1887—1976), белорусский политический деятель. В 1917 г. — комиссар Временного правительства в Слуцком округе, участник 1-го Всебелорусского конгресса (1917). Затем примкнул к Белому движе-

нию, офицер Вооруженных сил Юга России. После окончания Гражданской войны эмигрировал в Польшу. В 1924—1936 гг. директор Виленской белорусской гимназии. Депутат Польского сейма. Стоял на пропольских позициях. В 1941—1943 гг. работал в органах белорусского самоуправления в Брянском, Смоленском и Могилевском округах. С декабря 1943 г. — президент БЦР. С июня 1944 г. — в эмиграции, где продолжал политическую деятельность, занимая и далее пост президента БЦР. Один из самых влиятельных лидеров белорусской послевоенной эмиграции.

Павлов, Сергей (настоящее имя Ерофей) Васильевич (1896—17.06.1944), генерал-майор казачьих войск (посмертно). Уроженец Новочеркаска. Окончил Донской кадетский корпус (1914), затем Николаевское кавалерийское училище. С 1915 г. — хорунжий 47-го Донского казачьего полка. В 1916 г. командирован в Винницкую военно-авиационную школу, по окончании которой служил в авиационных частях Юго-Западного фронта. С 1918 по 1920 г. служил в авиационных частях белой Донской армии. За проявленные боевые заслуги награжден золотым Георгиевским оружием. Полковник (1920). После окончания Гражданской войны остался в Новочеркасске, где до самого прихода немцев жил под вымышленной фамилией. Инициатор создания казачьих частей в составе германской армии и органов местного самоуправления на Дону. После эвакуации Новочеркаска назначен походным атаманом казачьих войск (1943). Член Главного управления Казачьих войск. Погиб при невыясненных обстоятельствах в Белоруссии.

Роголя (Рагуля), Борис (Барыс), род. в 1920 г., белорусский политический и военный деятель, майор БКА (с 1944 г.). Окончил гимназию в Новогрудке. Участник немецко-польской войны с сентября 1939 г. В ходе войны попал в плен, бежал. В 1941 г. был арестован НКВД и чудом избежал расстрела. Член БНП. В 1942—1943 гг. окружной руководитель БНС в Новогрудском округе. В 1943—1944 гг. — командир *Новогрудского кавалерийского эскадрона*, который являлся формированием белорусской

самообороны. С февраля 1944 г. вместе со своим эскадроном был принят в БКА на правах командира отдельного формирования. Окружной начальник БКА и одновременно представитель БЦР в Новогрудском округе. С июля 1944 г. в эмиграции в Германии. С сентября 1944 г. — начальник офицерской школы *1-го Кадрового батальона БКА* в Берлине. С декабря 1944 г. офицер связи с *30-й (белорусской) гренадерской дивизией войск СС*. После окончания войны жил в Западной Германии, где являлся членом Совета Белорусской народной республики. Участвовал в засылке в Белоруссию специальных разведывательных групп. Позднее переехал в Канаду. Работал врачом.

Радько (Родзька), Всеволод (Ўсевалод) (1920—1946?), белорусский военный и политический деятель. Окончил польскую гимназию им. А. Мицкевича в Новогрудке (1938), а потом унтер-офицерскую школу в Зомброве. Участник польско-немецкой войны в сентябре 1939 г., попал в плен, откуда в 1940 г. был освобожден. Возглавил Краковский филиал Варшавского белорусского комитета. С весны 1941 г. сотрудничал с абвером. С июля 1941 г. — начальник городского управления Витебска. С июля 1942 г. — председатель ЦК БНП (оставался во главе партии до своей смерти). Член БЦР, где являлся ответственным за работу с молодежью. С марта 1944 г. — в чине лейтенанта командир 15-го батальона БКА. В чине майора политический руководитель *Специального десантного батальона «Дальвиц»*. Сторонник сближения с движением генерала А.А. Власова. После окончания войны пробрался в Польшу, где был арестован в июне 1945 г. (по другим данным — осенью 1946 г.). В 1946 г. на процессе в Минске приговорен к смертной казни. Получил звание генерал-майора (посмертно) от Совета БНР.

Роткирх-унд-Трах (Rothkirch-und-Trach), Эдвин фон (Edvin von) (род. 1.11.1888), граф, генерал кавалерии (с 1.01.1944 г.). Окончил кадетский корпус. 1.03.1908 г. вступил в 17-й Мекленбургский драгунский полк (лейтенант). Участник Первой мировой войны. За боевые заслуги награжден Железным крестом 1-го и 2-го класса. Ротмистр (с 16.09.1917 г.). С 1919 по

1939 г. занимал различные командные должности в рейхсвере и вермахте. С 25.04.1940 г. — командир 442-й охранной дивизии. 5.01.1942 г. назначен командиром 330-й пехотной дивизии, которая была переброшена на советско-германский фронт и включена в состав группы армий «Центр». С сентября 1943 г. — командующий тыловым районом и охранными войсками группы армий «Центр», а с апреля 1944 г. — командующий войсками вермахта в генеральном округе «Белоруссия» (занимал обе должности одновременно). С 3.11.1944 г. — командующий LIII армейским корпусом. Участник наступления в Арденнах. 6.03.1945 г. взят в плен американскими войсками. Освобожден из плена 3.11.1947 г.

Сакович (Саковіч), Юлиан (Юльян) (24.08.1906—13.06.1943), белорусский общественный и политический деятель. Окончил Белорусскую гимназию в Вильно (Литва), обучался на агрономическом факультете Виленского университета. Член Белорусского студенческого союза (исключен в 1928 г.). Был связан с подпольным коммунистическим движением, за что подвергался преследованиям со стороны польских властей. В 1940 г. был арестован НКВД, однако вскоре был отпущен. После освобождения радикально пересмотрел свои взгляды и стал на позиции белорусского национализма. С лета 1941 г. — начальник белорусской полиции Минского округа, сотрудник БНС. Инициатор создания Белорусской народной громады (осень 1941 г.) — одной из организаций белорусского националистического движения Сопротивления и ее партизанских отрядов. Летом 1943 г. был выслан немцами в Лидский округ. Убит польскими партизанами в селе Васишишки. По одной из версий, это было сделано с молчаливого согласия немцев.

Сажич (Сажыч), Иосиф (Язэп), род. в 1917 г., белорусский политический и военный деятель, генерал-майор. Окончил гимназию в Новогрудке и польскую унтер-офицерскую школу. В 1941 г. создавал отряды белорусской самообороны в западной Белоруссии. Член нелегальной БНП. С 1942—1943 гг. — в чине лейтенанта командир одной из рот *Белорусского батальо-*

на железнодорожной охраны, затем в 1943—1944 гг. — офицер-пропагандист батальона. С марта 1944 г. — офицер БКА. С июня 1944 г. — в эмиграции в Германии. Активный участник белорусского национально-освободительного движения. В 1982—1997 гг. — председатель Совета БНР.

Скорцени (Skorzeny), Отто (Otto) (12.06.1908—5.07.1975), руководитель диверсионных отрядов СС, СС-штандартенфюрер (с 20.04.1945 г.). Учился в Венском университете. Во время учебы примкнул к нацистскому движению, в 1932 г. вступил в нацистскую партию, а в 1934 г. — в СС. Участвовал в попытке нацистского переворота в Австрии. В 1939 г. переведен в *Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер»*. Участвовал в боевых действиях во Франции, Югославии и на советско-германском фронте. В апреле 1943 г. переведен в распоряжение *Главного управления имперской безопасности (РСХА)*, где в его задачи входило проведение мероприятий по военному, материальному, моральному и политическому саботажу за рубежом. К наиболее известным из проведенных им операций относятся похищение итальянского диктатора Б. Муссолини (сентябрь 1943 г.), захват главы Венгрии М. Хорти (октябрь 1944 г.) и диверсионные операции в тылу американских войск во время немецкого наступления в Арденнах (декабрь 1944 — январь 1945 г.). Участвовал в боевых операциях на Одерском фронте (январь 1945 г.). 15.05.1945 г. арестован американскими войсками. В сентябре 1945 г. предстал перед военным судом, но был оправдан и освобожден. В апреле 1948 г. вновь арестован, но уже через два месяца бежал. Принимал активное участие в создании послевоенных организаций бывших членов СС (например, «Паук», «Одесса» и т.п.). С 1950 г. жил в Испании. Автор воспоминаний.

Соболевский (Сабалеўскі), Юрий (Юры) (24.04.1889—26.12.1957), белорусский политический деятель. Активный участник белорусского национального движения. Неоднократно арестовывался польскими, советскими и немецкими властями. В 1943—1943 гг. — руководитель БСП. С декабря 1943 г. — второй вице-президент БЦР. С июня 1944 г. — в эмиграции в Германии, председатель Коллегии БЦР. Активный сторонник во-

оруженной антибольшевистской борьбы. В 1950 г. от имени БЦР заключил соглашение с Украинским национальным советом о совместной борьбе против большевизма. Умер при невыясненных обстоятельствах. Похоронен в Мюнхене (Западная Германия).

Сокол-Кутыловский (Сокал-Кутылоўскі), Антон (Антон) (1892—1983), белорусский военный деятель. По образованию учитель. Окончил Петербургский университет и Казанское военное училище (1916). Участник Первой мировой войны, штабс-капитан Русской императорской армии. Один из лидеров так называемого «Слуцкого восстания», командир Слуцкой бригады (ноябрь 1920 г.). В 1921—1939 гг. — православный священник в Новогрудке и Слониме. 19 июня 1941 г. арестован НКВД, бежал. В 1941—1944 гг. школьный инспектор в Ганцевичах, руководитель местной БНС. В декабре 1943 — июне 1944 г. — представитель президента БЦР в Ганцевичском округе. Участник 2-го Всебелорусского конгресса. Подполковник БКА. С осени 1944 г. работал в Военном отделе БЦР в Берлине. С марта 1945 г. — в чине Ваффен-штурмбаннфюрера командир 1-го батальона *30-й (белорусской) гренадерской дивизии войск СС*. В апреле 1945 г. сдался в плен американцам, выдан в СССР. В 1947 г. осужден на 25 лет лагерей. В 1958 г. освобожден по амнистии. После освобождения жил в Польше, где и умер.

Станкевич (Станкевіч), Ян (Ян), (15.11.1904—12.12.1991), белорусский общественный и политический деятель, ученый. Окончил Виленскую белорусскую гимназию и Пражский университет. Доктор философии (1926). Работал преподавателем в Варшавском и Виленском университетах. Депутат Польского сейма (1928—1930). Летом 1940 г. основал Партию белорусских националистов, а летом 1943 г. — Белорусское национально-демократическое объединение — организации националистического движения Сопrotивления, которые делали ставку на сотрудничество с польским подпольем. В начале 1944 г. выехал из Белоруссии в Прагу (Чехия). После окончания Второй мировой войны жил в США.

Ценнер (Zenner), Карл (Karl) (11.06.1899—16.06.1969), СС-бригадефюрер (с 21.06.1941 г.) и генерал-майор полиции (26.09.1941 г.). Участник Первой мировой войны. За боевые заслуги награжден Железным крестом 2-го класса. В 1925 г. вступил в нацистскую партию. Один из первых членов СС. 2.04.1930 г. произведен в СС-унтерштурмфюреры. С 1932 по 1941 г. занимал различные посты и должности в СС и полиции. Депутат рейхстага (июль — ноябрь 1932 г. и с марта 1933 г.). С 14.08.1941 по 22.05.1942 г. — фюрер СС и полиции в генеральном округе «Белоруссия». Один из организаторов нацистского террора в этой оккупированной республике. Смещен с должности за потворствование белорусским националистам. С мая 1942 г. (фактически, с июня) начальник III (учетного) управления Главного управления СС. Находился на этом посту до мая 1945 г. Попал в плен к французским войскам, а затем был передан британским военным властям. Военным судом приговорен к 5 годам тюремного заключения. Освобожден в 1950 г. В июле 1961 г. суд в Кобленце (Германия) приговорил его за военные преступления на территории Белоруссии к 15 годам тюремного заключения.

Чеботаревич (Чэбатарэвіч), Виктор (Віктар) (1906—7.10.1963), белорусский политический и военный деятель. Окончил учительскую семинарию в Несвиже. В 1940—1941 гг. поддерживал связь с белорусскими националистическими организациями в Польше. Летом 1941 г. по польскому доносу арестован немцами, но вскоре выпущен. Работал в отделе образования генерального комиссариата «Белоруссия». Член нелегальной БНП. С марта 1943 г. — в чине лейтенанта офицер-пропагандист *13-го Белорусского полицейского батальона при СД*. С марта 1944 г. — в чине капитана начальник офицерской школы БКА в Минске. С июня 1944 г. — в эмиграции. После войны жил сначала в Западной Германии, а потом в США (Нью-Йорк). Активный деятель белорусского национально-освободительного движения. Сотрудничал с газетой «Белорусская трибуна» («*Беларуская трыбуна*») (США). Представлял белорусскую эмиграцию во всемирных антикоммунистических эмиграциях.

Шенкендорф (Schenckendorff), Макс фон (Max von) (24.02.1875—6.07.1943), генерал пехоты (с 1.09.1940 г.). Окончил кадетский корпус. 17.03.1894 г. вступил в 47-й пехотный полк (лейтенант). Участник Первой мировой войны (последнее воинское звание — майор). После капитуляции Германии — на службе в рейхсвере. Командир батальона в 29-м пехотном полку. С 1.04.1923 г. — начальник штаба инспектора пехоты. С 1.02.1926 г. — командир 8-го пехотного полка. 28.02.1930 г. уволен в отставку в чине генерал-лейтенанта. 26.08.1939 г. вновь призван на службу. С 25.10.1939 г. — комендант Познани (Польша). 15.03.1941 г. назначен командующим тыловым районом и охранными войсками группы армий «Центр». Выступал за гуманное отношение к местному населению. Один из главных инициаторов создания «восточных» добровольческих формирований в тыловом районе группы армий «Центр». По некоторым данным, являлся участником антигитлеровской оппозиции в вермахте.

Шумана (Schimana), Вальтер (Walter) (12.03.1898—12.09.1948), СС-группенфюрер, генерал-лейтенант войск СС и полиции (с 20.04.1944 г.). Окончил австрийский кадетский корпус. В составе австро-венгерской армии участвовал в Первой мировой войне. Лейтенант (с декабря 1918 г.). 7.12.1926 г. вступил в нацистскую партию. СА-штанدارтенфюрер (с 1938 г.). В 1934 г. переведен в охранную полицию (капитан), а 1.04.1936 г. — в жандармерию (майор). С апреля 1936 г. при штабе шефа полиции порядка. 4.09.1942 г. назначен фюрером СС и полиции «Саратова» в подчинении главного фюрера СС и полиции «Россия-Центр». С декабря 1941 по январь 1942 г. командовал боевой группой 137-й пехотной дивизии. С июля 1942 г. — командир одного из полицейских полков на Восточном фронте. С 21.07.1942 по 15.07.1943 г. — фюрер СС и полиции в генеральном округе «Белоруссия». С 15.07.1943 г. — командир 14-й гренадерской дивизии войск СС (1-я галицкая). С 18.10.1943 г. — главный фюрер СС и полиции в Греции. В мае 1945 г. сдался в плен американским войскам. В тюрьме покончил жизнь самоубийством.

Шкелёнок (Шкялёнак), Николай (Мікалай) (1899—1946?), белорусский политический деятель. Окончил юридический факультет университета в Вильно (1930). Входил в руководство Белорусского студенческого союза, редактировал журнал «Студенческая мысль» («*Студэнцкая думка*»). Руководил спортивным отделом Объединения белорусских студенческих организаций. Автор ряда исследований по истории Белоруссии. С июня 1941 г. — член Белорусского национального центра (Берлин). С декабря 1943 г. — первый вице-президент БЦР, руководил ее отделами пропаганды и прессы. Одни из организаторов 2-го Всебелорусского конгресса. С 1944 г. — в эмиграции в Германии. Руководитель Коллегии БЦР.

Шнек (Шнэк), Степан (Сьцяпан) (1900—24.01.1952), белорусский военный деятель, майор БКА (с 1.01.1945 г.). Окончил Ленинградскую военную академию. Служил в Красной Армии. Перед началом советско-германской войны жил в Слуцке, где преподавал математику и военную подготовку в средней школе. С августа 1941 по февраль 1944 г. — начальник белорусской вспомогательной полиции в Слуцке и в Слуцком округе. С февраля 1944 г. — окружной начальник БКА в Слуцке. С лета 1944 г. — в эмиграции в Германии. 28.11.1944 г. назначен исполняющим обязанности заместителя командира *1-го Кадрового батальона БКА* по военной подготовке. После окончания войны жил сначала в Германии, потом во Франции, а в мае 1950 г. переехал с семьей в Австралию. Сотрудничал в газетах «Родина» («*Бацькаўшчына*») и «Белорусское слово» («*Беларускае слова*»). Трагически погиб.

Шпорренберг (Sporrenberg), Якоб (Jakob) (16.09.1902—06.12.1952), СС-группенфюрер (с 1.01.1940 г.), генерал-лейтенант полиции (с 7.07.1943 г.). В 1919—1920 гг. — на службе в рейхсвере. В 1922 г. вступил в нацистскую партию, в 15.12.1925 г. — в СА. 1.08.1929 г. переведен в систему Гитлерюгенда и назначен его руководителем в Дюссельдорфе. 1.10.1930 г. вступил в СС. Занимал различные командные должности в территориальных структурах этой организации.

В 1937 г. переведен в СД и назначен инспектором СД и полиции безопасности в Кёнигсберге. С апреля 1938 г. — депутат рейхстага. С 1.10.1939 по 24.07.1940 г. занимал должность главного фюрера СС и полиции области «Рейн», а с 21.06.1940 по 1.05.1941 г. — должность главного фюрера СС и полиции области «Северо-Восток» (Кёнигсберг). 21.07.1941 г. назначен фюрером СС и полиции в генеральном округе «Белоруссия». 14.08.1941 г. переведен в распоряжение уполномоченного по борьбе с партизанами. Один из ближайших сотрудников рейс-комиссара «Украины» Эриха Коха. Один из организаторов нацистского террора в Белоруссии и на Украине. 16.08.1943 г. назначен на пост фюрера СС и полиции «Люблин», но пробыл на нем недолго. С 21.11.1944 по май 1945 г. — фюрер СС и полиции в Южной Норвегии. После капитуляции Германии арестован западными союзниками и впоследствии передан польским властям. Приговорен к смертной казни через повешение.

Шухевич, Роман (1907—5.03.1950), украинский военный и политический деятель, генерал-хорунжий Украинской повстанческой армии (УПА). Образование получил во Львовском политехническом институте. В 1923 г. вступил в ряды Украинской военной организации. В 1929 г. вступил в Организацию украинских националистов (ОУН), где отвечал за военную подготовку ее членов. Служил в Польской армии. С 1930 по 1938 г. — активный участник целого ряда антипольских акций. Был арестован и содержался в концлагере Береза Картузская. В 1938 г. освобожден и переехал в Карпатскую Украину, где участвовал в создании местных вооруженных формирований. В 1939—1940 гг. — референт руководства ОУН по связям с советскими украинскими землями, член Главного военного штаба ОУН. С июня 1941 г. — в звании майора командир специального батальона «Нахтигаль», сформированного абвером. В 1942—1943 гг. — командир 201-го украинского батальона вспомогательной полиции порядка, оперировавшего против белорусских партизан. Отказался подчиняться немцам и перешел в УПА. С сентября 1943 г. — в чине полковника главно-

командующий УПА. С июля 1944 г. — генеральный секретарь Украинского главного освободительного совета. Убит в бою со спецгруппой МВД.

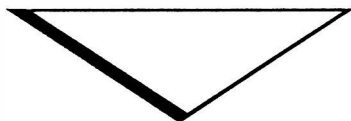
Шэфер (Schäfer), Карл (Karl) (1892—2.11.1943), СС-бригадефюрер и генерал-майор полиции (с 21.06.1943 г.). Один из руководителей немецкой карательной системы на территории СССР. С 7 по 24.04.1942 г. являлся исполняющим обязанности фюрера СС и полиции в генеральном округе «Латвия», а с 25 апреля по 22 мая 1942 г. занимал такую же должность в генеральном округе «Литва». С 22 мая по 21 июля 1942 г. — фюрер СС и полиции в генеральном округе «Белоруссия». 4.10.1943 г. был назначен фюрером СС и полиции в генеральном округе «Днепропетровск», где руководил проведением антипартизанских операций. Убит снайпером во время одной из таких операций.

Щорс (Шчорс), Николай (Микола) (1913—22.12.1995), белорусский политический деятель. Окончил медицинский факультет университета в Вильно. В 1935—1937 гг. был председателем Белорусского студенческого союза. 19 июня 1941 г. возглавил созданный в Берлине Белорусский национальный центр. Находился под идеологическим влиянием ксендза В. Годлевского (*смотри это имя*). Был активным деятелем белорусского национального движения. После войны жил в США, где возглавлял ряд белорусских общественно-политических организаций.

Эрлинггер (Ehrlinger), Эрх (Erich) (14.10.1910 — после 1969), СС-оберфюрер (с 9.11.1944 г.) и полковник охранной полиции (с 27.06.1944 г.). Сын бургомистра. Учился в Тюрингенском, Кильском и Берлинском университетах. В 1931 г. вступил в нацистскую партию и СА, СА-штурмбаннфюрер (с декабря 1932 г.). 22.06.1935 г. переведен в СС, а уже в сентябре — в СД, где занял пост пресс-секретаря Главного управления СД. С марта по сентябрь 1939 г. — начальник оперативной команды, которая действовала на территории Чехии (Прага). После начала Второй мировой войны — в составе 4-й оперативной группы СД, действовавшей на территории Польши. С ноября 1939 по март

1940 г. — начальник полиции безопасности и СД в округе «Варшава», где руководил массовыми арестами польской интеллигенции и евреев. С марта 1940 г. — военный корреспондент при «Лейбштандарте СС Адольф Гитлер». После начала войны с СССР командир специальной команды 1-б в составе оперативной группы «А», действовавшей на территории Прибалтики, Белоруссии и Северной России. С декабря 1941 по сентябрь 1943 г. — начальник полиции безопасности и СД в генеральном округе «Киев». 6.09.1943 г. назначен на должность фюрера СС и полиции в генеральном округе «Белоруссия». 1.04.1944 г. отозван в Берлин и поставлен во главе 1-го (кадровые и правовые вопросы) управления РСХА. Инспектор школ СД и полиции безопасности. После капитуляции Германии долгое время скрывался, пока не был арестован властями ФРГ (ноябрь 1958 г.). 20.12.1961 г. приговорен к 12 годам тюремного заключения, однако уже в декабре 1969 г. вышел на свободу.

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

I. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ О НЕМЕЦКОЙ ОККУПАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ

№ 1. Приказ Гитлера о гражданском управлении во вновь оккупированных восточных областях

Ставка верховного
главнокомандующего

17 июля 1941 г.

Для восстановления общественного порядка, общественной жизни во вновь захваченных восточных областях и для их поддержания приказываю:

§1.

По прекращении военных действий во вновь захваченных восточных областях управление этими областями переходит от военной администрации к гражданским властям. Области, которые в соответствии с этим должны быть переданы гражданским властям, а также момент передачи будут определены мной каждый раз специальным указом.

§2.

Гражданские власти во вновь оккупированных восточных областях подчинены рейхсминистру по делам оккупированных восточных областей, если эти области не входят в компетенцию ад-

министрации пограничных с империей или с генерал-губернаторством территорий.

§3.

Суверенные права и полномочия военных властей осуществляются во вновь оккупированных восточных областях командующими вооруженных сил в соответствии с указом от 25 июня 1941 г.

Вопросы компетенции уполномоченного по четырехлетнему плану во вновь оккупированных восточных областях урегулированы особо моим указом от 29 июня 1941 г., а вопросы компетенции рейхсфюрера СС и шефа германской полиции — моим указом от 17 июля 1941 г. (*смотри документ №2*), и нижеизложенные положения к ним не относятся.

§4.

Рейхсминистром по делам оккупированных восточных областей назначается рейхслейтер Альфред Розенберг. Его резиденция находится в Берлине.

§5.

Подчиненные рейхсминистру по делам оккупированных восточных областей вновь оккупированные восточные области подразделяются на рейхскомиссариаты; они в свою очередь подразделяются на генеральные округа, и эти последние на округа. Несколько округов могут быть объединены в главные округа. Более подробно эти положения определяет рейхсминистр по делам оккупированных восточных областей.

§6.

Во главе каждого рейхскомиссариата стоит рейхскомиссар, во главе генерального округа — генеральный комиссар, и во главе каждого округа — окружной комиссар. В случае образования главного округа во главе его стоит главный комиссар.

Рейхскомиссары и генеральные комиссары назначаются мной, руководители главных отделов учреждений, подчиненных

рейхскомиссарам, а также главные комиссары и окружные комиссары — рейхсминистром по делам оккупированных восточных областей.

§7.

Рейхскомиссары подчиняются рейхсминистру по делам оккупированных восточных областей и получают указания исключительно от него, если в действие не вступает §3.

§8.

К обязанностям рейхсминистра по делам оккупированных восточных областей относится определение прав для территорий подчиненных ему вновь оккупированных восточных областей. Он может передать полномочия по определению прав рейхскомиссарам.

§9.

Рейхскомиссарам подчиняется вся администрация на их территории в вопросах гражданского порядка.

Обеспечение нормального функционирования предприятий, транспорта и почты вменяется в обязанность ответственным за это высшим имперским властям в соответствии с указаниями начальника штаба Верховного главнокомандования вермахта на протяжении всего времени, пока проводятся военные операции. На время после окончания военных операций предусмотрены другие регулирующие органы.

§10.

Для согласования мероприятий, осуществляемых рейхсминистром по делам оккупированных восточных областей или рейхскомиссарами на подчиненных им территориях, с более важными вопросами, касающимися интересов государства, рейхсминистр по делам оккупированных восточных областей поддерживает тесный контакт с высшими имперскими властями. При разногласиях во мнении, которые не могут быть устранены путем непосредственных переговоров, следует обращаться ко мне за решением через рейхсминистра и начальника рейхсканцелярии.

§11.

Положения, необходимые для проведения в жизнь и дополнения настоящего указа, издаются рейхсминистром по делам оккупированных восточных областей по согласованию с рейхсминистром и начальником рейхсканцелярии и начальником штаба Верховного главнокомандования вермахта.

Фюрер Адольф Гитлер

Начальник штаба Верховного
главнокомандования вермахта Кейтель

Имперский министр и начальник
рейхсканцелярии Ламмерс

Источник: ГАРФ, ф. Р — 7021, оп. 148, д. 183, л. 45—46.

№ 2. Указ Гитлера о полицейской охране оккупированных восточных областей

Ставка верховного
главнокомандующего 17 июля 1941 г.

I

Полицейская охрана вновь оккупированных восточных областей возлагается на рейхсфюрера СС и шефа германской полиции.

II

После создания в этих областях гражданской администрации рейхсфюрер СС будет облечен правом отдавать рейхскомиссарам распоряжения в пределах указанной в пункте I задачи. В случае, если эти указания будут носить общий характер и иметь принципиальное политическое значение, они должны направляться через рейхсминистра оккупированных восточных облас-

тей, поскольку речь не будет идти о предотвращении непосредственно грозящей опасности.

III

Для осуществления полицейской охраны к каждому рейхскомиссару прикомандировывается главный фюрер СС и полиции, непосредственно и лично подчиненный рейхскомиссару. К генеральным комиссарам, главным комиссарам и окружным комиссарам прикомандировываются фюреры СС и полиции, непосредственно и лично им подчиненные.

Фюрер	Адольф Гитлер
Начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта	Кейтель
Имперский министр и начальник рейхсканцелярии	Ламмерс

Источник: Преступные цели — преступные средства. М., 1985. С. 54—55.

№ 3. Распоряжение генерального комиссара Белоруссии В. Кубе о расстреле гражданских лиц, появляющихся на улицах городов в запрещенное время

Минск, 20 октября 1941 г.

С согласия рейхскомиссара «Остланда» постановляю:

Ограничить время хождения в городах генерального округа «Белоруссия» от вечерних сумерек до рассвета.

Лица гражданские, которые в ограниченное время без уважительной причины будут встречены на улице, будут сейчас же военным судом расстреляны.

Для посещающих театр и другие культурные учреждения выйдет особый приказ.

Это распоряжение входит в силу с 1 ноября 1941 г.

Генеральный комиссар
«Белоруссии»

В. Кубе

Источник: НАРБ, коллекция листовок.

№ 4. Гражданское управление в занятых восточных областях

Берлин, декабрь 1941 г.

Декретом вождя германского народа и рейхсканцлера Адольфа Гитлера в занятых германскими частями восточных областях, в которых закончились военные действия, введено гражданское управление... Гражданское управление в первую очередь устанавливается в бывших независимых государствах — Литве, Латвии, Эстонии — и белорусских областях... Гражданское управление введено также в значительной части Украины. Постоянным заместителем рейхсминистра А. Розенберга назначен доктор Альфред Мейер.

Источник: Голос Крыма. 1941. № 6. 28 декабря.

№ 5. К вопросу о белорусах (из «Замечаний и предложений по Генеральному плану “Ост” рейхсфюрера СС»)

Берлин, 27 апреля 1942 г.

Согласно плану предусматривается выселение 75% белорусского населения с занимаемой им территории. Значит, 25% белорусов по плану Главного управления имперской безопасности (РСХА) подлежат онемечиванию...

Нежелательное в расовом отношении белорусское население будет еще в течение многих лет находиться на территории Белоруссии. В связи с этим представляется крайне необходимым по возможности тщательнее отобрать белорусов нордического типа, пригодных по расовым признакам и политическим соображениям для онемечивания, и отправить их в империю с целью использования в качестве рабочей силы... Их можно было бы использовать в сельском хозяйстве в качестве сельскохозяйственных рабочих, а также в промышленности или как ремесленников. Так как с ними обращались бы как с немцами и ввиду отсутствия у них национального чувства, они в скором времени, по крайней мере в ближайшем поколении, могли бы быть полностью онемечены...

Даже тех белорусов, которых мы не можем по расовым соображениям оставить на территории, предназначенной для колонизации нашим народом, мы можем в большей степени, чем представителей других народов восточных областей, использовать в своих интересах. Земля Белоруссии скудна. Предложить им лучшие земли — это значит примирить их с некоторыми вещами, которые могли бы их настроить против нас. К этому, между прочим, следует добавить, что само по себе русское и в особенности белорусское население склонно менять насиженные места, так что переселение в этих областях не воспринималось бы жителями так трагически, как, например, в прибалтийских странах. Следовало бы подумать также над тем, чтобы переселить белорусов на Урал или в районы Северного Кавказа, которые частично могли бы также являться резервными территориями для европейской колонизации...

Источник: Безыменский Л.А. Человек за спиной Гитлера. Мартин Борман и его дневник. М., 1999. С. 87—88.

№ 6. «В Белоруссии местное население привлекается к управлению...»

Минск, август 1942 г.

Генеральный комиссар Белоруссии В. Кубе, во время торжественного празднования в Минске годовщины освобождения Бе-

лоруссии от большевистского режима, заявил, что он стремится к привлечению представителей местного населения в состав управленческих структур. В частности, руководитель Белорусской народной самопомощи (БНС) доктор Ермаченко назначен референтом штаба гауляйтера Кубе. Точно так же доверенные лица белорусского народа должны быть привлечены к работе в отделах культуры, политики и пропаганды. Одновременно с этим выделенные местными обществами БНС лица должны быть назначены советниками при окружных комиссарах.

Источник: Голос Крыма. 1942. № 74. 9 августа.

№ 7. Из заключительного отчета СС-обергруппенфюрера Э. фон дем Бах-Зелевски об операциях «Болотная лихорадка»* по уничтожению партизан и мирного населения Белоруссии

Рига, 6 ноября 1942 г.

...2—3 сентября 1942 г. моторизованный патруль жандармерии и рота 15-го Латвийского полицейского батальона уничтожили в бою 70 бандитов (партизан).

В ходе этих операций были достигнуты следующие успехи:

1. Очищено и разрушено 49 партизанских лагерей, укрепленных точек и опорных пунктов, а также несколько населенных пунктов в заболоченной местности, служивших убежищем для партизан.

2. Убито в бою 389 вооруженных бандитов (партизан), осуждено и расстреляно 1274 подозрительных лиц, казнено 8350 евреев.

3. Выселено 1217 человек...

Источник: ГАРФ, ф. Р — 7445, оп. 2, д. 145, л. 9.

* Операции против партизан и мирного населения Белоруссии под названием «Болотная лихорадка» проходили с 21 августа по 21 сентября 1942 года. В вышеприведенном документе публикуются результаты операции только по одному району Мациевичи за 2—3 сентября 1942 года.

№ 8. Донесение Франца Кушеля председателю Белорусского совета доверия при генеральном комиссаре «Белоруссии» о сожжении отрядами СС жителей деревень на территории Воложинского района

Минск, 6 августа 1943 г.

Сообщаю, что 5 августа 1943 г. ко мне явились гражданки — жительницы деревни Першай — Черепович, Скрундзь, Адамович, Бодак и Марцинкевич и доложили следующее:

Во второй половине июля месяца сего года немецкие отряды СС проводили очистку от партизан территории Воложинского района. При этом отрядами были заживо сожжены вместе с постройками жители деревень Першайской волости: Доры, Дубовцы, Мишаны, Довгалевшины, Лапинцы, Среднего Села, Романовщины, Нелюбы, Палубовцы и Макричавщины.

Отряды СС никакого следствия не проводили, а только согнали жителей, преимущественно стариков, женщин и детей, в отдельные строения, которые потом поджигались.

В Дорах жители были согнаны в церковь и вместе с церковью сожжены.

Ф. Кушель

Источник: НАРБ, ф. 384, оп. 1, д. 1, л. 68.

**II. ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
О СОЗДАНИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ БЕЛОРУССКИХ
ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ ФОРМИРОВАНИЙ
В ГЕРМАНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛАХ**

№ 9. Постановление по борьбе с партизанским движением на Востоке

Берлин, 11 ноября 1942 г.

...I. Организация и ведение разведки партизанских отрядов.

...11). Насаждение негласных агентов, в первую очередь на должностях, требующих специальной подготовки (гестапо, контрразведка, охранная полиция, жандармерия).

В качестве негласных агентов могут быть использованы лица из местного населения, желательно такие, которые по каким-либо причинам враждебно относятся к советской власти: бывшие репрессированные, арестованные, пленные или перебежчики из самих партизанских отрядов. Вошедший в доверие партизан хороший агент может, попусту с выполнением задач осведомителя, предложить свои услуги партизанам, выдавая себя за лицо, которое своими действиями попыталось выступить против поставленного немцами старосты или другого представителя власти.

Наряду с этим другие военные и гражданские учреждения подбирают из числа гражданского населения своих доверенных лиц, которые, кроме добывания разведывательных данных, могут быть привлечены в качестве проводников немецких отрядов и могут оказать им существенную помощь даже в боевых операциях. Они легко могут предупреждать засады и другие козни, присущие действиям партизан.

Особое значение придается тщательным выборам старост. Их, а также доверенных лиц из местных жителей следует через определенные промежутки времени собирать и знакомить с приемами разведки против партизанских отрядов и использованием методов оповещения.

...II. Инструкция по боевым операциям против партизанских отрядов.

...21). Использование местных отрядов в борьбе с партизанами, как непосредственно в войсках, так и в разведывательной службе и частях пропаганды, вполне себя оправдывает. Знание местности, климата и языка страны делает возможным в боях с партизанами применять их же методы. Применение такого рода замаскированных военных хитростей вселяет в партизан чувство неуверенности в своей борьбе и тем самым ослабляет их боевое и моральное состояние.

...24). Одновременно с воинскими формированиями в больших операциях нужно вводить в действие и пропагандистские подразделения, работа которых должна в первую очередь проводиться с местным населением, а затем с партизанскими отрядами.

...IV. Команды истребителей.

...45). Наряду с командами из немецкого персонала следует комплектовать также команды истребителей из числа наиболее надежных местных жителей.

...V. Контрразведывательные указания.

...107). При предоставлении ответственных постов для русских нужно проявить особую осмотрительность. Бывшие члены Коммунистической партии и сотрудники НКВД не могут быть приняты на службу в охранные команды или добровольческие отряды, а также не могут быть допущены на ответственные посты. Исключение могут составлять агенты, завербованные военной контрразведкой, охранной полицией и СД.

108). Члены охранных команд и бойцы вспомогательной службы должны находиться под специальным надзором, установленным за ними через особо доверенных лиц.

Русские, занимающие ответственные посты, как и члены местных добровольческих отрядов, должны находиться под дополнительным надзором через осведомителей из числа их же сотрудников.

Начальник штаба ОКВ

Кейтель

Источник: ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 391, л. 81—103.

**№ 10. Инструкция по борьбе с партизанами начальника
вспомогательной полиции Гомельской области**

Гомель, 1942 г.

...27). Крупнейшим недостатком русской полиции являются разговоры, когда требуется полнейшая тишина, и беспричинная стрельба от страха. В таких случаях не удастся подвести отряд к партизанам, и последние, предупрежденные стрельбой и разговорами полицейских, совершенно уходят. На походе и в бою категорически запрещается стрелять и разговаривать без приказа командира.

...34). Партизаны в борьбе против нас не брезгают никакими средствами. Это обязывает нас действовать так же. Для выявления лагерей партизан следует использовать полицейских, одетых в гражданское платье, местных жителей, женщин и детей.

...40). Каждый опорный пункт полиции должен иметь круговую оборону и хорошо налаженное наблюдение, оповещение и связь. Дежурные полицейские группы должны нести свою службу очень бдительно. Часто только они обеспечивают опорный пункт от его уничтожения партизанами.

Начальник полиции

Кардаков

Источник: ГААРК, ф. П — 151, оп. 1, д. 391, л. 133—136.

**№ 11. Постановление главного фюрера СС
и полиции «Белоруссии» и «Центральной России»
К. фон Готтберга о создании Белорусской краевой
обороны (БКА)**

Только для служебного пользования. Минск, 23 февраля 1944 г.

1. На предложение Президента Белорусского центрального совета (БЦР) от 18 февраля 1944 г. разрешаю создание БКА для борьбы против большевизма.

2. Создание БКА проводить постепенно шаг за шагом по всем округам генерального округа «Белоруссия», за исключением округа фюрера СС и полиции «Припять» и округа «Лида». В уже созданных или предполагаемых оборонных деревнях мобилизацию не проводить. Кроме того, от мобилизации освобождаются:

- в Минском округе — районы Узды и Ивенца;
- в Вилейском округе — районы Воложина и Мядель;
- в Глубокском округе — район Браслава;
- в Слонимском округе — Козловщина и находящаяся на восток от реки Шары часть Дереченского района.

3. Прежде всего БЦР проводит через своих окружных наместников мобилизацию всех бывших офицеров в возрасте до 57 лет

и бывших унтер-офицеров в возрасте до 55 лет, которые не находятся на руководящих должностях, или не работают как специалисты в немецких учреждениях.

Освобождение от службы предоставляет окружной комиссар после консультаций с окружным начальником полиции.

4. Для набора мобилизованных офицеров и унтер-офицеров в каждом округе создаются приемные комиссии в составе:

а) наместника БЦР — как председателя;

б) назначенного президентом БЦР офицера (окружного офицера);

в) одного начальника районного управления из этого округа или начальника городского управления главного города округа;

г) двух врачей.

5. Наместник через окружного начальника полиции представляет фюреру СС и полиции и БЦР количество мобилизованных офицеров и унтер-офицеров. БЦР уведомляет окружных начальников полиции через наместников, сколько офицеров и унтер-офицеров и где задержать для обучения рядовых и сколько незамедлительно направить в Минск для подготовки.

6. Наместник, с согласия окружного начальника полиции, отдает задержанных в округе офицеров и унтер-офицеров районным приемным комиссиям, одновременно назначая районного офицера.

7. Офицеры и унтер-офицеры, назначенные для проведения мобилизации, проходят специальный инструктаж в окружных центрах под руководством наместника.

8. Подготовку к мобилизации проводит наместник через начальников районных управ.

Мобилизация начинается через три дня после окончания инструктажа офицеров и унтер-офицеров и захватывает возрасты с 1908 до 1917 и с 1921 до 1924 года рождения (возрасты 1925, 1926 и 1927 года рождения мобилизуются в Союз белорусской молодежи. Дата мобилизации последних трех возрастов будет назначена позже)*.

* Эти два предложения в оригинале перечеркнуты.

9. Для мобилизации рядовых создаются в районах приемные комиссии в составе:

- а) начальника районного управления — как председателя;
- б) районного офицера (пункт б);
- в) одного какого-нибудь другого офицера;
- г) двух врачей.

10. В каждом районе, согласно данным БЦР инструкциям, будет призвано около 500 человек, о которых начальник районного управления дает характеристику с коротким мнением о политической благонадежности каждого человека.

11. Подготовку рядовых начать сразу же в районном центре под ответственным руководством офицера-командира и окружного офицера. Подготовка находится под надзором окружного начальника полиции.

12. Посланные в Минск офицеры и унтер-офицеры должны пройти трехдневные курсы подготовки, численность курсантов не должна превышать 50 офицеров и 250 унтер-офицеров. Они должны быть расквартированы в северных казармах. Военную и оружейную подготовку проводит фюрер СС и полиции «Белоруссии», политическую подготовку — БЦР, в согласии с начальником охранной полиции капитаном Кумером. В качестве офицера для подготовки в распоряжение фюрера СС и полиции «Белоруссии» предоставляется капитан охранной полиции Швайдер (2-й полицейский полк).

13. Направленные в Минск офицеры и унтер-офицеры получают документы на выезд от заместителя окружного начальника полиции, перед отъездом они должны пройти санобработку. Их сопровождает немецкий проводник.

14. Слушатели курсов получают оружие в отделе 1В штаба главного фюрера СС и полиции «Белоруссии» и «Центральной России», собранные в районных центрах рядовые — через окружного начальника полиции в согласии с отделом 1В.

15. По окончании подготовки офицеры и унтер-офицеры распределяются по районам и принимают от районного офицера созданные подразделения. После подготовки ранее назначенный районный офицер снова принимает свое подразделение.

16. Фюрер СС и полиции «Белоруссии» принимает слушателей курсов, на время прохождения курсов, на военное довольствие.

17. Офицеры и унтер-офицеры остаются в гражданской одежде, однако для отличия получают введенные БЦР погоны.

18. Фюрер СС и полиции «Белоруссии» до дня 29 февраля 1944 г. подает план подготовки в согласии с БЦР в течение трех недель.

СС-группенфюрер и генерал-лейтенант
полиции Курт фон Готтберг

Источник: НАРБ, ф. 382, оп. 1, д. 8, л. 3—4.

№ 12. Присяга для личного состава Белорусской краевой обороны

Минск, 26 марта 1944 г.

Я, солдат Белорусской краевой обороны, присягаю во имя Всемогущего Бога и солдатской чести, что буду верно служить своему белорусскому народу, без сомнения и примерно выполнять все приказы своих командиров и начальников.

Я присягаю, что не выпущу из рук оружия до тех пор, пока не будет установлен полный покой и безопасность в наших селах и городах, пока не будет уничтожен на нашей земле последний враг белорусского народа.

Я присягаю, что скорее отдам свою жизнь, чем допущу, чтобы моя жена и дети, родители и сестры и весь белорусский народ снова терпели большевистские издевательства и неволю.

Если же по своей слабости или злему умыслу я нарушу эту присягу, то пусть покарает меня Бог позорной смертью предателя своего народа и родины.

Источник: Шнэк, Ёладзімір. Беларуская Краёвая Абарона. Мельбурн, 1984. Дакуманты.

№ 13. Протокол заседания представителей порабошенных Россией народов

Берлин, 18 ноября 1944 г.

На данном заседании присутствовали представители следующих порабошенных Россией народов: Идель-Урала (турко-татар), Кавказа (армян, азербайджанцев, грузин и северокавказцев), крымских татар, туркестанцев, украинцев и белорусов.

Так как данные народы сознают опасность, угрожающую им со стороны русских, а также понимают все значение современного момента, мы (их представители) готовы продемонстрировать единую волю к борьбе за освобождение своих народов и своей земли от русской оккупации и возрождению своих национальных государств. В связи с этим мы, в интересах своих народов, заключаем следующее соглашение:

1. Мы взаимно обязуемся для общего блага наших народов поддерживать друг друга в нашем стремлении добиться свободы и в связи с этим прежде всего сотрудничать с Великогерманским рейхом.

2. Мы совместно представляем интересы наших порабошенных народов перед внешним миром. Все те люди, которые выступают самозванно и якобы от имени наших народов, не имеют никакого права быть представителями наших народов и говорить от их имени. Эти люди никогда не будут признаны нами представителями наших народов.

3. В случае необходимости мы будем проводить конференции, чтобы реагировать на события и готовить совместные резолюции. Мы воздерживаемся от созыва отдельных конференций под председательством представителей отдельных народов.

4. Заседание избрало комиссию, которая состоит из представителей народов Кавказа, Туркестана и украинцев. В задачи этой комиссии входит:

- а) созывать конференции, если это необходимо;
- б) разрабатывать резолюции этих конференций и выполнять их;
- в) представлять наши интересы перед внешним миром.

5. Наши совместные заявления будут иметь форму:
- а) меморандумов, нот и различных документов, которые подписываются всеми присутствующими здесь представителями или только членами комиссии;
 - б) личных заявлений по поручению общего собрания;
 - с) в другой форме.
6. Другие представители порабощенных Россией народов принимаются в наше собрание только после единогласного решения.
7. Мы сохраняем свободу во внутренних делах наших народов. Однако мы обязуемся всегда связываться с комиссией, если мы предпринимает какие-нибудь внешние шаги, или если обнаружим факты, которые касаются всех наших народов. В этом случае комиссия будет решать, является ли это дело предметом совместной конференции или следует одобрить индивидуальное заявление.
8. Мы можем свободно выходить из собрания порабощенных Россией народов. Однако мы обязуемся в случае такого своего решения объявлять это комиссии в устной или письменной форме.

Идель-Урал

По поручению Боевого союза турко-татар «Идель-Урал»: подпись неразборчива

Кавказ

По поручению Армянского национального комитета: В. Саркисян

По поручению Азербайджанского национального комитета:
А. Фаталибейли

По поручению Грузинского национального комитета: М. Кедия

По поручению Северокавказского национального комитета:
А. Кантемир

Крымские татары

По поручению Крымско-татарского центра: Э. Кырымал

Туркестан

Президент Туркестанского национального комитета: Вели Каюм-хан

Украина

По поручению украинских национальных политических групп: подпись неразборчива

Белоруссия

Президент Белорусской центральной рады: Р. Островский

Источник: PAJH, Grundlagen der Zusammenarbeit der Vertreter der von Rußland unterjochten Völker. Protokoll der tagung der Vertreter der von Rußland unterjochten Völker vom 18. November 1944. S. 1—2.

№ 14. Меморандум полномочных представителей народов Идель-Урала (тюрко-татары), Кавказа (армяне, азербайджанцы, грузины и северо-кавказцы), крымских татар, туркестанцев, украинцев и белорусов министру по делам оккупированных восточных областей рейхляйтеру А. Розенбергу

Берлин, 18 ноября 1944 г.

Генерал Власов, как русский, должен ограничиться в своей деятельности территорией России в этнографическом смысле этого понятия. Он ни в коем случае не должен пытаться возглавлять наши нерусские народы, так как стремления этих народов отнюдь не совпадают с целями генерала Власова. Генерал Власов говорит о свержении советской власти, желая установить в пределах ее теперешней территории новый режим. Наши народы ведут долготлетнюю ожесточенную борьбу против Москвы, чтобы совершенно отделиться от России и образовать новые независимые национальные государства. Эти народы не доверяют обещаниям генерала Власова. Его Пражский Манифест не может поэтому встретить поддержки с их стороны.

Уже сейчас можно сказать, что дело генерала Власова не будет пользоваться успехом среди наших соотечественников — добровольцев, рабочих и беженцев, находящихся в пределах Германии — потому, что они, на основании имеющегося опыта,

вынуждены относиться с величайшей осторожностью ко всякой исходящих от русских инициативе.

На основании вышеизложенного мы полагаем, что Пражский Манифест не соответствует интересам наших народов — поскольку генерал Власов сохраняет за собой право на их представительство и поскольку он намерен их все и выступать от их имени. Желая сохранить существующие взаимоотношения, мы вынуждены в интересах наших народов обратиться к правительству Рейха с нижеследующей просьбой:

1. Не допускать каких-либо притязаний со стороны генерала Власова на возглавление наших народов.

2. Немедленно признать права наших народов на образование самостоятельных государств и признать, наконец, наши национальные представительства.

3. Разрешить нашим народам формировать войсковые соединения под командованием наших представителей при условии, что эти соединения в оперативном отношении будут подчиняться германской армии, а в политическом — нашим национальным представителям.

В заключение, мы считаем своим долгом, самым решительным образом заявить, что ни одно из национальных представительств наших народов не может взять на себя ответственность за последствия, которые могут произойти в результате действий генерала Власова — если его притязания на возглавление наших народов не будут отвергнуты с достаточной ясностью.

Идель-Урал

По поручению Боевого союза турко-татар «Идель-Урал»:

А. Шафи-Алмаз

Кавказ

По поручению Армянского национального комитета: В. Саркисян

По поручению Азербайджанского национального комитета:

А. Фаталибейли

По поручению Грузинского национального комитета: М. Кедия

По поручению Северокавказского национального комитета:
А. Кантемир

Крымские татары

По поручению Крымско-татарского центра: Э. Кырымал

Туркестан

По поручению Президента Туркестанского национального комитета Вели Каюм-хана: Д-р Кхарими

Украина

По поручению украинских национальных политических групп: А. Мельник

Белоруссия

Президент Белорусской центральной рады: Р. Островский

Источник: ВА-МА, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, Bl. 131.

№ 15. Обращение офицеров Специального батальона «Дальвиц» в Военный отдел БЦР относительно создания белорусских воинских формирований

Пригород Берлина, 9 декабря 1944 г.

На офицерском собрании батальона дня 9 декабря 1944 г. обсуждался вопрос создания в более значительных размерах белорусских вооруженных сил и использования современного политического положения для более быстрой организации воинских единиц в эмиграции в Германии.

При обсуждении утверждены следующие положения:

1 Целью борьбы белорусского народа и всех его небошевистских политических руководителей является получение суверенной государственности для Белоруссии.

2. Фактором, с помощью которого можно достигнуть этой цели, являются сильные национальные белорусские воинские формирования в Белоруссии и в эмиграции.

3. Вооруженное подпольное движение в Белоруссии начато. Белорусский народ, по мере возможности, старается ликвидировать положение вражеской оккупации, однако для этого необходимой является поддержка из-за границы.

4. Все попытки белорусских руководящих органов в Германии в направлении объединения существующих белорусских воинских единиц и создания новых не дали до этого момента позитивных результатов.

5. Современное политическое состояние заинтересованных сил не дает надежды белорусским руководящим организациям получить реальную возможность создания этой силы без явного соглашения с другими заинтересованными сторонами.

6. До этого момента в борьбе с большевизмом белорусы имели соглашение и союз только с Германией.

7. За последнее время на передовую линию антибольшевистского фронта выдвинулась новая военная и политическая сила, которой является движение под руководством генерала Власова, которая после конгресса в Праге приняла форму «Комитета освобождения народов России».

8. Трезвое видение политики требует сотрудничества одинаково заинтересованных сил и использования каждой возможности увеличить свою собственную силу.

9. В формированиях, подчиненных генералу Власову, находится большой процент белорусов, последние полученные им полномочия позволяют проводить дальнейший набор добровольцев, включая и белорусов.

10. Является необходимым этих белорусов объединить в отдельные белорусские национальные формирования.

11. С другой стороны, нашей обязанностью является поддерживать и присоединиться к общему новосозданному антибольшевистскому фронту.

12. Это, однако, возможно, только когда мы войдем в этот фронт как равноправный партнер.

13. Начиная сотрудничать с генералом Власовым, мы получаем возможность создавать белорусские воинские подразделения в эмиграции и этим самым дать широкую помощь освободительной борьбе в Белоруссии.

В качестве выводов из вышесказанного предлагаем следующее:

1. Военный отдел БЦР устанавливает связь с движением генерала Власова и требует следующего:

а) ввести в состав Комитета освобождения народов России соответствующее количество представителей от белорусов;

б) ввести во все отделы и организации, подчиненные Комитету освобождения народов России, (такие, как Гражданское руководство, Красный Крест и т.п.), белорусских представителей;

в) ввести в военный штаб генерала Власова белорусских офицеров;

г) создать в рамках освободительной армии самостоятельные белорусские формирования под командованием белорусских офицеров и под политическим руководством соответствующих белорусских деятелей. В оперативном отношении эти формирования будут подчиняться штабу генерала Власова.

2. Военный отдел БЦР устанавливает связь с белорусскими офицерами, которые уже входят в состав армии генерала Власова.

3. После договоренности с генералом Власовым Военный отдел БЦР назначает белорусских представителей, которые войдут в Комитет освобождения народов России, в его отделы и в штаб генерала Власова; одновременно Воинский отдел дает соответствующее задание белорусской эмиграции.

Мы просим Воинский отдел БЦР дать ответ на выше поданное предложение нашему представителю в течение трех дней со дня его вручения.

Если Военный отдел имеет другие непосредственные реальные возможности создания в течение ближайших недель белорусских воинских формирований в широких рамках, просим уведомить нас о них.

В случае, если мы после указанного срока не получим ответ, или если, несмотря на наше предложение, Военный отдел даст недостаточные собственные соображения возможности создания вооруженных сил — мы, для спасения нашего военного положения в эмиграции, будем вынуждены принять непосредственные соответствующие меры.

Офицеры Белорусского Специального батальона:

— Капитан Гелда

— Капитан Радько

— Старшы лейтенант Лазаревич

- Старшы лейтенант Рудак
- Лейтенант Будаховский
- Лейтенант Ивченко
- Лейтенант Луцкевич
- Лейтенант Зуй
- Лейтенант Рулинский
- Сьцяжны Волосевич
- Сьцяжны Мазура

На первом листе сверху две надписи от руки: «В секретные дела «Военной Комиссии» и «12 декабря 1944 года. Военная Комиссия рассмотрит и даст ответ. К. Ез.»

Источник: НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 6, л. 3—4.

№ 16. Ответ офицерам Специального батальона «Дальвиц» на вышеприведенное письмо из Военного отдела БЦР

Берлин, декабрь 1944 г. (без точной даты)

В ответ на ваше письмо от 9 декабря 1944 г. Военный отдел сообщает следующее:

Создание белорусских вооруженных сил в Германии есть одна из наиглавнейших задач БЦР. В этом деле БЦР и в особенности Военный отдел принимали и принимают все возможные меры, чтобы привлечь немецкие власти. На этих днях мы получили официальное уведомление со стороны немецких властей, о том, что вопрос о создании Белорусского легиона решен окончательно. Должна быть сформирована белорусская дивизия при СС. Более подробных сведений, по понятным причинам, дать не можем.

Таким образом, отпала большая часть ваших вопросов и требований, так как они являются понятным для каждого белоруса желанием создать собственные вооруженные силы. Однако даже создание собственной дивизии не исключает того, чтобы мы, белорусы, не интересовались теми белорусами, которые по разным причинам оказались, или могут оказаться, в чужих воинских формированиях. Только этого нельзя делать в такой форме, которую предлагаете вы. Есть другой путь, который мы

можем использовать. Об этом подробнее вам расскажет капитан Радько.

Относительно ваших вопросов общеполитического характера, таких как соглашение с генералом Власовым и присоединение к созданному им «общему» антибольшевистскому фронту. — можем Вас уверить, что БЦР всесторонне обдумала этот вопрос, прежде чем занять по отношению к нему соответствующую позицию. БЦР совсем не против объединения всех сил так называемых восточных народов для общей совместной борьбы с общим врагом — большевизмом, однако, как вы правильно подчеркиваете, это объединение должно произойти по принципу равного с равным. Негативная позиция БЦР по отношению к Власову объясняется тем, что как раз генерал Власов этого не хочет. С его стороны нам пока что известно только одно требование — полное подчинение, связанное даже с ликвидацией всех организаций отдельных национальностей. Белорусов в его Комитете должны представлять назначенные им «представители» (которые уже есть в Комитете), а все его «освободительное движение» должно происходить исключительно под русским флагом. На это БЦР пойти не может. Не пошли на это и представители других, порабощенных Россией, народов, которые, в действительности, создали объединенный комитет, где нет только русских (*смотри документ № 13*).

В связи с этим и принимая во внимание, что во всем этом деле разговоры с немецкими властями не закончены, очень нежелательными являются выступления поодиночке или группами, хотя бы и из лучших побуждений, которые ломают общую линию. Каждый политический шаг есть только тогда оправданным, когда дает какую-нибудь реальную пользу. Пока что этой пользы в акции генерала Власова мы, белорусы, для нашего народа не видим. Остается только чисто пропагандистская сторона этой акции. Пропаганда, конечно, также имеет свое значение, однако и к ней мы можем присоединиться только при условии, когда она не будет вестись за наш счет и не будет направлена против независимости Белоруссии.

Да здравствует Белоруссия!

К. Езовитов

Источник: НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 6, л. 5—5об.

№ 17. Устав Белорусского центрального совета (вторая редакция)

Берлин, 14 января 1945 г.

I. Полномочия, цель и задачи БЦР:

1. Белорусский центральный совет (БЦР) является единственным представителем суверенных прав белорусского народа, призванным 27 июня 1944 г. 2-м Всебелорусским конгрессом в Минске.

2. Политические задачи БЦР определены Постановлением 2-го Всебелорусского конгресса. Главной политической задачей БЦР является организация всех сил белорусского народа для борьбы за освобождение Белоруссии и обретение независимости. Кроме того, БЦР осуществляет правовую, социальную и культурную опеку над всеми белорусами, которые оказались за границами Белоруссии.

3. Полученные от 2-го Всебелорусского конгресса полномочия БЦР действительны до времени созыва 3-го Всебелорусского конгресса. 3-й Всебелорусский конгресс БЦР обязан созвать немедленно сразу же после освобождения Белоруссии.

II. Президент БЦР:

1. Во главе БЦР стоит Президент, назначенный 2-м Всебелорусским конгрессом.

2. Президент БЦР является командующим всех белорусских вооруженных сил и протектором организации белорусской молодежи.

3. В компетенцию Президента БЦР входит:

— Представление БЦР перед правительствами и национальными представительствами других государств и народов.

— Мобилизация в белорусскую армию, назначение ее верховного командования, представление к офицерским званиям и лишение их.

— Назначение преемников Президента БЦР.

— Созыв и роспуск Советов БЦР.

— Назначение Шефа Коллегии БЦР.

— Утверждение по предложению Шефа Коллегии БЦР состава Коллегии.

— Право инициативы при составлении списка предложений
Пленуму БЦР.

4. Заместителями Президента БЦР являются 1-й и 2-й Вице-президенты БЦР.

III. Члены БЦР:

1. Белорусский центральный совет состоит из членов:

— Утвержденных 2-м Всебелорусским конгрессом.

— Представителей белорусских организаций и учреждений.

— Назначенных в индивидуальном порядке.

2. Членами-представителями являются призванные в состав БЦР председатели или руководители белорусских организаций или учреждений.

3. Индивидуально в состав БЦР назначаются белорусские общественные деятели.

4. Общее количество членов БЦР не может превышать 25 человек.

5. Все члены БЦР имеют одинаковые права в совете.

6. Члены БЦР отзываются из совета Президентом БЦР в следующих случаях:

— Если их деятельность противоречит Постановлению 2-го Всебелорусского конгресса.

— Член-представитель отзывается в том случае, если оканчивается срок его полномочий как председателя или руководителя организации или учреждения, которое он представляет в БЦР.

— Индивидуально призванные члены БЦР отзываются в том случае, если будет подтверждено, что он прекратил свою общественную деятельность.

IV. Пленум БЦР:

1. Исполнительным органом БЦР является Пленум.

2. В состав Пленума в качестве его полномочных членов входят все члены БЦР.

3. Во главе Пленума БЦР стоит его Президиум в составе Председателя, Заместителя и Секретаря, избранных Пленумом на один год.

4. В компетенцию Пленума БЦР входят:

— Пересмотр Устава БЦР.

— Выбор кандидатов в преемники Президента БЦР.

- Рассмотрение и принятие программы и политической линии БЦР.
 - Ратификация договоров с национальными представительствами других народов.
 - Выбор состава дисциплинарного суда БЦР.
 - Представление Президенту кандидатов в члены БЦР и предложения об отзыве его членов.
 - Принятие постановлений решающего значения.
 - Аprobация состава Коллегии БЦР.
 - Надзор и контроль над работой Коллегии БЦР.
 - В рамках своей компетенции Пленум БЦР издает Постановления.
5. Сессии Пленума БЦР созываются его Председателем один раз в месяц.
6. Три и более членов БЦР имеют право внести в повестку дня сессии Пленума предлагаемые ими вопросы.
7. В случае необходимости созывается внеочередная или чрезвычайная сессия Пленума.
8. Внеочередная или чрезвычайная сессия Пленума созывается Председателем Пленума по письменному предложению:
- Президента БЦР.
 - Шефа Коллегии БЦР.
 - Не менее пяти членов Пленума БЦР.
 - По собственной инициативе.
9. Заседания Пленума правомочны при наличии 2/3 всех его членов;
10. На заседании Пленума с правом совещательного голоса могут приглашаться члены Гражданских Комиссий, а в случае необходимости — и соответствующие специалисты и докладчики.
11. Сессией Пленума руководит Председатель Пленума, или, в его отсутствие, его Заместитель.
12. Постановления Пленума принимаются обычным большинством голосов присутствующих на заседании членов Пленума.
- !3. Каждое постановление Пленума утверждается Президентом БЦР. В случае его отказа оно возвращается членам Пленума

на повторное рассмотрение, после которого вступает в силу. будучи повторно принята $\frac{3}{4}$ любого состава Пленума.

14. Протоколы заседаний Пленума ведет Секретарь Пленума. Секретарь Пленума является ответственным за архив БЦР.

15. Подписывают протоколы заседаний Пленума его Председатель и Секретарь.

V. Коллегия БЦР:

1. Исполнительным органом БЦР является его Коллегия.

2. Во главе Коллегии БЦР стоит ее Шеф, который назначается Президентом БЦР.

3. Коллегия БЦР состоит из Шефа Коллегии и руководителей всех отделов БЦР.

4. Руководителями отделов БЦР могут быть и не члены БЦР.

5. После апробации состава Коллегии БЦР Пленумом БЦР Шеф Коллегии представляет его на утверждение Президенту БЦР.

6. В компетенцию Коллегии БЦР входит:

— Право инициативы при составлении предложений Пленуму БЦР.

— Ведение всей работы БЦР в сферах и направлениях, определенных Пленумом БЦР и Президентом. В рамках своей компетенции Коллегия БЦР издает Постановления и Распоряжения.

7. Коллегия БЦР привлекает к своей работе широкие слои белорусского общества, создавая при необходимости Гражданские Комиссии.

VI. Разное:

1. Официальным органом БЦР является «Бюллетень БЦР».

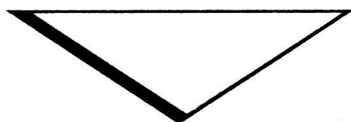
2. Устав БЦР может быть пересмотрен или изменен по требованию $\frac{3}{4}$ всего состава членов БЦР.

3. Устав БЦР принимается пленумом БЦР и вступает в силу со дня его утверждения Президентом БЦР.

Этот Устав принят единогласно Пленумом БЦР на сессиях 14, 15 и 17 января 1945 года.

Источник: Другі Усебеларускі Кангрэс. Матар’ялы / Пад. рэд. Р. Астроўскага. — Мюнхен, 1954. — Дадаткі.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ

На белорусском языке:

Другі Усебеларускі Кангрэс. Матар’ялы / Пад. ред. Р. Астроўскага. Мюнхен, 1954.

Савецкія агентурныя дадзеныя пра СБМ // Беларускі Рэзыстанс. 2004. № 1.

На русском языке:

«Бригада Родионова, получившая наименование 1-й антифашистской партизанской бригады...» // ВИЖ. 2003. № 12. С. 20—23.

Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Документы и материалы. Исторические очерки: В 2 т. М., 1973. Т. 1.

«Идет бешеная националистическая пропаганда» // Источник. 1995. № 2. С. 120—122.

«Мусульманская плаха» для России // ВИЖ. 1996. № 5. С. 24—31.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов: В 7 т. / Под ред. Р.А. Руденко. М., 1958. Т. 2.

Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сб. материалов: В 3 т. / Под ред. Р.А. Руденко. М., 1966. Т. 2.

Нюрнбергский процесс: Сб. материалов: В 8 т. / Под ред. А.М. Рекункова. М., 1991. Т. 5.

Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944) / Сост. Г.В. Заставенко. М., 1985.

«Уничтожить как можно больше русских» // Источник. 1998. № 2. С. 74—75.

На немецком языке:

Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungstab): In 4 bd. / Hrsg. v. H.-A. Jacobsen. Frankfurt-am-Main, 1965. Bd.1: 1.8.1940—31.12.1941.

Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungstab): In 4 bd. / Hrsg. v. A. Hillgruber. Frankfurt-am-Main, 1963. Bd. 2: 1.1.1942—31.12.1942.

Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungstab): In 4 bd. / Hrsg. v. W. Hubatsch. Frankfurt-am-Main, 1963. Bd. 3: 1.1.1943—31.12.1943.

Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungstab): In 4 bd. / Hrsg. v. P. E. Schramm. Herrsching, 1961. Bd.4: 1.1.1944—31.12.1944.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Государственный архив Автономной Республики Крым (Симферополь, Украина)

Ф. П — 1. Документальные материалы Крымского обкома КП Украины, 1936—1945 гг., оп. 1, д. 2135, 2160, 2185, 2276, 2317.

Ф. П — 151. Документы Крымского штаба партизанского движения, оп. 1, д. 24, 26, 28, 30, 34—36, 312, 388—392, 505.

Ф. П — 156. Дела крымской комиссии по истории Великой Отечественной войны, оп. 1, д. 1, 24—29, 31, 33, 35—41, 51, 56—58, 173-а.

Государственный архив Российской Федерации (Москва, Россия)

Ф. Р — 7021. Чрезвычайная Государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным

организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК). 1942—1951, оп. 148; д. 183, 194, 222.

Ф. Р — 7445. Международный военный трибунал для главных немецких преступников (Нюрнбергский процесс). Нюрнберг. 1945—1946, оп. 2, д. 145, 156.

Национальный архив Республики Беларусь (Минск, Беларусь)

Ф. 370. Генеральный комиссариат «Беларусь». 1941—1944, оп. 1, д. 90.

Ф. 382. Белорусская краевая оборона. 1944, оп. 1, д. 3, 4, 8, 14, 20.

Ф. 383. Главное управление войсковых дел БЦР. 1942—1945, оп. 1, д. 6, 9, 11.

Ф. 384. Центральное управление БНС (Централь). 1942—1945, оп. 1, д. 1.

Ф. 393. Минский окружной комиссариат. 1941—1944, оп. 1, д. 1, 534.

Ф. 400. Наместничество БЦР по Минскому округу. 1944, оп. 1, д. 1.

Ф. 3500. Белорусский штаб партизанского движения. 1942—1944, оп. 1, д. 2; оп. 2, д. 32, 46, 51.

Bundesarchiv-Militärarchiv (Freiburg, Deutschland) — Федеральный военный архив (Фрайбург, ФРГ)

RH 2. Oberkommando des Heeres / Generalstab des Heeres, RH 2/1412, Kriegsgliederung sowie Nachweis von Organisationserlassen und verfügungen für verbündete und fremde Verbände im Rahmen der deutsche Wehrmacht, Sowjetunion [1942—1943].

RS 3—30. 30. Waffen-Grenadier-Division (russische Nr. 2), RS 3—30/1, RS 4/1201, RS 3—30/3, RS 4/1202, RS 3—30/6, RS 3—30/8.

RS 3—36. Sonderkommando Dirlwanger, RS 3—36/1 — RS 3—36/22.

RS 3—39. Ostmuselmanische SS-Division, RS 3—39/1, RS 3—39/2.

RW 41. Territoriale Befehlshaber in der Sowjetunion, Wehrmachtbefehlshaber Weißruthenien / Generalkommando Rothkirch, RW 41/58, RW 41/59, RW 41/61, RW 41/66, RW 41/69, RW 41/71.

MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, MSg 149/8, MSg 149/15, MSg 149/48.

Persönliches Archiv des Joachim Hoffmann (Ebringen, Deutschland)

Личный архив Иоахима Хоффманна, доктора философии (Эбринген, ФРГ)

The Use by the Germans of Soviet Nationals against the Soviet Union in the Late War. White Ruthenian Volunteer Forces // Intelligence Division. DRS (50) 145. P. 1—16.

The Use by the Germans of Soviet Nationals against the Soviet Union in the Late War. The «Osttürkischer Waffenverband» of the SS // Intelligence Division. DRS (51) 29. P. 1—11.

Grundlagen der Zusammenarbeit der Vertreter der von Rußland unterjochten Völker. Protokoll der tagung der Vertreter der von Rußland unterjochten Völker vom 18. November 1944. 2 s.

Личный архив Олега В. Романько (Симферополь, Украина)

Грыбоўскі Ю. Польшка-беларускі канфлікт у Генеральнай акрузе «Беларусь» (1941—1944 гг.). 2005. С. 116—167.

Ёрш С. Беларуская партызанка. С. 1—12.

Казак П. Угодкі Палескай беларуска-ўкраінскай вайскавай акцыі. 2001. С. 1—7.

Статкевіч Ф. Як судзілі Антона Сокала-Кутьлюўскага. С. 1—6.
Без автора. Іван Гелда. С. 1—3.

МЕМУАРЫ И ДНЕВНИКИ

На беларусском языке:

Акула К. Змагарныя дарогі. Менск, 1994.

Жук-Грышкевіч В. 25-га Сакавіка. Успаміны з Менску, Будслава, Вільні, Прагі, савецкай турмы. Таронта, 1978.

Касмовіч Д. За вольную і сувэрэнную Беларусь // Спадчына. — 2003. № 6.

Кіпель Я. Эпізоды. Нью Ёрк, 1998.

Кушаль Ф. Спробы стварэння Беларускага войска. Мінск, 1989.

Малецкі Я. Пад знакам Пагоні. Таронта, 1976.

Пархута П. Слоні́мская самаахова // Голас Камбатанта. 2001. № 1 (6). Вясна.

Рагуляец. Беларуска-польскія перамовы ў сакавіку 1944 году // Беларускі Рэзыстанс. 2005. № 1.

Романовіч К. У СБМ я загартуваўся ў спраўднага патрыёта // Наша ніва. 1997. № 33 (94). 17 лістапада.

На украинском языке:

Бульба-Боровець Т. Армія без держави. Слава і трагедія повстанського руху. Вінніпег, 1981.

Зелений З. Українське юнацтво у вирі Другої світової війни. Торонто, 1965.

На русском языке:

Гальдер Ф. Военный дневник. 1939—1942. В 3 т. М., 2002—2003. Т. 2—3.

Гитлер А. Моя борьба. Харьков, 2003.

Гелен Р. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942—1971. М., 1999.

Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 1998.

Казанцев А.С. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. М., 1994.

Кромиади К.Г. За землю, за волю... На путях русской освободительной борьбы, 1941—1947 гг. Сан-Франциско, 1980.

Ленивов А.К. Под казачьим знаменем в 1943—1945 // Кубанец. 1992. № 2. С. 34—51; № 3. С. 49—65; № 4. С. 60—76.

Поздняков В.В. Андрей Андреевич Власов (документы и воспоминания). Сиракузы (США), 1973.

Розенберг А. Миф XX века. Харьков, 2005.

Шелленберг В. Секретная служба Гитлера. Киев, 1991.

Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское освободительное движение. М., 1993.

На немецком языке:

Bräutigam O. So hat es sich zugetragen... Ein Leben als Soldat und Diplomat. Würzburg, 1968.

Herwarth H. v. Zwischen Hitler und Stalin. Erlebte Zeitgeschichte 1931 bis 1945. Frankfurt-am-Main — Berlin — Wien, 1985.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

На белорусском языке:

Беларус на варце. Орган штаба Главного опекуна белорусской полиции (Минск). 1943—1944.

Беларуская газета (Минск). 1942—1944.

Жыве Беларусь! Орган Центрального штаба СБМ (Минск). 1943—1944.

На русском языке:

Блокнот пропагандиста. Еженедельный бюллетень пропагандистов РОА (Дабендорф). 1945.

Бюллетень добровольцев РОА (Дабендорф). 1944.

Голос Крыма. Орган Симферопольского городского управления (Симферополь). 1941—1944.

Офицерский бюллетень РОА. Орган офицерского корпуса Русского освободительного движения (Дабендорф). 1943.

На немецком языке:

Material für Funk-Nachrichten (Berlin). 1943—1944.

Ostpressedienst. Material für russische Zeitungen (Berlin). 1943—1944.

ИССЛЕДОВАНИЯ

На белорусском языке:

А.В. Юры Туронак пра забойства Кубэ // Наша ніва. 1999. № 4 (125).

Антысавецкія рухі на Беларусі, 1941—1956: Даведнік / Укладальнік С. Ёрш. Менск, 1999.

Б.П. Змагар за вызваленне Бацькаўшчыны // Голас Камбантанта. 2001. № 1 (6). Вясна.

Беларускі нацыяналізм: Даведнік / Укладальнік П. Казак. Мінск, 2001.

Беластоцкі Т. Сьветлы ўспамін пра шэфа-правадніка СБМ // Голас Камбатанта. 2001. № 1 (6). Вясна.

Віцьбіч, Юрка (Стукаліч Ю.). Антыбальшавіцкія паўстаньні і партызанская барацьба на Беларусі. Нью-Ёрк, 1996.

Гардзiенка А. Вайсковец // Наша нiва. 2000. № 15 (172). 10—16 красавіка.

Гардзiенка А. Другі Ўсебеларускі кангрэс: пад нямецкім кантролем // Наша нiва. 2000. № 26 (183). 26 чэрвеня — 4 ліпеня.

Гардзiенка А. Бэрлін як асяродак беларускага жыцця першай паловы 40-х гг. XX ст. // Запісы. Беларускі Інстытут навукі і мастацтва. 2003. № 26.

Гелагасў А. Беларускія нацыянальныя вайсковыя фармацыі ў часе Другое сусьветнае вайны. Менск, 2002.

Гiсторыя Беларусі: У 2 ч. / Пад. рэд. Я.К. Новіка, Г.С. Марцуля. Мінск, 1998. Ч. 2.

Грыбоўскі Ю. Першы беларускі штурмовы зьвяз // Беларускі Рэзыстанс. 2005. № 1.

Данілюк Б. Бог забраў яго зарана // Голас Камбатанта. 2000. № 2. Ліпень.

Дубноўскі В. Спроба ўтварэньня Беларускага Вызвольнага Цэнтру ў Швэды // Беларускі Рэзыстанс. 2005. № 1.

Ёрш С. Беларускі нацыянальны рэзыстанс у гады Другой сусьветнай вайны // Пагоня. 1995. № 33, 34, 36, 37.

Ёрш С. Вяртаньне БНП. Асобы і дакумэнты Беларускай Незалежнай Партыі. Менск — Слонім, 1998.

Ёрш С. Забыты беларускі вайсковы дзеяч // Голас Камбатанта. — 2000. № 5. Лістапад — сьнежань.

Ёрш С. Рыгор Зыбайла не загінуў у Францыі, а прайшоў савецкія каншыгеры // Голас Камбатанта. 2000. № 3. Жнівень.

Ёрш С. Ўсевалад Родзька. Правадыр беларускіх нацыяналістаў. — Мінск, 2001.

Ёрш С. Рыцар Свабоды. Менск, 2004.

Ёрш С. Забойства Фабіяна Акінчыца // Беларускі Рэзыстанс. — 2004. № 1.

Ёрш С. У пошуках архіву Кастуся Езавітова // Беларускі Рэзыстанс. 2004. № 1.

Ёрш С., Грыбоўскі Ю. Партызанскі аддзел лейтэнанта Бандыка. 1944 год // Беларускі Рэзыстанс. 2005. № 1.

Захарка В. Галоўныя моманты беларускага руху // Запісы. Беларускі Інстытут навукі й мастацтва. 1999. № 24.

Каваленя А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі. 1941—1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць. Менск, 1999.

Кандыбовіч С. Разгром нацыянальнага руху ў Беларусі. Менск, 2000.

Клыкоўская Ц. Саюз беларускай моладзі — вяртаньне з забышчця. Беласток, 2004.

К'яры Б. Лёс беларускіх габрэяў у «Генеральным камісарыяце Беларутэніі». Спробанаблізіцца да незразумелага // Беларускі гістарычны агляд. 2000. Т. 7. Сш. 1(12). Чэрвень.

Літвін А. Кубэ як магільшчык беларускай нацыянальнай ідэі // Наша ніва. 1999. № 4 (125).

Лялюкоў І. Да пытання аб пранямецкіх і антысавецкіх настроях у БССР перад II сусветнай вайной // Беларускі гістарычны агляд. 2002. Т. 9. Сш. 1—2(16—17). Снежань.

Марцыновіч А.А. Хто мы, адкуль мы...: Гіст. эсэ, нарысы: У 2 кн. Мінск, 1997. Кн. 2.

Раманоўскі В. Саўдзельнікі ў злачынствах. -- Мінск, 1964.

Рус Г. СД у Баранавічах (1941—1943) у кантэксте лакальнага акупацыйнага рэжыму // Беларускі гістарычны агляд. 1998. Т. 5. Сш. 1 (8). Чэрвень.

Сямашка Я. Армія Краёва на Беларусі. Менск, 1994.

Турунак Ю. Падзея невыгадная для усіх // Запісы. Беларускі Інстытут навукі й мастацтва. 2003. № 26.

Турунак Ю. Фабіян Акінчыц — правадыр беоарускіх нацыянал-сацыялістаў // Беларускі Рэзыстанс. 2003. № 10. Сш. 1—2 (18—19). Сьнежань.

Турунак Ю. Саюз беларускай моладзі ў Нямеччыне // Беларускі Рэзыстанс. 2004. № 11. Сш. 1—2 (20—21). Сьнежань.

Шальц Ю. «...на карысьць Нямеччыны й Беларусі» // Запісы. Беларускі Інстытут навукі й мастацтва. 2003. № 26.

Шнэк Ё. Беларуская Краёвая Абарона. Уніформа і адзкі. Ілюстраваны альбом. Мельбурн, 1984.

Юревіч Л. Жышыцё пад агнём. Партрэт беларускага военачальніка і палітычнага дзеяча Барыса Рагулі на фоне яго эпохі. — Менск, 1999.

Юревіч Л. Вырваныя бачыны: Да гісторыі Саюза Беларускай Моладзі. Мінск, 2001.

На украінском языке:

Гунчак Т. У мундирах ворага // Військо Украпни. 1993. № 9. С. 6—156.

Дерейко І.І. Від колаборації до резистансу: діяльність 115/62-го украінського батальону шуцманшафту на теренах Білорусі і Франції у 1942—1944 рр. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. 2003. №1. С. 179—193.

Дерейко І.І. До питання про украінські батальйони на території Білорусії (1941—1944 рр.) // Сторінки воєнної історії України: Зб. наук. статей. Київ, 2003. Вип. 7. Ч.1. С. 244—250.

Дуда А., Старик В. Буковинський Курінь в боях за украінську державність. 1918—1941—1944. Київ — Чернівці, 1995.

Енциклопедія історії Украпни: В 5 т. / Под ред. В.А. Смолія та ін. Київ, 2003. Т.1.

Косик В. Україна і Німеччина у другій світовій війні. Львів, 1993.

Рекотов П.В. Органи управління на окупованій території Украпни (1941—1944 рр.) // УІЖ. 1991. № 6. С. 90—101.

Руденко Н.М. Армія фашистського агресора: обличчя ворага // УІЖ. 1991. № 6. С. 35—45.

Чайковський А.С. Невідома війна. Партизанський рух в Україні 1941—1944 рр. Мовою документів, очима історика. Київ, 1994.

На русском языке:

Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова 1944—1945. Биографический справочник. СПб., 2001.

Александров К.М. Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне. Сборник статей и материалов. СПб., 2003.

Аржаева Л.В., Доморад К.И., Игнатенко И.М. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: В 3 т. Минск, 1984. Т.1—3.

Безыменский Л.А. Особая папка «Барбаросса». М., 1973.

Безыменский Л.А. Разгаданные загадки Третьего рейха. 1941—1945: В 2 т. М., 1984. Т. 2.

Безыменский Л.А. Человек за спиной Гитлера. Мартин Борман и его дневник. М., 1999.

Бетелл Н. Последняя тайна. М., 1992.

Бонвеч Б. За кулисами «рельсовой войны». Советские партизаны в 1941—1944 гг. // Родина. 2003. № 7. С. 72—76.

Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание: В 2 т. Смоленск, 1998. Т. 2.

Великая Отечественная война 1941—1945: Энциклопедия / Под ред. М.М. Козлова. М., 1985.

Военный энциклопедический словарь / Под ред. С.Ф. Ахромева. М., 1986.

Геллер М.Я., Некрич А.М. История России 1917—1995: В 4 т. М., 1996. Т.1.

Гилязов И.А. На другой стороне. Коллаборационисты из поволжско-приуральских татар в годы Второй мировой войны. Казань, 1998.

Гогун А. Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы. СПб., 2004.

Деларю Ж. История гестапо. Смоленск, 1993.

Диксон Ч., Гейлбрунн О. Коммунистические партизанские действия. М., 1957.

Дробязко С.И. Советские граждане в рядах вермахта. К вопросу о численности // Великая Отечественная война в оценке молодых: Сб. статей студентов, аспирантов, молодых ученых. М., 1997. С. 127—134.

Дробязко С.И. Русская освободительная армия. М., 1998.

Дробязко С.И. Восточные легионы и казачьи части в вермахте. М., 1999.

Дробязко С.И. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и СС. М., 2000.

- Дробязко С.И., Ермолов И.Г. Антипартизанская республика. М., 2001.
- Дробязко С.И. Под знаменами врага. М., 2005.
- Залесский К.А. Вожди и военачальники Третьего рейха: Биографический энциклопедический словарь. М., 2000.
- Залесский К.А. Кто был кто во Второй мировой войне. Союзники Германии. М., 2003.
- Залесский К.А. Кто был кто во Второй мировой войне. Союзники СССР. М., 2004.
- Залесский К.А. РСХА. М., 2004.
- Залесский К.А. СС. Охранные отряды НСДАП. М., 2004.
- Залесский К.А. Вермахт. М., 2005.
- Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных/Типпельскирх К. фон, Кессельринг А., Гудериан Г. и др. СПб., 1998.
- Карр Э. История Советской России: В 4 кн. М., 1990. Кн. 1.
- Кирсанов Н.А., Дробязко С.И. Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: национальные и добровольческие воинские формирования по разные стороны фронта // Отечественная история. — 2001. № 6. С. 60—75.
- Клаузевиц К. фон. О войне. М., 1994.
- Клыковская Т. Обреченный эскадрон: в 1942 г. они мечтали создать национальные белорусские войска // Имя. Минск, 1998. № 173. 15 октября.
- Клыковская Т. Как это было: шаг к проклятию // Имя. Минск, 1999. № 206. 24 июня.
- Колесник А.Н. Грехопадение? Генерал Власов и его окружение. Харьков, 1991.
- Коняев Н.М. Власов. Два лица генерала. М., 2003.
- Командиры Второй мировой войны / Авт.-сост. А.Н. Гордиенко. Минск, 1998.
- Крысин М.Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. 1939—1945. М., 2004.
- Лавренов С.Я., Попов И.М. Крах Третьего рейха. М., 2000.
- Мартыненко Б.А. Нацистские военные преступники в США и других странах НАТО. Киев, 1988.
- Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. М., 2002.

Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941—1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. М., 1974.

Назаров М.В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992.

Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944). Сб. статей / Под общ. ред. Е.А. Болтина. М., 1965.

Неотвратимое возмездие: По материалам судебных процессов над изменниками Родины, фашистскими палачами и агентами империалистических разведок / Под ред. С.С. Максимова и М.Е. Карышева. М., 1979.

Панкратов П.А. Мрак и туман // ВИЖ. 1998. № 3. С. 14—20.

Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.) / Отв. ред. В.Ю. Русанов. Жуковский. М., 2001.

Пленков О.Ю. Третий рейх. Война: до критической черты. СПб., 2005.

Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия / Под ред. В.В. Шелохаева и др. М., 1996.

Пономаренко П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941—1944. М., 1986.

Попов А.Ю. 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. М., 2002.

Попов А.Ю. НКВД и партизанское движение. М., 2003.

Раманичев Н.М. Власов и другие // История. 2001. № 34. С. 11—16.

Романько О.В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М., 2004.

Романько О.В. Забытый урок Ялтинской конференции (к вопросу о насильственной репатриации членов «восточных» добровольческих формирований западными союзниками в СССР (1945—1947)) // Историческое наследие Крыма. 2005. № 9. С. 12—21.

Рябокоть М.В. Против партизан Брянщины // ВИЖ. 2004. № 4. С. 21—25.

Семенов К.К. Войска СС. М., 2004.

Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000.

Симонова Т.М. Стратегические замыслы начальника Польского государства Юзефа Пилсудского // ВИЖ. 2001. № 11. С. 42—48.

Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. М., 2002.

Солженицын А.И. Двести лет вместе. В 2 ч. М., 2002. Ч. 2.

Соловьев А.К. Белорусская Центральная Рада: создание, деятельность, крах. Минск, 1995.

Старинов И.Г. История партизанского движения. М.-Минск, 2005.

Ткаченко С.Н. Повстанческая армия: тактика борьбы. М.-Минск, 2000.

Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. М., 1996.

Уильямсон Г. СС — инструмент террора. Смоленск, 1999.

Уильямсон Г. Немецкая военная полиция, 1939—1945. М., 2005.

Уорвол Н. Войска СС. Кровавый след. Ростов-на-Дону, 2000.

Хастингс М. Операция «Оверлорд». Как был открыт второй фронт. М., 1989.

Хаупт В. Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта. М., 2006.

Хоффманн И. История власовской армии. Париж, 1990.

Цурганов Ю. Власовское движение. Известные оценки и малоизвестные альтернативы // Посев. 2001. № 6.

Чевела П. Восполнение потерь сухопутных войск фашистской Германии на советско-германском фронте в 1941—1945 // ВИЖ. — 1984. № 12. С. 62—66.

Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха: В 2 кн. СПб.-М., 2003. Кн. 1—2.

Чуев С.Г. Проклятые солдаты. М., 2004.

Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная церковь. М., 2002.

Шунков В.Н. Солдаты разрушения. Организация, подготовка, вооружение, униформа ваффен СС. М.-Минск, 2001.

Энциклопедия Третьего рейха / Под ред. А. Егзарова. М., 1996.

На английском языке:

Alexiev A Soviet Nationalities in German Wartime Strategy, 1941—1945. Santa Monica, 1982.

Caballero Jurado C., Lyles K. *Foreign Volunteers of the Wehrmacht 1941—1945*. London, 1995.

Cholowsky Sh. *The Jews of Byelorussia during World War II*. Amsterdam, 1998.

Cooper M. *The Nazi War against Soviet Partisans, 1941—1944*. New York, 1979.

Dallin A. *German Rule in Russia 1941—1945: A Study of occupation policies*. London, 1957.

Dean M. *Collaboration in the Holocaust: Crimes of the Local Police in Byelorussia and Ukraine, 1941—1944*. New York, 2000.

Eckmann L., Chaim L. *The Jewish Resistance: The History of the Jewish Partisans in Lithuania and White Russia during the Nazi Occupation 1940—1945*. New York, 1977.

Fischer G. *Soviet Opposition to Stalin*. Harvard, 1952.

Germany and the Second World War: In 9 vols. Oxford, 1998. Vol. 4.

The German Police / Ed. by A J. Munoz. New York, 1997.

Littlejohn D. *The Patriotic traitors: The History of Collaboration in German Occupied Europe, 1940—1945*. New York, 1972.

Littlejohn D. *Foreign Legions of the Third Reich: In 4 vols*. — San Jose, 1987. — Vol.4: Poland, the Ukraine, Bulgaria, Romania, Free India, Estonia, Latvia, Lithuania, Finland and Russia

Loftus J. *The Belarus Secret*. New York, 1982.

Lukas R. *The Forgotten Holocaust: The Poles under German Occupation 1939—1944*. Lexington, 1986.

Lumsden R., Hannon P. *The Allgemeine SS*. London, 1994.

Mac Lean F. L. *The Cruel Hunters. SS Sonderkommando Dirlewanger. Hitler's Most Notorious Anti-Partisan Unit*. Atglen, 1999.

Mitcham S. W. *Hitler's Legions. The German Army Order of Battle, World War II*. New York, 1985.

Munoz A J. *Forgotten Legions: Obskure Combat Formations of the Waffen-SS*. New York, 1991.

Munoz A J. *Hitler's Eastern Legions*. New York: Axis Europe, 1996. — Vol.I: The Baltic Schutzmannschaft 1941—1945.

Munoz A J. *Hitler's Eastern Legions*. New York, 1997. Vol.II: The Osttruppen.

Munoz A J. *The Kaminski Brigade: A History, 1941—1945*. New York, 1998.

Munoz A J. *The Druzhina SS Brigade: A History, 1941—1943*. New York, 2000.

Munoz A J. *The Last Levy: SS Officer Roster, March, 1st, 1945*. New York, 2001.

Munoz A J., Romanko O.V. *Hitler's White Russians: Collaboration, Extermination and Anti-Partisan Warfare in Byelorussia, 1941—1944*. New York, 2003.

Nafziger G. F. *The German Order of Battle: Infantry in World War II*. London, 2000.

Nafziger G. F. *The German Order of Battle: Waffen SS and Other Units in World War II*. Conshohoken, 2001.

Niepold G. *Battle for White Russia: The Destruction of Army Group Centre June 1944*. New York, 1987.

Piotrowski T. *Poland's Holocaust: Ethnic Strife, Collaboration with Occupying Forces and Genocide in the Second Republic, 1918—1947*. Jefferson, 1998.

Thomas N., Abbot P., Chappel M. *Partisan Warfare 1941—1945*. London, 1996.

Vakar N. P. *Belorussia: The Making of a Nation: A Case Study*. Cambridge, 1956.

Windrow M., Burn J. *The Waffen-SS*. London, 1995.

На немецком языке:

Chiari B. *Alltag hinter der Front: Besatzung, Kollaboration und Widerstand in Weißrußland 1941—1944*. Düsseldorf, 1998.

Hoffmann J. *Ostlegionen 1941—1943. Turkotataren, Kaukasier und Wolgafinnen im deutsche Heer*. Freiburg, 1976.

Hoffmann J. *Kaukasien 1942/43. Das deutsche Heer und die Orientvölker der Sowjetunion*. Freiburg, 1991.

Klietmann K.G. *Die Waffen-SS. Eine Dokumentation*. Osnabrück, 1965.

Neulen H.-W. *An Deutscher Seite: Internationale Freiwillige von Wehrmacht und Waffen-SS*. München, 1985.

Reitlinger G. *Ein Haus auf Sand gebaut. Hitlers Gewaltpolitik in Russland. 1941—1944*. Hamburg, 1962.

Tessin G. *Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen SS im Zweiten Weltkrieg 1939—1945: In 17 bd. Frankfurt-am-Main — Osnabrück, 1965—2002. Bd. 1—17*.

Thorwald J. Wen sie verderben wollen. Bericht des grossen Verrats. Stuttgart, 1952.

Waffen-SS und Ordnungspolizei im Kriegseinsatz 1939—1945. Ein Überblick anhand der Feldpostübersicht / Bearb. v. G. Tessin und N. Kannapin. Osnabrück, 2000.

На польском языке:

Turonek J. Białoruś pod okupacją niemiecką. Warszawa, 1993.

ПЕРЕЧЕНЬ УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

НА БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ:

- БВА — Белорусская освободительная армия (*Беларуская вызвольная армія; БВА*)
- БКА — Белорусская краевая оборона (*Беларуская краёвая абарона; БКА*)
- БНДА — Белорусское национально-демократическое объединение (*Беларускае нацыянальна-дэмакратычнае аб'яднаньне; БНДА*)
- БНП — Белорусская незалежницкая партия (*Беларуская незалежніцкая партыя; БНП*)
- БНР — Белорусская народная республика (*Беларуская народная рэспубліка; БНР*)
- БНС — Белорусская народная самопомощь (*Беларуская народная самапомач; БНС*)
- БНСП — Белорусская национал-социалистическая партия (*Беларуская нацыянал-сацыялістычная партыя; БНСП*)
- БРД — Белорусский совет доверия (*Беларуская рада даверу; БРД*)
- БСГ — Белорусская социалистическая громада (*Беларуская сацыялістычная грамада; БСГ*)
- БСП — Белорусская самопомощь (*Беларуская самапомач; БСП*)
- БХДП — Белорусская христианско-демократическая партия (*Беларуская хрысьціянска-дэмакратычна партыя; БХДП*)
- БЦР — Белорусский центральный совет (*Беларуская цэнтральная рада; БЦР*)
- КБС — Корпус белорусской самообороны (*Корпус беларускай самааховы; КБС*)

— СБМ — Союз белорусской молодежи (*Саюз беларускай моладзі; СБМ*)

— ПБН — Партия белорусских националистов (*Партыя беларускіх нацыяналістаў; ПБН*)

НА РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ:

— АК — Армия Крайова (*Armija Krajowa; АК*)

— АПА — Внешнеполитическое бюро Национал-социалистической рабочей партии Германии (*Aussenpolitisches Amt NSDAP; АПА*)

— БНК / КОНР — Белорусский национальный комитет при КОНР

— БНС / КОНР — Белорусский национальный совет при КОНР

— БССР — Белорусская Советская Социалистическая Республика

— ВИЖ — «Военно-исторический журнал»

— ГААРК — Государственный архив Автономной Республики Крым

— ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

— ГФП — Тайная полевая полиция (*Geheimpolizei; GFP*)

— КГБ — Комитет государственной безопасности

— КОНР — Комитет освобождения народов России

— МВД — Министерство внутренних дел

— НАРБ — Национальный архив Республики Беларусь

— НКВД — Народный комиссариат внутренних дел

— ОКВ — Верховное командование вермахта (*Oberkommando der Wehrmacht; ОКВ*)

— ОКХ — Верховное командование сухопутных войск (*Oberkommando des Heeres; ОКХ*)

— ОУН — Организация украинских националистов

— РОД — Русское освободительное движение

— РОА — Русская освободительная армия

— РСХА — Главное управление имперской безопасности (*Reichssicherheitshauptamt; RSHA*)

— СА — Штурмовые отряды (*Sturmabteilungen; SA*)

- СБПБ — Союз борьбы против большевизма
- СД — Служба безопасности (*Sicherheitsdienst; SD*)
- СРМ — Союз русской молодежи
- СС — Охранные отряды (*Schutzstaffel; SS*)
- ЦК КПБ — Центральный комитет Коммунистической партии Белоруссии
- «оди» — служба порядка (*Ordnungsdienst; Odi*)
- «хиви» — «добровольный помощник» (*Hilfswilliger; Hiwi*)
- УІЖ — «Український історичний журнал»
- УНРА — Украинская национально-революционная армия
- УПА — Украинская повстанческая армия
- ЦШПД — Центральный штаб партизанского движения

НА НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

- ВА-МА — Bundesarchiv-Militärarchiv (*Федеральный военный архив Германии*)
- HSSPf — Höhere SS- und Polizeiführer (*главный фюрер СС и полиции*)
- SSPf — SS- und Polizeiführer (*фюрер СС и полиции*)
- КТВ — Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungstab) (*Дневник военных действий ОКВ*)
- РАЈН — Persönliches Archiv des Joachim Hoffmann (*Личный архив Иоахима Хоффманна*)
- «Schuma» — Schutzmannschaft der Ordnungspolizei (*вспомогательная полиция порядка*)
- WPr — Wehrmachtpropaganda (*Отдел пропаганды ОКВ*)
- z. b. V. — zur besonderen Verfügung (*части специального назначения*)

НАИМЕНОВАНИЕ ШТАБНЫХ ДОЛЖНОСТЕЙ ГЕРМАНСКИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ И ИХ СОКРАЩЕНИЕ:

- Ia — начальник оперативного отдела
- Ib — начальник материально-технической части
- Ic — начальник отдела разведки (подчинялся Ia)
- IIa — начальник отдела личного состава (адъютант)

- IIb — заместитель начальника отдела личного состава (подчинялся IIa)
- III — начальник военной прокуратуры
- IVa — начальник административной части (подчинялся Ib)
- IVb — начальник медицинской части (подчинялся Ib)
- IVc — главный ветеринар (подчинялся Ib)
- IVd — капеллан (подчинялся IIa)
- V — начальник транспортного отдела (подчинялся Ib)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Клаузевиц К. фон. О войне. М., 1994. С. 54, 55.

² Подробнее о проблеме коллаборационизма смотри, например: Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. Хотя, конечно, его книга уже во многом устарела, а ряд ее положений просто взят из более ранних (то есть опубликованных еще в СССР) книг ныне покойного автора, ее фактологическая база остается пока непревзойденной.

³ В некоторых монографиях принято выделять еще и административную модификацию коллаборационизма. Экономический коллаборационизм — это сотрудничество с оккупантами в области сельского хозяйства, промышленности или торговой сфере. Однако хоть он и связан с двумя предыдущими модификациями коллаборационизма, его рассмотрение не входит в задачи данного исследования.

⁴ Цит. по: Бетелл Н. Последняя тайна. М., 1992. С. 85.

⁵ Например, самыми последовательными сторонниками гитлеровской версии «восточной» политики были рейхсляйтер Мартин Борман, рейхсмаршал Герман Геринг, рейхскомиссар «Украины» Эрих Кох и, до определенного момента, рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер.

⁶ Dallin A. German Rule in Russia 1941—1945. A study of occupation policies. London, 1957. P. 500—501.

⁷ Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941—1944). М., 1974. С. 377—380.

⁸ Fischer G. Soviet Opposition to Stalin. Harvard, 1952. P. 14—15.

⁹ Dallin A. Op. cit. P. 502—503.

¹⁰ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: В 7 т. М., 1958. Т. 2. С. 573, 574.

¹¹ Alexiev A. Soviet Nationalities in German Wartime Strategy, 1941—1945. Santa Monica, 1982. P. 6.

¹² Буллок А. Гитлер и Сталин: Жизнь и власть. Сравнительное жизнеописание: В 2 т. Смоленск, 1998. Т. 2. С. 368.

¹³ Мюллер Н. Указ. соч. С. 260—261.

¹⁴ Persönliches Archiv des Joachim Hoffmann, Reichsminister Rosenberg an Georgischen Verbindungsstab. — 17.3.1945 // Intelligence Division. DRS (51)42. P. 1.

¹⁵ Государственный архив Автономной Республики Крым, ф. П — 156, оп. 1, д. 24, л. 43.

¹⁶ Биографические сведения о лицах, которые упоминаются в работе, смотри в Приложениях.

¹⁷ Романько О.В. Мусульманские легионы во Второй мировой войне. М., 2004. С. 69—71.

¹⁸ Bundesarchiv-Militärarchiv (далее — BA-MA), RH 2. Oberkommando des Heeres / Generalstab des Heeres, RH 2/1412, Kriegsgliederung sowie Nachweis von Organisationserlassen und —verfügungen für verbündete und fremde Verbände im Rahmen der deutsche Wehrmacht, Sowjetunion [1942—1943].

¹⁹ Раманичев Н.М. Власов и другие // История. 2001. № 34. С. 11; Кроме того, к «добровольным помощникам» также можно причислить и иностранный персонал таких вспомогательных формирований вермахта, как Организация Тодта и Имперская трудовая служба.

²⁰ BA-MA, RH 2. Oberkommando des Heeres / Generalstab des Heeres, RH 2/1412, Kriegsgliederung sowie Nachweis von Organisationserlassen und —verfügungen für verbündete und fremde Verbände im Rahmen der deutsche Wehrmacht, Sowjetunion [1942—1943].

²¹ Thomas N., Abbot P., Chappel M. Partisan Warfare 1941—1945. London, 1996. P. 14.

²² Hoffmann J, Kaukasien 1942/43. Freiburg, 1991. S. 46—47.

²³ Neulen H.-W. An Deutscher Seite: Internationale Freiwillige von Wehrmacht und Waffen-SS. München, 1985. S. 342.

²⁴ Гунчак Т. У мундирах ворога // Військо України. 1993. № 9. С. 13—14.

²⁵ Казанцев А.С. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. М., 1994. С. 82.

²⁶ Гитлер А. Моя борьба. Харьков, 2003. С. 664—665.

²⁷ Гитлер, например, считал, что нельзя сотрудничать ни с одним из национальных движений, так как все они стремятся только использовать Германию. При этом он ссылался на печальный опыт Первой мировой войны, когда правительство кайзера Вильгельма II поддержало поляков, а они потом ударили Германии в спину.

²⁸ Dallin A. German Rule in Russia 1941—1945. A study of occupation policies. London, 1957. P. 50.

²⁹ Гальдер Ф. Военный дневник. 1939—1942. В 3 т. М., 2002—2003. Т. 1. С. 54.

³⁰ Гальдер Ф. Указ. соч. С. 81.

³¹ Dallin A. Op. cit. P. 50—51.

³² Гальдер Ф. Указ. соч. С. 520, 522.

³³ Germany and the Second World War: In 9 vols. Oxford, 1998. Vol. 4. P. 488.

³⁴ Dallin A. Op. cit. P. 52—53.

³⁵ Залесский К.А. Вожди и военачальники Третьего рейха: Биографический энциклопедический словарь. М., 2000. С. 527—528.

³⁶ Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941—1944). М., 1985. С. 51—54.

³⁷ Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941—1944). М., 1974. С. 100—101.

³⁸ Во главе рейхскомиссариата «Остланд» стоял СА-обергруппенфюрер Генрих Лозе. Его резиденция находилась в Риге (Латвия).

³⁹ Аржаева Л.В., Доморад К.И., Игнатенко И.М. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: В 3 т. Минск, 1984. Т. 1. С. 170—171.

⁴⁰ Залесский К.А. Указ. соч. С. 227—228.

⁴¹ Крысин М.Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. М., 2004. С. 86—88.

⁴² Turonek J. Białoruś pod okupacją niemiecką Warszawa, 1993. S. 86.

⁴³ Chiari B. Alltag hinter der Front. Düsseldorf, 1998. S. 96—97.

⁴⁴ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ), ф. Р — 7021, оп. 148, д. 222, л. 1.

⁴⁵ Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ), ф. 393, оп. 1, д. 534, л. 1—3.

⁴⁶ НАРБ, ф. 393, оп. 1, д. 1, л. 135.

⁴⁷ К восточной Белоруссии были отнесены: Витебская и Могилевская области, восточные районы Минской области, Гомельская область и северные районы Полесской области. Кроме того, в зону ответственности военной администрации входила большая часть Борисовского округа генерального комиссариата «Белоруссия» (за исключением района Плищаницы).

⁴⁸ Мюллер Н. Указ. соч. С. 103.

⁴⁹ По немецкой номенклатуре этот тыловой район имел 102-й порядковый номер.

⁵⁰ Munoz A.J., Romanko O.V. Hitler's White Russians. New York, 2003. P. 287.

⁵¹ Подробнее обо всех типах силовых структур оккупационного режима на территории Белоруссии и об их функциях будет рассказано в следующем параграфе.

⁵² Аржаева Л.В., Доморад К.И., Игнатенко И.М. Указ. соч. С. 172. Полный перечень всех комендатур, которые функционировали в годы

оккупации на территории Белоруссии смотри в таблице Б.7 Приложений.

⁵³ Tessin G. Verbände und Truppen der deutsche Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg 1939-1945: In 17 bd. Frankfurt-am-Main — Osnabrück. Bd. 14. S. 188.

⁵⁴ Мюллер Н. Указ. соч. С. 106.

⁵⁵ Tessin G. Verbände und Truppen der deutsche Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg 1939—1945: In 17 bd. Frankfurt-am-Main — Osnabrück. Bd. 14. S. 251—252; 1 июля 1944 года, после того, как территория Белоруссии была уже очищена от немцев, штаб командующего войсками вермахта в Белоруссии был отведен в Польшу, где на его основе создали Главную команду «Роткирх» (*General-kommando Rothkirch*). Это подразделение находилось сначала в подчинении командования группы армий «Центр», а с 11 июля была переподчинена командованию 3-й танковой армии. Расформирована 12 ноября 1944 года.

⁵⁶ Преступные цели — преступные средства... С. 54—55.

⁵⁷ Munoz A.J. Hitler's Eastern Legions: In 2 vol. New York, 1996. Vol. 1. — P. 20, 23.

⁵⁸ В некоторых источниках название этой должности звучит следующим образом: фюрер СС и полиции «Минск» (*SSPf Minsk*).

⁵⁹ Рус Г. СД у Баранавічах (1941-1943) у кантэксце лакальнага акупацыйнага рэжыму // Беларускі гістарычны агляд. 1998. Т. 5. Сш. 1(8). Чэрвень.

⁶⁰ Waffen-SS und Ordnungspolizei im Kriegseinsatz 1939—1945. Osnabrück, 2000. S. 591.

⁶¹ Залесский К.А. Указ. соч. С. 24. Вследствие того, что фон дем Бах-Зелевски был очень занятым человеком — он командовал всеми антипартизанскими частями на Восточном фронте, — функции по полицейскому обеспечению области «Россия-Центр» обычно перекладывались на его заместителей. Так, со 2 января 1942 по 24 марта 1943 года исполняющим обязанности на этом посту являлся СС-группенфюрер граф Карл фон Пюклер-Бургхаус, с 24 марта по 5 июля 1943 года — СС-группенфюрер и генерал-лейтенант полиции Геррет Корземан, а с 5 июля 1943 по 21 июня 1944 года — СС-бригадефюрер и генерал-майор полиции Курт фон Готтберг.

⁶² Waffen-SS und Ordnungspolizei im Kriegseinsatz... S. 590.

⁶³ Залесский К.А. Указ. соч. С. 24.

⁶⁴ Chiari V. Op. cit. S. 123—125.

⁶⁵ Chiari V. Op. cit. S. 125—127.

⁶⁶ Chiari V. Op. cit. S. 127—129.

⁶⁷ Малецкі Я. Пад знакам Пагоні. Гаронта, 1976.

⁶⁸ Мюллер Н. Указ. соч. С. 107. Группа армий «Север» получила 207, 281 и 285-ю охранные дивизии, а группа армий «Юг» — 221, 444 и 454-ю.

⁶⁹ Munoz A.J., Romanko O.V. Op. cit. P. 124—125.

⁷⁰ Так, начиная с октября 1941 года, были еще созданы 52, 201, 203, 325, 339 и 391-я охранные дивизии.

⁷¹ Munoz A.J., Romanko O.V. Op. cit. P. 22.

⁷² Хаупт В. Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта. М., 2006. С. 339—348.

⁷³ По документам немецкой военной разведки эта резидентура проходила как *Abwehrnebenstelle Minsk*.

⁷⁴ Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха: В 2 кн. СПб.-М., 2003. Кн. 1. С. 36—39, 44.

⁷⁵ Чуев С.Г. Указ. соч. С. 56—153.

⁷⁶ По сути, тайная полевая полиция выполняла в зоне военной администрации те же функции, что и полиция безопасности и СД на территории гражданской администрации.

⁷⁷ Группы и команды тайной полевой полиции, приданные полевым и местным комендатурам, являлись их исполнительными органами.

⁷⁸ Залесский К.А. Вермахт. М., 2005. С. 403—404.

⁷⁹ Munoz A.J., Romanko O.V. Op. cit.—P. 159—160.

⁸⁰ Уильямсон Г. Немецкая военная полиция, 1939—1945. М., 2005. С. 7—10.

⁸¹ Munoz A.J., Romanko O.V. Op. cit. P. 124.

⁸² Klietmann K.G. Die Waffen-SS. Eine Dokumentation. Osnabrück, 1965. S. 395.

⁸³ Munoz A.J., Romanko O.V. Op. cit. P. 124—126.

⁸⁴ Munoz A.J., Romanko O.V. Op. cit. P. 123—124.

⁸⁵ *Waffen-SS und Ordnungspolizei im Kriegseinsatz 1939—1945...* S. 591.

⁸⁶ Исключение составила группа армий «Юг», которой были приданы две последние оперативные группы. Остальным группам армий досталось только по одной.

⁸⁷ Залесский К.А. РСХА. М., 2004. С. 249—252, 256—259.

⁸⁸ Munoz A.J., Romanko O.V. Op. cit. P. 122—123.

⁸⁹ Munoz A.J., Romanko O.V. Op. cit. P. 296.

⁹⁰ Как может догадаться читатель, под словосочетанием «восточные народы» немцы подразумевали все народы СССР. Если пользоваться их логикой, то ошибки тут нет: на «восточных территориях» могут жить только «восточные народы».

⁹¹ С весны 1943 года все «восточные» батальоны вермахта стали называться «батальонами Русской освободительной армии (РОА)».

⁹² The German Police / Ed. by A. J. Munoz. New York, 1997. — P. M1-M27; Muonz A.J. Hitler's Eastern Legions: In 2 vols. New York, 1997. Vol.2. P. 12—32; Waffen-SS und Ordnungspolizei im Kriegseinsatz 1939—1945... S. 651.

⁹³ Например, в современной Белоруссии имя Калиновского активно эксплуатируют белорусские левые эсеры и анархисты, которые считают его, прежде всего, борцом за социальную справедливость. Они даже придумали специальный лозунг, который кричат на своих митингах: «Кропоткин — Калиновский — Че Гевара».

⁹⁴ Bundesarchiv-Militärarchiv (далее — BA-MA), MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, bl. 144—144rs.

⁹⁵ Захарка В. Галоўныя моманты беларускага руху // Запісы. Беларускі Інстытут навукі й мастацтва. 1999. № 24.

⁹⁶ BA-MA, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, bl. 144rs.

⁹⁷ Вильно — современный Вильнюс — столица Литовской Республики. До начала Второй мировой войны практически все население этого города и его сельской округи являлось белорусским.

⁹⁸ Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века: Энциклопедия. М., 1996. С. 62—64.

⁹⁹ BA-MA, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, bl. 144rs.

¹⁰⁰ BA-MA, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, bl. 144rs-145.

¹⁰¹ Геллер М.Я., Некрич А.М. История России 1917—1995. В 4 т. М., 1996. Т.1. С. 73.

¹⁰² BA-MA, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, bl. 145.

¹⁰³ Геллер М.Я., Некрич А.М. Указ. соч. С. 73.

¹⁰⁴ Следует сказать, что первоначально это мероприятие называлось «съездом», и только в послереволюционной националистической литературе получило название «конгресс». Вероятно, авторам этого мифа казалось, что так звучит гораздо внушительнее. С другой стороны, интересно отметить, что советская историография попала на националистическую удочку и также именуется этот съезд конгрессом.

¹⁰⁵ Гісторыя Беларусі: У 2 ч. Мінск, 1998. Ч.2. С. 33—36.

¹⁰⁶ Цит. по: BA-MA, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, bl. 145.

¹⁰⁷ Жук-Грышкевіч В. 25-га Сакавіка. Успаміны з Менску, Будслава, Вільні, Прагі, савецкай турмы. Таронта, 1978.

¹⁰⁸ Гісторыя Беларусі... С. 45—55.

¹⁰⁹ Карр Э. История Советской России. В 4 кн. М., 1990. Кн. 1. С. 248—249.

¹¹⁰ Симонова Т.М. Стратегические замыслы начальника Польского государства Юзефа Пилсудского // ВИЖ. 2001. № 11. С. 42—48.

¹¹¹ Бацькаўшчына (Мюнхен). 1954. № 4 (126—127) и № 12—13 (242—243).

¹¹² Гісторыя Беларусі... С. 81—82; Интересно отметить, что за все время существования белорусской печати в предвоенной Польше (1920—1939) никаких упоминаний о «Слуцком восстании» в ней вообще не было. Эта тема стала активно «раскручиваться» только после окончания Второй мировой войны. Надо полагать, по вполне естественным причинам: к этому моменту должны были уйти из жизни все участники тех событий.

¹¹³ ВА-МА, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, bl. 146.

¹¹⁴ Кстати, такая же политика проводилась и по отношению к западным украинцам, результатом чего стало усиление Организации украинских националистов (ОУН).

¹¹⁵ ВА-МА, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, bl. 146rs.

¹¹⁶ Беларускі нацыяналізм: Даведнік. Мінск, 2001. Акінчыц, Фабіян.

¹¹⁷ Малецкі Я. Пад знакам Пагоні. Таронта, 1976.

¹¹⁸ Гісторыя Беларусі... С. 200—201, 208—212.

¹¹⁹ ВА-МА, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, bl. 146rs; Интересно, что практически все, выехавшие в СССР, лидеры Громады были репрессированы здесь по сфабрикованному делу так называемого «Белорусского национального центра» (1933). Например, такая участь постигла Семена Рак-Михайловского и Игната Дворчанина. А несколько позднее был репрессирован и Бронислав Тарашкевич.

¹²⁰ ВА-МА, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, bl. 147.

¹²¹ Цит. по: Гардзіенка А. Бэрлін як асяродак беларускага жыцця першай паловы 40-х гг. XX ст. // Запісы. Беларускі Інстытут навукі й мастацтва. 2003. № 26.

¹²² Turonek J. Białoruś pod okupacją niemiecką — Warszawa, 1993. S. 32—33. Более того, как было показано выше, ни Гитлер, ни его окружение не могли даже толком решить, что им делать с белорусской территорией и в какие административные формы облечь ее территориальное устройство.

¹²³ Turonek J. Op. cit. S. 33—34.

¹²⁴ Гардзіенка А. Бэрлін як асяродак беларускага жыцця першай паловы 40-х гг. XX ст...

¹²⁵ Turonek J. Op. cit. S. 40—41.

¹²⁶ Turonek J. Op. cit. S. 41—42.

¹²⁷ Туронак Ю. Фабіян Акінчыц — правядыр беоарускіх нацыянал-сацыялістаў // Беларускі Рэзыстанс. 2003. № 10. Сш. 1—2 (18—19). Сьнежань.

¹²⁸ Следует сказать, что Акинчиц отличался таким неуживчивым характером и в молодости. Например, занимая довольно ответственный пост начальника юридического отдела Центрального секретариата Белорусской рабоче-крестьянской громады, он тем не менее покинул эту организацию, обвинив ее руководство в тайных связях с «большевистской Москвой».

¹²⁹ Туронак Ю. Фабіян Акінчыц — правядыр беоарускіх нацыянал-сацыялістаў...

¹³⁰ Гардзіенка А. Бэрлін як асяродак беларускага жыцця першай паловы 40-х гг. XX ст...

¹³¹ Командиры Второй мировой войны. Минск, 1998. С. 301.

¹³² Грыбоўскі Ю. Першы беларускі штурмовы зьвяз // Беларускі Рэзыстанс. 2005. № 1. После нападения Германии на СССР и быстрого продвижения немецких войск на восток боевое применение этих групп в качестве разведывательно-диверсионных подразделений стало нецелесообразным. В связи с этим белорусские диверсанты были привлечены немцами для выполнения охранно-полицейских функций на оккупированных территориях. Так, в сентябре 1941 года личный состав 1-го штурмового взвода был включен в состав минской полиции порядка.

¹³³ Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941—1944). М., 1974. С. 257.

¹³⁴ Аржаева Л.В., Доморад К.И., Игнатенко И.М. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. В 3 т. Минск, 1984. Т. 1. С. 173—174.

¹³⁵ Turonek J. Op. cit. S. 138—144.

¹³⁶ Turonek J. Op. cit. S. 144—145.

¹³⁷ Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944). М., 1965. С. 59—60.

¹³⁸ Аржаева Л.В., Доморад К.И., Игнатенко И.М. Указ. соч. Т. 2. С. 35.

¹³⁹ Turonek J. Op. cit. S. 167.

¹⁴⁰ Баранавіцкая газета. 1943. 25 сьнежаня.

¹⁴¹ Малецкі Я. Пад знакам Пагоні. Таронта, 1976.

¹⁴² Гардзіенка А. Другі Ўсебеларускі кангрэс: пад нямецкім кантролем // Наша ніва. 2000. № 26(183). 26 чэрвеня — 4 ліпеня.

- ¹⁴³ Кушаль Ф. Спробы стварэння Беларускага войска. Мінск, 1989.
- ¹⁴⁴ Гардзіенка А. Другі Ўсебеларускі кангрэс...
- ¹⁴⁵ Гардзіенка А. Другі Ўсебеларускі кангрэс...
- ¹⁴⁶ Другі Усебеларускі Кангрэс. Матар'ялы. Браўншвайг, 1954.
- ¹⁴⁷ Цит. по: Гардзіенка А. Другі Ўсебеларускі кангрэс...
- ¹⁴⁸ Другі Усебеларускі Кангрэс...
- ¹⁴⁹ Гісторыя Беларусі... С. 242—243.
- ¹⁵⁰ Другі Усебеларускі Кангрэс...
- ¹⁵¹ Другі Усебеларускі Кангрэс...
- ¹⁵² Эпизод с поздравительной телеграммой Гитлеру интересно (и неожиданно) описывает в своих мемуарах президент конгресса Ефим Кипель. В частности, он пишет следующее: «Конгресс проходил в соответствие с планом... Под конец подбежал ко мне (делегат) Сивица с предложением послать телеграмму фюреру. Я сказал, что такой телеграммы посылать не будем, так как эта инициатива не исходила от делегатов конгресса. Я хотел попросить охрану вывести Сивицу, однако в дискуссию вмешался Островский и пообещал уладить этот вопрос» (Кіпель Я. Эпізоды. Нью Ёрк, 1998).
- ¹⁵³ Цит. по: Літвін А. Кубэ як магільшчык беларускай нацыянальнай ідэі // Наша ніва. 1999. № 4(125).
- ¹⁵⁴ О группе Вашлава Ивановского более подробно будет рассказано ниже — в разделе о белорусском некоммунистическом движении Сопротивления.
- ¹⁵⁵ Turonek J. Op. cit. S. 101—106, 210.
- ¹⁵⁶ Туронак Ю. Фабіян Акінчыц — правадыр беларускіх нацыянал-сацыялістаў...
- ¹⁵⁷ Беларуская газета (Мінск). 1943. 28 марта — 11 апреля.
- ¹⁵⁸ Туронак Ю. Фабіян Акінчыц — правадыр беларускіх нацыянал-сацыялістаў...
- ¹⁵⁹ Ёрш С. Забойства Фабіяна Акінчыца // Беларускі Рэзыстанс. 2004. № 1.
- ¹⁶⁰ А.В. Юры Туронак пра забойства Кубэ // Наша ніва. 1999. № 4(125).
- ¹⁶¹ Turonek J. Op. cit. S. 209—210.
- ¹⁶² Dallin A. German Rule in Russia 1941—1945: A Study of occupation policies. London, 1957. P. 154.
- ¹⁶³ Малецкі Я. Указ. соч.
- ¹⁶⁴ Акула К. Змагарныя дарогі. Менск, 1994.
- ¹⁶⁵ Turonek J. Op. cit. S. 170, 217—218.
- ¹⁶⁶ Turonek J. Op. cit. S. 226. Несколько неожиданную и парадоксальную оценку деятельности белорусских коллаборационистов дал в своих мемуарах Ефим Кипель: «Всей своей работой, проделанной

при немцах, — писал он, — мы можем гордиться, так как наша деятельность имела влияние на правовое положение Белоруссии в СССР».

¹⁶⁷ Turonek J. Op. cit. S. 228.

¹⁶⁸ Что же касается военной стороны деятельности белорусской эмиграции, то она была передана в ведение Главного управления СС (более подробно об этом смотри в следующих главах).

¹⁶⁹ Turonek J. Op. cit. S. 229—230.

¹⁷⁰ Цит. по: Thorwald J. Wen sie verderben wollen. Bericht des grossen Verrats. Stuttgart, 1952. S. 409—410.

¹⁷¹ Толстой Н.Д. Жертвы Ялты. М., 1996. С. 322—323.

¹⁷² Цит. по: Поздняков В.В. Андрей Андреевич Власов (документы и воспоминания). Сиракузы (США), 1973. С. 153.

¹⁷³ Раманичев Н.М. Власов и другие // История. М., 2001. № 34. С. 14.

¹⁷⁴ Андреева Е.Н. Генерал Власов и Русское освободительное движение // Дружба народов. 1991. № 5. С. 203.

¹⁷⁵ Persönliches Archiv des Joachim Hoffmann, Grundlagen der Zusammenarbeit der Vertreter der von Rußland unterjochten Völker. Protokoll der tagung der Vertreter der von Rußland unterjochten Völker vom 18. November 1944. S. 1—2.

¹⁷⁶ ВА-МА, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7, Bl. 131.

¹⁷⁷ Казанцев А.С. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. М., 1994. С. 235.

¹⁷⁸ Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ), ф. 383, оп. 1, д. 6, л. 3—4.

¹⁷⁹ НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 6, л. 5—5об.

¹⁸⁰ Turonek J. Op. cit. S. 234—235.

¹⁸¹ Кіпель Я. Эпізоды. Нью Ёрк, 1998.

¹⁸² Кіпель Я. Эпізоды... Интересно, что, по словам ближайшего соратника Власова генерал-майора Василия Малышкина, белорусская секция КОНР уже не функционировала к этому времени. В своем дневнике он записал, что в марте 1945 года она, фактически, развалилась. И вина тому — интриги Радослава Островского.

¹⁸³ Большинству членов Белорусского национального совета удалось пережить Власова. Правда, не всем. Еще во время эвакуации совет потерял своего бывшего председателя Николая Будзиловича: он и еще несколько белорусских офицеров погибли под бомбежкой в городе Платглинге.

¹⁸⁴ Акула К. Указ. соч.

¹⁸⁵ Turonek J. Op. cit. S. 235.

¹⁸⁶ Другі Усебеларускі Кангрэс... Статут Беларускае цэнтральнае рады от 14.01.1945 г.

¹⁸⁷ Мы не будем здесь подробно описывать историю движения Сопротивления на территории Белоруссии. Это уже сделано ранее. В данном разделе автор постарается дать только его комплексный анализ как явления с политической, идеологической, национальной и военной точки зрения, и в том плане, как это явление связано с проблемой коллаборационизм и белорусского национализма.

¹⁸⁸ Штрик-Штрикфельдт В.К. Против Сталина и Гитлера. Генерал Власов и Русское освободительное движение. М., 1993. С. 82.

¹⁸⁹ Бонвеч Б. За кулисами «рельсовой войны». Советские партизаны в 1941—1944 гг. // Родина. 2003. № 7. С. 74.

¹⁹⁰ Наряду с советской это были наиболее масштабные и влиятельные партизанские организации. Однако помимо них существовали еще литовские и еврейские партизанские отряды. Правда, заметной роли в истории партизанского движения на территории Белоруссии они не сыграли.

¹⁹¹ Бонвеч Б. Указ. соч. С. 74—75.

¹⁹² Апогеем централизации руководства партизанским движением стало введение 6 сентября 1942 года должности Главнокомандующего партизанским движением при Государственном комитете обороны. Им стал маршал Климент Ворошилов. Однако уже 19 ноября этот пост был упразднен «в целях большей гибкости руководства партизанским движением». Этот была официальная причина. На самом же деле, чтобы избежать губельного двоевластия в таком важном деле.

¹⁹³ Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.). Жуковский; М., 2001. С. 56—69.

¹⁹⁴ Великая Отечественная война 1941—1945: Энциклопедия. М., 1985. С. 533.

¹⁹⁵ Следует сказать, что к лету 1944 года в АК вошли почти все партийные партизанские формирования, за исключением коммунистической Гвардии Людовой.

¹⁹⁶ Энциклопедія історії України: В 5 т. Київ, 2003. Т. 1. С. 122.

¹⁹⁷ Антысавецкія рухі на Беларусі, 1941-1956: Даведнік. Менск, 1999. Армія Краёва.

¹⁹⁸ Смотри подробнее: Бульба-Боровець Т. Армія без держави. Слава і трагедія повстанського руху. — Вінніпег, 1981.

¹⁹⁹ Антысавецкія рухі на Беларусі... — Украінская народна-рэзвалюцыйная армія.

²⁰⁰ Ткаченко С.Н. Повстанческая армия: тактика борьбы. М.-Минск, 2000. С. 58—61.

²⁰¹ Антысавецкія рухі на Беларусі... — Армія Краёва.

²⁰² Антысавецкія рухі на Беларусі... — Украінскі партызанскі рух на беларускім Палессі.

²⁰³ Беларускі нацыяналізм... — Партыя беларускіх нацыяналістаў; Станкевіч, Ян.

²⁰⁴ Ёрш С. Беларускі нацыянальны рэзыстанс у гады Другой сусветнай вайны // Пагоня. 1995. № 34.

²⁰⁵ Ёрш С. Вяртаньне БНП. Асобы і дакумэнты Беларускай Незалежнай Партыі. Менск — Слонім, 1998.

²⁰⁶ Ёрш С. Беларускі нацыянальны рэзыстанс у гады Другой сусветнай вайны // Пагоня. 1995. № 36.

²⁰⁷ Ёрш С. Вяртаньне БНП. Асобы і дакумэнты Беларускай Незалежнай Партыі...

²⁰⁸ Сакольскі. Некаторыя несьціпласьці // Беларускі голас. Таронта, 1966. Красавік.

²⁰⁹ Ёрш С. Ёсевалад Родзька. Правадыр беларускіх нацыяналістаў. Мінск, 2001.

²¹⁰ Ёрш С. Беларускі нацыянальны рэзыстанс у гады Другой сусветнай вайны // Пагоня. 1995. № 34.

²¹¹ Личный архив О.В. Романько, Ёрш С. Беларуская партызанка. С. 1—2.

²¹² Личный архив О.В. Романько, Ёрш С. Беларуская партызанка. С. 3—4.

²¹³ Личный архив О.В. Романько, Ёрш С. Беларуская партызанка. С. 8.

²¹⁴ Личный архив О.В. Романько, Ёрш С. Беларуская партызанка. С. 6—11.

²¹⁵ Ёрш С. Беларускі нацыянальны рэзыстанс у гады Другой сусветнай вайны // Пагоня. 1995. № 34.

²¹⁶ Ткаченко С.Н. Указ. соч. С. 264.

²¹⁷ Ёрш С. Беларускі нацыянальны рэзыстанс у гады Другой сусветнай вайны // Пагоня. 1995. № 37.

²¹⁸ Ёрш С. Беларускі нацыянальны рэзыстанс у гады Другой сусветнай вайны // Пагоня. 1995. № 36.

²¹⁹ Ёрш С. Беларускі нацыянальны рэзыстанс у гады Другой сусветнай вайны // Пагоня. 1995. № 37.

²²⁰ Ёрш С. Ёсевалад Родзька. Правадыр беларускіх нацыяналістаў...

²²¹ Беларускі нацыяналізм... — Беларуская незалежнай партыя.

²²² Интересно объяснение названия этой группы. «Пагоня» — это национальный и исторический символ Белоруссии. А «Двупогоня», или двойная «Пагоня», — это уже символ борьбы белорусского народа против врагов с запада и с востока.

²²³ Ёрш С. Беларускі нацыянальны рэзыстанс у гады Другой сусветнай вайны // Пагоня. 1995. № 37.

²²⁴ Дубноўскі В. Спроба ўтварэння Беларускага Вызвольнага Цэнтру ў Швэдыі // Беларускі Рэзыстанс. 2005. № 1.

²²⁵ НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 2, л. 14. Следует сказать, что белорусский национальный комитет в Швеции был все-таки создан, однако только через два года после окончания войны и только в форме организации местной белорусской общины. В дальнейшем какой-либо серьезной роли в жизни белорусской эмиграции этот комитет не играл, а так и остался организацией местного значения.

²²⁶ Хмара С. Беларуская Сялянска-Работніцкая Грамада // Беларускі голас. Таронта, 1962. № 232. Красавік.

²²⁷ Соловьев А.К. Белорусская Центральная Рада: создание, деятельность, крах. Минск, 1995. С. 90.

²²⁸ В том, что «восточные» добровольцы и некоммунистические партизаны поставлены рядом, нет ничего удивительного. Часто первые перебежали ко вторым (так же, как и к советским партизанам), а вторые верно служили оккупантам, хоть и называли себя движением Сопrotивления. За примерами далеко ходить не надо. Весной — летом 1943 года националистическое партизанское движение в Белоруссии было разгромлено коммунистами. После этого большая часть белорусских партизан влилась в их ряды. Меньшая часть, но тоже весьма значительная, вышла из леса и перешла на сторону белорусских коллаборационистских формирований.

²²⁹ Беларускі нацыяналізм: Даведнік. Мінск, 2001. Вітушка, Міхал; Касмовіч, Дзімітры.

²³⁰ Как читатель помнит из предыдущей главы, эти лица, по совместительству, являлись членами нелегальных организаций белорусского националистического Сопrotивления. В частности, таких организаций, как Громада и Белорусская незалежніцкая партыя. Поэтому нет ничего удивительного, что они пошли на контакт с украинской организацией аналогичной направленности.

²³¹ Личный архив О.В. Романько, Казак П. Угодкі Палескай беларуска-ўкраінскай вайскавай акцыі. 2001. С. 2—6.

²³² Личный архив О.В. Романько, Ёрш С. Беларуская партызанка. С. 1—3.

²³³ Следует сказать, что не все части «милиции» и «службы порядка» остались на службе у немцев. Некоторая часть из них, как было показано в предыдущей главе, составили костяк белорусского националистического партизанского движения.

²³⁴ Дробязко С.И. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и войсках СС. М., 2000. С. 6, 28. Более подробно о воинских зва-

ния в частях «вспомогательной полиции порядка» смотри в Приложениях (таблица В.1).

²³⁵ Государственный архив Автономной Республики Крым, ф. П — 151, оп. 1, д. 391, л. 88—89.

²³⁶ Клыковская Т. Обреченный эскадрон: в 1942 г. они мечтали создать национальные белорусские войска // Имя. Минск, 1998. № 173. 15 октября.

²³⁷ Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941—1944). М., 1974. С. 268—269.

²³⁸ Командиры Второй мировой войны. Минск, 1998. С. 305—306.

²³⁹ Кушаль Ф. Спробы стварэньня Беларускага войска. Мінск, 1989.

²⁴⁰ Ёрш С. Забыты беларускі вайсковы дзеяч // Голас Камбатанта. 2000. № 5. Лістапад — сьнежань.

²⁴¹ Turonek J. Białoruś pod okupacją niemiecką. Warszawa, 1993. S. 147.

²⁴² «Погоня» — национальный символ Белоруссии, о значении которого будет рассказано ниже.

²⁴³ Пархута П. Слоні́мская самаахова // Голас Камбатанта. 2001. № 1(6). Вясна.

²⁴⁴ Turonek J. Op. cit. S. 149.

²⁴⁵ Акула К. Змагарныя дарогі. Менск, 1994.

²⁴⁶ Сажыч Я. Мілітарызацыя Наваградчыны ў часе нямецкай акупацыі 1941—1945 гг. // Юрэвіч Л. Жыцьце пад агнем. Менск, 1999.

²⁴⁷ Цит. по: Командиры Второй мировой войны... С. 306—307.

²⁴⁸ Turonek J. Op. cit. S. 147—148, 160.

²⁴⁹ Раманоўскі В. Саўдзельнікі ў злачынствах. Мінск. 1964. С. 119.

²⁵⁰ Цит. по: Малецкі Я. Пад знакам Пагоні. Таронта, 1976.

²⁵¹ Munoz A.J. Hitler's Eastern Legions. New York, 1997. Vol. 2. — P. 14—24.

²⁵² Hoffmann J. Ostlegionen 1941—1943. Freiburg, 1976. S. 47.

²⁵³ Дробязко С.И. Восточные добровольцы в вермахте, полиции и войсках СС... С. 4, 28. Более подробно о воинских званиях в частях «вспомогательной полиции порядка» смотри в Приложениях (таблица В.1).

²⁵⁴ Munoz A.J. The Druzhina SS Brigade: A History, 1941—1943. New York, 2000. P. 41—45.

²⁵⁵ Waffen-SS und Ordnungspolizei im Kriegseinsatz 1939—1945. Ein Überblick anhand der Feldpostübersicht. Osnabrück, 2000. S. 643—644.

²⁵⁶ Панкратов П.А. «Мрак и туман» // ВИЖ. 1998. № 3. С. 14.

²⁵⁷ Кушаль Ф. Указ. соч.

²⁵⁸ Чувев С.Г. Проклятые солдаты. М., 2004. С. 283—284.

²⁵⁹ Кушаль Ф. Указ. соч.

²⁶⁰ Помимо опеки над частями белорусской полиции, этот чиновник должен был также заботиться обо всех полицейских частях, расположенных в зоне ответственности главного фюрера СС и полиции «Россия-Центр и Белоруссия». Таким образом, в его компетенцию входили части, укомплектованные белорусами, русскими, украинцами, но не литовцами и латышами.

²⁶¹ Кушаль Ф. Указ. соч.

²⁶² Беларусь на варце. 1944. № 4 и № 6.

²⁶³ Кушаль Ф. Указ. соч.

²⁶⁴ Кушаль Ф. Указ. соч.

²⁶⁵ Сажыч Я. Указ. соч.

²⁶⁶ Кушаль Ф. Указ. соч.

²⁶⁷ Сажыч Я. Указ. соч.

²⁶⁸ Беларускі нацыяналізм: Даведнік... Сажыч, Язэп.

²⁶⁹ Кушаль Ф. Указ. соч.

²⁷⁰ Сажыч Я. Указ. соч.

²⁷¹ Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха: В 2 кн. СПб.-М., 2003. Кн. 2. С. 109.

²⁷² Кушаль Ф. Указ. соч.

²⁷³ Сажыч Я. Указ. соч.

²⁷⁴ Кушаль Ф. Указ. соч.

²⁷⁵ Беларускі нацыяналізм: Даведнік... Чэбатарэвіч, Віктар.

²⁷⁶ Семенов К.К. Войска СС. М., 2004. С. 281—282.

²⁷⁷ Беларусь на варце. 1944. №4. Студзень.

²⁷⁸ Кушаль Ф. Указ. соч.

²⁷⁹ Кушаль Ф. Указ. соч.

²⁸⁰ Акула К. Указ. соч.

²⁸¹ Кушаль Ф. Указ. соч.

²⁸² Кушаль Ф. Указ. соч.

²⁸³ Ёрш С., Грыбоўскі Ю. Партызанскі аддзел лейтэнанта Бандыка. 1944 год // Беларускі Рэзыстанс. 2005. № 1.

²⁸⁴ Одна лычка — знак различия на петлице СС-штурманна.

²⁸⁵ Малецкі Я. Указ. соч.

²⁸⁶ К'яры Б. Лёс беларускіх габрэяў у «Генеральным камісарыяце Беларутэніі». Спраба наблізіцца да незразумелага // Беларускі гістарычны агляд. 2000. Т. 7. Сш. 1(12). Чэрвень.

²⁸⁷ Акула К. Указ. соч.

²⁸⁸ Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ), ф. 383, оп. 1, д. 11, л. 4.

²⁸⁹ Следует сказать, что борьба польских националистов против своих белорусских оппонентов не носила характер исключительно

этнической или религиозной вражды. Многие поляки — начальники оккупационной администрации и полиции — считали белорусских активистов предателями Польши.

²⁹⁰ Личный архив О.В. Романько, Грыбоўскі Ю. Польшка-беларускі канфлікт у Генеральнай акрузе «Беларусь» (1941—1944). 2005. С. 136—138.

²⁹¹ Кушаль Ф. Указ. соч.

²⁹² Личный архив О.В. Романько, Грыбоўскі Ю. Польшка-беларускі канфлікт... — С. 138.

²⁹³ Гелагаеў А. Беларускія нацыянальныя вайсковыя фармацыі ў часе Другое сусветнае вайны. Менск, 2002. С. 19.

²⁹⁴ Личный архив О.В. Романько, Грыбоўскі Ю. Польшка-беларускі канфлікт... С. 139—140.

²⁹⁵ Беларусь на варце. 1943. № 1. С. 12.

²⁹⁶ Акула К. Указ. соч.

²⁹⁷ Александров К.М. Против Сталина. Власовцы и восточные добровольцы во Второй мировой войне. Сборник статей и материалов. СПб., 2003. С. 101.

²⁹⁸ НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 11, л. 4.

²⁹⁹ К'яры Б. Указ. соч.

³⁰⁰ Более подробно об истории создания и деятельности белорусских националистических молодежных организаций в годы Второй мировой войны смотри в монографии: Клыкоўская Ц. Саюз беларускай моладзі — вяртаньне з забыцця. Беласток, 2004.

³⁰¹ Крысин М.Ю. Прибалтика между Сталиным и Гитлером. 1939—1945. М., 2004. С. 298, 422—425. Отдел молодежи рейхскомиссариата «Остланд» возглавлял обергегбитсфюрер Люр.

³⁰² Tugonek J. Op. cit. S. 162.

³⁰³ Юревіч Л. Вырваныя бачыны. Мінск, 2001. Б. 55, 70. Например, созданная в Глубоком белорусская молодежная организация просуществовала с июля 1941 по июнь 1943 года, когда ее члены влились в местную структуру СБМ.

³⁰⁴ Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха... Кн. 2. С. 232—234.

³⁰⁵ Беларуская газета. 1943. 22 чэрвеня.

³⁰⁶ Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944). М., 1965. С. 60—61.

³⁰⁷ Аржаева Л.В., Доморад К.И., Игнатенко И.М. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны. В 3 т. Минск, 1984. Т. 2. С. 36.

³⁰⁸ Жыве Беларусь! 1943. № 1. С. 6.

³⁰⁹ Рамановіч К. У СБМ я загартуваўся ў спраўднага патрыёта // Наша ніва. 1997. - №33(94). 17 лістапада.

³¹⁰ Аржаева Л.В., Доморад К.И., Игнатенко И.М. Указ. соч. Т.2. С. 36.

³¹¹ НАРБ, ф. 3500, оп. 2, д. 51, л. 69, 70.

³¹² Клыкоўская Ц. Саюз беларускай моладзі — вяртаньне з забыцця... Следует подчеркнуть, что, даже являясь белорусской националистической организацией, СБМ являлся чисто оккупационной структурой и подчинялся только генеральному комиссариату. Только позднее, уже на территории Германии, его Центральный штаб был переподчинен БЦР. Хотя, конечно, формальное подчинение было и до этого: где-то с декабря 1943 года при БЦР был создан молодежный отдел (руководитель — Всеволод Радько), который и был призван курировать все молодежные вопросы.

³¹³ Туронак Ю. Саюз беларускай моладзі ў Нямеччыне // Беларускі Рэзыстанс. 2004. № 11. Сш. 1—2 (20—21). Сьнежань.

³¹⁴ Туронак Ю. Фабіян Акінчыц — правадыр беларускіх нацыянал-сацыялістаў // Беларускі Рэзыстанс. 2003. № 10. Сш. 1—2 (18—19). Сьнежань.

³¹⁵ Немецко-фашистский оккупационный режим (1941—1944). С. 63.

³¹⁶ После эвакуации в Германию на основе этого журнала стал выходить новый — «Молодой борец» («*Малады змагар*»).

³¹⁷ До июня 1944 г. было выпущено только 12 номеров этого журнала.

³¹⁸ Беларускі нацыяналізм: Даведнік... Ганько, Міхась.

³¹⁹ Юревіч Л. Указ. соч. Б. 11; После эвакуации в Германию на основе этого журнала стал издаваться «Листок для учебных лагерей в Германии» («*Лісток для вучэбных лягераў у Нямеччыне*»).

³²⁰ Романовіч К. Указ. соч.

³²¹ Юревіч Л. Указ. соч. Б. 11, 23.

³²² Например, звания в СБМ были обычной калькой со званий в Гитлерюгенде: зьвязовы (*Gefolgschaftsführer*), старшы зьвязовы (*Obergefolgschaftsführer*), праваднік (*Bannführer*), старшы праваднік (*Oberbannführer*), штандаровы (*Hauptbannführer*) и шэф-праваднік (*Reihsjugendführer*).

³²³ Шнэк Ё. Беларуская Краёвая Абарона. Уніформа і адзнакі. Ілюстраваны альбом. Мельбурн, 1984.

³²⁴ Беларуская газета. 1944. 28 чэрвеня; Гісторыя Беларусі: У 2 ч. Мінск, 1998. Ч.2. С. 241.

³²⁵ Аржаева Л.В., Доморад К.И., Игнатенко И.М. Указ. соч. Т. 2. С. 155.

³²⁶ Юревіч Л. Указ. соч. Б. 35.

³²⁷ Романовіч К. Указ. соч.

- ³²⁸ Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха... Кн.2. С. 278—283.
- ³²⁹ Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха... Кн. 2. С. 283. Позднее СРМ стал частью Союза молодежи народов России (СМНР), который на правах отдельной организации вступил в КОНР генерала Андрея Власова.
- ³³⁰ Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха... Кн. 2. С. 281.
- ³³¹ Шнэк Ё. Указ. соч.
- ³³² Turonek J. Op. cit. S. 165.
- ³³³ Klietmann K.G. Die Waffen-SS. Eine Dokumentation. Osnabrück, 1965. S. 461.
- ³³⁴ Туронак Ю. Падзея невыгадная для ўсіх // Запісы. Беларускі Інстытут навукі й мастацтва. 2003. № 26. Однако подобные меры не распространялись на эстонцев и латышей, статус которых и так был почти равен немецкому — они оставались «помощниками Люфтваффе».
- ³³⁵ Klietmann K.G. Op. cit. S. 463. 4 декабря 1944 года эти термины были заменены на «юные СС» или «воспитанники СС» — «*SS-Zuglinge*», что окончательно закрепило статус этой молодежи, как находящейся под патронажем СС, хотя контроль над ними со стороны соответствующего отдела Министерства по делам оккупированных восточных областей и сохранился.
- ³³⁶ Klietmann K.G. Op. cit. S. 462—463. Те же юноши и девушки, которых немцы успели призвать в марте — сентябре 1944 года, продолжали служить до самой капитуляции Германии. В результате, к маю 1945 года 41 человек из них погиб, а 2 были награждены Железными крестами 2-го класса.
- ³³⁷ Туронак Ю. Падзея невыгадная для ўсіх...
- ³³⁸ Туронак Ю. Падзея невыгадная для ўсіх...
- ³³⁹ Беларуская газета. 1944. 28 чэрвеня.
- ³⁴⁰ Туронак Ю. Падзея невыгадная для ўсіх...
- ³⁴¹ Цит. по: Туронак Ю. Саюз беларускай моладзі ў Нямеччыне...
- ³⁴² Беластоцкі Т. Сьветлы ўспамін пра шэфа-правадніка СБМ // Голас Камбатанта. 2001. № 1 (6). Вясна.
- ³⁴³ Беларуская газета. 1944. 28 чэрвеня.
- ³⁴⁴ Туронак Ю. Саюз беларускай моладзі ў Нямеччыне...
- ³⁴⁵ Туронак Ю. Саюз беларускай моладзі ў Нямеччыне...
- ³⁴⁶ Галубіцкі А. Шляхі беларускіх дзяцей у вапошнюю вайну // Бацькаўшчына. 1955. № 24. 12 чэрвеня.
- ³⁴⁷ Акула К. Указ. соч.
- ³⁴⁸ Туронак Ю. Саюз беларускай моладзі ў Нямеччыне...
- ³⁴⁹ Цит. по: Туронак Ю. Саюз беларускай моладзі ў Нямеччыне...
- ³⁵⁰ Раніца. 1944. № 49. 26 лістапада.

³⁵¹ Зелений З. Українське юнацтво у вирі Другої світової війни. — Торонто, 1965. С. 173, 267—268.

³⁵² Раманоўскі В. Указ. соч. С. 9.

³⁵³ Малецкі Я. Указ. соч.

³⁵⁴ Клыкковская Т. Обреченный эскадрон: в 1942 г. они мечтали создать национальные белорусские войска...

³⁵⁵ Turonek J. Op. cit. S. 165.

³⁵⁶ Интересно отметить, что в численном и процентном соотношении динамика развития СБМ уступала только коммунистическому партизанскому движению на территории Белоруссии.

³⁵⁷ Это название является более привычным, поскольку именно так почти всегда упоминается в исторической и мемуарной литературе. В самом же формировании использовалось другое название — 1-й Белорусский эскадрон (*1-шы Беларускі эскадрон*).

³⁵⁸ На тот момент немцам не было известно, что Борис Рогуля был одним из основателей Белорусской незалежницькой партии — организации, которая одной из своих целей ставила борьбу за независимость Белоруссии. Причем, как мы видели выше, бороться члены этой партии собирались и с немцами, и с большевиками.

³⁵⁹ Рагуляец. Наваградзкі эскадрон // Юрєвіч Л. Жыцьцё пад агнём. Партрэт беларускага военачальніка і палітычнага дзеяча Барыса Рагулі на фоне яго эпохі. Менск, 1999.

³⁶⁰ Рагуляец. Наваградзкі эскадрон...

³⁶¹ Чуев С.Г. Проклятые солдаты... С. 275—276.

³⁶² Клыкковская Т. Обреченный эскадрон...

³⁶³ Рагуляец. Наваградзкі эскадрон...

³⁶⁴ Акула К. Указ. соч.

³⁶⁵ Рагуляец. Наваградзкі эскадрон...

³⁶⁶ Рагуляец. Наваградзкі эскадрон...

³⁶⁷ Клыкковская Т. Обреченный эскадрон...

³⁶⁸ Рагуляец. Наваградзкі эскадрон...

³⁶⁹ Рагуляец. Наваградзкі эскадрон...

³⁷⁰ Рагуляец. Беларуска-польскія перамовы ў сакавіку 1944 году // Беларускі Рэзыстанс. 2005. - №1.

³⁷¹ Рагуляец. Наваградзкі эскадрон...

³⁷² Рагуляец. Наваградзкі эскадрон...

³⁷³ Акула К. Указ. соч.

³⁷⁴ Кушаль Ф. Указ. соч.

³⁷⁵ Аржаева Л.В., Доморад К.И., Игнатенко И.М. Указ. соч. Т.3. С. 183.

³⁷⁶ НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 11, л. 7—8.

³⁷⁷ Кушаль Ф. Указ. соч.

- 378 Командиры Второй мировой войны... С. 309.
- 379 Кушаль Ф. Указ. соч.
- 380 Кушаль Ф. Указ. соч.
- 381 НАРБ, ф. 382, оп. 1, д. 8, л. 3-4.
- 382 Persönliches Archiv des Joachim Hoffmann, The Use by the Germans of Soviet Nationals against the Soviet Union in the Late War. — White Ruthenian Volunteer Forces // Intelligence Division. DRS (50)145. P. 8.
- 383 НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 11, л. 8, 9.
- 384 НАРБ, ф. 382, оп. 1, д. 8, л. 3.
- 385 НАРБ, ф. 382, оп. 1, д. 14, л. 27.
- 386 НАРБ, ф. 382, оп. 1, д. 14, л. 39.
- 387 НАРБ, ф. 382, оп. 1, д. 8, л. 4.
- 388 Шнэк Ё. Указ. соч. — Дакуманты.
- 389 Командиры Второй мировой войны... С. 309.
- 390 Кушаль Ф. Указ. соч.
- 391 Рагуляец. Наваградзкі эскадрон...
- 392 Командиры Второй мировой войны... С. 309.
- 393 Кушаль Ф. Указ. соч.
- 394 Кушаль Ф. Указ. соч.
- 395 Кушаль Ф. Указ. соч.
- 396 НАРБ, ф. 382, оп. 1, д. 8, л. 4.
- 397 Беларускі нацыяналізм: Даведнік... — Чэбатарэвіч, Віктар.
- 398 Акула К. Указ. соч.
- 399 Романовіч К. Указ. соч.
- 400 НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 11, л. 10—11.
- 401 Шнэк Ё. Указ. соч. — Дакуманты.
- 402 Малешкі Я. Указ. соч.
- 403 НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 11, л. 12.
- 404 Малешкі Я. Указ. соч.
- 405 Tugonek J. Op. cit. S. 215—216.
- 406 Ёрш С. Ёсевалад Родзька. Правадыр беларускіх нацыяналістаў. Мінск, 2001.
- 407 Кушаль Ф. Указ. соч.
- 408 Аржаева Л.В., Доморад К.И., Игнатенко И.М. Указ. соч. Т. 3. С. 193.
- 409 НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 11, л. 9.
- 410 Аржаева Л.В., Доморад К.И., Игнатенко И.М. Указ. соч. Т. 3. С. 184.
- 411 Клыковская Т. Обреченный эскадрон...
- 412 НАРБ, ф. 383, оп. 1, д. 11, л. 9.
- 413 НАРБ, ф. 382, оп. 1, д. 14, л. 37.
- 414 Кушаль Ф. Указ. соч.

- ⁴¹⁵ Turonek J. Op. cit. S. 217.
- ⁴¹⁶ Аржаева Л.В., Доморад К.И., Игнатенко И.М. Указ. соч. Т. 3. С. 185—186.
- ⁴¹⁷ Аржаева Л.В., Доморад К.И., Игнатенко И.М. Указ. соч. Т. 3. С. 186.
- ⁴¹⁸ Аржаева Л.В., Доморад К.И., Игнатенко И.М. Указ. соч. Т. 3. С. 190.
- ⁴¹⁹ НАРБ, ф. 382, оп. 1, д. 3, л. 217, 366.
- ⁴²⁰ Аржаева Л.В., Доморад К.И., Игнатенко И.М. Указ. соч. Т. 3. С. 192.
- ⁴²¹ НАРБ, ф. 382, оп. 1, д. 3, л. 231, 236, 266, 294.
- ⁴²² НАРБ, ф. 382, оп. 1, д. 3, л. 227; ф. 400, оп. 1, д. 1, л. 7.
- ⁴²³ Личный архив О.В. Романько, Грыбоўскі Ю. Польска-беларускі канфлікт... С. 141.
- ⁴²⁴ Цит. по: Turonek J. Op. cit. S. 225.
- ⁴²⁵ Мюллер Н. Указ. соч. С. 271.
- ⁴²⁶ Кушаль Ф. Указ. соч.
- ⁴²⁷ Подробнее об этом смотри в книге: Hoffmann J. Ostlegionen 1941—1943. Freiburg, 1976.
- ⁴²⁸ Turonek J. Białoruś pod okupacją niemiecką Warszawa, 1993. S. 230.
- ⁴²⁹ Кушаль Ф. Спробы стварэння Беларускага войска. Мінск, 1989.
- ⁴³⁰ Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ), ф. 383, оп. 1, д. 3, л. 50.
- ⁴³¹ Turonek J. Op. cit. S. 231—232.
- ⁴³² Turonek J. Op. cit. S. 227, 231.
- ⁴³³ Turonek J. Op. cit. S. 231.
- ⁴³⁴ Чуев С.Г. Спецслужбы Третьего рейха: В 2 кн. СПб.-М., 2003. Кн. 1. С. 197—198.
- ⁴³⁵ Личный архив О.В. Романько. Без автора. Иван Гелда. С. 2—3.
- ⁴³⁶ Беларускі нацыяналізм: Даведнік. Мінск, 2001. Беларускі дэсантны батальён «Дальвіц».
- ⁴³⁷ Беларускі нацыяналізм: Даведнік... Багдановіч, Глеб; Гінько, Янка; Жыхар, Аўген.
- ⁴³⁸ Беларускі нацыяналізм: Даведнік... Вітушка, Міхал; «Чорны кот».
- ⁴³⁹ Беларускі нацыяналізм: Даведнік... Барысаўскі партызанскі аддзел «Чорнага ката».
- ⁴⁴⁰ Ёрш С. У пошуках архіву Кастуся Езавітова // Беларускі Рэзыстанс. 2004. № 1.
- ⁴⁴¹ Чуев С.Г. Указ. соч. С. 201—204.

⁴⁴² Беларускі нацыяналізм: Даведнік... Беларускі дэсантны батальён «Дальвіц».

⁴⁴³ Кушаль Ф. Указ. соч.

⁴⁴⁴ Munoz A.J. *Forgotten Legions: Obscure Combat Formations of the Waffen-SS*. New York, 1991. P. 260, 261.

⁴⁴⁵ Кушаль Ф. Указ. соч.

⁴⁴⁶ Акула К. *Змагарныя дарогі*. Менск, 1994.

⁴⁴⁷ Уильямсон Г. *СС — инструмент террора*. Смоленск, 1999. С. 245—246.

⁴⁴⁸ Дуда А., Старик В. *Буковінський Курінь в боях за українську державність. 1918—1941—1944*. Київ — Чернівці, 1995. С. 151—153.

⁴⁴⁹ Кушаль Ф. Указ. соч.; Акула К. Указ. соч.

⁴⁵⁰ Кушаль Ф. Указ. соч.

⁴⁵¹ Некоторые авторы и мемуаристы утверждают, что Зиглинг находился целиком под влиянием Муравьева — весьма умного и хитрого человека. Познакомились они еще в Белоруссии в ходе формирования 57-го полицейского полка, когда Муравьев, работавший до войны простым учителем в Донецкой области, стал «украинским» командиром этой воинской части. О том, что именно через этого офицера Зиглинг смог наладить нормальные отношения со своими подчиненными, свидетельствует следующий факт. 20 апреля 1944 года личный состав 57-го полка приносил присягу, в которой, в частности, была фраза о борьбе «за создание свободных и независимых Украины, Белоруссии и России». Автором этой присяги с такими крамольными словами, скорее всего, был Муравьев — факт для того времени весьма и весьма многозначительный.

⁴⁵² Гардзiенка А. Вайскавец // *Наша ніва*. 2000. № 15 (172). 10—16 красавіка.

⁴⁵³ Этим термином в Третьем рейхе называли этнических немцев, которые на 1 сентября 1939 года проживали вне его территории.

⁴⁵⁴ Акула К. Указ. соч.

⁴⁵⁵ Munoz A.J. *Op. cit.* P. 261, 262, 263.

⁴⁵⁶ Шунков В.И. *Солдаты разрушения. Организация, подготовка, вооружение, униформа ваффен СС*. М.-Минск, 2001. С. 133.

⁴⁵⁷ Nafziger G.F. *The German Order of Battle: Waffen SS and Other Units in World War II*. Conshohoken, 2001. P. 158.

⁴⁵⁸ Munoz A.J. *Op. cit.* P. 269.

⁴⁵⁹ Munoz A.J. *Op. cit.* P. 271.

⁴⁶⁰ Munoz A.J. *Op. cit.* P. 275—277, 278.

⁴⁶¹ Nafziger G.F. *Op. cit.* P. 158.

⁴⁶² Munoz A.J. *Op. cit.* P. 264—265.

⁴⁶³ Хастингс М. Операция «Оверлорд». Как был открыт второй фронт. М., 1989. С. 232. Кстати, многие белорусские добровольцы только некоторое время пробыли среди французских партизан. На том основании, что до 1 сентября 1939 года более половины из них были гражданами Польши, их зачислили в ряды 2-го Польского корпуса генерала Владислава Андерса, который воевал в Италии в составе английских войск.

⁴⁶⁴ Дуда А., Старик В. Указ. соч. С. 154.

⁴⁶⁵ Bundesarchiv-Militärarchiv (далее — BA-MA), 30. Waffen-Grenadier-Division (russische Nr.2), RS 3-30/6, RS 3-30/8.

⁴⁶⁶ Шунков В.И. Указ. соч. С. 134, 146—147.

⁴⁶⁷ Munoz A.J. The Last Levy: SS Officer Roster, March, 1st, 1945. New York, 2001. P. 67—68.

⁴⁶⁸ Кушаль Ф. Указ. соч.

⁴⁶⁹ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. М., 2002. С. 777.

⁴⁷⁰ НАРБ, ф. 382, оп. 1, д. 20, л. 7.

⁴⁷¹ Кушаль Ф. Указ. соч.

⁴⁷² Если читатель помнит, этот офицер уже упоминался в связи со «Слуцким восстанием», события которого имели место в ноябре 1920 года. Только тогда он был еще штабс-капитаном Российской императорской армии.

⁴⁷³ Личный архив О.В. Романько, Статкевич Ф. Як судзілі Анто на Сокала-Кутылоўскага. С. 2.

⁴⁷⁴ Кушаль Ф. Указ. соч.

⁴⁷⁵ Кушаль Ф. Указ. соч.

⁴⁷⁶ Колесник А.Н. Грехопадение? Генерал Власов и его окружение. Харьков, 1991. С. 91.

⁴⁷⁷ Александров К.М. Офицерский корпус армии генерал-лейтенанта А.А. Власова. 1944—1945. СПб., 2001. С. 335—337.

⁴⁷⁸ Кушаль Ф. Указ. соч.

⁴⁷⁹ Акула К. Указ. соч.

⁴⁸⁰ Например, по этому условию выдачи в СССР не подлежали жители прибалтийских республик, а также уроженцы Западной Украины и Западной Белоруссии, которые до 1.09.1939 года не входили в его состав. Так, благодаря этой поправке, на Западе удалось остаться Францу Кушелю. Зачастую же эта поправка соблюдалась редко (во всяком случае, до середины 1946 года) и не сыграла никакой положительной роли в судьбе солдат 30-й белорусской дивизии.

⁴⁸¹ Романько О.В. Забытый урок Ялтинской конференции (к вопросу о насильственной репатриации членов «восточных» доброволь-

ческих формирований западными союзниками в СССР (1945—1947)) // Историческое наследие Крыма. 2005. № 9. С. 12—13, 18.

⁴⁸² Акула К. Указ. соч.

⁴⁸³ Романько О.В. Указ. соч. С. 18.

⁴⁸⁴ Чевела П. Восполнение потерь сухопутных войск фашистской Германии на советско-германском фронте в 1941—1945 // ВИЖ. 1984. № 12. С. 66.

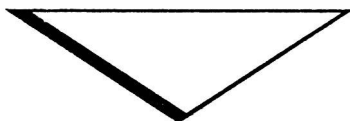
⁴⁸⁵ Если учесть, что средняя численность немецкой пехотной дивизии колебалась в 1939—1945 годах от 12 до 17 тыс. человек.

⁴⁸⁶ Акула К. Змагарныя дарогі. Менск, 1994.

⁴⁸⁷ Bundesarchiv-Militärarchiv, MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung), MSg 149/7. Bl. 147.

⁴⁸⁸ Правда, формирования из других национальностей действовали на территории Белоруссии иначе. Особенно этим «прославились» латыши, которые во время акций уничтожения прямо заявляли, что их целью является «уничтожить как можно больше русских» (к последним они причисляли и белорусов).

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	3
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ:	
коллорабационизм и политика германского руководства в годы второй мировой войны	7
ГЛАВА 1.	
Белоруссия в годы немецкой оккупации (1941—1944): Военно-политический взгляд на проблему	19
ГЛАВА 2.	
Белорусский национализм и его роль в процессе создания белорусских коллаборационистских формирований	52
ГЛАВА 3.	
Белорусские коллаборационистские формирования на территории беларуссии (1941—1944): Организация и боевое применение	146
ГЛАВА 4.	
белорусские коллаборационистские формирования в эмиграции (1944—1945): Организация и боевое применение	252
Вместо послесловия	285
Приложения	295
Приложение А	301
Приложение Б	303
Приложение В	316
Приложение Г	318
Приложение Д	329
Приложение Е	358
Список использованных источников и литературы	386
Перечень условных сокращений	402
Примечания	406

Научно-популярное издание
Военные тайны XX века

Романько Олег Валентинович

**КОРИЧНЕВЫЕ ТЕНИ В ПОЛЕСЬЕ.
БЕЛОРУССИЯ 1941—1945**

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.Н. Дмитриев*
Корректор *Г.Н. Страхова*
Дизайн обложки *Д.В. Грушин*
Верстка *М.А. Виноградов*

ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.012232.12.06 от 21.12.2006 г.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 29.09.2007. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «НьютонС». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 13,5. Тираж 5000 экз. Заказ № 6607.

Отпечатано с предоставленных диапозитивов
в ОАО «Тульская типография». 300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

КОРИЧНЕВЫЕ ТЕНИ В ПОЛЕСЬЕ

Подготовка белорусских коллаборационистов Третьим рейхом началась во второй половине 1930-х годов, когда при Министерстве внутренних дел Германии было создано Белорусское представительство. Вместе с наступающими частями немецкой армии в Белоруссию прибыли основные деятели белорусского националистического движения из эмиграции. В первый период войны деятельность коллаборационистов сводилась в основном к работе неполитических структур. Только 23 февраля 1944 года был издан приказ о создании Белорусской краевой обороны — военного формирования, которое к марту 1944 года уже имело в своем составе 45 батальонов.

В книге впервые, с привлечением обширного архивного материала, излагается история белорусского коллаборационизма, подробно рассказывается о его руководителях и вдохновителях, активно сотрудничавших с немецкими оккупационными властями.

XX военные
тайны
века

ISBN 978-5-9533-1909-6

9 785953 319096

